

P.K.

63.3(0)4

П30

101291

185. MOOR'S HANDBUCH DER
FAUNA DER TROPISCHEN
WORLDEN

проверка 1928 г.

14986

341125

в/к 101296

М.И.

Петров
Леонид
Н.Валентин

М

Ік. VIII. 362

Проф. М. Н. Петровъ.

(† 23 янв. 1887 г.).

ЛЕКЦИИ

ПО

ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

ТОМЪ II.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ообработанная и дополненная

Проф. В. К. Надлеромъ.

ХАРЬКОВЪ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Д. Н. ПОЛУЕХТОВА.

1888.

ВЪ КНИЖНОМЪ

МАГАЗИНЪ

Д. Н. ПОЛУЕХТОВА

продаются между прочими слѣдующія книги:

Багалѣй Д. И., Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства въ 16—18 столѣтіи, собранные въ разныхъ архивахъ. Х. 1886. 2 р.

— Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Т. I. Исторія колонизаціи. М. 1887. 3 р.; на веленевой бумагѣ 4 руб.

— Удѣльный періодъ и его значеніе. К. 1883. 30 к.

— Генеральная опись Малороссіи. К. 1883 30 к.

— Займанщина въ Лѣвобережной Українѣ XVII и XVIII. К. 1883. Ц. 30 коп.

— Основаніе г. Харькова. Х. 1886. 20 к.

Буцинскій П. Н., О Богданѣ Хмѣльницкомъ. Х. 1882. 1 р. 25 к.

Бузескуль В. П., Обзоръ нѣмецкой литературы среднихъ вѣковъ. Х. 1885. 40 к.

Деревицкій А. Н., Письменность на первыхъ шагахъ ея развитія. Х. 1887. 20 к.

— Михаилъ Назаровичъ Петровъ. Біографическій очеркъ. Х. 1887. Ц. 40 коп.

Надлеръ В. К., Двадцатипятилѣтіе царствованія Александра II. Х. 1885. 40 к.

— Меттернихъ и европейская реакція. Х. 1882. 2 р.

— Юстиніанъ и партіи цирка въ Византіи. Х. 1876. 1 р.

— Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. Т. I, II и III. 7 р. 50 к.

— Миѳический элементъ въ исторіи. Х. 1887. 30 к.

Нетушилъ И. В., Объ аористахъ въ латинскомъ языкѣ. Историко-морфологический этюдъ изъ области латин., отчасти также греч. и санскр. глагола. Х. 1881. 2 р.

— Латинский синтаксисъ. Х. 1880. 1 р. 50 к.

— Сокращенный синтаксисъ латинск. яз. Х. 1888. 75 к.

Куплеваскій Н. О., Проф. Государственная служба въ теоріи и въ дѣйствующемъ правѣ Англіи, Франціи, Германіи и Іспаніи. Х. 1888. 2 р.

Проф. М. Н. Петровъ.

(† 23 янв. 1887 г.).

Проверено 193

63.3(0)4

ПЗО

ЛЕКЦІИ

ПО

ВСЕМІРНОЙ ИСТОРИИ.

ТОМЪ II.

ІСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

~~Берінг полкъ~~ обработанная и дополненная

проф. В. К. Надлеромъ.

ХАРЬКОВЪ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА Д. Н. ПОЛУЕХТОВА.

1888.

36 ✓

ПРОВЕРЕНО

1962 г.

1955 г.

1972 г.

ПРОВЕРЕНО 2009

ПРОВЕРЕНО 2014

На основіні постановленія Історико-Філологіческого факультета
28-го Марта 1888 г. и согласно ст.: 27 § 1 п. 4 и ст.: 41 § 1 п. 4
печатать разрѣшается. Ректоръ Университета Ив. Щелковъ.

29-го Марта 1888 года.

101291

Бібліотека-
читальня
им. И.С. Тургенева

Предисловіе ко второму тому.

Второй томъ „Лекцій по всемірной исторії“ покойнаго проф. М. Н. Петрова, выходящій нынѣ въ свѣтъ, заключаетъ въ себѣ первую половину исторіи новаго міра, т. е. тысячелѣтнюю эпоху исторического развитія человѣчества, которую принято называть средними вѣками. По своему методу и характеру изложенія томъ этотъ мало отличается отъ изданной раньше исторіи древности: та же и даже большая сжатость, та же полнота содержанія, тѣ же превосходныя общія характеристики, то же сосредоточеніе вниманія на причинахъ, послѣдствіяхъ и значеніи событий и та же краткость въ изложеніи самыхъ фактовъ. Здѣсь покойный лекторъ въ полномъ смыслѣ слова даетъ non multa, sed multum, мастерски уясняетъ общій ходъ исторического прогресса, господствуетъ надъ фактами и подробностями, но не подчиняется имъ, не увлекается ими.

Но не одною только сжатостью и въ тоже время полнотою отличается курсъ средневѣковой исторіи проф. М. Н. Петрова, а еще и другимъ крайне рѣдкимъ, чтобы не сказать исключительнымъ, преимуществомъ. Исторія славянскаго міра, отодвигаемая до сихъ поръ на второй планъ въ громадномъ большинствѣ даже русскихъ учебниковъ и общихъ сочиненій по этому отдѣлу всемірной исторіи, стоитъ у М. Н. Петрова на первомъ планѣ, излагается, пожалуй, даже съ большою подробностью, нежели исторія западнаго, романо-германскаго міра, и, что самое главное, не стоитъ особнякомъ, какъ бы приставленная съ боку, подобно тому какъ прицепляется иногда чисто внѣшнимъ образомъ къ исторіи древности исторія Китая, а вводится органически въ изображеніе всеобщаго развитія человѣчества. Изъ книги Петрова, написанной впрочемъ вполнѣ объективно, всякий читатель вынесетъ самое ясное и опредѣленное понятіе о славянствѣ, какъ историко-этнографическомъ типѣ, о всемирно-исторической роли славянскаго племени, о тѣхъ принципахъ, которые легли въ основу исторической жизни славянскихъ народовъ и государствъ. И въ этомъ отношеніи покойный профессоръ въ общемъ и цѣломъ стоялъ на высотѣ со-

Продолжение

временной науки. За послѣднее время славяновѣдѣніе сдѣлало такие громадные успѣхи, научная литература этого предмета обогатилась такими многочисленными и выдающимися трудами, что не только въ Россіи, но и на Западѣ должна миновать наконецъ та пора, когда исторія славянства занимала въ изложеніи судебъ человѣчества одинокое положеніе и не приводилась въ тѣсную, внутреннюю связь съ общимъ движеніемъ всемирной исторіи.

При обработкѣ втораго тома приняты были за правило тѣ же общія начала, которыя лежали въ основаніи редакціи исторіи древности. Я старался удержать по возможности подлинный текстъ М. Н. Петрова въ томъ видѣ, какъ сохранился онъ въ собственной рукописи профессора и въ просмотрѣнныхъ имъ запискахъ его слушателей. Измѣненія и дополненія допущены только тамъ, где требовала этого сама необходимость и польза дѣла, и, если въ концѣ концовъ такихъ поправокъ и добавленій накопилось довольно много, то виною этому было не желаніе расширить книгу излишними подробностями, а единственно стараніе поставить изложеніе М. Н. Петрова на уровень современного исторического знанія и удалить изъ него все устарѣлое и ошибочное. При этомъ не должно упускать изъ виду, что лекціи Петрова по средней исторіи остались въ менѣе обработанномъ и законченномъ видѣ, нежели напр. его чтенія по древней исторіи, такъ какъ курсъ свой по этому отдѣлу покойный профессоръ читалъ не болѣе двухъ разъ и за послѣдніе десять лѣтъ не повторялъ и не передѣльвалъ его. Впрочемъ само собою разумѣется, что большинство принятыхъ мною измѣненій и добавленій относится къ частностямъ; изъ болѣе же крупныхъ и существенныхъ укажу на слѣдующія: а) отдѣль о феодализмѣ (стр. 28—35) передѣланъ совершенно; б) дополнены и значительно расширены главы о послѣдствіяхъ крестовыхъ походовъ (см. напр. стр. 148—153, 159—171) и объ италіанской образованности XIV и XV вв. (стр. 173—176), с) въ самомъ концѣ книги добавлена глава о переходной эпохѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ. Это послѣднее и самое обширное дополненіе вызвано было безусловно необходимостью упомянуть о такихъ явленіяхъ, какъ войны за Италию, въ которыхъ впервые выразилось совершенное измѣненіе международныхъ политическихъ отношеній средневѣковой Европы,—какъ наемничество, полное извращеніе католической іерархіи и, какъ протестъ противъ нея, проповѣдническая дѣятельность Савонаролы, наконецъ великія изобрѣтенія и открытия, преобразившія старый міръ въ новый.

Такъ какъ книга проф. М. Н. Петрова назначается преимущественно какъ руководящее пособіе для студентовъ и преподавателей среднє-учебныхъ заведеній, то я обратилъ особенное вниманіе на бібліографическую сторону, стараясь ориентировать читателя не только въ новой литературѣ, но и въ особенности въ источникахъ средневѣковой исторіи. Въ цѣломъ рядъ очерковъ и отдѣльныхъ подстрочныхъ примѣчаній я не только указалъ на важнѣйшихъ средневѣковыхъ авторовъ, но и далъ краткую характеристику какъ средневѣковой исторіографіи вообще, такъ и выдающихся ея произведеній въ частности, начиная съ лѣтописей Григорія Турскаго и хроники Фредегара и оканчивая произведеніями Оттона Фрейзингенскаго, Виллани, Фруассара, Коммина и Длугоша. Что касается позднѣйшей литературы, то здѣсь приведены лишь выдающіеся ученые труды, и только сочиненія русскихъ ученыхъ перечислены съ возможно болѣею подробностью.

Для обозначенія того, что въ предлагаемой нынѣ вниманію публики книгѣ принадлежить моей редакції, приняты мною два знака: въ текстѣ всѣ мои добавленія отмѣчены прямymi скобками [], въ примѣчаніяхъ къ нему—начальною буквою моей фамиліи.

Въ видѣ особаго приложенія къ настоящему тому присоединенъ мною переводъ небольшаго отрывка изъ только что вышедшей въ свѣтъ восьмой части „Всемірной исторіи“ Леопольда Ранке. Отрывокъ этотъ, заключающій въ себѣ по моему мнѣнію самую лучшую въ ученой литературѣ оцѣнку всемірно-исторического значенія средневѣковой эпохи, по своему философскому содержанію вполнѣ сооствѣтствуетъ общему, идейному характеру издаваемому нами курса и притомъ служитъ къ уясненію именно того отдела, который въ настоящихъ „Лекціяхъ“ изложенъ сравнительно наиболѣе скжато и кратко: я разумѣю исторію романо-германскаго міра. Въ виду этого наше прибавленіе врядъ ли покажется кому-либо излишнимъ,—особенно если вспомнить, что покойный профессоръ Петровъ былъ одпимъ изъ первыхъ въ ряду русскихъ ученыхъ, впервые обратившихъ должное вниманіе на громадное значеніе трудовъ великаго германскаго историка и его школы (см. напр. его книгу „Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи“, стр. 74 и сл.), и что на полный русскій переводъ названного сочиненія Ранке разсчитывать очень трудно, если не вовсе невозможно.

Въ заключеніе своего предисловія не могу не выразить самой искренней признательности приватъ-доцентамъ харьковскаго университета А. Н. Де-

ревицкому, оказавшему мнѣ дѣятельную помощь при обработкѣ этого тома „Лекцій“, и В. П. Бузескулу, также немало содѣйствовавшему мнѣ своими библіографическими указаніями и составленіемъ подробныхъ примѣчаній для исторіи Виклефа (стр. 223) и Гуса (стр. 248 сл.).

Профессоръ В. Надлеръ.

8 марта 1888 г.

ПОПРАВКИ¹⁾.

Напечатано:

Стр. 8	строка 12	снизу:	Авг. Тьери	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
" 9	" 7	"	до конца VI столѣтія	Авг. Тье́ри.
" 11	" 9	сверху:	у подошвы и	до конца XI столѣтія
" 13	" 16	"	коренного	у подошвы Карпатовъ и
" 17	" 8	снизу:	калифатъ	коренного
" 18	" 18	"	Теодориха остготского	халифать
" 20	" 16	"	Мартинѣ турскомъ	Теодориха Остготского.
" 32	" 2	"	попавшимся	Мартинѣ Турскомъ.
" 33	" 5	"	своимъ сюзеренамъ	попавшимъ
" 35	" 6	"	всего 7 томовъ	своему сюзерену
" 40	" 20	сверху:	держутся	всего 8 томовъ
" 40	" 10	снизу:	2 тома	дежрятся
" 44	" 14	сверху:	верхней	первые 2 тома
" 45	" 4	снизу:	между,	Верхней
" 51	" 2	сверху:	{ на западѣ	между
" "	12	"	збивчивость	на Западѣ
" 57	" 8	"	Генрихъ III франконскій	сбивчивость
" "	16	снизу:	Weingold, Aldnordi-	Генрихъ III Франконскій
" 63	" 1	"	scher Leben	Weinhold, Altnordi-
" 64	" 18	"	западѣ	sches Leben
" 66	" 4	"	самаго	Западѣ
" "	2	"	Тьери	самого
" 78	" 2	"	Pilgerstürme	Тье́ри
" 99	" 11	"	Реги но	Bilderstürme
" "	3	"	Prahy	Регино
" 137	" 3	"	Chronique inédite gréco-	Prahy
			romaine	Chroniques inédites gré-
" 146	" 11	"	Денистъ	co-romaines.
" 158	на поляхъ:		i) Литература и искус-	Денифль
			ство.	i) Литература.
" 197	строка 8	снизу:	Baucicaut	Boucicaut
" 200	" 1	сверху:	Poujalat	Poujoulat
" "	12	"	Boutarique	Boutaric

¹⁾ Изъ числа замѣченныхъ опечатокъ и недосмотровъ здѣсь указываются лишь важнѣйшіе.

Стр. 210 строка 10 снизу:	1395 г.	1397 г.
” 217 ” 1 ”	Vanderkinder	Vanderkindere
” 233 ” 10 сверху:	благостоянія	благосостоянія
” 237 ” 5 снизу:	Босико	Бусико
” 239 ” 2 ”	Die Eroberung	Die Eroberungen
” 245 ” 8 сверху:	безпрестано	безпрестанно
” 251 ” 11 снизу:	такъ такъ	такъ какъ
” 254 ” 18 ”	Бѣлогорское	Бѣлогорское
” 268 ” 14 ”	Саманъ-Схаценъ	Сананъ-Схаценъ
” ” ” 2 ”	историко графич.	историкографич.

Въ литературныхъ указаніяхъ не упомянуты слѣдующія сочиненія:

Стр. 14 (примѣч.): на русскомъ языкѣ о колонахъ имѣется книга Родбертуса (перев. съ нѣм.) и статья Грэвса въ Ж. М. Н. Пр. 1886, XI — XII.

Стр. 39: О Титмарѣ Мерзебургскомъ см. по русски диссертацио Фортинскаго.

Стр. 50 (въ литературномъ указаніи): Надлеръ „Адальбертъ Бременскій.“

Стр. 144 (примѣч.): одно изъ наиболѣе крупныхъ сочиненій по вопросу о схоластикѣ — трудъ Вернера (въ 3 томахъ).

Стр. 182 (примѣч.): лучшая исторія Австріи въ настоящее время принадлежитъ Губеру (въ сборникѣ Геерена, Уккерта и Гизебрехта: „Gesch. der europäischen Staaten“).

Стр. 191 (литер. указ.): о Карлѣ IV есть нѣсколько монографій на нѣм. яз., напр. сочиненія Фридъюнга и Верунскаго.

Г.Б.Ч.Т.

О ГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРАГО ТОМА.

Предисловіе ко второму тому (I—IV).

Поправки (V—VI).

Исторія новаго міра.

Отличіе новаго міра отъ древняго. Стр. 1—4.

I. Средніе вѣка.

Характеръ среднихъ вѣковъ (6). Периоды средневѣковой исторіи (9). Общій видъ историч. міра въ эпоху распаденія западной имперіи (10). Способъ германскихъ завоеваній. Переселеніе народовъ (12). Происхожденіе романскихъ народностей (14). Механизмъ историч. движенія въ средніе вѣка (18).

Періодъ первый.

Время происхождения новыхъ государствъ Европы и Азии.

A. Романскіе и германскіе народы. Стр. 18—69.

Недолговѣчность большей части первыхъ германо-романскихъ государствъ (18). Франки (19). Меровінги (21). Карлъ Великій (23). Обособленіе трехъ главныхъ западно-европейскихъ народностей (27). Феодализмъ (28). Церковь (36).

1) Германія при саксонскихъ и франконскихъ императорахъ.
Стр. 38—59.

Территоріальный и этнографический составъ герм. государства (40). Распространеніе германизма при саксонской династії (41). Пріобрѣтеніе императоровъ франконского дома (43). Внутреннее устройство государства (44). Возведеніе папства (50). Споръ за investituru (58).

2) Романскія государства, выдѣлившіяся изъ имперіи
Карла Великаго. Стр. 59—62.

Франція (59). Италія (61).

3) Норманскій элементъ. Стр. 62—69.

Англія (66).

В. Восточная Европа. Византійцы и Славяне. Стр. 69—117.

Отличія восточной Европы отъ западной (69).

1) Византійская имперія. Стр. 70—82.

Значеніе византійской имперіи (71). Исторія ся (71). Византійская образованность (80).

2) Славяне. Стр. 82—117.

Происхожденіе Славянъ (82). Географическое положеніе и распаденіе на племена (83). Архаический бытъ (86). Государства славянскія (90): 1) Болгарское (91); 2) Иллірійские Славяне (93); 3) Западные Славяне: а) Чехо-Моравы (98); б) Балтійские Славяне (103); с) Словинцы (106). 4) Восточные Славяне (108): а) Поляки (109); б) Русь (111). Внутренній строй старославянской жизни (115).

С. Азіатский Востокъ. Арабы. Стр. 117—130.

Аравія до Мохаммеда (118). Мохаммедъ (119). Первые халифы и распространение ислама (120). Расколъ мусульманского міра (121). Омайады (122). Аббасиды (123). Арабская образованность (124). Упадокъ и раздробленіе халифата (129).

Періодъ второй.

Время отъ крестовыхъ походовъ до исхода XV столѣтія.

I. Крестовые походы. Стр. 131—161.

Побужденія и поводы (131). Крестовая предприятія (133). Послѣдствія крестовыхъ походовъ (139): а) Реакція въ религіозномъ настроеніи (140); б) Церковь и папство (142); с) Наука и образованность (143); д) Феодальное дворянство и рыцарство (146); е) Городское населеніе. Промышленность и торговля (151); ф) Крестьяне (156); г) Евреи (157); h) Монархическая власть (158); i) Литература (158); k) Искусство (161).

II. Государства романо-германского Запада. Стр. 162—223.

Характеръ исторіи романо-германского Запада во 2-й половинѣ среднихъ вѣковъ (162).

1) Германія и Италія. Стр. 162—192.

Штауфены и ихъ историческая задача (162). Барбаросса (165). Генрихъ VI (169). Борьба императорства съ папствомъ (169). Иннокентій III и Фридрихъ II (170). Италія XIV и XV вв. (172). Ея образованность: а) Данте (173); b) Петрарка (174); с) Боккачіо (174); d) Италіанская исторіографія (175).

е) Искусство (175). Въкъ Медичеевъ (175). Упадокъ итальянской культуры (176). Германия послѣ Штауфеновъ (177). Габсбурги (182). Швейцарскій союзъ (185). Гогенцоллерны (186).

2) Франція и Англія. Стр. 192—209.

Общія замѣчанія (192): а) Франція (193). Капетинги и ихъ политика (193). Династія Валуа (195). б) Англія (200). Плантагенеты и развитіе представительныхъ учрежденій (201). Война алой и бѣлой розы (203). Взаимодѣйствія Англіи и Франціи (206).

3) Скандинавскія земли. Стр. 209—211.

Характеръ исторіи скандинавскаго сѣвера въ XIII—XIV вв. (209). Первенство Даніи (210). Кальмарская унія (210). Густавъ Ваза (211).

4) Государства Пиринейского полуострова. Стр. 212—223.

Возникновеніе пиринейскихъ государствъ (212). Особенности ихъ внутренняго устройства (214). Просвѣщеніе (215). Соединеніе Кастиліи и Арагоніи (215). Португалія (216). Общія черты въ развитіи романо-германской Европы во 2-й половинѣ среднихъ вѣковъ (216): а) Усиленіе монархіи (217); б) Упадокъ авторитета церкви (218); Расколъ зап. церкви (219). Костницкій соборъ (220). Базельско-флорентійскій соборъ (221). Антиклерикальныя явленія въ Англіи (222) и въ Италіи (223).

III. Восточная Европа и Азія. Стр. 223—241.

1) Византійская имперія и балканскіе Славяне. Стр. 224—241.

Комнены и Ангелы (225). Латинская имперія (227). Османскіе Турки (229). Южные Славяне въ XII — XIV в. (231): а) Второе болгарское царство (231); б) Сербы (232). Коссовская битва и ея слѣдствія (234). Угры (236). Нашествіе Тимура (237). Послѣднія судьбы Византіи (238): а) Флорентійская унія (238); б) Завоеваніе Константинополя Турками (239). Дальнѣйшія завоеванія Османовъ и ихъ вліяніе на судьбу европейскихъ государствъ (239).

2) Славяне западные и восточные. Стр. 241—276.

Чехи (242). Послѣдніе Пршемысловцы въ Чехіи (243). Германизація страны при Люксембургахъ (243). Народная оппозиція противъ чужеземцевъ (245). Гусь и гуситы (246). Базельскіе компактаты (247). Безкоролевье и Юрій Подѣбрадъ (247). Ягеллоны въ Чехіи (250). Чехія подъ властью Габсбурговъ (251). Грамота Величества (253). Тридцатилѣтняя война (254). Упадокъ Чехіи (254). Польша и Русь (255). Сходство и различіе ихъ исторіи (255): 1) Польша (257); Послѣдніе Пясты (257); Польша при Ягеллонахъ (259); Соединеніе ея съ Литвою (260); Внутренняя исторія Польши (262). 2) Русь (265). Татарское иго и его послѣдствія (265). Возвышеніе Москвы и князья-собиратели земли русской (267). Иванъ III (269). Иванъ IV Грозный (270). Преемники Грознаго (271).

Общія заключенія объ исторіи восточной Европы съ XII по XIII столѣтіе (275).

IV. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ. Стр. 276—296.

Характеристика переходной эпохи (276). Войны за Италию (277). Наемничество (279). Вырождение католической иерархии (280). Савонарола (283). Великія изобрѣтенія (284): а) Порохъ (284); б) Книгопечатаніе (285). Географическія открытия (286): а) Поводъ къ нимъ (286); б) Предпріятія Португальцевъ (288); с) Христофоръ Колумбъ и открытие Америки (289); д) Испанскія завоеванія въ Новомъ Свѣтѣ (292); е) Открытия Англичанъ, Французовъ и Голландцевъ (293). Всемирно-историческое значение великихъ открытий (294).

Приложение. Всемирно-историческое значеніе среднихъ вѣковъ (I—X).

мимъ Болландомъ, остальные его преемниками Даніиломъ Папебромъ, Готфридомъ Генштейномъ и другими. Издание не окончено и по настоящее время; всего вышло 57 фолиантовъ. Въ Италии издание и критическая разработка средневѣковыхъ памятниковъ предприняты были впервые кардиналомъ Барониемъ въ его „анналахъ римской церкви“ и Уггели и Коллети въ ихъ „Italia Sacra“ (Всего 10 т. 1717—1721 г.). Затѣмъ явился колossalный трудъ Л. А. Муратори, изданный отъ 1723—1751 г. подъ заглавиемъ „Scriptores rerum Italicarum“. Тутъ были собраны въ 21 фолиантѣ всѣ важнѣйшіе памятники средневѣковой исторіографіи. Во Франціи издание памятниковъ національной исторіи было начато конгрегаціею Св. Мавра въ 1738 г. Тогда явился первый томъ „Recueil des historiens des Gaules et de la France“. Издание не окончено и по сію пору, хотя уже издано болѣе 20 фолиантовъ. Въ Германіи послѣ первыхъ попытокъ Лейбница, Менкена, Фабриція и другихъ возникло по инициативѣ знаменитаго патріота барона Штейна издание „Monumenta Germaniae Historica“, далеко оставившее за собою всѣ предпріятія подобнаго рода, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по своимъ внутреннимъ научнымъ достоинствамъ. Все издание должно состоять изъ пяти отдѣловъ: I) Scriptores; II) Leges; III) Diplomata; IV) Epistolae; V) Antiquitates. Во главѣ предпріятія стоялъ долгое время К. Перцъ (до 1875 г.); теперь имъ завѣдуется цѣлая комиссія ученыхъ. Въ 1826 г. вышли первые два фолианта Scriptores, обнимающіе собою всѣ анналы каролингской эпохи; въ 1835—37 появились первые два тома Leges; въ 1839—41 гг. изданы были 3-й и 4-й томы Scriptores, заключающіе въ себѣ источники саксонской эпохи. Количество матеріяла возрастало по мѣрѣ приближенія къ позднѣйшимъ эпохамъ. Источники франконской эпохи заняли уже 8 фолиантовъ; еще большее количество ихъ потребовалось для эпохи Гогенштауфеновъ. Издание далеко не закончено еще и теперь, хотя издано уже болѣе 30 фолиантовъ. Въ Monumenta Germaniae впервые приложена была строго научная и чисто критическая система къ изданию средневѣковыхъ памятниковъ, примѣнявшаяся до тѣхъ поръ лишь по отношенію къ произведеніямъ классической древности. Особенно тщательное вниманіе обращено было на правильность и чистоту текста. Для каждого автора собранъ былъ, по возможности, весь рукописный матеріялъ, и въ основу издания полагалась самая лучшая рукопись. Источники каждой эпохи расположены въ Monumenta въ строго хронологическомъ порядкѣ; но продолженія никогда не отдѣляются отъ начального источника. Каждый памятникъ снабженъ, какъ лингвистическими, такъ и историческими примѣчаніями; а мѣста, заимствованныя изъ другихъ источниковъ, напечатаны особымъ шрифтомъ. Въ тѣсной связи съ Monumenta находятся другія ученые предпріятія, какъ то: издание отдѣльныхъ важнѣйшихъ авторовъ въ небольшомъ удобномъ форматѣ, назначающееся *in usum scholarum*; коллекція нѣмецкихъ переводовъ важнѣйшихъ авторовъ, предпринята сначала Перцомъ и продолжаемая въ настоящее время Ваттенбахомъ,— всего около 70 выпусковъ. Это издание весьма цѣнно, какъ по достоинству переводовъ, такъ и по введеніямъ и примѣчаніямъ, изъ которыхъ можетъ составиться впослѣдствіи прекрасная и строго научная исторія средневѣковой исторической литературы.

Понятно, что образцовое издание *Monumenta* вызвало соревнование, какъ въ Германії, такъ и въ другихъ образованныхъ странахъ Европы. Такие извѣстные германские ученые, какъ Бемеръ и Яффе, предприняли особыя издания средневѣковыхъ памятниковъ, первый подъ заглавиемъ „*Fon tes regum Germanicarum*“, второй подъ заглавиемъ „*Bibliotheca regum Germanicarum*“. Извѣстный историкъ К. Гегель, сынъ знаменитаго философа, началъ обширное издание хроникъ средневѣковыхъ германскихъ городовъ, обнимающее въ настоящее время уже около 20 томовъ. Другие ученые занялись изданиемъ провинциальныхъ источниковъ. Многе издали источники для истории Бадена, Лаппенбергъ—источники для истории Ганзы, Штенцель—источники для истории Силезии; Тѣппенъ и другіе собрали источники для истории Пруссии (*Scriptores regum prussicarum*). Въ Чехіи начало критической разработки источниковъ положено было извѣстнымъ Палацкимъ. Ендлихеръ началъ издавать источники Венгерской истории. Во Франціи было предпринято издание историковъ крестовой эпохи, пока еще далеко неоконченное. Источники византійской истории были издаваемы три раза,—въ Венеціи, Парижѣ и Боннѣ; послѣднее издание предпринято было по инициативѣ знаменитаго Нибура; оно снабжено латинскими переводами.

Лучшія пособія для изученія средневѣковой исторіографіи: W. Watt enbach, *Deutschland's Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte d. XIII Jahrhundert's*, 5 издание, 1885—86 г. Lorenz, *Deutschland's Geschichtsquellen im 13 u. 14. Jahrh.* 2 издание 1876 г. Potthast, *Bibliotheca historica Medii Aevi*, Берлинъ 1862 г. 2 изд. 1868; *Histoire littéraire de la France*, колоссальный трудъ, начатый Бенедектинцами въ 1733 и продолжаемый въ настоящее время французскою академіею. Всего вышло 24 тома.

Лучшими изъ извѣстныхъ за границей учебныхъ курсовъ средневѣковой исторіи считаются нѣмецкія сочиненія Кортюма, Шлоссера, Лео, Грубе „Characterbilder“, перев. и на рус. языке; изъ французскихъ—Лакруа и Перре. Кроме того въ нашей литературѣ можно указать на сборникъ отрывковъ средневѣковыхъ историческихъ памятниковъ, родъ средневѣковой хрестоматіи, составленной Стасюлевичемъ подъ заглавиемъ „Исторія среднихъ вѣковъ въ ея источникахъ и писателяхъ“; далѣе на „Картины средневѣковой жизни“ Густава Фрейтага, переведенные съ нѣмецкаго Корсакомъ, на „Очерки изъ всеобщей исторіи“ Петрова, на соответствующіе томы всеобщей исторіи Г. Вебера и на послѣдний трудъ геніального Л. Ранке, его „Weltgeschichte“, послѣдние томы которой, начиная отъ четвертаго, посвящены среднимъ вѣкамъ. Къ сожалѣнію, великий историкъ довелъ свой трудъ лишь до смерти императора Генриха IV-го. Вообще нельзя не замѣтить, что насколько богаты западныя литературы массами специальныхъ исследованій по средневѣковой исторіи, настолько онѣ бѣдны общими сочиненіями по этому отдѣлу всемирной исторіи. Н.

званныхъ такъ потому, что они составляютъ переходъ отъ древняго міра къ новому, уже вполнѣ сложившемуся. Дѣйствительно, главная характеристическая черта среднихъ вѣковъ есть всеобщая и повсемѣстная борьба, путемъ которой возникли и развились тѣ общественные учреждения, законы, нравы и понятія, которыми, конечно въ нѣсколько измѣнномъ видѣ, живемъ теперь и мы. Такъ въ религіозной сфере идетъ борьба христіанскихъ идей и понятій съ языческими. Но не въ одной области мысли идетъ этотъ бой: христіанскій міръ не только словомъ, но и мечемъ воюетъ съ языческимъ и магометанскимъ міромъ, отстаивая достоинство и торжество своей религіи. А съ другой стороны церковь борется съ свѣтскою властью за свои права. Наконецъ въ самой церкви идетъ горячій споръ ортодоксіи съ ересями, слѣпой вѣры съ пробуждающимъ разумомъ. Въ государствѣ—тоже не менѣе ожесточенная борьба между только что возникшими новыми сословіями и учрежденіями. Монархическая власть борется съ феодалами, феодалы—съ городами и земскими населеніемъ. Научное римское право сталкивается съ обычнымъ правомъ Германцевъ. Подобныя же явленія видимъ наконецъ въ наукѣ, искусствѣ и частной жизни.

О степени ожесточенности этой борьбы можно судить по рѣзкости противоположныхъ началъ, столкнувшихся въ Европѣ со времени покоренія ея Германцами и Славянами,— противоположности учрежденій и понятій римскихъ, германскихъ и христіанскихъ. Съ одной стороны идея о всемогуществѣ государства, о неограниченности единой и нераздѣльной верховной власти, разумное и всеобщее право, муниципальное устройство, какъ господствующая форма общественной жизни, утонченное общежитіе и внѣшній лоскъ многовѣковой цивилизаціи; съ другой—политическая дробность, мѣстное самоуправлениѣ, широкая личная независимость, владѣніе землей, связанное съ верховными надъ ней правами, подчиненность, основанная не на юридическихъ, а на нравственныхъ обязанностяхъ, преобладаніе сельской жизни надъ городской, насилия и дикость завоевателей; съ третьей—проповѣдь любви и самоотреченія, іерархія, основанная не на происхожденіи и крови, а на нравственныхъ достоинствахъ личности, возвышенные нравственные идеалы, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и теократическая тенденція. Надо было много времени и тяжкой борьбы, чтобы столь противоположныя начала посредствомъ взаимныхъ уступокъ и комбинацій могли сжиться, амальгамироваться и составить правильное общежитіе съ возможнымъ равновѣсіемъ интересовъ и обезпечеными успѣхами образованности. Оттого средніе вѣка, особенно

въ первой своей половинѣ, до крестовыхъ походовъ, представляются временемъ броженія, хаоса, насилия и невѣжества, что и подавало поводъ незрѣлой исторической литературѣ прошлаго вѣка нерѣдко относиться къ нимъ съ крайнимъ пренебреженіемъ, какъ это видно на сочиненіяхъ Вольтера, Робертсона, Гиббона и другихъ корифеевъ тогдашней исторіографіи. Даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія не могъ еще установиться болѣе здравый взглядъ на эту эпоху, такъ какъ въ литературѣ и обществѣ господствовалъ романтизмъ съ его реакціоннымъ характеромъ, съ его сильнымъ сочувствіемъ къ католичеству и феодализму, а потому и къ среднимъ вѣкамъ, когда господствовали эти явленія. Поэтому романтики съ главой своимъ Фр. Шлегелемъ также точно превознесли и идеализировали средневѣковую жизнь, какъ ихъ предшественники—раціоналисты несправедливо топтали ее въ грязь. А громадное вліяніе Вальтеръ-Скотта, относящееся къ этому времени, еще болѣе способствовало этой идеализаціи. Только съ появлениемъ историко-критической школы, основанной Нибуромъ, Эйхгорномъ и Савиньи, въ 20-хъ годахъ нашего вѣка начались болѣе серіозная разработка, а слѣдовательно и болѣе вѣрная оцѣнка исторіи среднихъ вѣковъ. Дѣло началось съ критическихъ изданій средневѣковыхъ лѣтописей и другихъ историческихъ памятниковъ, чѣмъ пополнены и отчасти исправлены были громадные труды этого рода, начатые еще въ XVII и XVIII в., особенно конгрегацію Св. Мавра и Болландистами. Такъ явился образцовый сборникъ Перца „Monumenta Germaniae historica“, послужившій возбудительнымъ толчкомъ и для другихъ изданій и предпріятій этого рода, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ Европы. И разумѣется, что масса обнародованного такимъ образомъ [матеріала дала ученымъ, подобнымъ братьямъ Я. и В. Гrimmaisъ, Л. Ранке, Гизебрехту, Вайтцу, Гизо, Авг. Тьери, Лелевелю, Палацкому и др. возможность изучать средніе вѣки съ такимъ запасомъ свѣдѣній, какихъ не имѣлъ никто изъ ихъ предшественниковъ; а идеи исторической школы, въ силу которыхъ каждая эпоха, какъ неизбѣжный фазисъ въ общемъ развитіи народной жизни, имѣть свое относительное историческое оправданіе, помогли имъ отнестись къ этому времени разумно и безпристрастно.

Трудами названныхъ ученыхъ разсѣяно множество заблужденій относительно среднихъ вѣковъ, созданныхъ какъ фанатизмомъ ихъ ненавистниковъ, такъ и слѣпымъ увлеченіемъ ихъ поклонниковъ, между прочимъ два нѣкогда весьма распространенныхъ заблужденія: во 1-хъ, будто средніе вѣки были временемъ грубости и варварства и, во 2-хъ, будто эпоха

эта отличалась глубокою религіозностью, — тогда какъ оба эти мнѣнія могутъ быть приняты только съ большими ограниченіями. Дикими и варварскими собственно могутъ быть названы только VII и VIII вв., когда умственная жизнь на западѣ Европы какъ бы совсѣмъ замираетъ, да X в., т. е. эпоха разложенія каролингского государства. Но со времени крестовыхъ походовъ появляется уже на Западѣ своеобразная цивилизация, не лишенная блеска и утонченности, а по окончаніи крестовыхъ войнъ, образованіе это усиливается до того, что дѣлаетъ возможными великия открытия и изобрѣтенія, которыми ознаменованъ исходъ XV в. Также точно и относительно религіозности среднихъ вѣковъ должно сказать, что приведенное мнѣніе сильно преувеличено: религіозный духъ, господствовавшій въ то время, нечуждъ былъ многихъ признаковъ чисто вицѣниаго пониманія и выполненія религіозныхъ требованій, причемъ практическая жизнь довольно мало руководилась христіанскими идеалами, [хотя конечно нельзя отрицать того, что на ряду съ набожностью болѣе вицѣниаго свойства, средніе вѣка богаты и проявленіями и чисто религіознаго, высоко христіанского духа. Стоитъ указать лишь на великихъ миссионеровъ христіанства, подобныхъ св. Августину, Бонифацию, Оттону Бамбергскому, на цѣлый рядъ великихъ подвижниковъ христіанской аскезы и морали, какъ на востокѣ такъ и на западѣ, на могучее мистическое теченіе, овладѣвшее умами въ концѣ XI в., чтобы убѣдиться въ этомъ]. Вообще, хотя разработка средневѣковой исторіи и не можетъ еще быть названа вполнѣ удовлетворительной, но въ виду общихъ усилій во всѣхъ образованныхъ странахъ къ розысканію и изслѣдованію средневѣковыхъ памятниковъ, къ составленію средневѣковыхъ коллекцій и музеевъ, къ учрежденію специальныхъ ученыхъ обществъ для изслѣдованія средневѣковаго быта, разработкѣ этой несомнѣнно предстоитъ блестящая будущность.

Тысячелѣтіе, известное подъ именемъ среднихъ вѣковъ, для удобства изученія можетъ быть разматриваемо въ двухъ большихъ періодахъ, отличающихся характеромъ явлений, ихъ составляющихъ. Первые шесть вѣковъ — до начала крестовыхъ походовъ, т. е. съ конца V до конца XI столѣтія, представляютъ хаотическую эпоху происхожденія новыхъ государствъ Азіи и Европы, подъ вліяніемъ христіанства въ послѣдней и ислама въ первой. Со временемъ же крестовыхъ походовъ, втеченіе остальныхъ четырехъ вѣковъ до исхода XV столѣтія, устанавливается въ Европѣ болѣе опредѣленный гражданскій бытъ и связанная съ нимъ своеобразная цивилизация.

*Періоды
средневѣко-
вой исторіи.*

Общій вид
историч.
мира въ
эпоху
распаденія
Зап. импе-
рии.

Карта древняго историческаго міра, т. е. бассейна Средиземнаго моря, въ концѣ V в. или въ эпоху распаденія западной имперіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Весь почти западъ и юго-западъ Европы занятъ различными племенами, утвердившимися здѣсь втченіе V в. Такъ на самомъ крайнемъ юго-западѣ,—въ древней Лузитаніи, нынѣшней Португаліи, поселились съ этого столѣтія Свевы, а на самомъ крайнемъ западѣ, т. е. въ древней Британіи, особенно по всему ея восточному берегу до горъ Каледонскихъ на сѣверѣ острова, Англосаксы, основавшіе здѣсь съ половины V вѣка семь небольшихъ государствъ, извѣстныхъ подъ именемъ англосаксонской гентархіи. Далѣе мы видимъ, что вся нынѣшняя Испанія или древняя Иберія и юго-западная часть Франціи или древней Галліи до Луары занята племенемъ Вестготовъ, утвердившихся здѣсь вскорѣ послѣ смерти Алариха, подъ предводительствомъ племянника его Атаульфа или Адолльфа, между тѣмъ какъ юго-восточная часть Галліи и особенно ронская долина досталась около того же времени другому германскому племени Бургундамъ. Къ сѣверо-востоку же отъ Вестготовъ и Бургундовъ, занимая сѣверную часть нынѣшней Франціи, всю теперешнюю Бельгию и сѣверо-западную Германію почти до Везера, живутъ Франки, основавшіе въ этихъ мѣстахъ съ 486 г. подъ предводительствомъ племенного вождя своего Хлодвига сильное государство. Рейнъ, прорѣзывающій эту область въ сѣверо-западномъ направлении, раздѣляетъ ихъ на двѣ племенные группы: Франковъ салическихъ—по лѣвой сторонѣ этой рѣки и рипуарскихъ по правой. Остальная за-тѣмъ часть теперешней Германіи—по Везеру до самой Эльбы, а равно и нынѣшняя Данія или древній Кимбрійскій полуостровъ заняты Фризами по морскому берегу, Саксами—по нижней Эльбѣ и Тюрингами и Алеманами—по верхней Эльбѣ и на истокахъ Дуная; между тѣмъ какъ Ругіи и Лангобарды заселяютъ верхнее теченіе этой послѣдней рѣки. Наконецъ вся Италія съ Сициліею, древняя Речія, Норикъ, Паннонія, Иллірія и южная Дакія, т. е. кромѣ Италіи вся юго-восточная Германія и сѣверо-западная часть Балканскаго полуострова, находятся во власти Остготовъ, смѣнившихъ на Апеннинскомъ полуостровѣ кратковременное владычество Одоакра и основавшихъ въ этихъ мѣстахъ съ 493 г. обширную державу подъ предводительствомъ племенного короля своего Теодориха или Дитриха. Затѣмъ въ нынѣшней Румыніи, составлявшей въ древности сѣверную Дакію, господствовало племя Гепидовъ. А если мы присоединимъ еще сюда Вандаловъ на сѣверо-западномъ берегу

Африки, т. е. на земляхъ древней Мавретаніи, Нуридіи и Карѳагена, перешедшихъ сюда съ 430 г. изъ южной Испаніи подъ предводительствомъ Гейзераха и основавшихъ здѣсь государство, то и получимъ полную картину разселенія германскаго племени тотчасъ послѣ паденія имперіи на западѣ.

2) Восточная Европа отъ Эльбы далеко за Днѣпръ занята славянскими племенами. На сѣверѣ, по балтійскому побережью, у соединенныхъ Германцевъ Славяне извѣстны въ это время подъ именемъ Вендовъ, а на югѣ, у подошвы и по среднему Дунаю, гдѣ они подчинены то Остготамъ, то Гепидамъ, то Византійцамъ и большую частью съ ними смѣшаны, начинаетъ проявляться уже и имя Славянъ, какъ общее обозначеніе всего этого племени. Но государствъ славянскихъ еще пѣтъ: они являются позже.

3) Остальное затѣмъ побережье Средиземнаго моря — Греція, Фракія, Малая Азія, Сирія и Египетъ—составляютъ по прежнему восточную или византійскую имперію.

4) Наконецъ древне-историческая Азія, не прилегающая къ Средиземному морю,—отъ Евфрата до Инда и отъ Персидскаго залива до Окса, находится вся почти во власти Персовъ и составляетъ ново-персидскую державу.

За предѣлами этого міра виднѣются уже одни только полуостровы или варварскіе народы разнаго происхожденія: кельтическіе Пикты и Скотты въ нынѣшней Шотландіи, въ древности Каледоніи; Кельты же по прежнему господствуютъ и въ Ирландіи, а также въ Валлісѣ и Корнуоллісѣ. На полуостровахъ Скандинавскомъ и Датскомъ искони живутъ морскіе германскіе народы—Готы, Юты, Датчане, начиная мало по малу обозначаться у своихъ континентальныхъ соплеменниковъ общимъ именемъ сѣверныхъ людей—Норианновъ. Сѣверъ и сѣверо-востокъ Европы заняты малоизвѣстными литовскими и финскими племенами, а юго-востокъ ея—народами тюркскаго и скиескаго происхожденія. Между первыми—Болгары по нижнему Дону и Волгѣ, а между вторыми—Аланы въ области нынѣшняго Кавказа выдвигаются въ исторіи замѣтнѣе другихъ. Далѣе—сѣверную границу персидской державы облегаютъ монгольскіе кочевники Турана; за Индомъ далеко на востокъ простирается таинственная для древнихъ Индія; а на крайнемъ азіатскомъ востокѣ — чуть извѣстный только по имени Китай. Старинныя цивилизациіи обѣихъ послѣднихъ странъ стоять по прежнему особнякомъ, не сливаясь съ общимъ движениемъ исторіи. Наконецъ на югѣ замѣтнѣе другихъ становятся Арабы или Сарацины.

*Способъ германскихъ завоеваний.
Переселение народовъ.*

Германскія завоеванія въ провинціяхъ западной римской имперіи, какъ относительно количества водворившагося германскаго населенія, такъ и относительно самого способа водворенія, происходили весьма различно. Да и самыи процессъ этого водворенія былъ чрезвычайно продолжителенъ, такъ какъ начавшись съ V в., когда въ большихъ массахъ нахлынули германскія племена на римскія области, онъ продолжался еще много вѣковъ и впослѣдствіи. Новые народы частью завоевали эти области, какъ Остготы Италію, а Франки сѣверную и среднюю Галлію, частью заняли ихъ въ силу добровольной уступки безсильнымъ правительствомъ имперіи послѣднихъ временъ, какъ случилось это напр. при поселеніи Вестготовъ въ южной Галліи, частью же утвердились въ нихъ посредствомъ медленнаго и постепенного процесса германской колонизаціи, продолжавшагося несолько столѣтій, какъ это было напр. въ Британіи и даже Галліи, гдѣ и послѣ завоеванія Хлодвига долго еще шли изъ-за Рейна германскія эмиграціи. Понятіе о переселеніи народовъ, столь употребительное въ исторіи, никакъ не слѣдуетъ такимъ образомъ ограничивать однимъ только V столѣтіемъ, такъ какъ народныя передвиженія не только въ малыхъ, но даже и въ большихъ размѣрахъ мы видимъ долго еще и въ послѣдующее время. Такъ во второй половинѣ VI в. верхняя и средняя Италія подверглась нашествію нового германскаго племени Лангобардовъ, въ VII в. въ Испаніи утвердились Арабы, а въ придунайской Мэзии—Болгары, въ IX в. стали утверждаться въ Англіи Датчане и другіе Норманны и послѣдовало переселеніе Мадьяръ или Угревъ въ древнюю Паннонію, въ XI в. французскіе Норманны завоевали Англію и водворились въ ней и даже въ половинѣ XV в. турецкая орда нахлынула изъ Азіи и, разрушивъ греческую имперію, разселилась по Балканскому полуострову. Переселеніе народовъ есть, слѣдовательно, общее явленіе, характеризующее средніе вѣка и отличающее ихъ отъ трехъ послѣднихъ столѣтій новой исторіи, когда народы настолько прочно усѣлись уже на своихъ мѣстахъ, что, хотя завоеванія ихъ однихъ другими и остались еще возможными, но мы не видимъ уже передвиженія цѣлыхъ народныхъ массъ, какъ это бывало нерѣдко въ переходномъ средневѣковъ тысячелѣтій.

Затѣмъ для вѣрнаго понятія о такъ называемомъ переселеніи народовъ не должно воображать себѣ, что всегда съ мѣста на мѣсто переселялись цѣлые народы. Такія переселенія случались въ исторіи очень рѣдко и конечно возможны были только у небольшихъ племенъ, какими были, напр., Бургунды и Лангобарды, имя которыхъ послѣ ихъ переселе-

нія на римскую землю въ самой Германіи уже совершенно исчезаетъ. Большею же частью двигались и переселялись только племенные ополченія, какими были напр. полчища Радегайса и толпы варваровъ, нахлынувшія въ Галлію въ началѣ V в., хотя ополченія эти обыкновенно забирали съ собой женъ, дѣтей и имущество. Такъ были совершены всѣ почти германскія завоеванія на римской почвѣ. Но такъ какъ ополченія эти не могли быть очень многочисленны, то упроченіе обширныхъ и много-людныхъ странъ завоеванныхъ могло быть достигнуто не иначе, какъ постепеннымъ наплывомъ новыхъ пришельцевъ путемъ послѣдующей колонизаціи изъ германской родины, если эта родина была близко. Такимъ образомъ успѣли прочно утвердиться на первоначально завоеванныхъ земляхъ только Франки въ Галліи и Англосаксы въ Британіи, потому что въ этихъ странахъ, непосредственно соседнихъ съ Германіею, населеніе завоевателей могло подновляться рядомъ свѣжихъ оттуда переселеній. Напротивъ завоеванія Германцевъ, географически отдаленныхъ отъ ихъ коренного отечества, какъ-то въ Италии, Испаніи, Африкѣ — не могли утвердиться на долго, и государства, тамъ основанныя, имѣли лишь эфемерное существование. Наконецъ надо еще замѣтить, что племенные имена германскихъ завоевателей не нужно принимать слишкомъ буквально. Такъ, если говорится, что Франки завоевали среднюю Галлію, то не слѣдуетъ выпускать изъ виду, что самое имя Франковъ обозначаетъ собою нѣсколько различныхъ германскихъ народовъ, являющихся въ эпоху Тацита подъ своими собственными именами (Хатты, Херуски, Марзы и проч.). Вообще нашествія цѣльныхъ, сплошныхъ германскихъ племенъ, какимъ было, напр., остготское завоеваніе Италии, были чрезвычайно рѣдки; большо же частью то, что называется переселеніемъ Англосаксовъ, Вандаловъ, Бургундовъ и пр., было нашествіемъ сбродныхъ ополченій на разныя части римской территории, ополченій, въ которыхъ тѣ или другіе элементы играли только преобладающую роль ¹⁾.

¹⁾ Къ сказанному въ текстѣ о способѣ и характерѣ германскихъ завоеваній и переселеній можно добавить еще слѣдующее: движение варваровъ въ имперію началось еще задолго до такъ называемаго великаго переселенія народовъ. Сама имперія пала не столько вслѣдствіе завоеванія, сколько вслѣдствіе постепен-наго наполненія ея варварскими элементами. Уже съ первого вѣка по Р. Хр. Германцы и иные варвары начали попадать цѣльми массами въ имперію частью въ видѣ военно-плѣнныхъ, частью добровольныхъ переселенцевъ. Число военно-плѣнныхъ доходило иерѣдко до колоссальныхъ цифръ нѣсколькихъ сотъ ты-сячъ человѣкъ. Они пополняли собою сословіе рабовъ; изъ нихъ составился так-же тотъ чрезвычайно важный классъ римского населения, который извѣстенъ

Происхож-
дение ро-
манских
народно-
стей.

Итакъ завоевательное германское населеніе распространилось по римскимъ землямъ далеко неравномѣрно. Самыя густыя массы его легли, разумѣется, въ сосѣднихъ съ Германіею областяхъ. Но чѣмъ далѣе на югъ и на западъ отъ Рейна, этой исконной граничной рѣки германского племени, тѣмъ оно становится рѣже и малочисленнѣе. Оттого въ Италии, Испаніи и южной Галліи пришлый германскій элементъ очень скоро под-

подъ именемъ колоната. Колоны могутъ быть сравниваемы съ германскими липами, т. е. полусвободными, частью съ позднѣйшими крѣпостными. Они считались лично свободными, но жили на государственныхъ и частныхъ земляхъ, платили извѣстные налоги, отправляли опредѣленныя работы и поставляли рекрутъ для легионовъ. Число колоновъ доходило до нѣсколькихъ миллионовъ; особенно въ большомъ количествѣ жили они въ пограничныхъ провинціяхъ, где древнее населеніе исчезло совершенно вслѣдствіе войнъ. Варвары переселялись въ имперію, начиная съ первого вѣка, и добровольно. Огромное количество ихъ поступало ежегодно въ римскую военную службу, такъ какъ туземное населеніе имперіи или становилось негоднымъ для отбыванія воинской повинности вслѣдствіе физического и нравственного вырожденія, или же уклонялось отъ нея подъ различными предлогами. Сначала изъ варваровъ формировали отдѣльные вспомогательные отряды, а впослѣдствіи ими начали пополнять легіоны. Въ IV и V вв. римская армія превратилась совершенно въ армію варварскую. Уже въ концѣ IV-го вѣка варвары начали занимать высшія мѣста въ военной іерархіи и командовать имперскими арміями; а въ V в. мы уже встрѣчаемъ варваровъ въ роли первыхъ министровъ, верховныхъ полководцевъ и правителей имперіи. Для примѣра укажемъ на Стилихона, Гайнаса, Рецимера. Въ то время, когда варвары наполняли собою рабскій пролетаріатъ, колонатъ и армію, цѣлые германские народы переселялись съ согласія римского правительства въ опустошенныя римскія провинціи. Такъ уже при Маркѣ Авреліѣ, въ концѣ II в., переселились въ дунайскія провинціи сотни тысячъ Квадовъ, Маркомановъ, Сарматовъ и Язиговъ (послѣдніе два народа были несомнѣнно славянскіе); такъ въ IV в. перешли въ римскую Паннонію Вандалы, поселились въ Мэзии Малые Готы. Вестготы, тѣснимые Гуннами, перешли на Балканскій полуостровъ также съ согласія имперскаго правительства. Впослѣдствіи имъ отведены были земли въ Илліріи, а затѣмъ въ южной Галліи и Испаніи. Бургунды заняли ронскую долину также въ качествѣ друзей и союзниковъ римскаго народа.

Такимъ образомъ огромная часть римской имперіи была занята варварами не вслѣдствіе завоеванія, а путемъ болѣе или менѣе мирнаго и легальнаго переселенія. Самыя завоеванія варваровъ совершены были не дружинами, какъ думали это прежде, а цѣлыми народами или народными ополченіями. Характеръ завоеваній и участъ покоренныхъ туземцевъ были различны, смотря по степени развитія завоевателей. Остготы, Вестготы, Бургунды и даже Вандалы, усвоившіе себѣ до извѣстной степени римскую культуру и принявши христіанство, отнеслись къ покореннымъ Римлянамъ, говоря вообще, довольно мягко. Они оставили имъ ихъ законы и учрежденія, взяли лишь извѣстную часть земли и пы-

чинился нравственному и числовому превосходству образованныхъ по-римски туземцевъ. Но и завоеватели, какъ племя господствующее, удержали вліяніе политическое. Изъ смѣшнія этихъ двухъ стихій — покорителей и побѣжденныхъ, Германцевъ и Римлянъ, образовались новые народы романскіе, названные такъ потому, что въ ихъ образованіи, учрежденіяхъ, языкахъ и нравахъ перевѣсь остался за римскою составною частью. Такимъ образомъ между V и XI в. незамѣтно возникли народности:

1) Итальянская на Апеннинахъ полуостровѣ, образовавшаяся изъ смѣшнія туземнаго населенія съ тремя слоями завоевательнаго германскаго—одоакровыхъ сбродныхъ дружинъ, Готовъ и Лангобардовъ, но несмотря на то съ сильнымъ перевѣсомъ римскаго элемента.

2) Народность испанская на полуостровѣ Пиринейскомъ, изъ смѣшнія иберо-римскихъ туземцевъ съ Вестготами и остатками другихъ германскихъ варваровъ, какъ то Свевовъ, Алановъ. Къ этому племенному составу съ XIII в. присоединился еще элементъ мавританскій или арабскій. Но и здѣсь также явный перевѣсь остался за основнымъ римскимъ началомъ.

3) Тоже можно сказать и о народности португальской, въ западной части полуострова, возникшей изъ туземнаго и наплывнаго свевскаго элементовъ.

4) Народность провансальская; мѣсторожденiemъ ея была южная Галлія, гдѣ бургундскій, вестготскій, а впослѣдствии и франкскій элементы

тались устроить свои государства по римскому образцу. Наоборотъ Саксы, Лангобарды и Славяне, грубые, свирѣпые варвары, вовсе не затронутые римскою цивилизациею, отнеслись къ побѣженнымъ съ безощадною жестокостью. Они уничтожали массами старо-римское населеніе, порабощали его своему владычеству и истребляли съ корнемъ античную культуру. Сердину между тѣми и другими завоевателями занимаютъ Франки. Относясь вообще съ большею мягкостью къ туземному населенію, нежели Саксы или Славяне, они основываютъ однаже свое государство на чисто варварскихъ, германскихъ началахъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, равно какъ и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ зарейнскою Германіею, которую Франки подчинили вскорѣ своему владычеству и откуда шель къ нимъ постоянный приливъ свѣжихъ силъ, нужно искать главной причины прочности и долговременнаго существованія франкской монархіи.

Лучшими пособіями для характеристики варварскихъ завоеваній и переселеній можно считать слѣдующія изслѣдованія: Рихтеръ, „Das Weströmische Reich“ Витерстгеймъ, „Geschichte der Völkerwanderung“, 2 изданіе, совершенно переработанное Даномъ; Ф. Данъ, „Die Könige der Germanen“ и его же „Urgeschichte der germanischen u. romanischen Völker“ (въ извѣстномъ сборникѣ Онкена). Н.

перемѣшались съ туземнымъ галлоримскимъ, уступивъ послѣднему замѣтный перевѣсъ, хотя и не столь сильный, какъ на полуостровахъ Пиринейскомъ и Апеннинскомъ. Впослѣдствіи провансальское образованіе распространилось и на съсѣднія страны—съверные части Испаніи и Италиі.

5) Народность французская, образовавшаяся въ средней и съверной Галліи изъ смѣси Галло-римлянъ съ Франками и другими германскими племенами, вошедшими въ франкскій военный союзъ. Народность эта была единственою изъ всѣхъ романскихъ, гдѣ побѣдители и побѣженные, элементы римской и германской, слились почти равномѣрно. И наконецъ

6) Народность румынская возникла въ древней Дакіи, т. е. нынѣшней Румыніи изъ сліянія туземныхъ Дако-римлянъ съ славянскими колонистами этихъ мѣстъ, но тоже съ сильнымъ перевѣсомъ римского начала.

Вмѣстѣ съ народностями, какъ ихъ главное выраженіе, развились конечно и языки романскіе,—итальянскій, испанскій, португальскій, провансальскій, французскій и румынскій. Развились они изъ смѣси различныхъ діалектовъ германскихъ съ языками латинскими, и только одинъ румынскій обязанъ, какъ мы видѣли, своимъ происхожденіемъ смѣси латинскаго и славянскаго. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что языкъ латинскій, послужившій общимъ основаніемъ для всѣхъ романскихъ нарѣчій, былъ не тотъ, который мы знаемъ по литературнымъ произведеніямъ римской древности—нѣть, это латынь народная, разнесенная по западной Европѣ римскими войсками и колонистами.

*Механизмъ
историч.
движения въ
средніе вѣка.*

Историческіе народы среднихъ вѣковъ по родству образованія и крови, какъ и по общности интересовъ, ихъ соединявшихъ, представляютъ слѣдующія группы: міръ романскій, міръ германскій, міръ славянскій, міръ византійскій и міръ восточный. По различию племенного характера, географическихъ условій странъ, доставшихся имъ во владѣніе, религій, которыя они исповѣдовывали, и свойства культурныхъ взаимодѣйствій между собою каждый изъ нихъ развилъ и цивилизацію съ особымъ характеромъ и имѣлъ особую судьбу. Въ ближайшей племенной, географической, религіозной и вообще культурной связи стоятъ народы романскіе и германскіе. Затѣмъ подобная же связь, хотя и не столь близкая, усматривается между племенами славянскими и восточной имперіею, такъ какъ Славяне духовно тяготѣли болѣе къ Византіи, чѣмъ къ міру романо-германскому. Что же касается Востока, то глубоко отдаленный отъ Запада племеннымъ, религіознымъ и культурнымъ различіемъ, онъ относится враждебно ко всѣмъ европейскимъ историческимъ группамъ, хотя, несмотря

на то, невольно и незамѣтно подчиняется ихъ культурнымъ вліяніямъ, особенно греко-византійскому, и самъ въ свою очередь вліяетъ на нихъ.

Въ первомъ періодѣ средневѣковой исторіи культурныя сношенія существуютъ только между Романцами и Германцами, Германцами и Славянами, между Славянами и Греками и между Греками и восточными народами. Напротивъ у народовъ самыхъ отдаленныхъ географически и духовно, напр. у Романо-германцевъ съ Греками и Востокомъ, сношенія эти еще слабы и рѣдки. И только со временемъ крестовыхъ походовъ и отчасти вслѣдствіе ихъ между всѣми пятью историческими группами завязывается тѣснѣйшее знакомство и постоянныя взаимодѣйствія. До того же времени мы видимъ эти взаимодѣйствія и сношенія только между непосредственными сосѣдями, отчего и успѣхи всемирного образованія въ это время столь слабы, что на первый взглядъ кажутся застоеемъ и даже скорѣе попятнымъ движениемъ. Но мы знаемъ уже, что по кореннымъ принципамъ, легшимъ въ основаніи исторической жизни новаго міра, а, стало быть, и среднихъ вѣковъ его существованія, міръ этотъ стоялъ гораздо выше классической древности. Только потому, что въ періодѣ до крестовыхъ походовъ принципы эти лишь еще зарождались, какъ зарождались и самыя гражданскія общества, гдѣ имъ суждено было развиваться, первая половина среднихъ вѣковъ и представляется временемъ смутнымъ и одичальнымъ.

Романская племена, какъ непосредственные наслѣдники всего римского образованія, ранѣе другихъ новыхъ народовъ достигаютъ сколько-нибудь устроенного гражданскаго быта и потому при началѣ новой исторіи играютъ первую роль. Германскія, хотя тоже съ самаго начала среднихъ вѣковъ являются въ Европѣ главными дѣйствующими лицами, но дѣйствуютъ долгое время какъ бы подъ руководствомъ болѣе образованныхъ Романцевъ: какъ самостоятельная историческая сила, Германия выступаетъ на сцену исторіи не ранѣе IX в. Наконецъ между VII и IX в. возникаютъ и славянскія государства, внося въ историческую жизнь новой Европы и новыя культурныя начала. Въ Азіи тоже не ранѣе VII в. основывается калифатъ арабскій и начинаетъ развивать свою своеобразную цивилизацию. Одна Византія съ начала и до конца среднихъ вѣковъ живеть самостоятельно культурною жизнью и въ первые вѣка новой исторіи обнаруживаетъ даже сильное образовательное вліяніе на Востокъ и на Западъ, которое впрочемъ съ теченіемъ времени постепенно слабѣетъ. Но Византійцы народъ не новый,—это уцѣлѣвшій обломокъ древняго міра, доживающій свои дни. Новыхъ началъ жизненныхъ не вносятъ они въ исторію почти никакихъ, такъ что первыми дѣятелями новой исторіи яв-

ляются романскіе народы. Съ нихъ мы и должны начать обозрѣніе перваго периода средневѣковой исторіи.

Періодъ первый.

Время происхожденія новыхъ государствъ Европы и Азии.

A. Романскіе и германскіе народы.

*Недолговѣч-
ность боль-
шой части
первыхъ
германо-ро-
манскихъ
государствъ.*

Изъ государствъ, первоначально основанныхъ Германцами на римской почвѣ, самое важное значеніе имѣютъ въ исторіи франкское въ Галліи и англо-саксонское въ Британіи, — такъ какъ они одни имѣли продолжительное существованіе, развили богатую и долговѣчную національную культуру, играли уже въ средніе вѣка въ Европѣ довольно вліятельную роль, живутъ и процвѣтаютъ еще и понынѣ. Прочія же германо-романскія государства очень скоро сопли со сцены, потеряли политическую независимость, и лишь немногія изъ нихъ имѣли кратковременный блескъ. Такъ господство Вандаловъ въ Африкѣ продолжалось съ небольшимъ сто лѣтъ; столь же эфемерно было и владычество Бургундовъ въ юго-восточной Галліи, а держава мудраго и образованнаго Теодориха остготского, несмотря на ея обширность и внутреннее благосостояніе, просуществовала немногимъ болѣе полувѣка. Политическая жизнь двухъ другихъ германо-романскихъ государствъ, лангобардскаго и вестготскаго, была нѣсколько продолжительнѣе. Лангобардское государство въ Италии прожило 200 лѣтъ, а вестготское въ Испаніи около трехъ столѣтій.

Главная причина недолговѣчности всѣхъ этихъ государствъ заключалась въ ихъ отдаленности отъ общей германской родины, затруднявшей новые притоки оттуда германского населенія, что, при малочисленности завоевателей, должно было повлечь за собою быстрое ихъ вырожденіе и упадокъ національного духа. Вторая же состояла въ томъ, что побѣдителей и побѣжденныхъ раздѣляла здѣсь кромѣ племенной вражды и глубокая религиозная рознь. Кромѣ Франковъ и Англосаксовъ всѣ германскія племена, разселившіяся на земляхъ западной имперіи, приняли христіанство по аріанскому закону, тогда какъ туземные жители занятыхъ ими странъ исповѣдывали католическую вѣру, что при тогдашнемъ фанатизмѣ въ дѣлѣ религіи составило неодолимую преграду къ сліянію завоевателей съ покоренными и, стало быть, къ установлению между ними правильнаго

общежитія. Вестготское и лангобардское государства потому только и прожили дольше другихъ, что Вестготы въ концѣ VI в., а Лангобарды сто лѣтъ спустя перешли изъ арианства въ католицизмъ, чтоб на иѣ-которое время и упрочило ихъ положеніе въ завоеванныхъ странахъ¹⁾.

Не таковы были условія исторической жизни Франковъ, и совсѣмъ Франки. Иная поэтому выпала имъ судьба²⁾.

Франки заняли прекрасную по климату и плодородію страну, въ средото-чії западной Европы, прилегающую къ двухъ важнѣйшимъ въ культурномъ отношеніи морямъ, орошаемую судоходными рѣками, текущими отъ центра къ периферіи края. Ни одна часть европейскаго материка не представляется та-кихъ удобствъ для всякаго рода сношеній, какъ эта. Правда, что претендентами на эту страну кромѣ Франковъ явились еще два германскихъ народа, Вест-готы и Бургунды. Но ихъ соперничество не могло имѣть успѣха по тѣмъ же причинамъ, которыя вообще сдѣлали большую часть первоначальныхъ германо-романскихъ государствъ недолговѣчными. Оба эти народа легко были покорены Франками, первый—при Хлодвигѣ, а второй—при сыновьяхъ его. Другое преимущество франкскаго государства предъ прочими германо-романскими состояло въ томъ, что въ составѣ его вошли самые разнообразные этнографические элементы—кельтскій, римскій и германскій разныхъ оттѣнковъ, и каждый внесъ свою долю въ общій составъ народ-ной и государственной жизни. Племенной характеръ Кельтовъ,—легкомыс-ленный, живой, впечатлительный и воинственный, сдѣлался господствую-щимъ основой и французского характера; тогда какъ общественные учреж-денія и право сложились подъ влияніемъ римскихъ и германскихъ началь. Отсюда полнота и типичность Франціи, представляющей собою какъ бы

¹⁾ Важнѣйшіе источники и пособія для исторіи германо-романскихъ государствъ: „Хроники“ Св. Еронима и Орозія; Кассіодоръ и Горданъ (исторія Готовъ); Просперъ и Исидоръ Севильскій (для исторіи Вестготовъ) и въ особенности сочиненія византійскаго историка Прокопія („Исторія войнъ,—персидской, вандальской и остготской“, „О постройкахъ Юстиніана В.“, и „Тайная исторія Юстиніана“). — Новыя изслѣдованія: Pappenkordt, „Geschichte der Wandalen“; Manso, „Geschichte der Ostgothen“; Aschbach, „Geschichte der Westgothen“, и въ особенности названные уже выше труды Ф. Дана. — Можно рекомендовать также рядъ превосходныхъ историческихъ романовъ того-же Да-на, гдѣ изображена чрезвычайно вѣрно и живо эпоха переселенія народовъ. Лучшими изъ этихъ романовъ должны считаться „Борьба за Римъ“ (великолѣп-ная картина паденія Остготовъ) и „Гелимеръ, послѣдній король Вандаловъ“ (русск. перев. въ „Вѣсты Евр. 1886“) Н.

²⁾ Важнѣйшими источниками для исторіи Франковъ служатъ Григорій Тур-скій и Фредегаръ. Григорій, епископъ турскій, жилъ во второй половинѣ

экстрактъ всей романо-германской Европы. Наконецъ третье благопріятное условіе заключалось въ томъ, что съ самаго же начала (496 г.) Франки приняли христіанство по католическому закону, что снискало имъ сочувствіе всего туземнаго населенія и особенно духовенства, какъ влітельнѣйшаго сословія, и облегчило имъ такимъ образомъ путь къ покоренію ненавистныхъ христіанскихъ владѣтелей южной Галліи. Съ другой стороны это же обстоятельство много способствовало успѣшному сліяню побѣдителей съ побѣженными,—сліяню, которое подвигалось такъ быстро, что, не будь новыхъ наплывовъ германскихъ пришельцевъ изъ-за Рейна, возобновлявшихся еще долго до завоеванія Хлодвига, разноплеменное населеніе страны уже въ VI и VII в. составило бы одинъ цѣльный народъ. Все это вмѣстѣ взятое доставило франкской державѣ первенствующее значеніе между всѣми континентальными германо-романскими государствами и создало ея долговѣчную и видную исторію.

VI-го вѣка. Онъ былъ слѣдовательно современникомъ королей Хильпериха, Зигеберта и Гунтрама, т. е. внуковъ Хлодвига. Втеченіе 21-го года онъ занималъ съ честью высокій санъ епископа турскаго, принималъ участіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ и церковныхъ вопросовъ и былъ свидѣтелемъ такихъ потрясающихъ событий, какъ междоусобная борьба между Хильперихомъ и Зигебертомъ и знаменитыми франкскими королевами Брунегильдою и Фредегондою. Сочиненіе Григорія, озаглавленное въ нѣкоторыхъ рукописяхъ „Церковная история Франковъ“ (*Historia ecclesiastica Francorum*), раздѣляется на 10 книгъ и по всему своему характеру походитъ скорѣе на записки (мемуары) современника, нежели на лѣтопись или хронику. Въ первой книгѣ своего труда Григорій даетъ очеркъ всемирной исторіи, преимущественно библейской, говорить затѣмъ объ основаніи галльскихъ церквей и сообщаетъ подробности о Св. Мартинѣ турскомъ. Во второй книгѣ Григорій разсказываетъ исторію Хлодвига, основателя франкскаго государства. Онъ пишетъ здѣсь на основаніи устнаго преданія; его точка зрѣнія на события чисто религіозна; Хлодвигъ побѣждаетъ лишь потому, что онъ является поборникомъ православія противъ аріанъ. Въ третьей книгѣ Григорій излагаетъ исторію сыновей Хлодвига, основываясь частью на живомъ преданіи, частью на краткихъ монастырскихъ лѣтописяхъ и документахъ, хранившихся въ турской церкви. Начиная съ четвертой книги, Григорій пишетъ, какъ очевидецъ и участникъ событий, и тутъ его изложеніе принимаетъ характеръ живыхъ и подробныхъ записокъ современника, лично знавшаго всѣхъ важнѣйшихъ дѣятелей эпохи, королей, епископовъ, герцоговъ, графовъ. Григорію недостаетъ самыхъ важнѣйшихъ достоинствъ историка: онъ не владѣетъ своимъ материаломъ, онъ не старается проникнуть во внутреннюю связь и смыслъ событий; онъ пишетъ простымъ, иногда грубымъ и ошибочнымъ языкомъ; но за то онъ старается говорить вездѣ только одну правду и никогда не исказяетъ преднамѣренно фактовъ. Его нравственное чувство не отличается особынною высотою: равнодушно раз-

Первая эпоха франкской истории до конца IX века представляет смутное время сложения французской национальности изъ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ, вошедшихъ въ ея составъ. Страна еще явственno состоить въ это время изъ четырехъ этнографическихъ частей: земли Франковъ рипуарскихъ, называющейся теперь Австразией, земли Франковъ салическихъ или Нейстрии, затѣмъ—Бургундіи и Аквитаніи или юго-западной Франціи, отнятой у Вестготовъ. Замѣтная племенная рознь раздѣляетъ еще эти части, но особенно сильно она обнаруживается между Австра-зіями и Нейстріями. Первые сохраняютъ еще во всей чистотѣ свой германскій характеръ, языкъ и обычай, и область ихъ у современниковъ называется *Francia Teutonica*. Вторые, какъ давніе переселенцы на римской землѣ, уже значительно романизировались, подчинились римскому обычая; земля ихъ называется поэтому *Francia Romana*. Противоположность эта сказывается во многихъ явленіяхъ тогдашней истории Франковъ: въ знаменитомъ соперничествѣ австразійской королевы Брунегильды съ нейстрійской Фредегондой, въ учрежденіи и силѣ майордомата, какъ представителя национальныхъ германскихъ интересовъ въ виду начинающагося преобладанія романизма, наконецъ въ замѣнѣ выродившихся нейстрійскихъ Меровинговъ австра-зійской династию Каролинговъ, на возвышение которыхъ на престоль

сказываетъ онъ такие ужасы и злодѣянія, при чтеніи которыхъ возмущается невольно теперешній читатель, но за то онъ даетъ намъ вѣрную картину времени, и мы можемъ спокойно положиться на его достовѣрность.

Григорій не нашелъ себѣ достойнаго продолжателя. Фредегаръ, жившій польвѣка спустя послѣ него, стоитъ неизмѣримо ниже Григорія и по образованію, и по общественному положенію. Занимая должность схоластика при какой то церковной школѣ, онъ зналъ однако-же очень плохо латинскій языкъ и употреблялъ всѣ флексии и окончанія, совершенно не понимая ихъ значенія. Первую часть своей книги Фредегаръ составилъ изъ извлеченій изъ хроникъ Иеронима, Иадція, Исидора и Григорія; во второй части онъ писалъ со словъ народной саги, обнаруживая при этомъ полнѣйшее отсутствие критического смысла и крайнюю легковѣрность. Его хроника доведена до 641 г.

Изъ другихъ источниковъ для истории Франковъ можно указать: *Gesta Francorum* неизвѣстнаго автора, сочиненіе, напоминающее по языку и характеру материала (сага) фронтику Фредегара; біографіи нѣкоторыхъ святыхъ, напр. Св. Колумбана и Галла, имѣющія значеніе преимущественно для бытовой стороны эпохи. Вообще вторая половина седьмого и первая половина восьмого вѣка есть время самого мрачнаго варварства и невѣжества. Умственная жизнь въ эту эпоху совершенно замираетъ. Литература исчерпывается краткими монастырскими анналами, баснословными легендами и сухими богословскими трактатами. Только дѣятельность Карла Великаго пробуждаетъ общество изъ его вѣковаго оцепененія и вызываетъ новый разцвѣтъ умственной жизни.

франкскій въ половинѣ VIII в. историки не даромъ смотрятъ, какъ на временную побѣду германскихъ началъ надъ римскими, почти какъ на новое германское завоеваніе Галліи. Въ политическомъ отношеніи франкское государство въ этомъ первомъ періодѣ своей исторіи еще не успѣло обособиться окончательно. Оно стоитъ въ самой близкой связи съ съѣдней Германіей, владѣетъ ея юго-западною частью, землей Алемановъ и Тюринговъ, имѣть вліяніе и на другія племена германскія, напримѣръ Фриговъ и Баваровъ. Зыбкіе предѣлы его съ этой стороны безпрестанно мѣняются, смотря по силѣ того, кто держитъ правительственную власть у Франковъ. Самое устройство государства представляеть пеструю, неорганическую смѣсь учрежденій римскихъ и германскихъ, еще не сладившихся, не слившихся между собою: тогда какъ церковь, города, отчасти даже сельское населеніе управляются на римскій ладъ и по римскимъ законамъ, духъ и формы высшаго правительства по преимуществу германскія. Власть послѣднихъ Меровинговъ, хотя освященная и помазанная церковью, совершенно ничтожна: роль ихъ ограничивается только почетомъ, дѣйствительная же сила—въ рукахъ ихъ майоръ-домовъ, ихъ министровъ двора, распоряжающихся королевскими землями. Ежегодныя собранія свободныхъ Франковъ, въ которыхъ участвуютъ также представители духовенства и королевскіе чиновники, облеченные законодательною властью и извѣстныя подъ именемъ Мартовскихъ полей, ограничиваютъ волю правительства. Но римскія идеи о всемогуществѣ государственной власти мало-по-малу прокладываютъ себѣ путь и въ этой области. Вообще эти идеи воспитываются варваровъ для новой гражданской жизни, которая началась для нихъ со времени водворенія на римской почвѣ. Знакомые лишь съ раздробленнымъ, общинынмъ бытомъ своей родины, они невольно подчиняются величественной и стройной римской гражданственности, которую они застали въ завоеванныхъ странахъ: такъ было съ Остготами въ Италіи, гдѣ Теодорихъ возстановилъ весь почти римскій общественный порядокъ, принявъ даже титулъ *Dominus Romanorum* и предоставивъ своимъ Готамъ, надѣленнымъ терціями, т. е. третью завоеванной земли, только военную службу и защиту страны; такъ было съ Бургундами и Вестготами въ южной Галліи, гдѣ римскія учрежденія оставлены были почти неприкосновенными; тоже самое видимъ

Пособія для исторіи Франковъ: Гизо, Ист. цивилизаціи во Франції; Тьери, Разсказы о временахъ Меровинговъ (есть и въ русскомъ переводѣ); Лебель, Григорій Турскій и его время (на нѣм. яз.); Вайтцъ, Deutsche Verfassungsgeschichte,—тomes 2, 3 и 4; Данъ (цитированныя уже сочиненія), Н.

мы и у Франковъ съ тою только разницей, что у нихъ между общественностью римскою и германской идетъ болѣе сильная борьба, такъ какъ и самый этнографический элементъ германскій былъ здѣсь сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ гдѣ либо, и притомъ онъ постоянно подновлялся приливами новаго населенія варварскаго изъ сосѣдней Германіи. Оттого въ исторіи начальныхъ учрежденій Франковъ столь замѣтны колебанія между римскими и германскими началами. При первыхъ Меровингахъ римскія учрежденія берутъ перевѣсъ, но уже въ VII вѣкѣ обнаруживается реакція германизма въ усиленіи майордомата, а въ слѣдующемъ — и въ новой династіи Каролинговъ. [Возвышеніе ихъ начинается уже со второй половины VIII-го вѣка. Первые представители этого дома, Пипинъ Ланденскій и Пипинъ Геристальскій, присвоили себѣ майоръ-доматъ сначала въ Австразіи, а затѣмъ въ Нейстрии. Карлъ Мартелль въ первой половинѣ VII в. принимаетъ уже титулъ майоръ-дома и герцога Франковъ; онъ наводняетъ Галлію германскими поселенцами, а Пипинъ Короткій, сынъ его, устраиваетъ послѣдняго Меровинга и съ одобренія всѣхъ Франковъ возлагаетъ на себя королевскую корону, опираясь при этомъ на религіозный авторитетъ римскаго епископа, который спѣшитъ признать новую династію, разсчитывая найти въ ней поддержку противъ своихъ враговъ Лангобардовъ]. Однако и Каролінги, первоначально обязанные своимъ возвышеніемъ противодѣйствію тевтонскихъ Франковъ романскимъ, достигнувъ престола при сильномъ содѣйствіи церкви, бывшей постояннымъ проводникомъ римскихъ государственныхъ понятій, мало-по-малу подчиняются этимъ понятіямъ. И уже сынъ основателя новой династіи Карлъ Великій пытается осуществить въ организації своей державы идеалъ римского государственного устройства, насколько это было возможно въ германскомъ мірѣ, котораго онъ сдѣлался повелителемъ. Возможность же эта, какъ увидимъ, была лишь весьма ограниченная.

Карлъ Великій счастливыми войнами, продолжавшимися болѣе 30 лѣтъ (768—714), подчинилъ франкскому господству всѣ почти племена германскія на континентѣ Европы — Лангобардовъ, Баваровъ, Саксовъ съ Фризами, а изъ инородческихъ — дикихъ Аваровъ на среднемъ Дунайѣ, славянскія племена къ востоку отъ Эльбы и Арабовъ съверной Испаніи. Для того, чтобы обеспечить эти владѣнія и защитить свое огромное государство отъ бродившихъ вокругъ него полудикихъ сосѣдей, онъ оградилъ его марками, т. е. линіями военныхъ укрѣплений и крѣпостей. Атлантический океанъ, Эльба, Дунай, Апеннины и Эбро стали границами его

владѣній. Область, въ нихъ заключенная, почти совпадала съ областью всего тогдашняго западнаго христіанства. Если государство Франковъ уже при первой своей династіи было смѣшаннымъ франко-германскимъ, то обширныя завоеванія Карла Великаго обратили его во всегерманское, причемъ Франція или Галлія была только главной составной его частью.

Понятно, что столь разноплеменныи составъ государства требовалъ и внутреннихъ связей, болѣе крѣпкихъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ держалось оно при Меровингахъ. И вотъ Карлъ вводить въ немъ по возможности однообразное административное устройство,—дѣлить его по племеннымъ оттѣнкамъ населенія на графства или округа подъ управлениемъ графовъ, какъ намѣстниковъ государя, облеченнныхъ исполнительной властью ¹⁾, между тѣмъ какъ судебная предоставлена выборнымъ шефамъ, творящимъ судъ по мѣстнымъ законамъ и юридическимъ обычаямъ ²⁾. Каждый округъ имѣть свои ежегодныя народныя собранія, гдѣ свободные люди съ участіемъ духовенства и администраціи совѣщаются о мѣстныхъ нуждахъ и интересахъ, чтобы доводить о нихъ до свѣдѣнія центральнаго правительства. Церковное управление организовано аналогически съ государственнымъ, и предѣлы епископій почти вездѣ совпадаютъ съ административными округами; но судъ и управление церкви гораздо однообразнѣе, потому что основаны на общемъ римскомъ каноническомъ правѣ. Марки поручены военнымъ начальникамъ маркграфамъ, облеченнымъ болѣе широкими полномочіями, чѣмъ обыкновенные графы. Важнѣшими изъ такихъ марковъ были: испанскій—по ту сторону Пиринеевъ, аварскій, давшій свое имя нынѣшней Австріи,—на среднемъ Дунаѣ, и къ востоку отъ Эльбы—рядъ марковъ славянскихъ въ землѣ Вендовъ, т. е. западныхъ Славянъ, между которыми различаются уже въ это время племена Вильцовъ (Лютичей), Оботритовъ, Сорбовъ.

Единство администраціи и общегосударственныхъ интересовъ этой громадной монархіи поддерживалось, во-первыхъ, ежегодными государственными сеймами, извѣстными подъ именемъ Майскихъ полей, гдѣ графы и другіе королевскіе чиновники, епископы и аббаты обсуждали вопросы внутренняго благосостоянія и внешней безопасности, какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ частей его, и составляли проекты общихъ законовъ, которые по утвержденію ихъ государемъ назывались капитуля-

¹⁾ Строго говоря, раздѣленіе на графства существовало у Франковъ искони,—оно было приведено Карломъ лишь въ болѣе правильную систему. **Н.**

²⁾ Шефи или шефы только произносили приговоръ; предсѣдательство же въ судѣ и приведеніе приговора въ исполненіе принадлежало графу. **Н.**

ріями¹⁾; во-вторыхъ,—учрежденiemъ государевыхъ пословъ—missi dominici, имѣвшихъ значеніе государственныхъ ревизоровъ и ежегодно разсылавшихся по провинціямъ съ правомъ провѣрки дѣйствія мѣстныхъ властей и преслѣдованія злоупотребленій. Такіе же ревизоры посыпались часто и для контроля финансового управлениія и назывались тогда—missi fiscalini²⁾. Наконецъ, въ третьихъ, единство это сохранилось какъ личнымъ участіемъ самого Карла во всѣхъ дѣлахъ и интересахъ его державы, такъ и полнотою власти, которою онъ былъ облечено. Власть эта юридически не была связана ничѣмъ. Сеймы, какъ мѣстные, такъ и общіе, имѣли только совѣщательное значеніе; законодательная же власть принадлежала всецѣло государю. Капитуляріи издавались онъ часто и помимо земскихъ и государственныхъ собраний. Но морально полновластіе это находило на каждомъ шагу ограниченіе—въ племенныхъ особенностяхъ подвластныхъ ему народовъ, въ свободныхъ обычаяхъ германской старины, въ нравственномъ авторитетѣ церкви. А при такихъ условіяхъ и самое единство впервые собранного Карломъ романо-германского міра не имѣло надежныхъ задатковъ прочности. Самъ Карлъ чувствовалъ это и старался утвердить свое дѣло на другихъ болѣе твердыхъ основаніяхъ. Цѣли этой думалъ онъ достигнуть двумя путями,—насажденіемъ и распространеніемъ однообразнаго римско-христіанскаго образованія между своими подданными, для чего заводилъ школы, покровительствовалъ ученымъ, выписывалъ и умноожалъ полезныя книги и пр., и возстановленіемъ сана и титула западнаго римскаго императора, корону котораго въ 800 г. онъ принялъ изъ рукъ папы Льва III въ Римѣ. Священнымъ актомъ этимъ Карль хотѣлъ показать, что подвластные ему племена и народы связаны неразрывными узами общей политической жизни, подобно тому какъ они связаны были въ древней римской имперіи, но съ тою разницей, что возобновленное достоинство западнаго императора кромѣ своего политического характера получило теперь и высокое религіозное значеніе. Новый римскій императоръ былъ не только повелителемъ германскаго міра, но вмѣстѣ и свѣтскимъ главою и защитникомъ всего западнаго христіанства, тогда какъ римскій епископъ или папа считался его главою духовнымъ.

¹⁾ На государственныхъ сеймахъ собирались также свободные Франки, изъ которыхъ состоялось земское ополченіе. Н.

²⁾ Missi dominici назначались ежегодно на государственныхъ сеймахъ, по два для каждого округа; одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ свѣтскому сословію, другой къ церковному. Посламъ давалась на сеймѣ подробная инструкція. Н.

Всемірна историческая дѣятельность Карла Великаго съ одной стороны, его заботы объ образованіи своего народа съ другой вызвали новый подъемъ исторіографіи, выразившійся въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе замѣчательныхъ трудовъ.

Основателемъ новаго бытописанія явился знаменитый Эйнгардъ, другъ и министръ Карла. Въ своей біографіи Карла Великаго Эйнгардъ взялъ себѣ за образецъ Светонія и въ немногихъ, но полныхъ содерянія страницахъ очертилъ не только военную и политическую дѣятельность своего героя, но и сообщилъ намъ въ высшей степени интересныя подробности о наружности и образѣ жизни Карла, о его привычкахъ, семейной жизни и о его заботахъ объ отечественномъ языке и о собраніи народныхъ пѣсенъ. Эйнгардъ издалъ также франкскія лѣтописи, ведшіяся до тѣхъ поръ въ различныхъ монастыряхъ, какъ-то Лоршѣ, Фульдѣ и другихъ, переработалъ ихъ со стороны содерянія и языка и придалъ имъ тотъ государственный, официальный характеръ, который они удержали и впослѣдствіи въ своихъ продолженіяхъ. И въ трудахъ другихъ ученыхъ, жившихъ при дворѣ Карла, встрѣчается богатый историческій матеріаъ для характеристики эпохи. Такъ въ стихотвореніяхъ придворного поэта Ангильберта рисуется придворная и семейная жизнь Карла, а переписка Алкунина съ Карломъ и другими лицами не только даетъ намъ подробную картину умственной жизни въ франкскомъ государствѣ, но и проливаетъ свѣтъ на самые важные политические вопросы, напр. на возстановленіе имперіи Карломъ; тогда какъ ученые труды Павла Варнефрида (Діакона) вводятъ насъ въ міръ германской саги, знакомить съ исторіею Лангобардовъ и разъясняютъ вопросъ о происхожденіи каролингской династіи.

Кромѣ лѣтописей и писемъ важнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи Карла и его времени является собраніе его капитуляріевъ, т. е. законовъ и постановленій имперскихъ сеймовъ. Капитуляріи рисуютъ намъ всѣ стороны тогдашней жизни: политическую, общественную, церковную, экономическую; они содержать въ себѣ не только законы, но и инструкціи королевскимъ посламъ, пославшимся ежегодно въ провинціи для наблюденія за дѣйствіями графовъ и другихъ королевскихъ чиновниковъ. Большое значеніе имѣютъ также декреты и постановленія церковныхъ соборовъ, важные не только для разясненія церковно-религіозной, но и бытовой жизни эпохи. Наконецъ, не лишены значенія біографіи святыхъ, напримѣръ Св. Бонифація, Св. Анскара, апостола Скиндинасовъ, и другихъ.

Изъ новѣйшихъ сочиненій для исторіи Карла и его времени можно указать слѣдующія: „Iahrbiicher des Fränkischen Reiches unter Karl dem Grossen“ Абеля и Симсона, 2 тома (здѣсь собраны и разработаны критически всѣ извѣстія о Карлѣ Великомъ); Филиппъ, „Karl d. Grosse im Kreise der Gelehrten“; Шмейдеръ, „Die Hofschule und die Gof-academie Karl's d. Grossen“; Лоренцъ, „Alcuin's Leben“; Моннье, „Alcuin et Charlemagne“; Иделеръ, „Leben und Wandel Karl's des Grossen von Einhard“ (текстъ и комментарій) 2 тома; подробности объ устройствѣ карловой державы можно найти у Вайтца въ 3 и 4 томахъ его „Deutsche Verfassungsgeschichte“. По русски см. Ешевскаго „Эпоха переселенія народовъ и Каролинги“ (Собр. соч., т. II), П. Кудрявцева „Судьбы Италии отъ паденія З. Р. имперіи до возстановленія ея

Карломъ Великимъ“, Г. Фрейтага „Картины средневѣковой жизни“ (въ перев. А. Корсакъ). Н.

Очевидно, что римскими въ этомъ устройствѣ карловой имперіи были *обосображеніе трехъ главныхъ западно-европейскихъ народностей.* только его основная идея, всемогущество верховной власти и государственное единство. Но, такъ какъ материаломъ для этого величественного зданія служили древне-германскія учрежденія, по натурѣ своей сильно противоположныя такимъ идеямъ, то изъ подобной комбинаціи несовмѣстимыхъ факторовъ и не могло выдти ничего прочнаго, и все дѣло Карла Великаго имѣть характеръ попытки водворить хотя какой-нибудь порядокъ и просвѣщеніе въ хаотическомъ романо-германскомъ обществѣ въ эпоху его формациі. Военные успѣхи Карла, его организаторскій гenій вообще, обаяніе его личности и слава его имени, какъ христіанскаго героя, поборовшаго язычниковъ и магометанъ,—все это способно было поддерживать воздвигнутое имъ зданіе, пока онъ былъ живъ. Но послѣ его смерти племенные и мѣстные интересы столькихъ земель и народностей, собранныхъ имъ воедино, опять стали предъявлять свои права на самобытность, и искусственное единство его имперіи рушилось само собой. Уже при внукахъ его послѣ долгихъ междуусобій въ 843 г. состоялся верденскій договоръ, по которому его держава по тремъ главнымъ национальностямъ, входившимъ въ ея составъ, раздѣлилась на три независимыя государства,—Германію, Францію и Италію. И хотя бездарному правнуку великаго императора Карлу Толстому случайно и удалось на короткое время опять соединить подъ своимъ скипетромъ почти всю имперію своего славнаго предка, но, когда въ 887 г. онъ былъ низложенъ за свою неспособность, названныя этнографическія части снова и уже окончательно обособились политически. Такимъ образомъ конецъ IX в. и былъ временемъ настоящаго происхожденія трехъ главныхъ народностей западной Европы,—немецкой, французской и итальянской. Каждая изъ нихъ образовала особое государство или, правильнѣе,—группу одноплеменныхъ государствъ и каждая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи пошла особымъ историческимъ путемъ¹⁾. Но почти полуторавѣковая эпоха ихъ общей политической жиз-

¹⁾ Для исторіи распаденія карловой монархіи особенно важны слѣдующіе источники: два жизнеописанія Людовика Благочестиваго; исторія войнъ сыновей Людовика Благочестиваго, написанная графомъ Нитардомъ, единственнымъ свѣтскимъ писателемъ этой эпохи; „Берлинскіе анналы“, главная часть которыхъ принадлежитъ перу знаменитаго Гинкмара, архіепископа реймскаго, и „Фульдскіе анналы“. Изъ пособій можно указать на слѣдующія: Симсонъ, „Jahrbü-

ни при Каролингахъ не прошла для нихъ безслѣдно, — и три западныя страны европейскаго континента, входившія нѣкогда въ составъ карловой имперіи, хотя политически и независимыя другъ отъ друга, въ культурномъ отношеніи навсегда уже остались близкими и родными, и общественный порядокъ, развившійся въ слѣдующихъ столѣтіяхъ, у всѣхъ у нихъ былъ болѣе или менѣе одинаковъ. Порядокъ этотъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ феодализма.

Феодализмъ. [Феодальный строй, распространившійся изъ франкскаго государства на всю западную Европу и господствовавшій въ ней втечение цѣлаго ряда вѣковъ, возникъ первоначально изъ трехъ различныхъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго элементовъ — дружиннаго, левдического, и бенефиціального. Опредѣлимъ прежде всего значеніе каждого изъ этихъ элементовъ и ту роль, которую онъ игралъ при возникновеніи феодальной системы.

Дружинный бытъ составляетъ явленіе, свойственное всѣмъ арійскимъ народамъ на извѣстной степени развитія. Мы встрѣчаемъ его въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ и у азіатскихъ Ариевъ, и у древнихъ Грековъ, и у Кельтовъ, и у Германцевъ, и у Славянъ. Тацитъ первый свидѣтельствуетъ о германской дружинѣ или, какъ называется онъ ее, комитатѣ. Отъ него мы узнаемъ, что у Германцевъ правомъ держать комитатъ пользовались только короли и благородные и что связь между членами дружины и ихъ вождемъ была чисто нравственная: вождь заботился о своей дружинѣ и ничего не жалѣлъ для нея; дружина же всюду слѣдовала за вождемъ и во всемъ раздѣляла его участъ. Если вождь погибалъ на полѣ битвы или попадался въ пленъ, то всѣ дружины стремились раздѣлить его участъ; считалось крайне постыднымъ оставить вождя или измѣнить ему. Взаимная ненарушимая вѣрность и связь чисто личная, чуждая всякихъ земельныхъ отношеній, были единственными основами дружиннаго быта.

Число дружиныковъ было вовсе не такъ велико, какъ думали это прежніе изслѣдователи, и самая роль дружины въ исторіи варварскихъ завоеваній далеко не такъ важна, какъ предполагалось это прежде. У

cher des FrÃ¤nkischen Reiches unter Ludwig d. Frommen“ (Лѣтопись франкскаго государства при Людовикѣ Благочестивомъ), и Дюммлеръ, „Geschichte des OstfrÃ¤nkischen Reiches“ (2 тома). Особенно важно послѣднее сочиненіе. Во-преки своему специальному заглавію оно обнимаетъ всю исторію франкскаго государства послѣ смерти Карла Великаго, и притомъ не только политическую, но и культурную. Н.

Франковъ съ эпохи поселенія ихъ въ Галліи правомъ держать дружину пользовался одинъ король. Франкская дружина называлась *trustis*, а самые дружиинники *antrustiones*, а иногда *homines regis*. Число антрутсюновъ было очень невелико, происхожденіе ихъ самое разнообразное, юридическое положеніе привилегированное, такъ какъ они пользовались правомъ двойнаго вергельда или виры (за убийство антрутсюна напр. платилось 600 солидовъ, т. е. вдвое болѣе нежели за свободнаго Франка). Антрутсюны составляли свиту короля, они жили при его дворѣ и пировали съ нимъ, изъ нихъ выбиралъ онъ своихъ совѣтниковъ и слугъ, они окружали его въ походахъ и на поляхъ битвъ. Связь между ними и королемъ была чисто личная; идея вѣрности лежала въ ея основѣ; но выдающагося политического значенія они не имѣли, и самыя завоеванія франкскихъ королей совершены были не ими, а народнымъ ополченiemъ.

Левдическія отношенія возникли гораздо позже, уже послѣ завоеванія Галліи, и совершенно отличались отъ дружиинныхъ отношеній. Вторженіе Франковъ въ Галлію повлекло за собою полное паденіе римскихъ государственныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и фискальныхъ. Первые Меровінги, напр. Хильперихъ, внукъ Хлодвига, пытались еще поддержать старо-римскую податную систему, но попытки эти оказались вполнѣ безуспешными. Старые налоги и пошлины вышли изъ употребленія, самыя деньги сдѣлались крайне рѣдки, и королямъ пришлось волею или неволею перейти отъ денежнаго хозяйства къ системѣ хозяйства натуральнаго. Королевская казна оскудѣла, и короли не могли уже содергать деньгами свой многочисленный дворъ; къ тому же они начали ощущать все большую и большую потребность въ вооруженныхъ слугахъ, такъ какъ они не могли вести своихъ частныхъ войнъ при помощи дружины, а народное ополченіе имѣло полное право отказаться отъ всякаго участія въ такихъ войнахъ. И вотъ короли начинаютъ составлять себѣ наемныхъ войска, но даютъ вознагражденіе этимъ наемнымъ воинамъ не деньгами, а натурою, т. е. за извѣстную и опредѣленную службу пред-оставляютъ въ ихъ пользу земельные участки. Подобный способъ вознагражденій нисколько не могъ затруднить королей, особенно въ началѣ, такъ какъ въ распоряженіи ихъ находилось огромное количество пустопорожнихъ земель, принадлежавшихъ въ римскую эпоху императорскому фиску. Лица, получавшія въ видѣ жалованія земельные участки за военную или придворную службу, носили особое название левдовъ (*leudes*), и мало-по-малу изъ нихъ состоялось многочисленное и могущественное слово. Первоначально левды получали свои участки на опредѣленный

срокъ, но скоро они пріобрѣли пожизненное, а затѣмъ наследственное право на нихъ. Съ этого послѣдняго момента сословіе левдовъ превратилось въ могущественную аристократію, а королевскій чиновникъ майоръ-домъ, завѣдывавшій левдическими отношеніями, сдѣлался мало-по-малу первымъ лицомъ въ государствѣ.

Сословіе левдовъ представляетъ на первый взглядъ большое сходство съ позднѣйшимъ сословіемъ вассаловъ, но въ дѣйствительности оно не имѣть ничего общаго съ нимъ. Единственная связь левдовъ съ королемъ чисто материальная, земельная; личный, нравственный моментъ отсутствуетъ совершенно. Левды первоначально наемники, затѣмъ могущественные собственники, вынуждающіе отъ короля за всякую новую службу все новые и новые права, захватывающіе наконецъ въ свои руки въ лицѣ своего представителя майоръ-дома все государство. Въ числѣ привилегій, пріобрѣтенныхъ левдами, особенно важное значение имѣли такъ называемые иммунитеты (*immunitas*), состоявшіе въ томъ, что частное лицо пріобрѣтало на своихъ земляхъ отъ короля всѣ верховныя права и совершенно освобождалось изъ подъ графской администраціи. Съ теченiemъ времени иммунитеты получали все большее и большее развитіе; ими пользовались какъ свѣтскія лица, принадлежавшія къ сословію левдовъ, такъ и церковные прелаты. Ничто не способствовало такъ паденію королевской власти и государственного начала при послѣднихъ Меровингахъ, какъ непомѣрное развитіе этого чисто варварскаго института. Благодаря иммунитетамъ, цѣлые округа освободились изъ подъ королевской власти и превратились въ независимыя территории. Съ особеною силою распространились иммунитеты въ Нейстриї, т. е. въ собственной Галліи. Каролингская династія, возникшая въ Австразіи, стремясь къ восстановленію монархической власти, неизбѣжно должна была вступить въ борьбу съ левдами и владѣльцами иммунитетовъ, а однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ этой борьбы явилось возникновеніе бенефиціальныхъ отношеній. Ходъ ихъ развитія былъ слѣдующій. Карль Мартелль покорилъ Нейстрию при помощи многочисленнаго австраразійского ополченія. Чтобы составить это ополченіе, онъ привель изъ-за Рейна цѣлый массы германскихъ воиновъ и поселилъ ихъ на земляхъ, отнятыхъ у левдовъ и обладателей иммунитетовъ и привилегій. Понятно, что прелаты не могли примириться съ этой потерей, что они употребляли всѣ усилия, чтобы возвратить утраченное достояніе. При Пипинѣ Короткомъ, заключившемъ тѣсный союзъ съ церковью, они начали требовать назадъ свою собственность, но король при всемъ своемъ желаніи не могъ удов-

летьворить ихъ требованію, такъ какъ для этого пришлось бы отнять земли у десятковъ тысяч германскихъ воиновъ, поселенныхъ въ Галліи на бывшихъ церковныхъ земляхъ и составлявшихъ главный оплотъ королевской власти. Наконецъ придуманъ былъ компромиссъ, удовлетворявший, если и не *de facto*, то по крайней мѣрѣ *de jure* притязанія церкви. Всѣ земли, отнятыя у церквей Карломъ Мартелломъ, возвращены были имъ обратно, но это возвращеніе было лишь номинальное, а не дѣйствительное. Церкви должны были предоставить свои земли въ пользованіе ихъ фактическимъ собственникамъ, которые обязались въ свою очередь признавать право церквей и уплачивать имъ въ потвержденіе этого права пошлину, впрочемъ крайне незначительную. Во многихъ случаяхъ владѣльцы участковъ принимали на себя вмѣсто пошлины обязательство защищать церковь и ея имѣнія; наконецъ очень часто церкви должны были довольствоваться однимъ признаніемъ своего права. Взаимныя отношенія, возникшія такимъ образомъ между церквами и частными лицами, получили название бенефиціальныхъ, а самые земельные участки назывались бенефиціями. Уже одни эти названія показываютъ, что въ основѣ бенефиціальныхъ отношеній лежалъ совершенно иной принципъ, нежели въ основѣ отношеній левдическихъ или дружинныхъ. Земельная связь не влекла здѣсь за собою обязательной военной службы, какъ у левдовъ, а о тѣсной и чисто личной связи дружинной не было и рѣчи. Все ограничивалось здѣсь признаніемъ права собственности съ одной стороны и предоставлениемъ права наслѣдственного пользованія—съ другой.

Обстоятельства способствовали, какъ нельзя болѣе, быстрому развитію бенефиціальныхъ отношеній, причемъ самый характеръ этихъ отношеній подвергался нерѣдко большими измѣненіямъ. Положеніе свободнаго класса людей, составлявшаго главную массу населенія въ франкскомъ государствѣ, становилось съ каждымъ годомъ все тяжелѣе и невыгоднѣе. Судебная и воинская повинность лежала тяжкимъ бременемъ на свободныхъ людяхъ. Графъ могъ потребовать ихъ каждый мѣсяцъ на судъ къ отправленію обязанности шефеновъ, а непрерывныя войны, происходившія притомъ на далекихъ границахъ государства, заставляли ихъ то и дѣло покидать на продолжительное время, иногда на цѣлые годы, свои семьи-ства и землю и содержать себя во время походовъ на собственный счетъ. Ко всему этому присоединялись еще притѣсненія и насилия со стороны графовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ графы превратились, благодаря развитію левдическихъ и иммунитетныхъ отношеній, въ могущественныхъ территориальныхъ владѣльцевъ, они начали всяческими способами притѣснять сво-

бодныхъ людей, желая заставить ихъ вступить въ число своихъ зависимыхъ людей. Всѣ мѣры, принимаемыя центральнымъ правительствомъ, особенно при Карлѣ Великомъ, для огражденія свободнаго класса и обузданія графскаго произвола, оказались недѣйствительными уже потому, что стремленія правительства встрѣчали сопротивленіе со стороны его собственныхъ исполнительныхъ органовъ. При такомъ положеніи дѣлъ свободы утратила всякое значеніе въ франкскомъ государствѣ, и изъ свободнаго класса началось настоящее бѣгство. Ежегодно тысячи людей отрекались отъ тяжелой и ненавистной свободы и искали спасенія въ зависимости отъ частныхъ лицъ. Бенефиціальныя отношенія представляли при этомъ самый удобный исходъ. Стоило лишь передать свой земельный участокъ церкви или частному лицу и получить его обратно въ видѣ бенефиціи, — и свободный человѣкъ терялъ, правда, свою свободу, дѣлался лицомъ зависимымъ и принималъ на себя извѣстныя обязательства, но за то онъ освобождался разомъ отъ невыносимо тяжелыхъ и разорительныхъ государственныхъ повинностей и отъ еще болѣе невыносимыхъ притѣсненій графовъ. Условія, въ которыхъ попадали свободные люди при переходѣ въ классъ людей зависимыхъ, были однако-же различны, смотря по обстоятельствамъ. Весьма многіе изъ нихъ, особенно бѣдные и малоземельные, принуждены были взять на себя болѣе или менѣе тяжелыя повинности и работы, — и всѣ таковы обратились съ теченіемъ времени въ настоящихъ крѣпостныхъ; другіе зависимые люди брали на себя лишь точно установленныя и умѣренныя пошлины, тогда какъ весьма многіе обязались нести опредѣленную или дворовую, или военную службу. Само собою понятно, что положеніе этой послѣдней категоріи было самое выгодное, — изъ нея развился впослѣдствіи многочисленный и вліятельный классъ министеріаловъ.

Развитіе бенефиціальныя отношенія повело такимъ образомъ къ образованію нѣсколькихъ зависимыхъ, несвободныхъ или полусвободныхъ сословій во франкскомъ государствѣ. На ряду съ классомъ крѣпостныхъ людей возникли классы податныхъ (*Zinsleute*) и министеріаловъ. Каждый изъ этихъ классовъ распадался въ свою очередь на множество подраздѣлений. Крѣпостные, податные и министеріалы могли находиться въ зависимости или отъ церквей, или отъ свѣтскихъ лицъ, или отъ короля, и въ каждомъ изъ такихъ случаевъ положеніе ихъ было различное. Всего лучше было лицамъ, находившимся въ зависимости отъ церквей; очень выгодно было также положеніе королевскихъ министеріаловъ, но всего тяжелѣе было людямъ, попавшимся въ зависимость отъ частныхъ лицъ. Многіе изъ бенефиціаловъ имѣли нерѣдко свои зе-

мелъные участки отъ нѣсколькихъ лицъ; были въ средѣ ихъ такіе, которые сами имѣли подъ собою зависимыхъ людей; были наконецъ и такие, которые получали отъ церквей большиe земельные участки съ обязательствомъ покровительствовать церкви и защищать ее. Хотя и такія лица считались по имени зависимыми людьми, но въ дѣйствительности они являлись скорѣе повелителями и эксплуататорами и примыкали de facto къ господствующему классу.

Паденіе свободнаго класса повлекло за собою и паденіе монархической власти во франкскомъ государствѣ. Преемники Карла Великаго уже не въ состояніи были вести свои войны при помощи народнаго ополченія; они должны были или составлять свои арміи изъ людей, лично зависѣвшихъ отъ нихъ, или же обращаться къ содѣйствію могущественныхъ территоріальныхъ владѣльцевъ, левдовъ, бенефиціаловъ, обладателей иммунитетовъ. Само собою понятно, что всѣ эти лица дорого продавали свою службу и вынуждали отъ королей и новыхъ земельныхъ жалованія, и новыхъ привилегій.

Мало-по-малу между королями и лицами, отправлявшими для него на извѣстныхъ условіяхъ извѣстныя службы возникли особаго рода отношенія, получившія названія вассальныхъ. Въ вассальныхъ отношеніяхъ слились воедино отношенія дружинныхъ, левдическихъ и бенефиціальныхъ. Вассалы вступали съ сюзереномъ въ такую же личную, нравственную связь, какъ дружинники съ своимъ вождемъ. Они обязывались защищать сюзера и помогать ему во всѣхъ его дѣлахъ и клялись ему въ вѣрности; съ своей стороны сюзренъ бралъ ихъ подъ свое покровительство и въ свою очередь обязывался имѣть въ вѣрности. Съ другой стороны въ вассальныхъ отношеніяхъ земельный элементъ игралъ такую же важную роль, какъ и въ отношеніяхъ левдическихъ. Вассалы получали отъ сюзереновъ земельные участки и обязывались нести за нихъ военную службу. Такіе участки назывались ленами и феодами, и отсюда самая вассальная система получила название ленной или феодальной. Наконецъ подобно бенефиціаламъ вассалы отрекались номинально отъ своей земельной собственности и несли за нее извѣстныя денежныя или натуральныя повинности. Характеръ такихъ повинностей съ теченіемъ времени значительно видоизмѣнялся: сначала вассалы приносили своимъ сюзеренамъ подарки въ началѣ каждого года; впослѣдствіи они обязывались помочь ему деньгами лишь въ трехъ случаяхъ,—когда сюзренъ попадался въ плѣнь и необходимо было его выкупить, когда онъ праздновалъ совершеннолѣтіе своего старшаго сына и когда онъ выдавалъ замужъ свою старшую дочь.

Вассальныя отношенія могли возникать не только между королемъ частными лицами и церквами, но также и между церквами и частными лицами и даже между частными лицами. Одно и то же лицо могло вступать въ вассальныя отношенія съ нѣсколькими лицами или церквами. Отсюда ясно, что многочисленный классъ вассаловъ распадался на множество категорій, изъ которыхъ сложилась съ теченіемъ времени цѣлая феодальная іерархія. Выше всѣхъ стояли непосредственные вассалы короля или императора; они раздѣлялись въ свою очередь на великихъ вассаловъ, частью свѣтскихъ, частью церковныхъ, владѣвшихъ громадными террито-ріями, правами и иммунитетами, и на вассаловъ мелкихъ, второстепенныхъ, владѣвшихъ незначительными участками земли. Среднюю ступень занимали подвассалы, находившіеся въ ленной зависимости или отъ великихъ свѣтскихъ вассаловъ, или отъ церковныхъ прелатовъ. И въ ихъ средѣ могли быть богатые и могущественные владѣльцы. Нерѣдки были случаи, что церковные и монастырскіе вассалы притѣсняли и грабили своихъ сюзереновъ. Третье мѣсто занимали вассалы, державшіе свои лены отъ подвассаловъ. Въ Италии ихъ называли вальвассорами, тогда какъ сословіе подвассаловъ называлось тамъ капитанами. Сословіе вальвассоровъ состояло почти исключительно изъ мелкихъ владѣльцевъ, хотя и въ его средѣ могли попадаться болѣе крупные собственники. Съ теченіемъ времени всѣ бывшія государственные должности, какъ то графская, герцогская, маркграфская и пфальцграфская, сдѣлались въ свою очередь ленами, и тогда бывшіе имперскіе сановники превратились въ могущественныхъ территоріальныхъ владѣльцевъ.

Феодальныя отношенія развивались въ различныхъ частяхъ франкской монархіи не съ одинаковою быстротою. Прежде и позже всего развилась феодальная система въ бывшей Нейстрии или позднѣйшей Франціи. Здѣсь свободный классъ исчезъ совершенно уже въ началѣ X-го вѣка, и лены сдѣлались наследственными еще при послѣднихъ Каролингахъ, великие же вассалы пріобрѣли всѣ верховные права въ концѣ IX и началѣ X вѣка. Тогда-же вся Франція распалась на массу независимыхъ террито-рій, герцогствъ, графствъ, маркграфствъ, а короли утратили всякую дѣйствительную власть, почти всю поземельную собственность и сдѣлались лишь первыми между равными въ средѣ своихъ великихъ вассаловъ. Почти столь-же быстро шло развитіе феодальныхъ отношеній въ Италии. Уже въ началѣ X вѣка мы находимъ здѣсь могущественныхъ феодальныхъ династовъ, не менѣе могущественныхъ прелатовъ и встрѣчаемъ наследственность леновъ для высшихъ категорій вассаловъ. Въ XI столѣтіи

вальвассоры получили также право наследственности по закону императора Конрада II. В Германии феодальная система развивалась гораздо медленнее, и свободный класс удерживался здесь, хотя и постоянно уменьшаясь в количестве, до самого XII века. Остатки его удержались даже до конца средних веков в Швабии и Фрисландии. Только в конце XII столетия немецкие вассалы добились наконец наследственности своих леновъ. Изъ Франции феодальный строй целикомъ перенесенъ былъ въ Англию при Вильгельмѣ Завоевателѣ; оттуда же проникли феодальные порядки, благодаря крестоносцамъ, въ Сирію и византійскую имперію; тогда какъ изъ Германии феодальная отношенія распространились съ одной стороны въ скандинавскихъ, а съ другой въ западныхъ славянскихъ земляхъ,—Польшѣ, Чехіи и Венгрии.

Повсемѣстное распространение феодальной системы по европейскому Западу составляетъ одно изъ важнейшихъ явлений средневѣковой жизни. Основная идея феодализма—чисто варварская или германская; она вытекала изъ того широкаго и всеобъемлющаго значенія, которое имѣла въ жизни Германцевъ личность. Германцы построили свои общества на отношеніяхъ чисто личныхъ, они устранили идею античной государственности или, лучше сказать, гражданственности и основывали весь политический и общественный бытъ не на подчиненіи личности государству, а на ея безусловномъ господствѣ. Такое преобладаніе личного, индивидуального принципа должно было привести въ концѣ концовъ къ разложению общества, къ анархіи, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Такъ случилось прежде всего во Франціи, гдѣ уже въ X векѣ политическое разложеніе, кулачное право и угнетеніе низшихъ классовъ достигли до своего апогея. Но въ той-же Франціи замѣчаются уже тогда, хотя только въ зарѣдахъ, признаки реакціи противъ феодализма, представителями которой являются монархическая власть, церковь и городская община. Всѣ эти учрежденія возникли изъ началъ, унаследованныхъ средними веками отъ древняго мира. Въ борьбѣ этихъ античныхъ римскихъ началъ съ началами германскими и заключается главнейший интересъ средневѣковой исторіи¹⁾].

¹⁾ Важнейшими пособіями для изученія феодализма слѣдуетъ считать: Вайдъ, Deutsche Verfassungsgeschichte, всего 7 томовъ; Ротъ, „Das Beneficialwesen“ и „Feudalitt und Unterthanenverband“; Fustel de Coulanges „Hist. des institutions politiques de l'ancienne France“; Виноградовъ „Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ langobardской Италии“; см. также проф. Н. Карбевъ „Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ“; его же „Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вековъ“ (гл. V). Н.

Итакъ феодализмъ быль первымъ связующимъ звеномъ государствъ романо-германского міра, обособившихся въ концѣ IX в. Вторымъ звеномъ сдѣлалась церковь.

Церковь. При общемъ крушениі древняго міра и его учрежденій въ V вѣкѣ уцѣлѣла одна лишь церковь. Разгромъ отъ варваровъ, постигшій западную имперію, и утвержденіе на римской почвѣ новыхъ германскихъ государствъ не только не умалили значенія и силы христіанскаго духовенства, но еще болѣе его возвысили. Правда, что племена континентальныхъ германскихъ завоевателей за исключеніемъ однихъ Франковъ всѣ исповѣдывали аріанизмъ, но за то же они и поплатились скоро своею политическою самобытностью; другіе же, какъ то Вестготы и Лангобарды, во избѣжаніе этой опасности уже съ конца VI вѣка стали переходить въ католичество. Съ этого-то времени и начинается вліятельная роль западной церкви. Но уже и прежде, въ исходѣ V в., крещеніе Франковъ по католическому закону положило прочное начало этой вліятельности. Варвары, заставъ на римскихъ земляхъ незнакомые имъ порядки и учрежденія, обращались къ духовенству, какъ къ посреднику и руководителю въ дѣлѣ ознакомленія съ этими порядками. Католические епископы сдѣлались совѣтниками королей, главами муниципальныхъ управлений, совершенно чуждыхъ Германцамъ. Воспитаніе юношества, дѣла благотворенія, независимый судъ по прежнему остались за церковью; а щедрыя приношенія монастырямъ и епископскимъ каѳедрамъ, сыпавшіяся отъ усердія новообращенныхъ завоевателей, еще болѣе увеличили ея богатство, а слѣдовательно и экономическое вліяніе.

Таково было положеніе церкви при первой франкской династіи. Но съ возвышеніемъ Каролинговъ, нуждавшихся въ содѣйствіи духовенства для достижениія престола, могущество ея возрасло еще болѣе. Карлъ Великій установилъ въ пользу церкви постоянную десятину, а въ своей государственной дѣятельности опирался болѣе всего на духовенство, почерпая въ его кругу тѣ римскія воспоминанія, которыя руководили имъ при возстановленіи имперіи. Послѣ Карла Великаго, когда въ западной Европѣ началось господство феодализма, церковь опять выиграла оттого, что высшіе ея представители вошли въ составъ ленной іерархіи, сдѣлались по обширнымъ земельнымъ владѣніямъ своихъ каѳедръ и аббатствъ непосредственными вассалами короны и заняли первое мѣсто въ рядахъ этой іерархіи. А если прибавимъ къ этому, что церковныя и монастырскія имущества, равнявшіяся иногда цѣлымъ областямъ, большую частью пользовались правомъ иммунитета, т. е. освобождены были отъ всякихъ

общественныхъ повинностей, то легко поймешь, почему высшіе прелаты западной церкви играютъ въ средніе вѣка роль могущественныхъ князей, живутъ съ княжеской пышностью и часто пользуются рѣшающимъ голосомъ въ важныхъ государственныхъ вопросахъ.

Но и независимо отъ благопріятныхъ общественныхъ условій, выдвинувшихъ церковь на первый планъ въ составѣ тогдашняго общества, въ самомъ духовенствѣ заключались силы, дѣлавшія его достойнымъ такого высокаго положенія. Масса дарованій стремилась въ клиръ по той понятной причинѣ, что тогда это было единственное поприще, гдѣ люди способные, но неродовитые, могли достигнуть значенія и почестей. Для людей туземного происхожденія, напр., высшая общественная каррьера была почти недоступна, такъ какъ первыя ступени ленной іерархіи заняты были аристократіей германской крови, составлявшей довольно замкнутый кругъ, и, хотя высшія церковныя должности замыщались членами той же аристократіи, но все же церковная іерархія въ противоположность свѣтской по самому принципу, лежавшему въ ея основаніи, открывала доступъ въ свои ряды не только породѣ, но и способностямъ, отчего въ исторіи средневѣковой церкви на высшихъ ея ступеняхъ, даже на папскомъ престолѣ, мы видимъ нерѣдко людей весьма низкаго происхожденія. Съ другой стороны духовенство еще и потому имѣло право на вліятельную роль въ обществѣ, что въ кругу его сосредоточивалось все образованіе эпохи, т. е., какъ остатки древней образованности, такъ и новая христіанская наука, имѣвшая на первыхъ порахъ исключительно богословское направленіе. Древніе бенедиктинскіе монастыри на западѣ,—Монте-Кассино въ Италии, Клюни во Франціи, Фульда въ Германіи и многіе другіе,—были въ тѣ смутныя времена единственными убѣжищами и разсадниками литературы, искусства и науки. Наконецъ въ феодальномъ романо-германскомъ мірѣ, раздробленномъ на множество политическихъ сферъ, одна церковь представляла стройный организмъ, всѣ члены которого были одушевлены одними и тѣми же идеями и стремленіями, преслѣдовали одинаковые интересы,—особенно съ того времени, когда силы ея стали сосредоточиваться въ институтѣ папской власти,—и уже по этому самому она должна была получить нѣкоторый перевѣсь надъ обществомъ свѣтскимъ.

Связанная этими двумя учрежденіями,—феодализмомъ и церковью,—романо-германская Европа чувствовала себя единою по духу, образованію и интересамъ, хотя политическія судьбы трехъ главныхъ частей ея и пошли различными путями.

Такъ какъ съ утверждениемъ феодальныхъ порядковъ началось въ западной Европѣ преобладаніе германизма, т. е. германскихъ общественныхъ идей и учрежденій, то и первую роль отныне играетъ въ ней Германия, за королями которой утверждается возстановленное Карломъ Великимъ достоинство западно-римскаго императора. Съ нея, стало быть, и слѣдуетъ начать обозрѣніе исторіи отдельныхъ государствъ романо-германскаго мира.

1. Германия при саксонскихъ и франконскихъ императорахъ.

Литература саксонской эпохи открывается трудомъ Витукинда, напоминающимъ во многихъ отношеніяхъ сочиненія Григорія Турскаго, Фредегара и Павла Варнефрида. Подобно имъ Витукиндъ черпаетъ свой материалъ изъ народной саги; подобно имъ онъ чуждъ всякой учености; но онъ пишетъ свою книгу, какъ саксонскій патріотъ, а въ языке беретъ себѣ за образецъ римскаго историка Саллюстія, хотя и подражаетъ ему очень неудачно. Витукиндъ начинаетъ свою исторію Саксонцевъ баснословными сагами, но со временемъ Генриха I-го и Оттона Великаго разсказъ его основывается по большей части на свидѣтельствахъ очевидцевъ и приобрѣтаетъ большую историческую цѣну, хотя авторъ, несмотря на свое духовное званіе (онъ былъ монахомъ Корвейскаго монастыря), сосредоточиваетъ все свое вниманіе на военныхъ и политическихъ событияхъ и совершенно выпускаетъ изъ виду церковную дѣятельность Оттона Великаго, имѣющую такое громадное значеніе. Полную противоположность Витукинду представляетъ его знаменитая современица Росвита (*Hrodsuit*), монахиня Гандергеймскаго монастыря. Росвита получила щателальное образованіе, владѣла въ совершенствѣ латинскимъ языкомъ и передѣлала въ христіанскомъ духѣ языческія комедіи Теренція. Она была близка къ императорскому семейству и пользовалась особымъ покровительствомъ аббатисы Герберги, дочери герцога Генриха Баварскаго, брата Оттона Великаго. Подвиги Оттона побудили Росвitu написать историческую поэму, въ которой она описала всѣ события правления Оттона. Стихотворная форма у нея не болѣе какъ виѣшность,—она не позволяетъ себѣ никакихъ поэтическихъ вымысловъ и вольностей. Хотя Росвита, какъ настоящая придворная, говорить очень сдержанно о событияхъ въ императорскомъ семействѣ, однако она сообщаетъ такія интересныя свѣдѣнія о важныхъ происшествіяхъ эпохи, напримѣръ о бѣгствѣ императрицы Аделаиды, объ итальянскомъ походѣ Оттона и его императорскомъ коронованіи, которыхъ напрасно стали бы мы искать въ другихъ современныхъ источникахъ. Менѣе значенія имѣть другое историческое стихотвореніе Росвity, посвященное исторіи Гандергеймскаго монастыря, хотя и въ немъ попадаются интересныя свѣдѣнія по исторіи саксонской династіи и развитія религіозной и монастырской жизни въ Саксоніи.

Важнѣйшимъ писателемъ саксонской эпохи является Титмаръ, епископъ мерзебургскій, жизнь и дѣятельность котораго относятся къ концу X и

началу XI столѣтія. Происходя изъ знатнаго саксонскаго рода, находившагося въ родствѣ съ императорскимъ ломомъ, будучи очень близокъ къ послѣднему саксонскому государю Генриху II, занималъ важный постъ въ странѣ языческихъ Славянъ, зная хорошо латинскій языкъ и отличаясь большою начитанностью въ церковныхъ и свѣтскихъ авторахъ, Титмаръ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для средневѣковаго бытописателя. При всемъ томъ онъ былъ плохой стилистъ и обращалъ очень мало вниманія на внѣшнюю сторону своего труда. Его хроника отличается характеромъ мѣстнымъ, саксонскимъ, и особенно обилуетъ подробностями о Генрихѣ II и его времени. Кромѣ того Титмаръ вносилъ въ свою книгу, и притомъ безъ всякаго строгаго поридка, событія собственной жизни, а равно и все то, что приходилось ему видѣть и слышать, и наконецъ все то, что удалось ему вычитать въ чужихъ книгахъ. Отличаясь большою наблюдательностью, Титмаръ собираяль въ свою хронику все, что казалось ему достопримѣчательнымъ, начиная отъ разсказовъ о войнахъ и походахъ Генриха и его знаменитаго соперника Болеслава Храбраго, князя польского, и оканчивая мелочными анекдотами, извѣстіями о необычайныхъ природныхъ явленіяхъ и чудесахъ, совершившихся надъ мощами св. угодниковъ. Благодаря такому способу работы, книга Титмара пріобрѣтаетъ громадное значеніе для изслѣдователя всѣхъ сторонъ тогдашней жизни. У него же находимъ мы цѣлый рядъ самыхъ драгоценныхъ извѣстій о бытѣ и язычествѣ полабскихъ Славянъ.

Дѣятельность Оттона Великаго обнимала не одну только Германію, но и Италию, и въ этой послѣдней странѣ она вызвала цѣлый рядъ историческихъ памятниковъ, изъ которыхъ обращаются на себя особенное вниманіе сочиненія Ліутпранда, епископа кремонскаго. Ліутпрандъ былъ сначала канцлеромъ при дворѣ Беренгара, итальянскаго короля, но затѣмъ разошелся съ нимъ и возненавидѣлъ его со всею силою своей страстной натурь. Возвышенный Оттономъ, поставленный имъ на высокій постъ епископа, употребляемый для важныхъ дипломатическихъ порученій, Ліутпрандъ взялся за перо съ предвзятою цѣлью заклеймить позоромъ своихъ враговъ и возвеличить своего благодѣтеля; своей книгѣ онъ поэтому далъ въ высшей степени характерное заглавіе: „Antarodosis“, т. е. книга возмездія. И дѣйствительно здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ объективною исторіею, а съ страстнымъ памфлетомъ, полнымъ яда и желчи. Наоборотъ, другое сочиненіе Ліутпранда „о дѣяніяхъ Оттона Великаго“ носить на себѣ панегирическій характеръ, тогда какъ его донесеніе императору о побѣдѣ въ Византію проникнуто замѣчательнымъ юморомъ и дышетъ все ненавистью къ надменнымъ Грекамъ. Ліутпрандъ былъ человѣкъ чрезвычайно образованный и начитанный, владѣлъ въ совершенствѣ латинскимъ языккомъ и былъ знакомъ съ языккомъ греческимъ. Онъ писалъ вычурнымъ, изысканнымъ стилемъ, пересыпалъ свои сочиненія, особенно „Книгу возмездія“, безчисленными цитатами изъ Горация, Виргиля, Теренція, Овидія, Ювенала, Цицерона, вставляяль въ нихъ множество стиховъ собственнаго издѣлія, написанныхъ самыми разнообразными метрами, властяль въ уста своихъ героевъ длинныя, напыщенные рѣчи, щеголяль греческими фразами и стихами. Несмотря на эту странную виѣшность, несмотря на свою любовь къ анекдотамъ, иногда самого скабрезнаго свойства, Ліутпрандъ имѣетъ однако-же большое значеніе для изслѣдователя,

какъ по массѣ, такъ и по важности своихъ извѣстій. Единственно благодаря ему, получаемъ мы возможность составить ясное понятіе объ Италии X вѣка и о дѣятельности Оттона въ этой странѣ.

Эпоха двухъ первыхъ франконскихъ императоровъ, Конрада II и Генриха III (отъ 1024—до 1056 г.), чрезвычайно богата историческими памятниками всякого рода, но литература этого периода носить на себѣ совершенно иной отпечатокъ, нежели литература эпохи саксонской. Императоры франконского дома, поглощенные всецѣло политическими и церковными вопросами, относились почти безучастно къ жизни умственной. Писатели ихъ времени не пользовались ихъ покровительствомъ, они стояли вдали отъ двора и не посвящены были, подобно Росвитѣ, Титмару и Ліупиранду, въ тайны дворцовой и политической жизни. Исключение составляетъ одинъ Бургундѣцъ Виппонъ, воспитатель Генриха III, написавшій краткую біографію Конрада II. Всѣ остальные авторы этой эпохи провели свою жизнь вдали отъ двора, по большей части въ монастыряхъ. Это обстоятельство отразилось и на характерѣ ихъ трудовъ. Они знаютъ меныше своихъ предшественниковъ, но пишутъ свободнѣе ихъ, не увлекаясь ни любовью, ни ненавистью, не пытаясь угодить сильнымъ міра. Строго-безпристрастный, вполнѣ объективный тонъ вѣтъ въ ихъ трудахъ. Почти всѣ держутся строго лѣтописной формы, а такъ какъ имперскіе монастыри находились тогда въ тѣсной связи съ правителстvомъ и служили временными резиденціями императоровъ, то монахи лѣтописцы имѣли съ одной стороны полную возможность собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія о событияхъ эпохи, а съ другой привыкли смотрѣть на нихъ съ официальной, имперской точки зрѣнія. Мы не знаемъ за немногими исключеніями даже именъ этихъ лѣтописцевъ, такъ какъ ихъ лѣтописи назывались по имени монастырей, а составители ихъ были чужды всякаго авторскаго тщеславія. Лучшими изъ лѣтописей этого периода должны считаться анналы Рейхенаускіе и анналы Алтайскіе.

Литературная разработка источниковъ саксонской и франконской эпохи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Всѣ авторы этого периода изданы самыми образцовымъ способомъ въ Монумента Germaniae Historica, многие изъ нихъ переведены на немецкій языкъ, некоторые, какъ напримѣръ Витукиндъ, Росвита, сдѣлались предметомъ особыхъ критическихъ монографій.

Новѣйшая историческая литература чрезвычайно богата какъ сочиненіями болѣе общаго характера, такъ и монографіями по частнымъ вопросамъ. Изъ общихъ сочиненій можно указать на сочиненія Гизебрехта Geschichte der deutschen Kaiserzeit, 2 тома; Jahrbücher der Sächsischen Kaiser, изданныя иѣсколькими учеными подъ общую редакцію Л. Ранке, Штенцеля, Geschichte der Fränkischen Kaiser (2 тома). Изъ сочиненій специальныхъ слѣдуетъ упомянуть: Г. Вайцъ, Jahrbücher des König's Heinrich I; Дюмлеръ, Kaiser Otto der Grosse; Гиршъ и Бреслау Kaiser Heinrich II, 3 тома; Бреслау, Kaiser Konrad II; Ейхендорфъ, Kaiser Heinrich III, и многія другія. Н.

ператоровъ саксонскаго (919—1024) и франконскаго (1024—1125) дома, представляютъ процессъ первоначальной формациі Германіи, какъ самобытнаго государства, т. е. установлениі государственного состава, внутренняго устройства и отношеній къ сосѣдямъ,—все это посреди величайшихъ затрудненій и тяжкой борьбы внутренней и вѣшней.

Въ составъ выдѣлившагося германскаго государства вошли слѣдующія племена чисто германскаго корпя: 1) Фризы по берегу Нѣмецкаго моря; 2) Саксы, обитавшіе отъ Рейна до Эльбы и отъ границы Фрисландіи до устьевъ Фульды, Верры и Салы и раздѣлившіеся на нѣсколько этнографическихъ оттѣнковъ,—Вестфаловъ по Эмсу, Энгерновъ по Везеру и Остфаловъ по Эльбѣ; 3) Тюринги между Салою и Веррою; 4) къ югу отъ нихъ Франки,—по среднему течению Рейна, по Неккарѣ и Майну; 5) еще далѣе на югъ — Алеманы или, какъ стали они называться съ VIII в., Швабы (отъ поселившихся здѣсь и смѣшивавшихся съ Алеманами Свевовъ),—по верхнему Рейну и верхнему Дунаю, до границы Бургундіи и съверной Италии и 6) къ востоку отъ Алемановъ и къ югу отъ Тюринговъ Бавары,—по среднему Дунаю и лѣвымъ его притокамъ,—Изару и Инну съ Зальцей. Области этихъ племенъ, т. е. Фрисландія, Саксонія, Тюрингія, Франконія, Швабія и Баварія,—были коренной землей континентальнаго германскаго населенія, начавшаго съ IX в. несмотря на свои тогда еще рѣзкія этнографическія особенности обозначаться общимъ народнымъ именемъ „Deutschen“, тогда какъ у западныхъ его сосѣдей, галльскихъ Франковъ или Французовъ, около того-же времени и тоже какъ общее его обозначеніе входить въ обычай название „Аллеманы“ (Allemagne), перенесенное на всю страну его отъ имени близайшихъ сосѣдей Галліи порейнскихъ Алемановъ; на востокѣ же, у племенъ славянскихъ, утверждается для всего германскаго народа общее имя „Нѣмцы“, т. е. люди нѣмые, не умѣющіе говорить понятно. Но въ общее употребленіе имена эти входятъ не ранѣе слѣдующаго столѣтія, когда войны саксонскихъ императоровъ съ инородными сосѣдями пробудили въ германскихъ племенахъ, имъ подвластныхъ, первое смутное сознаніе народного единства и когда въ свою очередь и сосѣди тоже впервые получили объ нихъ понятіе, какъ объ одномъ народѣ.

Изъ этого этнографического ядра своего нѣмецкай народность и стала распространяться во всѣхъ направленіяхъ,—на съверъ, востокъ, югъ и западъ. Начало этого распространенія германізма на счетъ инородныхъ сосѣдей, особенно восточныхъ, т. е. Славянъ, относится еще ко временамъ

Распространеніе германізма при саксонской династіи.

Каролинговъ. Оно же сдѣлалось одною изъ главныхъ цѣлей политики королей саксонского дома, — Генриха I, трехъ Оттоновъ и Генриха II. Особенно успешна была въ этомъ отношеніи дѣятельность первого Генриха, по прозванию „Птицелова“¹⁾). Такъ на западѣ онъ прочно утвердилъ нѣмецкое господство въ Лотарингіи, — земляхъ по лѣвому берегу Рейна, по Мозелю и Маасу, получившихъ это название отъ имени правнука Карла Великаго Лотара I, которому въ половинѣ IX вѣка досталась эта область по семейному раздѣлу Каролинговъ. Населеніе Лотарингіи, пограничной между Германіей и Франціей, всегда было смѣшанное романо-германское, почему и самая страна эта была постояннымъ предметомъ раздора между двумя соѣднimiми государствами. Саксонскiе государи, начиная съ Генриха I, надолго впрочемъ прикрѣпили ее къ составу своей державы, и Лотарингія сдѣлалась при нихъ однимъ изъ важнѣйшихъ коронныхъ леновъ германской имперіи. На сѣверѣ Генрихъ отнялъ у Дановъ, т. е. Датчанъ, южную часть полуострова Ютландiи, образовавшую маркъ Шлезвигъ, а на востокѣ, въ землѣ славянскихъ Лужицанъ или Лужицкихъ Сербовъ, основалъ маркъ Мейсенъ. Преемникъ же его Оттонъ Великiй еще болѣе расширилъ эти сѣверные и восточные приобрѣтенія Нѣмцевъ. Такимъ образомъ уже въ X и XI в. коренная область германскихъ племенъ оказалась со всѣхъ сторонъ опоясанною цѣпью инородныхъ завоеванiй, тянувшихся въ слѣдующемъ порядкѣ: на сѣверѣ марки Голштинiя и Шлезвигъ, отнятые у скандинавскихъ Дановъ; далѣе, въ землѣ Лютичей, Вильцевъ и другихъ западныхъ Славянъ или Вендовъ, простирался Сѣверный Маркъ съ вассальнымъ княжествомъ Славинiею; на востокѣ рядъ областей, завоеванныхъ большею частью у Славянъ же — Лужицкая земля съ маркграфствами Мерзебургомъ и Мейсенскимъ, вассальная Чехiя съ Моравiей, Восточный Маркъ или Австрiя на земляхъ, отнятыхъ еще Карломъ Великимъ у Аваровъ, потомъ снова первоначально славянскiя маркграфства Штирiя, Каринтiя и Крайна; на югѣ марки Аквилея и Истрiя, одно время даже и Веронскiй (въ верхней Италиi), — всѣ на земляхъ частью славянскихъ, частью же италiанскихъ; наконецъ на западѣ — полуроманская Лотарингiя, т. е. нынѣшняя Бельгiя и сѣверная часть рейнско-пруссiихъ провинцiй.

¹⁾ Прозвище „Птицеловъ“ дано было Генриху лишь въ позднѣйшее время и не встрѣчается въ первоначальныхъ памятникахъ. Н.

Марки эти, первый примѣръ которыхъ былъ поданъ еще Карломъ Великимъ, были тѣми главными путями, посредствомъ которыхъ совершалось расширение нѣмецкой народности, шла германизація сосѣднихъ народностей. Водвореніе въ маркахъ нѣмецкихъ колоній, построеніе нѣмецкихъ городовъ и особенно распространеніе въ средѣ туземнаго населенія христіанства посредствомъ нѣмецкой проповѣди—все это представляло главную опору этой германизаціи. Прогрессъ ассимиляціи чужихъ народностей и претворенія ихъ въ германскую, начавшись при Карлѣ Великомъ, тѣль затѣмъ почти безостановочно втеченіе всей новой исторіи,—да продолжается еще и теперь. Но въ западномъ направлѣніи онъ встрѣтилъ довольно сильный отпоръ со стороны уже организовавшихся романскихъ государствъ и народностей, и потому германизація устремилась преимущественно на востокъ, гдѣ только что зарождавшаяся славянская государства, лишенная притомъ всякихъ другихъ связей кромѣ племенной, не могли противопоставить крѣпкаго оплота напору чужеземщины. Первоначальные же успѣхи этого напора германизма на славянскій востокъ яснѣ всего видны изъ того, что втеченіе IX, X и XI вв. Нѣмцамъ удалось уже онѣмѣтъ значительную часть славянскаго поморья отъ Эльбы до Одера (Померанія), полабскихъ Славянъ,—по нижней и средней Лабѣ (Эльбѣ), большую часть Лужицкихъ Сербовъ (по средней же Лабѣ) и положить прочное начало германизаціи Чехіи, Штиріи, Каринтии и Крайны.

Таковъ былъ территоріальный и этнографический составъ нѣмецкаго государства при императорахъ саксонской династіи. При слѣдующей же франконской или салической, имѣвшей четырехъ представителей,— Конрада II и трехъ Генриховъ (III, IV и V),—онъ увеличился еще пріобрѣтеніемъ Бургундіи или того арелатскаго королевства (отъ столицы его Арль, Arelatum), которое въ концѣ IX в. выдѣлилось изъ развалинъ имперіи Карла Великаго и обнимало долину Роны и склоны Юрскаго хребта. Пріобрѣтеніе это впрочемъ, какъ и всѣ романскія пріобрѣтенія Нѣмцевъ, было непрочно, и уже въ концѣ XIV в. Бургундія, распавшаяся съ теченіемъ времени на нѣсколько мелкихъ независимыхъ владѣній, мало-по-малу была поглощена Франціею. Разумѣется, что въ составѣ разросшейся такимъ образомъ германской державы первенствующимъ, главнымъ значеніемъ пользовались коренные нѣмецкія племенные земли,—Саксонія, Франконія, Швабія, Баварія,—такъ какъ до самого XIII в. они однѣ давали Германіи ея послѣдовательныя царствующія династіи,—саксонскую, франконскую, швабскую.

Пріобрѣтенія императоровъ франконской династіи

Внутреннее устройство государства. Съ территориальнымъ ростомъ государства шло параллельно и развитие его внутренняго устройства. Во главѣ государственного союза германскихъ и германизированныхъ племенъ стоялъ король, достоинство котораго, бывшее при Каролингахъ наследственнымъ въ этой фамилии, по прекращеніи ея сдѣлалось избирательнымъ, право же избранія присвоили себѣ государственные вассалы¹⁾. Съ Оттона I короли германскіе кромѣ того успѣваютъ утвердить за собою и своими династіями и санъ римскаго императора, и самое государство официально уже титууется священнай римской имперіей и немецкой націи. Но согласно установленвшемуся обычаю и по примѣру возстановителя имперіи Карла Великаго новоизбранный король предпринимаетъ походъ въ Италію и получаетъ императорскую корону въ Римѣ изъ рукъ самого папы. Походы эти влекли за собой также неоднократныя завоеванія Италіи, особенно верхней, Нѣмцами, но и эти завоеванія подобно всѣмъ романскимъ были большою частью кратковременны и болѣе номинальны, чѣмъ дѣйствительны. Государь своей земли, германскій король въ качествѣ римского императора считался вмѣстѣ и верховнымъ главою всего западнаго христіанства. Императоры X вѣка, Оттоны въ особенности, понимали эту роль очень серьезно и даже умѣли до некоторой степени осуществить ее, но большою частью такое верховенство всегда оставалось одной политической фикცиѳю, и на другія западно-германскія государства германскій императоръ имѣлъ вліяніе лишь настолько, насколько позволяло ему его личное могущество. Даже въ собственномъ государствѣ онъ пользовался властью ограниченной. [Племенные герцоги, графы и церковные прелаты стояли между нимъ и народомъ, и только въ имперскихъ земляхъ и по отношению къ свободнымъ людямъ, а впослѣдствіи и къ имперскимъ городскимъ общинамъ, онъ являлся болѣе полновластнымъ государемъ. Сыну своему онъ могъ передать корону не иначе, какъ съ согласія князей и народа. Важнѣйшія дѣла государственные решались на сеймахъ общихъ или областныхъ. Императоръ не имѣлъ опредѣленной резиденціи, а постоянно объѣзжалъ всѣ области государства. Обыкновенно онъ останавливался

¹⁾ При Оттонахъ и Генрихахъ, вилоть до начала борьбы за инвеституру, германскій престолъ былъ избирательнымъ только по имени, въ дѣйствительности наследственнымъ, такъ какъ избиратели, довольствуясь своимъ формальнымъ правомъ, никогда не решались отступать отъ господствующей династіи. Избиратели были всѣ королевские вассалы, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, и свободные люди. Н.

или въ королевскихъ пфальцахъ (дворахъ, мызахъ), разбросанныхъ въ огромномъ количествѣ по всему протяженію имперіи, или въ имперскихъ монастыряхъ. Это вѣчное передвиженіе представителя монархической власти было однимъ изъ главнейшихъ средствъ для поддержанія и упроченія этой власти. Тамъ, гдѣ присутствовалъ лично императоръ, теряли всякое значеніе мѣстная власть, и высшій монархической авторитетъ вступалъ во всю полноту своихъ правъ. Въ отсутствіе же императора мѣстная власти получали преобладающее значеніе].

Во главѣ каждого германского племени стоялъ герцогъ, представитель его частныхъ интересовъ и защитникъ его старыхъ вольностей, обыкновенно ставившій эти интересы выше общегосударственныхъ, стремившійся къ полной мѣстной независимости. Приблизительно такое-же положеніе занимали графы въ своихъ областяхъ и маркграфы въ своихъ маркахъ. Значеніе князей возрасло еще болѣе, когда герцогскія и другія имперскія достоинства съ XI в. сдѣлались окончательно наследственными въ извѣстныхъ фамиліяхъ Биллунговъ въ Саксоніи, Бабенберговъ въ Австріи, Вельфовъ, Церинговъ, Штауфеновъ—въ южной Германіи. Кромѣ свѣтскихъ князей были еще князья духовные,—архіепископы, епископы, аббаты, владѣвшіе на ленныхъ же правахъ иногда цѣлыми областями, приписанными къ ихъ епархіямъ, церквамъ, монастырямъ. Во главѣ ихъ стояли три рейнскіе архіепископы,—майнцкій, какъ примасъ Германіи, затѣмъ кельнскій и трирскій, тогда какъ на сѣверѣ большими значеніемъ пользовался архіепископъ бременскій, а на востокѣ и юго-востокѣ, въ бывшихъ земляхъ славянскихъ, архіепископы магдебургскій и зальцбургскій. Духовные князья находились впрочемъ въ болѣшей зависимости отъ короля, чѣмъ свѣтскіе, такъ какъ во владѣніяхъ ихъ не могло быть рѣчи о наследственности, да и самое назначеніе ихъ на должности зависѣло главнымъ образомъ отъ короля-же.

[Итакъ во внутреннемъ строѣ германской державы первенствующую роль играли два элемента, противоположные другъ другу по самой своей сущности: съ одной стороны стояло императорство, напитанное римскими воспоминаніями о своемъ всемогуществѣ, съ другой сильная аристократія, представлявшая собою партикулярныя стремленія отдѣльныхъ германскихъ племенъ]. Борьба между двумя этими началами, между, императорствомъ и княжевластіемъ, государственной централизацией и племеннымъ партикуляризмомъ, начинается съ самого основанія государства, т. е. съ X-го вѣка. Она тянется чрезъ всѣ сред-

ніє вѣка и новое время и составляетъ важнѣйшій интересъ внутренней истории Германіи. Цѣль борьбы со стороны императора—подчинить князей общей государственной власти, а со стороны князей—отстоять свою мѣстную независимость. А ея ходъ до крестовыхъ походовъ, средства и успѣхи въ главныхъ чертахъ были слѣдующіе. Въ X в. Оттоны, породнившись съ итальянскимъ и византійскимъ владѣтельными домами¹⁾, въ лицѣ Оттона III усвоившіе даже греческое образованіе и обычаи и потому сильно увлекшіеся античными представленіями о величинѣ императорской власти и мечтавшіе даже о покореніи всей Италіи и о перенесеніи императорской резиденціи въ Римъ, стремятся прямо къ уничтоженію герцогскаго достоинства въ Германіи или по крайней мѣрѣ къ превращенію герцоговъ и другихъ князей въ простыхъ чиновниковъ короны. Такъ Оттонъ I раздавалъ герцогскія достоинства своимъ родственникамъ и кромѣ того поставилъ по герцогствамъ особыхъ коронныхъ чиновниковъ для охраненія верховныхъ императорскихъ правъ, а Генрихъ III составилъ даже планъ превратить Германію въ неограниченную и наследственную монархію своего дома. Къ этой цѣли онъ и некоторые другие императоры этой эпохи стремились тремя главными путями,—усиленіемъ значенія и богатства духовныхъ князей, какъ болѣе отъ нихъ зависимыхъ и по своему положенію и римскимъ идеямъ могущихъ составить естественное противовѣсие князьямъ свѣтскимъ,—затѣмъ образованіемъ рыцарства, какъ новаго свободнаго имперскаго сословія, непосредственно подчиненнаго императору. Нуждаясь, какъ для борьбы съ князьями, такъ и для беспрестанныхъ внѣшнихъ войнъ, въ большихъ военныхъ силахъ, императоры X-го и особенно XI в. начинаютъ надѣлять мелкими имперскими ленами вассаловъ второстепенныхъ, т. е. такихъ, ближайшими сюзеренами которыхъ были имперскіе князья, и превращаютъ ихъ такимъ образомъ изъ посредственныхъ въ непосредственныхъ вассаловъ короны съ обыкновенною обязанностью являться на военную службу въ качествѣ тяжелооруженныхъ всадниковъ (Ritter) по первому призыву своего сюзерена, т. е. императора. Съ другой стороны въ подобныя же отношенія къ императорамъ вступаютъ и министеріалы, т. е. ихъ придворные чиновники и слуги, число которыхъ было очень велико, особенно по городамъ. Лены министеріаловъ, которые они получали за свою придворную службу, мало по малу тоже превращаются въ рыцарскіе или военные и

¹⁾ Оттонъ I былъ женатъ во второй разъ на Адельгейдѣ, королевѣ итальянской, Оттонъ II женился на византійской принцессѣ Феофанії. Н.

уже въ XII в. дѣлаются наследственными. Наконецъ императоры саксонского и особенно франконского дома искали себѣ опоры противъ князей также и въ городахъ, которые, получая отъ нихъ разныя льготы, вольности и права, становились соотвѣтственно подъ ихъ покровительство и защиту, дѣлались имперскими, т. е. зависимыми не отъ тѣхъ территориальныхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ они находились, а непосредственно отъ короны, неся въ ея пользу и свои повинности, военные и особенно денежные. Но и эта перемѣна,—такъ называемое освобожденіе городовъ,—въ большихъ размѣрахъ стала развиваться уже въ слѣдующемъ XII в. при императорахъ швабскаго дома.

Такимъ образомъ императоры римско-нѣмецкіе старались пріобрѣсть себѣ независимую силу, хотя сила эта главнымъ образомъ опиралась все таки на той племенной области, откуда происходила царствовавшая династія. Такъ саксонскіе государи опирались преимущественно на Саксонію, франконскій домъ черпалъ свои главныя средства въ родовой своей Франконіи, а швабскій—въ Швабіи. Императорамъ двухъ первыхъ династій не удалось однако достигнуть вполнѣ своей цѣли, т. е. окончательно и безповоротно подчинить себѣ имперскихъ князей. Этому помѣшали многія обстоятельства,—кратковременность самихъ династій, не успѣвшихъ прочно утвердиться на избирательномъ тронѣ имперіи, постоянная отвлеченія силы императоровъ на разныя вѣшнія предпріятія,—на борьбу съ инородными сосѣдями и ихъ онѣмеченіе, на частые и бесплодные походы въ Италію для подчиненія этой страны своему верховному владычеству и для пріобрѣтенія императорской короны, а съ XI вѣка—на долгую и упорную борьбу съ папствомъ, имѣвшую также и непосредственно большое вліяніе на отношенія императорской власти къ княжеской. Борьба эта при своемъ началѣ, т. е. при послѣднихъ двухъ франконскихъ императорахъ, известная въ исторіи подъ частнымъ названіемъ спора за инвеституру, разрослась впослѣдствіи, какъ относительно своего содержанія, такъ и объема, до громадныхъ размѣровъ, приняла характеръ борьбы духовной власти со свѣтской, церкви—съ государствомъ, охватила почти всю западную Европу и привела въ концѣ концовъ къ такимъ важнымъ послѣдствіямъ для всего ея культурнаго развитія, что явленіе это по справедливости можно считать центральнымъ въ цѣломъ средневѣковомъ періодѣ исторіи романо-германскаго міра. Но, чтобы оцѣнить вполнѣ его важность и понять, какъ притязанія, такъ и средства боровшихся сторонъ, надо спачала прослѣдить постепенное возвышеніе папства

до момента его враждебного столкновения съ правами и стремлениями римско-немецкаго императорства при Генрихѣ IV¹⁾.

Примѣчаніе. Перечислять источники для исторіи папства—значило бы перечислять всѣ источники средневѣковой исторіи, такъ какъ міровая дѣятельность папства касалась всѣхъ странъ и народовъ христіанскаго міра, переплеталась со всѣми сторонами средневѣковой жизни. Мы укажемъ здѣсь лишь на тѣ памятники и документы, которые или относятся специально къ исторіи папства, или же не были названы нами въ предыдущихъ отдельлахъ. Уже въ IX в., въ Римѣ явилось собраніе біографій римскихъ первосвященниковъ, приписываемое обыкновенно бібліотекарю римской церкви Анастасію. Ваттенбахъ, лучшій знатокъ средневѣковой письменности, полагаетъ совершенно основательно, что перу Анастасія принадлежитъ лишь одна біографія папы Николая I-го, тогда какъ біографіи предыдущихъ папъ написаны неизвѣстными авторами. Въ половинѣ девятаго же вѣка собраны были въ Римѣ письма Николая I-го и Иоанна VIII, дающія самый драгоценный матеріаль для исторіи быстраго поднятия папства и проливающія яркій свѣтъ на первый разрывъ между Римомъ и Константинополемъ. X-й вѣкъ, бывшій, какъ извѣстно, эпохой глубокаго нравственнаго упадка папства и его подчиненія свѣтскимъ властямъ, сначала римскимъ феодальнымъ баронамъ, а затѣмъ германскому императорству, характеризуется полнымъ застоемъ умственной и литературной жизни въ самомъ Римѣ. Мрачная и грязная исторія папства этой эпохи должна быть изучаема по сочиненіямъ Ліуприанда и другимъ италіанскимъ и германскимъ хроникамъ. Въ первой половинѣ XI вѣка въ Римѣ возникли такъ называемые *Annales Romani*, изображающіе исторію папства съ императорской точки зрѣнія, но дошедшіе до насъ въ искаженномъ и отрывочномъ видѣ. Иными духомъ дышать продолженія труда Анастасія, содержащія въ себѣ біографіи Льва IX, Григорія VII, Виктора III, Урбана II и Пасхалія III. Здѣсь господствуетъ уже всецѣло ієрархическая точка зрѣнія, равно какъ и въ жизнеописаніяхъ Пасхалія II-го, Каликста II-го и Гонорія II-го, написанныхъ кардиналомъ Пандульфомъ въ серединѣ XII-го вѣка. Гораздо болѣе значенія, нежели эти сухія и краткія біографіи, имѣютъ другіе труды, возникшіе виѣ Рима и рисующіе намъ болѣе подробно и живо знаменитыхъ папъ второй половины XI-го вѣка. Сюда относятся: жизнь папы Льва IX-го, написанная Викбертомъ, архидіакономъ Тульской церкви (въ Лотарингіи), и біографія Григорія VII-го, составленная немецкимъ монахомъ Павломъ Бернридомъ. Міровая политика Григорія VII-го рисуется съ наибольшою полнотою и ясностью въ его многочисленныхъ собственноручныхъ письмахъ, изданныхъ Яффе во второмъ томѣ его *Bibliotheca rerum Germanicarum*. Епископъ Сутрійскій Бонцо написалъ общую исторію римской церкви до 1085 г., въ которой сопоставилъ

¹⁾ Важнѣйшія пособія для этого вопроса тѣ же, что и для исторіи средневѣковаго императорства. Наиболѣе основательно и беспристрастно изложенъ онъ у Гизебрехта, тогда какъ въ сочиненіяхъ Фойгта, Гфререра и Лео преобладаетъ клерикальная точка зрѣнія. Для исторіи папства имѣеть также значеніе Ф. Грекоровіуса „исторія города Рима“, переведенная на русскій языкъ, и Вызинскаго „Папство и священная рим. имперія въ XIV и XV вв.“. Н.

всѣ несправедливости и угнетенія со стороны свѣтской власти и старался оправдать тѣмъ непомѣрныя и неслыханныя притязанія Гильдебранда.

Вообще эпоха борьбы за инвеституру породила громадную литературу, отличающуюся крайне партійнымъ и пристрастнымъ характеромъ. Противники Генриха IV-го раздѣляются на двѣ категоріи, на настоящихъ папистовъ и поборниковъ книжевластія и саксонскихъ мятежниковъ. Для характеристики первой группы можно указать на хроники двухъ южно-германскихъ монаховъ Бернольда и Бертольда, тогда какъ типичнѣйшимъ представителемъ второй группы является саксонскій памфлѣтистъ Бруно. Бернольдъ и Бертольдъ пишутъ чисто съ папской точки зрѣнія; Генрихъ IV изображается у нихъ новымъ Антіохомъ, а его противники Маккавеями, но они никогда не искажаютъ намѣренно истины. Наоборотъ Бруно наполняетъ свою книгу „de bello Saxonico“ самыми чудовищными и пелѣпными выдумками о Генрихѣ IV, смотритъ притомъ на всѣ события съ узкой точки зрѣнія саксонскаго патріота и рѣзко порицаетъ самого Григорія VII въ тѣхъ случаяхъ, где его дѣйствія не соответствовали саксонскимъ интересамъ. Генрихъ IV нашелъ себѣ и въ литературѣ не мало энергическихъ и даровитыхъ сторонниковъ. Какой то анонимный поэтъ въ своемъ эпосѣ о саксонской войнѣ изложилъ исторію великаго саксонскаго мятежа съ императорской точки зрѣнія и изложилъ ее не только прекраснымъ языкомъ и правильнымъ стихомъ, но и не безъ истинаго, неподѣльного одушевленія. Другой анонимный писатель, по прежнимъ догадкамъ епископъ лютихскій Отбертъ, по послѣдней болѣе вѣроятной гипотезѣ Ф. Яффе—непрѣдѣльный клирикъ майнцкой церкви, оставилъ намъ краткое жизнеописаніе Генриха IV-го, произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся. Лучшіе знатоки средневѣковой письменности, какъ напримѣръ Ваттенбахъ, Яffe и другіе, единогласно признаютъ „Vita Heinrici IV“ самымъ блестящимъ произведеніемъ средневѣковой исторической литературы. Чистый и прекрасный языкъ, образцовое изложеніе и группировка фактовъ, благородный тонъ и горячее, чисто человѣческое сочувствіе къ несчастному, преслѣдуемому судью императору—вотъ выдающіяся черты этого небольшаго сочиненія,—черты, которыя напрасно стали бы мы искать во всѣхъ другихъ многочисленныхъ памятникахъ этой бурной и страстной эпохи.

Другіе сторонники императора пытались набросить какъ можно больше тѣни на величавую фигуру его главнаго противника—Гильдебранда. Типичнѣйшимъ представителемъ такихъ памфлѣтистовъ былъ Бенцо. Родомъ Италіанецъ, а по сану епископъ, Бенцо не задумался собрать въ свое мѣсто странномъ и по формѣ сочиненіи, написанномъ то прозою, то стихами, всевозможныя клеветы на Григорія VII-го и всѣ грязныя исторіи и выдумки о его жизни, подобно тому какъ сдѣлалъ это Бруно по отношенію къ Генриху IV. Совершенно такимъ же характеромъ отличается и біографія Григорія VII-го, написанная кардиналомъ Бенцо; тогда какъ другіе приверженцы императора, какъ напримѣръ Петръ Крассъ и Гвидо, епископъ феррарскій, старались, и притомъ не безъ успѣха, защищать дѣло Генриха не грубью бранью и пошлыми выдумками, а доводами, взятыми изъ римскаго права.

Совершенно исключительное положеніе во всей тогдашней литературѣ занималъ Ламбертъ, монахъ Герсфельдскаго монастыря. Въ своихъ лѣтописяхъ, Всеобщ. Ист., II.

сихъ онъ оставилъ намъ въ высшей степени подробную, прекрасно и живо написанную исторію царствованія Генриха IV-го до избрания антикороля Рудольфа. Выдавалась изъ ряда другихъ писателей и своимъ правильнымъ языкомъ, и своею громадною начитанностью въ латинскихъ авторахъ, и своимъ мастерскимъ, нерѣдко художественнымъ изложеніемъ, Ламбертъ оставляетъ ихъ далеко за собою и своимъ историческимъ смысломъ, и своимъ умѣреніемъ, хотя и не всегда вполнѣ безпредвзгляднымъ взглѣдомъ. Симпатіи Ламбера склоняются болѣе на сторону Григорія VII-го и его партии, но это обстоятельство отнюдь не мѣшаетъ ему воздавать должное противной сторонѣ и относиться въ иѣкоторыхъ случаяхъ даже съ сочувствіемъ къ Генриху IV. Трудъ Ламбера не нашелъ себѣ, къ сожалѣнію, достойнаго продолжателя. Другіе даровитые писатели этой эпохи не занимались исторіею своего времени, а тратили силы на составленіе всемѣрныхъ хроникъ, въ которыхъ они старались свести и переработать весь историческій матеріаль, дошедшій къ нимъ отъ древнѣйшихъ временъ. Изъ такихъ писателей особенное значеніе имѣютъ Зигеберть, родомъ изъ Лотарингіи, и Экегардъ, аббать Урахскаго монастыря въ Франконіи. Хроника Зигеберта доведена до конца XI столѣтія; она отличается своимъ краткимъ, сжатымъ характеромъ; авторъ не скрываетъ своего сочувствія къ императорскому дѣлу. Хроника Экегарда доведена до смерти Генриха V-го и отличается болѣе подробнымъ, обстоятельнымъ изложеніемъ. Авторъ передѣльвалъ свою книгу иѣсколько разъ, и всѣ различныя редакціи его труда дошли до нашего времени. Въ этихъ различныхъ редакціяхъ онъ не только пополнялъ свой матеріаль, но и неоднократно измѣнялъ свой взглядъ, высказываясь то въ пользу императора, то папы, то наконецъ становясь на болѣе нейтральную почву. Помимо общихъ сочиненій литература эпохи борьбы за investituru чрезвычайно богата памятниками болѣе мѣстнаго провинциального характера. Насколько важны могутъ быть иногда подобные памятники и для всеобщей исторіи, доказываетъ исторія гамбургской церкви Адама Бременскаго. Въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи мы находимъ не только массу интересныхъ данныхъ о балтийскихъ Славянахъ и Скандинавахъ, но и встрѣчаемъ подробную біографію архіепископа Адальберта, игравшаго такую выдающуюся политическую роль въ началѣ правленія Генриха IV-го.

Новая литература по исторіи папства и борьбы за investituru чрезвычайно богата какъ общими сочиненіями, такъ и монографіями по частнымъ вопросамъ. Укажемъ лишь важнѣйшия труды: Лоранъ *La papauté et l'empire dans le moyen age*. Нижесть, *Das Kaiserthum und Papstthum im Mittelalter*; Грекоровіусъ, *Geschichte der Stadt Rom*, (есть и русскій переводъ); Гизебрехтъ, *Geschicthe der deutschen Kaiserzeit* (3-й томъ); Реймонтъ, *Geschichte der Stadt Rom*; Фойгтъ, *Das Leben Gregor's des VII*; Флото, *Kaiser Heinrich IV. II.*

Первоначально, т. е. въ первые три вѣка исторіи христіанской церкви, римскій епископъ не выдавался въ ряду другихъ іерарховъ вселенской церкви никакими особыми преимуществами. Даже его обычный титулъ „папа“, перенесенный въ средневѣковой латинскій языкъ съ греческаго πάππας — отецъ, употреблялся еще долго и впослѣдствіи, какъ почетное

наименование всѣхъ почти епископовъ. Но высокое моральное значеніе его каѳедры, особенно на западѣ, замѣтно было уже и тогда. Оно основывалось, во-первыхъ, на томъ, что Римъ былъ міродержавнымъ городомъ, столицей имперіи, и его политическое величие невольно отражалось и на епископахъ; во-вторыхъ, тотъ же Римъ былъ также центромъ древняго политеизма, сѣдалищемъ верховнаго первосвященника его — императора, такъ что послѣ паденія язычества римскому епископу оставалось только сѣсть на его мѣсто, чтобы въ восторжествовавшей христіанской церкви занять подобное-же положеніе; и наконецъ — на томъ еще, что римская церковь основана была по установившемуся преданію первоапостолами Петромъ и Павломъ, что съ одной стороны придавало ей особенно священный характеръ, а съ другой повело на западѣ къ укорененію вѣры, что ученіе Христа Спасителя нигдѣ не сохранилось въ такой чистотѣ, какъ именно въ Римѣ. Римскіе епископы и воспользовались впослѣдствіи этой вѣрой для своихъ притязаній на рѣшающій голосъ во всѣхъ спорныхъ догматическихъ вопросахъ, равно какъ и на право суда надъ другими епископами.

Такъ было во времена языческія. Когда же христіанская вѣра въ IV в. сдѣлалась господствующею въ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ впервые установлена была правильная іерархія, за римскимъ епископомъ со стороны императорскаго правительства въ 445 г. формально признано было первое мѣсто въ этой іерархіи вмѣстѣ съ правомъ надзора надъ другими западными епископами и съ титуломъ патріарха, который онъ получилъ направивъ съ епископами другихъ большихъ городовъ имперіи,—Константино-поля, Александрии, Антіохіи, Іерусалима. Но уже то обстоятельство, что на Востокѣ было четыре патріарха, а на Западѣ одинъ римскій, должно было придавать послѣднему особенный блескъ. Даже патріархъ Константино-поля, какъ новой столицы имперіи, не могъ съ нимъ въ этомъ отношеніи соперничать, такъ какъ его значеніе въ этомъ городѣ постоянно заслонялось присутствиемъ императорской власти, между тѣмъ какъ въ Римѣ, оставленномъ послѣднее время западными императорами, поселившись въ Равеннѣ, общественная роль его епископовъ дѣлалась все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Такъ напр. въ половинѣ V в. епископъ Левъ I имѣлъ уже столько нравственного значенія, что могъ спасти Римъ отъ нашествія Аттилы. Что-же касается другихъ восточныхъ патріарховъ, то, какъ уже въ VII в. азіатскія и африканскія провинціи византійской имперіи подверглись завоеванію Аравитянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пала невозвратно не только слава, но и самая независимость ихъ каѳедръ, послѣ чего

они, разумѣется, не могли и думать о какомъ-нибудь іерархическомъ со-
перничествѣ съ Римомъ. Особенно же быстро возрастаетъ значеніе папства
послѣ паденія западной римской имперіи. Тутъ каждая изъ политическихъ не-
ремѣнъ, которымъ такъ часто подвергалась Италія въ началѣ среднихъ
вѣковъ, фатально клонилась къ выгодамъ римского епископа. Владыче-
ство аріанскихъ Остготовъ, ненавидимыхъ туземнымъ католическимъ на-
селеніемъ Италіи, невольно сгруппировало его около римского епископа,
какъ его естественнаго представителя и единственнаго защитника, [тогда
какъ съ другой стороны громадное политическое вліяніе Теодориха Вели-
каго на всѣхъ остальныхъ варварскихъ королей Запада и его вѣроте-
пимость способствовали распространению авторитета римского епископа,
выступавшаго передъ престоломъ могущественнаго остготскаго короля въ
качествѣ ходатая за своихъ единовѣрцевъ во всей аріанской Европѣ]. Съ
половины VI в. остготское владычество замѣняется византійскимъ. На
Италію ложится гнетъ хищной византійской администраціи и финансовой
системы. Угнетенное населеніе опять прибѣгаеть къ римскому епископу,
дѣлаетъ его органомъ своихъ интересовъ и защитникомъ своихъ правъ. А
огромныя богатства римской церкви, такъ называемыя „патrimonii Св.
Петра“, разсѣянныя по всей странѣ, даютъ ея главѣ средства съ успѣ-
хомъ выполнять такую миссию, поддерживать свое вліяніе и связи какъ
въ Константинополѣ, такъ и въ самой Италіи. Затѣмъ въ концѣ VI ст.,
когда Италія подверглась нашествію Лангобардовъ, обстоятельства сложи-
лись опять чрезвычайно благопріятно для римского первосвященника. Но-
вое завоеваніе охватило не весь полуостровъ Апеннинскій. Оно ограни-
чило сѣверную Италію, а оттуда протянулось длиною, но узкой по-
лосою внутрь страны до Беневента. Берега морей Адріатическаго и То-
сканскаго, равно какъ и южная Италія, остались за Византійцами. Тогда
тосканскій берегъ, отдѣленный отъ адриатическаго, где жилъ въ Равенѣ
византійскій экзархъ или намѣстникъ, еще тѣснѣе примкнулъ къ Риму,
какъ къ своему не только религіозному, но и политическому центру, и
такимъ образомъ Италіанцы этихъ мѣстъ въ виду угрожающихъ имъ
еретиковъ съ одной стороны, а съ другой — въ виду чужеплеменного и
ненавистнаго имъ господства Византійцевъ, все болѣе и болѣе привыкали
видѣть въ римскомъ епископѣ представителя своихъ национальныхъ инте-
ресовъ. Вообще въ это время папа держался направленія по-преимущес-
тву национально-италіанскаго. Лучшимъ представителемъ этой прекрасной
поры въ исторіи папства былъ въ концѣ VI и началѣ VII в. Григорій
I или Великій. Благодаря его вліянію и связямъ, при немъ началось

обращение арианскихъ Лангобардовъ въ католицизмъ, что, при установлении болѣе правильныхъ отношеній и къ византійскому правительству, впервые послѣ долгихъ смутъ доставило Италии внутреннее спокойствіе и даже нѣкоторое благосостояніе. Его-же стараніями стали переходить въ католичество и арианские Вестготы въ Испаніи. Въ то же время миссионеры Григорія насадили христіанство по римскому ученію и между Англо-саксами Британіи,— и очень естественно, что всѣ эти новообращенные страны смотрѣли на римскую церковь, какъ на источникъ своего христіанского и католического просвѣщенія, какъ на свою духовную метрополію. Но, несмотря на такое значительное расширение предѣловъ римско-церковной обединеніи, Григорій былъ еще совершенно чуждъ идеи о папскомъ всевластіи и, когда современникъ его, константинопольский патріархъ Іоаннъ, принялъ титулъ вселенского, то, желая подать своему собрату примѣръ христіанского смиренія, Григорій сталъ именоваться „*Servus Servorum Dei*“. Но уже 100 лѣтъ спустя, именно къ началу XIII в., политика папъ сильно измѣнилась, принимая все болѣе и болѣе характеръ теократической. Въ это время за обладаніе всей Италии спорили Лангобарды и Византійцы. Для римского епископа торжество той или другой стороны было одинаково невыгодно, такъ какъ, кто-бы ни сдѣлался господиномъ Рима, общественное значеніе папы пало-бы во всякомъ случаѣ. И вотъ папы, бывшіе нѣкогда покровителями юной италіанской народности, накликавшіе на Италию новое чужеземное владычество Франковъ. Владычество это было для нихъ выгодно потому, что Франки были повелителями далекими и потому не столь опасными, какъ напр. Лангобарды, явно стремившіеся къ владычеству надъ Римомъ. Притомъ между римскимъ престоломъ и Каролингами существовали давнія дружескія связи, начавшіяся еще съ конца VII и начала VIII в., когда англо-сaxonские миссионеры съ Винфридомъ или Бонифаціемъ во главѣ съ благословеніемъ и подъ руководствомъ папы Григорія II обратили въ римское христіанство всю сѣверную и отчасти среднюю Германію, остававшуюся до тѣхъ поръ языческою. Восемь новыхъ епархій, основанныхъ въ ново-крестившейся Германіи, безусловно признали папу своимъ духовнымъ гла-вою. Въ то же время счастье повезло папамъ и съ другой стороны. Въ началѣ VII в. началось въ Византіи иконоборство ¹⁾.

¹⁾ Важнѣйшимъ пособіемъ для исторіи Италии и папства на русскомъ языкѣ можно считать и теперь превосходное, хотя и нѣсколько устарѣлое сочиненіе Кудрявцева „Судьбы Италии“. Для исторіи иконоборства важно сочиненіе Шлоссера (Исторія иконоборствующихъ императоровъ), на нѣмецкомъ языкѣ. Н.

Крутыя мѣры императора Льва III противъ почитанія иконъ взволновали также и Италію, и папа Григорій III ловко воспользовался негодованіемъ Италіанцевъ, чтобы свергнуть византійское господство на полуостровѣ и вовсе сложить съ себя подданическія отношенія къ императору. Въ южной части полуострова Византійцы, правда, успѣли возстановить свое господство, но оба берега средней Италии потеряли они невозвратно. На эти освобожденныя отъ византійского владычества земли напали теперь Лангобарды. Но папа Стефанъ II призвалъ противъ нихъ Франковъ, король которыхъ Пипинъ Короткій, основатель каролингской династіи, побѣдивъ Лангобардовъ въ 755 г., принесъ въ даръ престолу Св. Петра кромѣ области римской часть равенскаго экзархата и Пентаполисъ или береговую полосу по Адріатикѣ отъ Равенны до Анконы въ благодарность за то, что папа Захарій II своимъ духовнымъ авторитетомъ содѣствовалъ его возвышенню на франкскій престоль, а Стефанъ II помазалъ его на новое царство. Римскіе епископы сдѣлались такимъ образомъ свѣтскими государями, что подняло ихъ на такую высоту между всѣми іерархами Запада, что съ этого времени они начинаютъ явно стремиться къ абсолютному господству надъ всею христіанскою церковью. И нельзя сказать, чтобы къ этой цѣліи они шли всегда честными путями. Напротивъ, они пользуются теперь всякимъ случаемъ, чтобы дать вѣсъ своимъ теократическимъ притязаніямъ, хотя бы это шло въ ущербъ христіанской нравственности и чистотѣ самой вѣры. Такъ папы IX в. не усумнились признать каноническимъ сборникъ б. ч. подложныхъ соборныхъ опредѣленій и папскихъ декретовъ первыхъ 4-хъ вѣковъ христіанства, появившійся въ первой половинѣ этого столѣтія въ рейнской Германіи ипущенный въ ходъ подъ именемъ знаменитаго церковнаго писателя VII в. Исидора, епископа севильскаго¹⁾. Положенія этого сборника, известнаго теперь подъ именемъ Лже-исидоровскихъ декреталій, явно

¹⁾ Вопросъ о возникновеніи Лже-исидоровыхъ декреталій принадлежитъ къ числу довольно темныхъ и недостаточно разысканныхъ. Прежнее мнѣніе, пущенное въ ходъ протестантскими писателями, что документы эти сфабрикованы были въ самомъ Римѣ, по инициативѣ папства, оставлено теперь всѣми изслѣдователями, какъ ни на чёмъ не основанное. Подлинное и тщательное изученіе какъ самихъ декреталій, такъ и всей литературы IX в., привело къ убѣждѣнію, что Лжеисидоровскій сборникъ возникъ въ франкскомъ государствѣ, по мнѣнію однихъ ученыхъ въ реймской епархіи, т. е. во Франціи, по мнѣнію другихъ въ западной, прирейнской Германіи. Главная цѣль составителей сборника заключалась въ возвышеніи власти франкскихъ митрополитовъ, а лучшимъ средствомъ для этого они сочли легальное упроченіе папскаго примата надъ всею

направлены къ тому, чтобы доставить папамъ абсолютное господство надъ церковью. Такъ папа признается здѣсь верховнымъ главою церкви съ правомъ суда и контроля надъ другими епископами, которые только отъ него заимствуютъ свой авторитетъ, обязаны ему безусловнымъ нововеніемъ и могутъ быть назначаемы и свергаемы по его усмотрѣнію. Далѣе, законодательная власть папы поставлена выше соборовъ, заключенія которыхъ получаютъ силу только по утвержденіи ихъ папою. Наконецъ, вообще за духовною властью признается полная независимость отъ власти государственной. Несмотря на грубый подлогъ этихъ документовъ, папа Николай I въ 863 г. уже оправдывалъ ими свое право, по которому онъ наложилъ тогда эпитетію на лотарингскаго короля Лотаря II и отрѣшилъ отъ должности двухъ высшихъ прелатовъ Германіи, архіепископовъ майнцкаго и трирскаго. Примѣру Николая I стали слѣдовать и его преемники. Такъ же точно, когда положеніе папъ упрочилось и власть ихъ окрѣпла на Западѣ, то, желая избавиться и отъ контроля римско-нѣмецкихъ императоровъ, которымъ они такъ много обязаны были своимъ возвышеніемъ, папы выдумали подложную грамоту, по которой Константинъ Великий будто и передалъ Римъ и всю Италию папамъ, перенесши поэтому и саму столицу въ Константинополь. Но самымъ поразительнымъ образомъ теократический духъ папства этого времени обнаружился въ исторіи отдѣленія римской церкви отъ единства церкви вселенской.

Коренные причины этого отдѣленія лежали, конечно, въ томъ глубокомъ различіи Востока и Запада, которое создало для обѣихъ половинъ исторического міра совершенно особую судьбу; по въ данномъ случаѣ характеренъ образъ дѣйствій римскихъ первосвященниковъ, приведшій къ церковному разрыву. Начало несогласій между Римомъ и Константинополемъ относится еще къ исходу V в., когда папа Феликсъ II предалъ проклятию двухъ восточныхъ патріарховъ по поводу извѣстнаго энотикона, изданного императоромъ Зенономъ съ цѣлью примиренія ереси монофизитовъ съ православнымъ ученіемъ Халкідонскаго собора о природѣ I. Христа. Затѣмъ въ первой половинѣ VIII в. Римъ вторично произнесъ анаему противъ греческихъ иконоборцевъ. Но замѣчательно, что оба раза папы позволили себѣ этотъ высокомѣрный шагъ въ то время, когда находились уже въ власти византійского правительства. И чѣмъ независимѣ становились они въ Италии вслѣдствіе разныхъ благопріятныхъ

западной церковью. Папа Николай I первый началъ пользоваться декреталіями и ссылаться на нихъ, но мы не можемъ сказать положительно, зналъ ли онъ чтонибудь о ихъ подложности. Н.

политическихъ обстоятельствъ, особенно вслѣдствіе покровительства могущественныхъ Каролинговъ, тѣмъ деспотичнѣе дѣлался ихъ тонъ въ отношеніи восточныхъ іерарховъ, а въ борьбѣ папы Николая I съ знаменитымъ ученымъ константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ, во второй половинѣ IX в., достигъ такого ожесточенія, что перешелъ уже въ личную ненависть. Вообще стремленіямъ папства ко всевластію одна только восточная церковь, строго державшаяся чистоты первоначального христіанскаго ученія, утвержденнаго семью первыми вселенскими соборами, и не признававшая никакаго намѣстничества Христа на землѣ, могла противопоставить твердый отпоръ. Оттого и вся ненависть папъ обратилась на нее и на главнаго ея представителя патріарха константинопольскаго. И каковы бы ни были доктринальскія основанія тѣхъ произвольныхъ нововведеній, какъ въ самомъ ученіи церкви, такъ и въ ея устройствѣ и обычаяхъ, которыхъ установили папы на Западѣ, какъ напр. ученіе объ исходженіи Св. Духа отъ Отца и Сына, о чистилищѣ, безбрачіи духовенства, о супрематѣ римскаго епископа, объ исключенії народныхъ языковъ изъ богослуженія, о причастії мірянъ только подъ видомъ хлѣба, о постѣ въ день субботній и проч. и проч., нельзя не признать, что желанія ихъ, во чтобы то ни стало, отдѣлиться отъ церкви восточной, на каждомъ шагу стѣснявшей ихъ произволъ и властолюбивыя желанія, играли при этомъ чрезвычайно важную роль. Вотъ это-то подчиненіе какъ общихъ интересовъ церкви, такъ и самой религіозной истины своимъ властолюбивымъ цѣлямъ и было съ самого начала отличительнымъ характеромъ папства. Какъ явленіе историческое, оно относится поэтому къ разряду не новоевропейскихъ, а античныхъ, выросшихъ на древне-римской почвѣ, напитавшихся идеями древняго міра. Отсюда тотъ свѣтскій, по преимуществу политический характеръ папской церкви, который она удѣживала во всѣхъ явленіяхъ своей исторіи.

Несогласія между Римомъ и Константинополемъ, тянувшіяся съ V ст. и при Фотіѣ и Николаѣ I достигшіе крайняго напряженія, привели въ половинѣ XI в., а именно въ 1054 г., при константинопольскомъ патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ и папѣ Львѣ IX къ окончательному отдѣленію Запада отъ единства церкви вселенской. Папа остался полнымъ хозяиномъ римско-латинской церкви именно въ то время, когда ему нужны были всѣ ея силы для начинавшейся борьбы со властью императорскою. Отношенія папства къ римско-нѣмецкому императорству сначала были весьма зависимаго свойства. Правда, что коронованіе Пипина Короткаго Стефаномъ II въ короли франкскіе и затѣмъ вѣнчаніе самого Карла Ве-

ликаго императорской короной при Львѣ III послужили для папъ прецедентами, на которыхъ они впослѣдствіи построили право располагать императорскимъ достоинствомъ по своему усмотрѣнію и вообще считать себя раздавателями земныхъ коронъ, забывая, что оба эти акта были только церковнымъ освященіемъ той верховной власти, которая, какъ для Пипина, такъ и для Карла, истекала изъ совершенно другихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе папы ловко воспользовались раздорами въ потомствѣ Карла Великаго и збивчивостью порядка наслѣдованія императорскаго сана, чтобы присвоить себѣ самое право распоряжаться имъ, и Іоаннъ VIII въ 875 году внуку возстановителя западной имперіи Карлу Лысому предлагалъ уже формальная условія, на которыхъ соглашался предоставить ему императорство. Затѣмъ, когда Оттонъ I окончательно утвердилъ императорское достоинство за королями германскими, папамъ удалось опять удержать за собой право вѣнчанія этихъ королей императорскою короною въ Римѣ. Но все это не освобождало ихъ однако отъ той зависимости, въ которой находились они отъ императоровъ, какъ свѣтскіе государи. Церковная область все еще считалась какъ бы леномъ римско-нѣмецкой имперіи наравнѣ съ другими итальянскими владѣніями, хотя императоры и назывались не сюзеренами, а только покровителями этой области и самой церкви римской. Самое избраніе каждого новаго папы нуждалось въ утвержденіи императора, а императоры болѣе энергическіе и сильные, какъ напр. Генрихъ III франконскій, сами назначали папъ изъ нѣмецкихъ епископовъ. Такъ было до XI в. Но съ этого времени усиливается въ Европѣ аскетической духъ, исходившій изъ монастырей бенедиктинскихъ, особенно изъ Клюніи. Настроеніе умовъ дѣлается церковнымъ, и въ самомъ папствѣ происходятъ знаменательныя реформы. Папа Николай II въ 1059 г. учреждаетъ коллегію кардиналовъ, предоставивъ ей исключительно выборъ новаго папы и вырвавъ тѣмъ этотъ выборъ изъ недостойныхъ рукъ римскихъ аристократическихъ партій, возводившихъ часто на престоль своихъ клевретовъ, которые по своему порочному образу жизни позорили церковь и скандализировали христіанскій міръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено навсегда и вліяніе императора на замѣщеніе папского престола. Даже утвержденіе императора сдѣлалось одною формальностью, а вскорѣ и вовсе пришло въ забвеніе. Тогда-то стала развиваться вполнѣ теократическая теорія о папскомъ всевластіи и объ отношеніи папства къ императорству и вообще ко власти государственной, господствовавшая по-томъ на средневѣковомъ Западѣ.

Энергическимъ выразителемъ этой теоріи, равно какъ и душою всѣхъ перемѣнъ, происходившихъ въ папствѣ и во всей западной церкви въ это время, былъ Гильдебрандтъ, вступившій въ 1073 г. на римскій престолъ подъ именемъ Григорія VII. По теоріи Григорія VII папа есть намѣстникъ Христа на землѣ со властью вязать и рѣшить. Въ этомъ качествѣ онъ не только верховный глава церкви и источникъ всякаго въ ней священства и власти, но даже и свѣтскіе государи обязаны ему сыновнимъ послушаніемъ, почерпая мірской авторитетъ свой въ его божественномъ правѣ, подобно тому какъ луна и планеты заимствуютъ свѣтъ свой отъ солнца. Самъ императоръ, какъ свѣтскій глава христіанскаго міра, получаетъ отъ папы корону и мечь только для защиты церкви отъ внутреннихъ и вѣщнихъ враговъ.

*Споръ за
инвести-
туру.*

Задавшись такимъ высокимъ идеаломъ, Григорій VII конечно долженъ былъ преодолѣть множество препятствій для его выполненія. И прежде всего нужно было завершить абсолютно-монархическое устройство самой церкви. Съ этою цѣлью даже между нисшимъ духовенствомъ насильственно введенъ былъ целибатъ, т. е. безбрачіе, какъ мѣра, долженствовавшая оторвать священниковъ отъ всѣхъ мірскихъ отношеній и всецѣло подчинить ихъ интересамъ церкви; для епископовъ установлена формальная присяга въ вѣрности и повиновеніи св. престолу; наконецъ запрещена инвеститура, т. е. ленная зависимость прелатовъ отъ власти свѣтской. Эта послѣдняя мѣра и привела папу къ открытому столкновенію съ императоромъ, такъ какъ для объединительныхъ цѣлей римско-нѣмецкаго императорства вопросъ объ инвеститурѣ, т. е. о правѣ назначать своихъ кандидатовъ на высшія церковныя должности Германіи, былъ самымъ жизненнымъ вопросомъ. Въ борьбѣ своей со свѣтскими князьями императоры опирались на духовныхъ князей, вполнѣ отъ нихъ зависѣвшихъ. Упустить теперь эту силу изъ рукъ своихъ и предоставить ее въ полное распоряженіе папы для императоровъ значило отказаться отъ государственного объединенія Германіи,—отъ имѣвшейся въ виду неограниченной наследственной монархіи на древне-римской ладѣ, отъ всѣхъ плановъ своего будущаго величія. Но и для папъ оставить национальныя церкви во власти государей значило тоже, что отречься отъ всѣхъ вѣковыхъ стремленій къ церковному единовластію и допустить симонію съ тѣми вопіющими злоупотребленіями и скандалами, которые она влекла за собой. Отсюда ожесточеніе борьбы между Григоріемъ VII и Генрихомъ IV, колебанія въ ея успѣхахъ съ той и другой стороны и первѣтельность ея результатовъ. Императоръ пережилъ тяжкую минуту униженія, явив-

щись въ Каносскій замокъ, тогдашнюю временную резиденцію Григорія, въ одеждѣ кающагося и съ мольбою о прощеніи въ то самое время, когда имперскіе князья избрали ему антикороля; но и папа испыталъ впослѣдствіи горькія превратности счастія, принужденный бѣжать изъ Рима, куда его противникъ побѣдоносно ввелъ назначеннаго имъ антипапу для принятія изъ рукъ его императорской короны. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ ради своихъ теократическихъ цѣлей папа не задумался похертовать римскими государственными идеями, проводникомъ которыхъ была такъ долго западная церковь, и вступить въ союзъ съ партикуляристическими стремленіями нѣмецкихъ князей. Оба противника кончили и жизнь свою посреди разгара борьбы,—Григорій въ изгнаніи, а Генрихъ—въ войнѣ съ собственнымъ сыномъ, возставшимъ противъ него по наущенію папы Пасхалія II-го. Споръ кончили уже ихъ преемники,—императоръ Генрихъ V и папа Калликстъ II, да и то кончили не торжествомъ какого-нибудь одного изъ принциповъ,—государственного или теократического,—а только компромиссомъ между обоими. Сдѣлка эта, извѣстная подъ именемъ вормскаго конкордата и заключенная въ 1122 г., состояла въ томъ, что императоръ отказался отъ назначенія на церковныя должности своихъ кандидатовъ, но удержалъ за собою право давать свободно избраннымъ и утвержденнымъ папой прелатамъ investituru, т. е. ленный надѣль землями и верховными правами.

2. Романскія государства, выдѣлившіяся изъ имперіи Карла Великаго.

Въ то время, какъ въ Германіи императоры саксонскіе и салическіе, *a) Франція.* сначала опираясь на церковь, а потомъ даже и въ противорѣчіи съ церковью, безуспѣшно преслѣдовали римскія идеи государственного единства, порядка и законности, идеи эти все болѣе и болѣе падали въ романскихъ земляхъ,—Франціи и Италии, гдѣ онѣ повидимому скорѣе должны были найти сочувствіе, какъ въ массѣ населенія, такъ и въ преданіяхъ этихъ странъ. Но феодализмъ одолѣвалъ и здѣсь, потому что дробный общественный бытъ личнаго устройства былъ единственной формой политической жизни, къ какой способны были тогдашніе несложившіяся и необразовавшіяся народы европейскаго Запада.

По низверженіи Карла Толстаго въ концѣ IX в., когда Франція окончательно обособилась политически и сдѣлалась самобытною, Каролинги

удержали въ ней престолъ свой еще на цѣлое почти столѣтіе ¹⁾). Но при слабости ихъ власти и средствъ, такъ какъ всѣ коронныя земли были уже розданы, а равно и при незначительности правившихъ лицъ изъ этого рода страна распалась на множество мелкихъ феодальныхъ владѣній, считавшихся ленами французской короны, но на самомъ дѣлѣ почти совсѣмъ независимыхъ. Въ X в. ихъ насчитывали около ста. Самыми обширными и могущественными изъ нихъ были: на сѣверѣ — графства Фландрія и Вермандуа, на западѣ — герцогства Нормандія, Бретань, Аквитанія, на югѣ — графство тулузское, на востокѣ — герцогство Бургундія и во внутренности края, между средними течениями Луары и Сены, герцогство Франція. Впрочемъ большая часть восточныхъ областей, — герцогства лотарингскія, верхнее и нижнее, графство бургундское и арелатское королество, — не принадлежали тогда вовсе къ французской государственной территории и входили въ составъ германской имперіи. Посреди этихъ большихъ и малыхъ ленныхъ территорій стояла почти безземельная и потому почти безсильная королевская власть Каролинговъ, владѣнія которыхъ въ послѣднее время ограничивались однимъ только городомъ Лаономъ. Понятно, что дѣйствительного значенія она не могла имѣть никакого. А между тѣмъ ея теоретическія права, основанныя на преданіяхъ каролингскаго дома, были очень обширны. Отсюда непопулярность Каролинговъ между французскими вельможами, — тѣмъ болѣе, что династія эта была представительницей тѣхъ воспоминаній о вѣковыхъ связяхъ, нѣкогда соединявшихъ Францію съ Германіей, которая такъ не нравились обособившейся націи. И вотъ съ начала X в. выступаетъ противъ Каролинговъ чистокровная французская аристократическая фамилія Капетинговъ, владѣвшая богатыми землями въ герцогствѣ Франціи и имѣвшая свою главную резиденцію въ Парижѣ, и оспариваетъ у нихъ право на французскую корону. Споръ этотъ, продолжавшійся почти цѣлое столѣтіе, кончился въ 987 г. окончательнымъ утвержденіемъ капетингскаго дома на престолѣ въ лицѣ Гугона Капета.

Новая династія стояла въ уровень новому обществу. Она вышла изъ круга французскихъ вельможъ и имъ преимущественно обязана была сво-

¹⁾ Важнѣйшіе источники для исторіи Франціи X и XI вв.: „Реймскіе анналы“ Флodoарда, „хроники“ Рихера, Гуго Флоріанскаго, Гуго Клуніанскаго, „Церковная исторія“ Ордерика Виталія и другіе. Пособія: Соответствующіе томы „Исторіи Франціи“ Сисмонди, Мишле и Ари-Мартина. Н.

имъ возвышенiemъ. Первые короли, которыхъ дала она Франціи, были только *primi inter pares*,—первые между равными имъ магнатами. Имена этихъ королей едва извѣстны въ исторіи, — такъ незначительна была роль, которую они играли. Втеченіе XI в. на первомъ планѣ вездѣ стоять французскіе вельможи, заслоняя собою королей и сосредоточивая на себѣ общественное вниманіе. Въ 1066 г. французскій вассалъ Вильгельмъ, герцогъ норманскій, завоевываетъ Англію, а подъ конецъ XI в. одинъ изъ членовъ бургундскаго дома Генрихъ, по прозванию Юный, стяжаетъ себѣ славу въ войнѣ съ испанскими Маврами и дѣлается основателемъ независимаго португальскаго королевства. Въ то-же самое время французское вельможество играетъ славную роль въ первомъ крестовомъ походѣ и основываетъ цѣлый рядъ христіанскихъ княжествъ въ Сиріи и Палестинѣ.

О борьбѣ съ такими сильными феодальными элементами Капетингамъ пока нечего было и думать. Только въ слѣдующемъ XII столѣтіи удалось имъ положить во Франціи первыя основы настоящей монархіи, которую путемъ величайшихъ усилий и долгой борьбы суждено имъ было создать и разvить въ этой странѣ.

Ни одна изъ странъ, входившихъ въ составъ древней римской имперіи, не подвергалась такъ часто чужеземному господству, какъ прекрасная Италія, роскошью и нѣгой своей природы и богатствомъ своихъ городовъ постоянно привлекавшая заальпійскихъ и другихъ завоевателей¹⁾. Галлы, Тевтоны, Готы, Вандалы, Гунины наводняли ее своими нашествіями въ римскія времена; послѣ же паденія западной имперіи втеченіе трехъ столѣтій она послѣдовательно дѣлалась добычей Остготовъ, Византійцевъ, Лангобардовъ, Франковъ. Владычество послѣднихъ кончилось въ исходѣ IX в. вмѣстѣ съ паденіемъ Каролинговъ въ Германіи. Тогда впервые послѣ долгаго господства иноплеменниковъ почти на цѣломъ столѣтіе страна предоставлена была самой себѣ, — и то не вся, такъ какъ южная часть полуострова оставалась во владѣніи Византійцевъ и разныхъ независимыхъ династовъ, уцѣлѣвшихъ отъ времени лангобардскаго нашествія въ этихъ мѣстахъ,—герцоговъ беневентскихъ, сполетскихъ, тарентинскихъ,—тогда какъ на островѣ Сициліи съ начала IX в. утвердились Сарацины. Сво-

^{b) Италія.}

¹⁾ Важнѣйшіе источники для исторіи Италіи, совмѣстные съ источниками германской исторіи, названы уже выше. Изъ пособій кромѣ уже поименованныхъ можно указать: Лео, „Исторія Италії“; Гегель „Исторія италіанскихъ городовъ“ (оба на нѣмецкомъ языке); Сисмонди „Исторія Италіи въ средніе вѣка“ (XII т.) на языке французскомъ. Н.

бодною осталась, стало быть, только съверная Италия, гдѣ еще при по-
слѣднихъ Каролингахъ образовались маркграфства—Монферратъ, Верона,
Фріуль, Истрія и нѣсколько меньшихъ владѣній ленныхъ, и средняя, за
исключеніемъ маркграфства Тусціи или Тосканы, почти вся принадлежав-
шая папамъ въ качествѣ патримоніи Св. Петра. Но, когда съ низверже-
ніемъ Карла Толстаго прекратился и верховный сузеренатъ императоровъ
надъ Италиею и когда всѣ эти владѣнія даже и номинально стали не-
зависимы, то между ними открылись безкопечныя усобицы, особенно за
императорскій титулъ, на который изъявляли притязаніе и герцоги спо-
летскіе, и маркграфы фріульськіе и іврейскіе, да кромѣ того еще и ко-
роли сосѣдней Бургундіи. Между городами и территоріальными владѣль-
цами, между вассалами и ихъ мѣстными сузеренами началась также борьба,
не сдерживаемая болѣе присутствіемъ высшей власти, общей для всѣхъ. А
къ половинѣ X в. анархія до того усилилась, что сами Италіанцы стали
призывать новое чужеземное господство Нѣмцевъ. Оттонъ I вмѣшался въ
распри итальянскихъ династовъ и въ 962 г. подчинилъ своей власти
всю Ломбардію и Тусцію, утвердивъ и императорскую корону за своимъ
домомъ. А его сынъ и внукъ пытались даже вырвать и южную Италию
у Сарацінъ и Грековъ. Съ этого времени началось на Апеннинскомъ полу-
островѣ преобладаніе германскихъ императоровъ, отъ которыхъ, какъ отъ
верховныхъ сузереновъ, зависѣли всѣ владѣнія средней и съверной его
части, между тѣмъ какъ южная Италия и Сицилія съ половины XI в.
подпали власти французскихъ Норманновъ, вожди которыхъ изъ рода
Готвилей съ титуломъ герцоговъ Апуліи и Калабріи, а съ половины XII
в. королей неаполитанскихъ, признали себя лениниками папы. Такимъ об-
разомъ господствующими явленіями итальянской исторіи до крестовыхъ
походовъ были безпрестанныя смѣны чужеземныхъ владычествъ, распаде-
ніе края на дробныя политическія сферы съ феодальнымъ устройствомъ
и сильное развитіе городской жизни, благодаря частымъ усобицамъ и
анархіи, заставлявшимъ населеніе и его общественный трудъ сосредото-
чиваться въ городахъ и искать тамъ защиты и безопасности посреди
невзгодъ тревожнаго времени.

3. Норманскій элементъ.

Въ дополненіе обзора романо-германского міра въ первомъ періодѣ сред-
нихъ вѣковъ еще остается изобразить судьбу скандинавскаго или норман-
скаго составнаго его элемента. Съ конца VIII и начала IX в. въ

кругъ историческихъ земель входитъ также и скандинавскій міръ, т. е. нынѣшня полуострова Шведско-Норвежскій и Датскій, съ древнихъ временъ¹⁾ заселенныя племенами германскаго же корня, но только подъ вліяніемъ дикой и бѣдной приморской природы края, а можетъ быть и болѣе ранняго переселенія изъ общей азіатской родины Индоевропейцевъ, принявшиими особенный этнографическій оттѣнокъ, выразившійся главнымъ образомъ въ ихъ религіи и общественномъ устройствѣ. Религіозныя представленія Скандинавовъ, имѣя общую основу съ континентально-германскими, отличаются отъ нихъ большою опредѣленностью и стройнымъ развитіемъ космогоніи²⁾, а общественный бытъ преобладаніемъ дружинного начала надъ земельно-общиннымъ. Первое отличие могло имѣть основаніемъ глубокую древность германскихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ и уединенность ихъ географического положенія, позволившія религіозному міросозерцанію народа правильно и безпримѣсно пройти всѣ фазы своего естественного развитія; а второе много объясняется мѣстными условіями—скучостью почвы и вообще даровъ сѣверной природы, вслѣдствіе чего обитатели этихъ суровыхъ странъ поневолѣ должны были искать себѣ пропитанія военнымъ, разбойничымъ промысломъ. Эта-то военно-грабежная дѣятельность, вызванная, такъ сказать, самой мѣстной природой, и ввела Скандинавовъ въ общее движеніе европейскихъ народовъ, но ввела поздно, не раньше IX в., такъ какъ только съ этого столѣтія начинаются морскіе походы скандинавскихъ пиратовъ далеко за предѣлы ихъ родины. Вопросъ—почему въ это время скандинавскій элементъ, такъ сказать, выступаетъ изъ своихъ береговъ и разливается по Европѣ, объясняется многими условіями экономического и политического характера. Къ этому времени, во 1-хъ, накопился уже повидимому избытокъ населенія, не находившій себѣ средствъ въ естественныхъ ресурсахъ страны, а во 2-хъ въ теченіи IX в. и въ самой судьбѣ скандинавскаго міра стали развиваться весьма важныя перемѣны. Вместо множества мелкихъ владѣній, управлявшихся своими выборными или же наследственными конунгами то на дружинномъ, то на земскомъ началѣ, начинаютъ яснѣе обозначаться

¹⁾ Первоначальными жителями скандинавского сѣвера были Финны, занимавшие до пришествія Ариевъ большую половину Европы. Единственнымъ памятникомъ древняго финскаго быта можно считать эпическія пѣсни, собранныя и изданныя въ послѣднее время. Н.

²⁾ Источники скандинавской міѳологіи: Старшая Эdda, и въ особенности первая пѣснь ея Волуспа-сага, и Младшая Эdda.—Пособія: Зимрокъ „die Nordische Mythologie“ и Weingold, Aldnordischer Leben. Н.

три большія государства, на которых распадается весь скандинавскій сѣверъ,—Данія, Норвегія и Швеція. Въ первой изъ этихъ странъ начало государственному объединенію кладетъ Гормъ Старый, во-второй—Гаральдъ Прекрасноволосый (Гарфагрь), а въ третьей—Эрихъ.

Въ то же самое время трудами Св. Ансхарія¹⁾ и другихъ миссионеровъ сѣверо-германскихъ впервые проникаетъ христіанство и начинаетъ упорную борьбу съ древнею религіею Азовъ, продолжавшуюся въ виду стройно развивающагося язычества болѣе двухъ столѣтій, такъ что полное торжество Евангелія въ Даніи послѣдовало только при Канутѣ Великомъ, въ первой половинѣ XI в., въ Норвегіи еще пѣсколько позже—при Олавѣ Святомъ, а въ Швеціи религіозная борьба продолжалась даже до половины XII в., когда Эриху IX Святому удалось наконецъ прочно водворить здѣсь христіанство.

Всѣ эти перемѣны не могли оставаться безъ послѣдствій для внутренняго быта скандинавскихъ племенъ. Старая воля и вѣчныя племенные усобицы были обузданы какъ естественнымъ стремлениемъ великихъ королей къ водворенію порядка и спокойствія, такъ и проповѣдью религіи мира и любви. И вотъ является множество недовольныхъ новыми порядками, подымается обширная и продолжительная эмиграція, путемъ которой воинственный народъ пытается отстоять свою свободу и вѣру своихъ отцовъ. Съ другой стороны на европейскомъ западѣ въ это самое время обстоятельства складываются чрезвычайно благопріятно для подобныхъ эмиграціонныхъ предпріятій. По смерти Карла Великаго его имперія, обнесенная почти со всѣхъ сторонъ военными линіями или марками, о которыхъ, какъ о стѣнѣ, разбивались всѣ напоры бродившихъ вокругъ нея воинственныхъ племенъ, приходитъ въ упадокъ и дробится сначала на свои крупныя составныя части, а эти послѣднія—на мелкія. Народныя передвиженія, остановленныя на время этого грандіозной попыткой гражданственности и порядка, подымаются снова, а неумолкавшіе раздоры Каролинговъ и слабость ихъ распавшихся государствъ облегчаютъ имъ успѣхъ. И вотъ съ самого начала IX в. моря западной Европы покрываются ладьями скандинавскихъ пиратовъ, опустошающихъ берега ея отъ устьевъ Эльбы до устьевъ Гаррони. Такъ называемые Трансальбінги, т. е. континентальная германскія племена, жившія за Эльбой и усиленныя безчисленными бѣглецами изъ сосѣдней Саксоніи, только что покоренной оружіемъ Карла Великаго, а равно и поморскіе Славяне принимаютъ

¹⁾ См. жизнеописаніе Св. Ансхара, написанное ученикомъ его Св. Римбертомъ. Н.

участіє въ этомъ движениі. Настаетъ новый видъ переселенія народовъ, поприщемъ котораго сдѣлалось море.

Всѣ эти этнографические элементы, прилегавшіе къ сѣвернымъ морямъ и пришедшіе въ броженіе, дѣлаются извѣстными подъ разными именами. У прибрежныхъ Нѣмцевъ и Романцевъ они обозначаются общимъ именемъ Норманновъ или сѣверныхъ людей, британскіе Англосаксы называютъ ихъ Датчанами, а восточные Славяне и Византійцы — Варягами. Всѣ IX, X и XI вв. проходятъ для Европы посреди тревогъ и ужасовъ норманскихъ грабежей и нашествій. Только въ концѣ XI в., съ водвореніемъ христіанства на скандинавскомъ сѣверѣ и съ усиленіемъ государственной власти въ Швеціи, Норвегіи и Данії, это броженіе сѣверныхъ племенъ останавливается, и улегается ихъ безпокойный духъ. Но плодомъ ихъ трехсотлѣтняго движенія было все таки распространеніе германского начала по такимъ отдаленнымъ береговымъ мѣстностямъ Европы, куда оно не успѣло проникнуть во время движенія континентальныхъ германскихъ племенъ въ IV, V и VI в. Эта новая дальний-шій разливъ германизма по Европѣ произошелъ главнымъ образомъ посредствомъ норманскихъ поселеній и цѣлыхъ государствъ въ разныхъ мѣстахъ европейскаго побережья. Такъ въ 912 г. норвежскій рыцарь Роллонъ со своею дружиною поселился на сѣверо-западномъ берегу Франціи, по нижнему течению Сены, получивъ эти земли отъ французской короны на правахъ ленной отъ нея зависимости и подъ условіемъ крещенія. Такъ возникло нормандское герцогство, давшее въ свою очередь начало неаполитанскому королевству въ южной Италіи и Сициліи. Основаніе этому послѣднему положено въ 1059 г. выходцемъ изъ французской Нормандіи Вильгельмомъ Желѣзной Рукой, а Рожеръ II въ 1127 г., соединивъ съ южной Италіей Сицилію, принялъ титулъ короля Сициліи и Неаполя. Съ другой стороны Норманны или Варяги принимали въ 862 г. сильное участіе въ основаніи русскихъ княжествъ въ средѣ восточныхъ Славянъ, а можетъ быть и польского государства¹⁾ въ поло-

¹⁾ Мнѣніе о завоеваніи Польши Скандинавами принадлежитъ польскому писателю Шайнохѣ, который полагалъ, что только такимъ завоеваніемъ возможно объяснить столь загадочное во многихъ отношеніяхъ происхожденіе польской шляхты. Такое мнѣніе есть, разумѣется, не болѣе какъ гипотеза, но что Норманны селились на славянскомъ балтійскомъ поморѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Однимъ изъ любопытнѣйшихъ норманскихъ поселеній въ этой мѣстности была воинственная колонія Гомсбургъ, основанная викингомъ Пальютоке. Здѣсь нашли себѣ притонъ самые ярые сторонники язычества, отсюда

винъ IX в. Наконецъ они же, преимущественно норвежские выходцы, въ IX в. открыли и заселили Исландію, а въ слѣдующемъ, простирая далѣе свои морские поиски въ западномъ направлениі, достигли Гренландіи, гдѣ тоже основали, должно быть, многочисленныя поселенія, и наконецъ есть несомнѣнныя слѣды, что и восточный берегъ Сѣверной Америки до самой Флориды былъ имъ хорошо извѣстенъ. Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ за 500 лѣтъ до Колумба Америка была уже открыта Норманнами подъ именемъ Винландіи, но только память объ этомъ открытии впослѣдствіи затерялась у Европейцевъ. Правда, что норманскіе поселенцы въ чужихъ краяхъ, по своей относительной немногочисленности, скоро забывали свой языкъ и обычай, подпадая вліянію преобладающей мѣстной народности. Въ Нормандіи они сдѣлялись Французами, въ Неаполѣ и Сициліи—Италіанцами, а въ русскихъ княжествахъ весьма быстро поглощены были славянскимъ элементомъ. Во всѣхъ этихъ краяхъ вліяніе скандинавскаго германизма на ихъ внутренній бытъ, а тѣмъ болѣе на этнографическій составъ населенія, не было очень замѣтно. Но была однако страна, гдѣ господство Норманновъ оставило продолжительные и глубокіе слѣды. То была Англія¹⁾.

Англія.

Первобытное населеніе Британскихъ острововъ, какъ и на всемъ краинемъ Западѣ Европы, было кельтическое, и, хотя Римляне, покоривъ въ исходѣ I в. нашей эры Британію до горъ Каледонскихъ или Шотландскихъ, привили къ ней свою гражданственность, но горная или сѣверная Шотландія, заселенная племенами Пиктовъ и Скотовъ, а равно и сосѣдняя Ирландія, оставшіяся независимыми, сохранили еще надолго свою старую кельтическую народность съ ея клановымъ или патріархально-родовымъ бытомъ и съ ея темпо религіею друидовъ. Римское владычество въ Британіи не имѣло однако сильнаго вліянія на измѣненіе этнографическаго состава ея населенія. Во всякомъ случаѣ это вліяніе было гораздо слабѣе, чѣмъ въ сосѣдней Галліи. Оттого, когда правительство западной имперіи въ началѣ V в. ото-

вели они непримиримую борьбу съ христіанствомъ. Устройство колоніи напоминало во многомъ позднѣйшую запорожскую Сѣчь; женщины сюда не допускались вовсе. **Н.**

¹⁾ Важнѣйшіе источники для исторіи англосаксонской Англіи: хроника Беды, жизнеописанія англосаксонскихъ святыхъ, біографія Альфреда Великаго Ассера, сочиненіе самого Альфреда и скандинавскія саги. Пособія: Лаппенбергъ, Исторія Англіи (на нѣмецкомъ языкѣ); Кемблъ, Англосаксы въ Британіи (на англійскомъ языкѣ); Тьери, Исторія завоеванія Англіи Норманнами (на франц. языкѣ, есть и русскій переводъ); Стрентольмъ, Походы Викинговъ. **Н.**

звало отсюда свои легионы для защиты Италии, наводненной варварами, предоставивъ Бриттовъ ихъ собственной части, туземная народность, хотя и покрытая наружнымъ лоскомъ римского образования и видоизмѣненная занесеннымъ сюда со II в. восточнымъ христіанствомъ, опять вышла наружу. Но съ половины V в. народность эта подверглась новому этнографическому наслоению, на этотъ разъ уже болѣе глубокому. Римскую часть Британіи покорили мало-по-малу Англосаксы, выходцы съ сѣверныхъ береговъ Нѣмецкаго моря, которыхъ сначала призывали сами же Бритты для защиты ихъ отъ нападеній сосѣднихъ шотландскихъ горцевъ, но которые обратили потомъ оружіе и противъ призвавшаго ихъ народа. Втеченіе VI столѣтія германскіе пришельцы эти, напливъ которыхъ возобновлялся нѣсколько разъ, основали здѣсь семь небольшихъ королевствъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ англосаксонской гептархіи. Но Ирландія и горная часть Шотландіи вмѣстѣ съ Валлісомъ и Корнуалломъ остались по прежнему независимыми. Только въ собственной Британіи господство пришельцевъ пустило за то весьма глубокіе корни: англосаксонскій языкъ, обычаи, право и общественное устройство сдѣлались господствующими въ странѣ, а мѣстная народность подавлена истребленіемъ остатковъ римской цивилизациіи и искореніемъ христіанской религії. Въ самый этнографический составъ населенія проникла масса германской крови; особенно высшій классъ общества—ярлы и таны, родъ земельного дворянства, состоялъ почти исключительно изъ Англосаксовъ. Втеченіе какихъ-нибудь двухъ столѣтій Британія сдѣлалась совершенно германской страной и значительно одичала. Только съ конца VI в. посредствомъ римскихъ миссионеровъ, высланныхъ папою Григоріемъ Великимъ, снова насаждено было здѣсь христіанство и, съ его вдовореніемъ, возродилась нѣкоторая образованность, хотя неумолкавшая усобицы между отдѣльными королевствами и борьба съ сосѣдними Кельтами въ горахъ Валлиса и Корнуаллиса долго препятствовали ея успѣхамъ.

Перемѣна къ лучшему наступила не ранѣе начала IX в., когда одному изъ королей Вессекса Эгберту удалось въ 829 г. соединить всѣ семь королевствъ въ одно государство и тѣмъ положить конецъ по крайней мѣрѣ внутреннимъ раздорамъ. Но уже при ближайшихъ преемникахъ Эгберта страну постигло другое несчастіе. Съ половины IX в. начались на Англію нападенія Норманновъ или, какъ ихъ называли Англосаксы, Датчанъ, а къ концу этого столѣтія усилились до того, что скандинавскій элементъ вступилъ въ открытую борьбу съ германскимъ за обладаніе островомъ. Блестящую страницу въ исторіи этой борьбы представляетъ правленіе Альфреда

Великаго, занимавшаго престолъ англосакскій съ 871 по 901 г. Этотъ рѣдкій государь, воспитанный несчастіями, постигшими его въ началѣ царствованія, когда онъ долженъ былъ, уступая превозмогающей силѣ враговъ, оставить тронъ и скитаться по глухимъ угламъ своего государства, успѣлъ освободить свою землю стъ ига инонлеменниковъ; но онъ однако долженъ былъ предоставить Норманнамъ почти всю восточную часть своего королевства, хотя и подъ условіемъ подданства, крещенія и общей обороны противъ дальнѣйшихъ вторженій заморскихъ авантюристовъ. Затѣмъ онъ далъ Англіи первый общественный парядъ, до того сообразный съ потребностями и духомъ народа, что учрежденія, имъ основанныя или ему приписываемыя, пережили всѣ перемѣны, какимъ впослѣдствіи подвергалась страна, и въ своихъ основныхъ чертахъ составляютъ и понынѣ главную опору англійскаго мѣстнаго самоуправленія. Таковы напримѣръ раздѣленіе государства на шайры или графства, а графствъ на сотни, существующее еще и теперь, организація областныхъ и волостныхъ судовъ народныхъ, изъ которыхъ впослѣдствіи развились суды присяжныхъ, установленіе выборныхъ земскихъ властей и проч. Наконецъ Альфредъ подобно Карлу Великому заботился о просвѣщеніи своего народа, заводилъ школы, переводилъ и распространялъ полезныя сочиненія, окружилъ себя учеными и покровительствовалъ не только классической, но и народной литературѣ. Но все это благоденствіе держалось лишь личностью правителя. Послѣ его смерти опять начались нападенія Датчанъ и къ исходу X в. усилились до того, что въ самомъ началѣ XI в. датскій король Свенъ покорилъ всю Англію. Подвластность эта продолжалась и при преемникахъ Свена Канутѣ Великомъ и его сыновьяхъ. Послѣ нихъ пораженнымъ Англосаксамъ удалось еще разъ пріобрѣсть независимость и возстановить національную династію. Но по смерти послѣдняго ея представителя Эдуарда Исповѣдника на Англію напали съ одной стороны Датчане, а съ другой—французские Норманны со своимъ герцогомъ Вильгельмомъ во главѣ. Первые были отражены, но Вильгельмъ, приведшій съ собою отличное 60000-ное войско, въ 1066 г. разбилъ Англосаксовъ при Гастингсѣ, на южномъ морскомъ берегу, и вслѣдствіе одной этой побѣды покорилъ всю Англію своей власти и господству своего племени. На этотъ разъ чужеземное завоеваніе было полное и окончательное. Суровый завоеватель для удержанія покорности страны принялъ самыя крутыя мѣры: отнялъ у побѣжденныхъ всю землю и въ видѣ 60 т. коронныхъ леноў раздалъ ее своимъ воинамъ. Туземное населеніе, почти обезземленное, обращено въ классъ батраковъ и фермеровъ, старинныя вольности

его уничтожены; французское феодальное право, французский языкъ и обычаи сдѣлялись господствующими на островѣ; каждое восстание угнетенныхъ подавлялось съ беспощадною строгостью.

Такъ насильственно привита была къ составу британского населенія новая этнографическая стихія романская. Но это было уже послѣднее наслоеніе этой сложной национальности. Слѣдующимъ вѣкамъ предстояла работа органическаго слиянія этихъ разнохарактерныхъ этнографическихъ слоевъ,— кельтскаго, римскаго, англосаксонскаго, скандинавскаго и романскаго,—въ одну цѣльную англійскую народность.

В. Восточная Европа.— Византійцы и Славяне.

Восточная Европа много отличается отъ западной уже по своимъ географическимъ условіямъ и характеру своей мѣстности. Между тѣмъ какъ Западъ вѣнчаетъ своей границею весь прилегающій къ морю, Востокъ обращенъ ею къ азіатскому материку. Отсюда—различие направленій ихъ исторической дѣятельности. Первый призываетъ природа къ океаническимъ сношеніямъ и распространенію европейско-христіанской культуры на Западѣ, въ странахъ океаническихъ; второй — къ подобному же просвѣтильному вліянію на міръ азіатскій и вообще къ культурнымъ сношеніямъ въ направленіи восточномъ. Даѣе, своими главными горными кряжами—Альпійскимъ и Пиринейскимъ—и важнейшую своею рекою—Рейномъ Западъ естественно размежеванъ на пять отдѣльныхъ областей, послужившихъ гнѣздами для столькихъ же господствующихъ на немъ народностей—нѣмецкой, французской, англійской, испанской и италіанской, вслѣдствіе чего ихъ общая историческая жизнь можетъ основываться только на системѣ ихъ взаимнаго равновѣсія. На Востокѣ же преобладаетъ громадная сплошная равнина, способствовавшая образованію на ней одной большой народности и возникновенію великаго государства славяно-русскаго, къ которому естественно тяготѣютъ всѣ другія племенные особи этой части Европы. А если прибавить къ этому еще различіе въ климатѣ, свойствахъ почвы и другихъ естественныхъ условіяхъ, то изъ этого одного уже станетъ понятно, почему и историческая судьба той и другой половины европейскаго материка сложилась совершенно различно.

Отличія
вост. Евро-
пы отъ за-
падной.

Но различіе это не остановилось на одной географической противоположности: почти столько же, если не болѣе, оно условилось также и несходными этнографическими стихіями, господствовавшими тамъ и

здесь. Какъ Романцы и Германцы на Западѣ, такъ на Востокѣ главную роль играютъ Славяне, внесшіе въ исторію странъ этихъ и свои особые племенные задатки. Затѣмъ самыя исходныя точки цивилизацій той и другой половины Европы тоже весьма различны. Для народовъ западныхъ просвѣтительнымъ источникомъ былъ Римъ, для восточныхъ—Византія. Оттого и въ цивилизації Запада господствующимъ сдѣлался латинскій геній, а въ образованности Востока—греческій. Послѣднее различіе отразилось прежде всего на религіозной жизни обѣихъ частей Европы. Западъ выработалъ политическую церковь римскую съ ея универсальными тенденціями и теократическими стремленіями; Востокъ остановился на первобытной церкви вселенской, допускающей при единствѣ основныхъ догматовъ безконечное разнообразіе по богослужебному языку и національнымъ обычаямъ, и, какъ разсадникомъ этой церкви для европейскаго Востока была Греція, то греческая свобода и пытливость мысли и греческое уваженіе къ государственной власти сдѣлались отличительными чертами.

Этою то географическою, этнографическою и культурно-религіозною противоположностью Востока и Запада и ихъ взаимодѣйствіями и условливался весь ходъ европейской и въ значительной мѣрѣ самой всемірной исторіи.

Такъ какъ для восточной Европы точкой отправленія въ развитіи ея культуры служила греческая образованность, то и ея исторію слѣдуетъ начать съ обзора древнѣйшей судьбы византійской имперіи, тогдашней представительницы этой образованности.

1. Византійская Имперія.

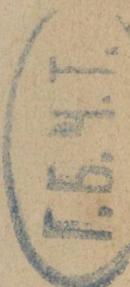
Источники. Богатая историческая литература Византіи собрана въ нѣсколькихъ коллекціяхъ, изъ коихъ самая доступная — болинская. Къ сожалѣнію однако на критическую разработку византійскихъ источниковъ до сихъ порь обращалось очень мало вниманія, и въ этомъ отношеніи существующія коллекціи никакъ не могутъ быть поставлены на одну доску съ собраниеми средневѣковыхъ западно-европейскихъ памятниковъ. Мы не только не имѣемъ общаго критического обзора византійской исторической литературы, но даже и сколько-нибудь выдающихся монографій за исключеніемъ нѣкоторыхъ, относящихся къ Прокопію и Константину Багрянородному, да труда Гирша „Byzantinische Studien“, въ которомъ разобраны критически важнѣйшія произведения византійской исторіографіи X вѣка.

Изъ пособій кромѣ совершенно устарѣлыхъ сочиненій Гиббона и Лебо можно указать на рядъ монографическихъ трудовъ Англичанина Финлея, гдѣ прослѣженъ процессъ постепенного перерожденія восточной имперіи изъ государства чисто-римского въ греческое,—на сочиненіе Фальмерайера „Ист. полуострова Мореи въ средніе вѣка“ (на нѣм. яз.), гдѣ впервые было доказано совершенное ославленіе древней Эллады, — на труды Гопфа и Герцберга (на нѣм. яз.), обнимающіе собою всю византійскую исторію, и на книгу Краузе „Византійцы“ (на нѣм. яз.), посвященную характеристику внутренняго строя и быта имперіи.—Въ русской литературѣ византійская исторія разработана монографически преимущественно трудами В. Г. Васильевскаго, Ф. Успенскаго и др., изъ коихъ важнѣйшіе будуть приведены въ своемъ мѣстѣ. Н.

Важное значеніе Византіи въ общемъ ходѣ всемирной исторіи определяется главнымъ образомъ тѣмъ, что страна эта была живымъ учителемъ средневѣковой Европы, — и притомъ не одной восточной, но и западной ея половины. Въ то время, когда германскіе и другіе варвары нахлынули на древній историческій міръ, надолго погасивъ его просвѣщеніе, одна Византія, какъ уцѣлѣвшій остатокъ классической древности, сохранила неприкосновенно ея высокую образованность, хотя и устарѣвшую, т. е. лишенную прежней творческой силы, но все еще довольно богатую древними приобрѣтеніями. Такъ Византія сберегла для Европы характерные памятники древняго эллинскаго генія и въ свое время познакомила ее съ ними; она же дала новымъ народамъ систематической сводъ римскаго права, послужившаго образцемъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и основаніемъ для всѣхъ почти европейскихъ законодательствъ; а ея церковные писатели и ораторы сдѣлялись воспитателями всего христіянскаго міра. Но, если таковы общеевропейскія заслуги Византіи, то на міръ славянскій, а затѣмъ на семито-аравійскій воспитательное вліяніе ея было еще дѣйствительнѣе. Большой части племенъ славянскихъ передала она свою литературу, науку, политическія идеи и церковное устройство, а Арабамъ не только всю свою умственную, но и материальную культуру. Кругъ образовательной дѣятельности и культурнаго вліянія Византіи былъ такимъ образомъ гораздо обширнѣе, чѣмъ самой римской имперіи.

Когда восточная или византійская имперія по смерти Феодосія Великаго въ 395 г. окончательно отдѣлилась отъ западной и начала свою самостоятельную исторію, она состояла изъ прекраснѣйшихъ и образованнѣйшихъ земель, окружающихъ восточную часть Средиземного моря,— Балканскаго полуострова въ Европѣ, Малой Азіи и Сиріи—въ Азіи и Египта—въ Африкѣ. Но правительственная система, организованная Константиномъ Великимъ, осталась здѣсь неизмѣнною со всѣми своими недо-

*а) Значение
византій-
ской импе-
рии.*

*в) Исторія
ея.*

статками, — неопределенностью порядка престолонаследия, деспотизмом правительства, наемными войсками, подавляющими налогами и хищным чиновничествомъ. Только на нравственно-растлённомъ Востокѣ она приняла еще болѣе азиатскія формы,—особенно въ жизни двора, гдѣ безумная роскошь и напыщенный церемоніаль, интриги любимцевъ, эвнуховъ и женщинъ, частые дворцовые перевороты, своею волею наемной гвардіи и ужасающей жестокости вмѣстѣ съ утонченнымъ развратомъ были господствующими явленіями. Высшее общество подражало двору и раболѣпствовало передъ нимъ, а разнуданный народъ и буйная чернь столицы поглощены были зреющими цирка и тонкостями богословскихъ споровъ. Цирцейская партія синихъ, зеленыхъ, бѣлыхъ, красныхъ перемѣшилась съ политическими интересами, придворными интригами и спорами арианъ, монофизитовъ, моноѳелитовъ и впослѣдствіи иконоборцевъ съ православною церковью и съ ожесточенiemъ преслѣдовали другъ друга. Со временемъ Аркадія, первого самобытнаго восточного императора до Юстиніана, втечение 130 слишкомъ лѣтъ, государство могло выставить немного замѣчательныхъ правителей изъ тѣхъ 7 императоровъ, которые за это время занимали его престоль¹⁾, какими были напр. Маркіанъ въ пол. V в. и Анастасій въ началѣ VI,—несмотря на то, что втечение V в. бури происходившаго тогда въ Европѣ передвиженія народовъ,—Готовъ, Гунновъ, Болгаръ и славянскихъ племенъ, не разъ грозили гибелью восточной имперіи, болѣе, чѣмъ когда либо, нуждавшейся въ опытной и твердой рукѣ. [И если имперія все таки устояла, то этимъ она была обязана не столько энергіи своихъ правителей, сколько, во первыхъ, своему удобному географическому положению вообще и крѣпкому положенію своей столицы въ частности, а во вторыхъ тому, что главные враги, съ которыми пришлось Византіи имѣть дѣло—Славяне, хотя и не уступали Германцамъ въ свирѣпой воинственности, но были менѣе ихъ способны къ завоеванію и основанію прочныхъ государствъ; наконецъ, въ третьихъ, превосходная военная организація и ловкая политика давала восточной имперіи громадное превосходство надъ варварами].

Такъ было до начала VI вѣка. Но въ это время, въ 527 г., императорскій византійскій престолъ достался Юстиніану I²⁾, который, хотя

¹⁾ Аркадій (395—408), Феодосій II (408—450), Маркіанъ (450—457), Левъ I (457—474), Зенонъ (474—491), Анастасій I (491—518), Юстинъ (518—527). Н.

²⁾ Пособія: Смить, „Der Aufstand in Konstantinopel im Jahre 532“; Надлеръ „Юстиніанъ и партія цирка въ Византіи“. Н.

лично и не имѣть особенныхъ дарованій, но отличался неутомимою дѣяльностью и былъ счастливъ въ выборѣ людей, съ помощью которыхъ ему удалось возвести имперію на небывалую до тѣхъ поръ степень внѣшняго могущества и славы. Къ его времени войны народныхъ передвижений уже значительно улеглись на Западѣ и, пользуясь наступившимъ временемъ тамъ затишьемъ, Византія почувствовала себя въ силахъ осуществить на дѣлѣ широкія притязанія и права на господство и надъ этой бывшею половиной римскаго государства,— права, отъ которыхъ послѣ паденія западной имперіи она никогда не отказывалась. Конечно трудно было думать о завоеваніи отдаленной Галліи, а тѣмъ болѣе Британіи и Испаніи, но Италія и Африка всегда считались коренными составными частями римской имперіи, и вотъ съ пріобрѣтенія этихъ ближайшихъ странъ Юстиніанъ и рѣшился начать возстановленіе имперіи Константина Великаго. Ненависть католическихъ населеній этихъ странъ къ аріанскимъ Готамъ и Вандаламъ значительно облегчила предпріятіе, и талантливый полководецъ Велизарій въ короткое время покорилъ византійскому господству Африку, Сицилію и началъ завоеваніе самой Италіи, завершенное уже его преемникомъ, не менѣе даровитымъ полководцемъ Нарзесомъ. [Въ то же самое время, затрачивая силы имперіи на эти завоеванія, Юстиніанъ пытался и на Востокѣ обезпечить границы своего государства противъ Славянъ и Персовъ цѣльнымъ рядомъ крѣпостей и охранительныхъ постовъ на Дунай и на Евфратѣ. Однако эти укрѣпленія не могли спасти имперію отъ наплыва варваровъ. Между тѣмъ какъ лучшіе полководцы и войска Юстиніана дѣйствовали въ Италіи и Африкѣ, Славяне не только опустошили большую часть Балканскаго полуострова, но и уничтожили значительную часть древняго населенія и заняли его мѣста. Вообще эпоха Юстиніана была временемъ величайшихъ бѣдствій для тогдашняго человѣчества: внутренніе мятежи, нашествіе варваровъ, землетрясеніе, моръ истребляли миллионы людей, а грабительская система администраціи доводила до разоренія и отчаянія оставшихся въ живыхъ].

Задавшись идеей внѣшняго возстановленія имперіи Константина Великаго, Юстиніанъ естественно приведенъ былъ къ мысли достроить ее и внутренне, т. е. регламентировать ея юридическій бытъ путемъ систематического и точнаго законодательства, въ чемъ настояла тѣмъ большая необходимость, что въ теченіе двухъ столѣтій, протекшихъ со временемъ Константина, многое измѣнилось не только въ бытовыхъ отношеніяхъ римскаго государства, но и въ самомъ его этнографическомъ составѣ, такъ какъ частыя нападенія варваровъ на его сѣверные области и весьма об-

ширина завоевательная колонизация славянскимъ элементомъ, начавшаяся еще съ III в., но особенно усилившаяся къ IV в.¹⁾), мало по малу измѣнили єрако-иллірійскую народность Балканского полуострова. Все это дѣлало древнее римское право, утвердившееся здѣсь со временъ покоренія Греціи и Македоніи римскимъ оружіемъ, уже несовсѣмъ соответствующимъ насущнымъ потребностямъ имперіи. И вотъ по волѣ Юстиніана знаменитые юристы его вѣка съ Трибоніаномъ во главѣ предпринимаютъ монументальный трудъ кодификаціи всего наличнаго тогда юридического материала. Такъ возникъ въ первой половинѣ VI в. знаменитый „Corpus iuris civilis“, состоявшій изъ четырехъ главныхъ частей: 1) Codex Iustinianі или сводъ положительного римского права, систематизированнаго по древнимъ его источникамъ и по постановленіямъ прежніхъ императоровъ; 2) Institutiones или научный учебникъ права; 3) Щандекты или систематический сборникъ мнѣній древнихъ римскихъ юристовъ о различныхъ вопросахъ права въ практическомъ его примѣненіи и 4) Novellae, т. е. указы и правительственные распоряженія самого Юстиніана. Великая историческая цѣнность этого памятника далеко не исчерпывается его значеніемъ для византійской имперіи, гдѣ до самаго ея паденія онъ вмѣстѣ со своими послѣдующими дополненіями служилъ главнымъ регуляторомъ всей ея внутренней жизни. Вліяніе его втеченіе среднихъ вѣковъ распространилось далеко на Востокѣ и особенно на Западѣ, гдѣ опредѣленія его постепенно вошли въ составъ новыхъ законодательствъ, послуживъ могущественной основой бытоваго сближенія самыхъ разноплеменныхъ націй и вмѣстѣ школою здраваго юридического образования для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Въ то же время подъ именемъ „номоканона“ при Юстиніанѣ приведено было въ систему и законодательство восточной церкви, послуживъ въ свою очередь основаніемъ для церковнаго устройства не только для Византіи, но и для всѣхъ земель православнаго греческаго исповѣданія и въ свое время для древнерусскаго.

[Въ тѣсной связи съ законодательною дѣятельностью Юстиніана находится и его стремленіе къ централизаціи управлениія имперіи и къ искорененію всѣхъ остатковъ языческой древности и его борьба съ тѣми еретическими мнѣніями, которыхъ уже съ давнихъ временъ развивались въ средѣ греческой церкви. Такъ, съ одной стороны уничтожая консулать, отнимая послѣднее значение у сената, лишая города муниципальныхъ

¹⁾ Вопросъ этотъ разработанъ проф. М. С. Дриновымъ въ монографіи „Заселеніе Балканского полуострова Славянами“. Н.

учрежденій, изгоняя греческихъ философовъ, нашедшихъ убѣжище въ Персіи, императоръ съ другой стороны ожесточенно преслѣдовалъ аріанъ, монофизитовъ, моноелитовъ. Правительственная система Юстиніана лежала столь тяжелымъ гнетомъ на населеніи, что вызвала наконецъ противъ него сильную оппозицію, разразившуюся восстаніемъ партії цирка въ 532 г.,—восстаніемъ, которое едва не стоило жизни и престола императору. Оно было подавлено, благодаря твердости супруги Юстиніана Феодоры и мужеству и распорядительности Велизарія. Но и послѣ этого восстанія внутренняя политика не измѣнилась, а напротивъ приняла въ послѣдніе годы правленія Юстиніана еще болѣе рѣзкія формы.

Эпоха Юстиніана со всѣми своими свѣтлыми, а еще болѣе мрачными сторонами отразилась въ произведеніяхъ Прокопія Цезарейскаго,—писателя, воспитанного на античныхъ идеалахъ и проникнутаго глубокимъ уваженіемъ къ порядкамъ и учрежденіямъ древней римской имперіи. Занимая впослѣдствії выдающуюся должность юрисконсультта при Велизаріи, Прокопій не только сопровождалъ этого полководца въ его экспедиціяхъ, но имѣлъ возможность наблюдать вблизи Юстиніана, его дворъ и хорошо знать не только официальную, но и тайную сторону событий. Свои наблюденія онъ представилъ главнымъ образомъ въ большомъ своемъ труду „О войнахъ Юстиніана“, гдѣ онъ не только описываетъ военные события, но и даетъ массу свѣдѣній, какъ относительно явлений внутренней жизни, такъ и тѣхъ варварскихъ народовъ, которые или приходили въ столкновеніе съ имперіею, или селились на ея земляхъ. И въ языкахъ, и въ способѣ изложения подражая Геродоту, Прокопій смотритъ на события съ точки зрѣнія Римлянина первыхъ временъ имперіи, но при этомъ выражается крайне осторожно и сдержанно. Въ другомъ своемъ сочиненіи „О постройкахъ“, написанномъ, вѣроятно, по заказу Юстиніана, онъ является напыщеннымъ панегиристомъ императора, тогда какъ третій его трудъ „Anecdota“, подлинность которого до послѣдняго времени заподозривалась, по доказанію специальными изслѣдованіями Тейфеля и Дана, представляетъ ядовитый памфлетъ, гдѣ обнаружены всѣ мрачныя стороны частной жизни и правительственной дѣятельности Юстиніана].

Со смертью Юстиніана въ 565 г. померкнулъ и кратковременный блескъ, приданый имъ имперіи. На византійское государство, такъ много пострадавшее еще въ эпоху переселенія народовъ, теперь со всѣхъ сторонъ съ новой силой устремляются воинственные племена варваровъ и грозятъ разорвать ее по частямъ: съ сѣвера—Славяне и Авары, съ востока—Персы, съ юга—Арабы. Втеченіе второй половины VI и первой половины слѣду-

ющаго столѣтія завоевательная славянская колонизація усиливается на Балканскомъ полуостровѣ до того, что не только Иллірія и Мэзія, значительно ославянившіяся еще задолго до Юстиніана, но также Фракія, Македонія и даже самый Пелопоннесъ со своими островами покрываются славянскими поселеніями, и имперія, носящая все еще имя римской, по племенному составу своему дѣлается державой столько же варварской, сколько и греческой. Славяне и другіе варвары служатъ массами въ византійскихъ легіонахъ, занимаютъ нерѣдко высшія государственные должности, достигаютъ даже императорской порфиры. Самъ Юстиніанъ или, какъ онъ назывался славянскимъ своимъ именемъ, Управда и вся его родня были варварского происхожденія, какъ и множество генераловъ, прославившихъ его царствованіе, и въ томъ числѣ Велизарій. Европейская часть восточной имперіи была слѣдовательно въ IV, V, VI и VII вѣкахъ такъ же завоевана варварскими, преимущественно славянскими племенами, какъ западная имперія въ V вѣкѣ германскими,—съ тою только разницей, что славянское завоеваніе Балканского полуострова совершилось исподволь и незамѣтно, вслѣдствіе чего славянская стихія не сдѣлалась здѣсь господствующею, какъ на западѣ германская, а напротивъ постепенно улеглась въ формахъ греко-римской гражданственности и даже значительно эллинизировалась, подновивъ своими свѣжими силами выродившуюся кровь туземнаго фрако-иллірійскаго населенія, хотя самъ процессъ этого обновленія, продолжавшійся болѣе трехъ вѣковъ, и стоилъ государству огромныхъ жертвъ—опустошеній, грабежей и упадка самой культуры.

Далеко не такъ выгодны для имперіи были нападенія ея азіатскихъ враговъ, прямо стремившихся оторвать отъ нея вѣропейскія земли и вовсе истребить въ нихъ греко-христіанское образованіе. Сначала такую попытку сдѣлали Персы, завоевавши въ VII в. Сирію и Египетъ; но императору Гераклію (610—641)¹⁾ послѣ страшного пораженія Персовъ при развалинахъ Ниневіи удалось отнять у нихъ эти земли обратно, хотя и не надолго, такъ какъ уже подъ конецъ правленія Гераклія, между 636—640 гг., они покорены были фанатическимъ оружіемъ Арабовъ и такимъ образомъ невозвратно потеряны для Византии, у которой теперь вѣнч Европы оставалась одна М. Азія. Но и на эту послѣднюю восточную провинцію, какъ прежде Персы, такъ теперь напирали Арабы, во второй половинѣ VII вѣка напавши уже на самый Константинополь.

¹⁾ Отъ Юстиніана до Гераклія царствовали императоры Юстинъ II (565—578), Тиберій (578—582), Маврикій (582—602), Фока (602—610). Н.

Съ другой стороны еще прежде, тотчасъ по смерти Юстиніана, вслѣдствіе нашествія на Италію Лангобардовъ, имперія потеряла большую часть и этой провинціи; но, такъ какъ завоеватели явно стремились завладѣть и остальнойю южною частью полуострова, а съ другой стороны и сами Италіанцы, направляемые папами, тяготились византійскимъ господствомъ, то къ началу VIII вѣка всѣ еще оставшіяся за Византіей ея внѣшнія владѣнія оказались уже крайне сомнительными. И между тѣмъ какъ границы государства все болѣе и болѣе съуживались, а вмѣстѣ съ тѣмъ сокращались и его оборонительныя средства, дворъ и правительство представляли по прежнему картину ужасовъ, разврата, злодѣйствъ и насилий всякаго рода. Изъ императоровъ VII вѣка одинъ Гераклій, династія котораго съ небольшими перерывами держалась на престолѣ цѣлое это столѣтіе, представляетъ образчикъ достойнаго и энергического, хотя и не совсѣмъ счастливаго правителя ¹⁾, другіе же или ничтожны, или приобрѣли извѣстность только своими жестокостями, какъ предшественникъ Гераклія Фока, или своею жадностью и грабежами, какъ внуки его Константъ II, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, какъ напримѣръ Юстиніанъ II.

Въ лицѣ Льва III въ 717 году воцарилась исаврійская династія, управлявшая судьбами имперіи втечение всего VIII столѣтія и давшая ей нѣсколькихъ замѣчательныхъ государей. Самъ родоначальникъ этого дома Левъ III (717—741) былъ человѣкъ необыкновенного ума и военныхъ талантовъ, спасшій имперію отъ Арабовъ, осаждавшихъ Константинополь при самомъ началѣ его правленія, а его близайшіе преемники Константій V Копронимъ и Левъ IV успѣшно отстаивали государство отъ Болгаръ и Арабовъ, войны съ которыми не прерывались потомъ до самого XI вѣка. Но за то внутри имперія раздираема была борьбою партий иконочтителей и иконоборцевъ, борьбою, далеко превосходившею по своему ожесточенію всѣ прежнія религіозныя волненія византійского общества. Начало этой новой церковной смутѣ положено было въ 726 г. эдиктомъ Льва III, воспрещавшимъ поклоненіе иконамъ, въ чрезмѣрномъ чествованіи которыхъ со стороны простаго народа императоръ видѣлъ остатокъ древняго идолослуженія и вмѣстѣ главное препятствіе къ обращенію въ христіанство мухаммеданъ и Евреевъ, ненавидѣвшихъ всякия внѣшнія изображенія божества ²⁾). Церковный соборъ въ Константинополѣ,

¹⁾ Объ имп. Геракліѣ см. трудъ Драпейрона (на франц. яз.). Н.

²⁾ Есть основаніе думать, что въ иконоборствѣ выразилось вліяніе ислама на Византію. По крайней мѣрѣ самъ Левъ III и его сторонники смотрѣли на иконопочитаніе, какъ на явное отступленіе отъ чистоты христіанской религіи и какъ

созванный вслѣдъ затѣмъ, тоже объявилъ иконы навожденіемъ діавола и предалъ анаемъ ихъ почитателей. Но противъ такой крайней нетерпимости, сопровождавшейся разными насильственными мѣрами, возстали масы народа, оскорбленныя въ своихъ старыхъ вѣрованіяхъ и руководимыя фанатическимъ монашествомъ,—и, такъ какъ и преемники Льва III держались той же иконоборчной политики и дѣйствовали съ такимъ же насилиемъ, то яростная борьба за и противъ иконъ продолжалась болѣе стольтія. Императрица Ирина успѣла, правда, въ концѣ VIII в. возстановить почитаніе иконъ, но окончательно споръ этотъ рѣшенъ былъ только въ 842 г. на новомъ соборѣ въ Никѣѣ, при императрицѣ Феодорѣ, усердно преданной православію¹⁾.

Изъ долговременной борьбы этой имперія не вынесла ничего кромѣ крайняго истощенія своихъ силъ, а между тѣмъ потеряла и всѣ свои италіанскія владѣнія, такъ какъ папы воспользовались иконоборческими смутами и самоуправствомъ исаврійскихъ императоровъ въ столь щекотливыхъ вопросахъ вѣры, чтобы свергнуть византійское владычество надъ Римомъ и Среднею Италіей и поставить земли подъ покровительство могущественныхъ Каролинговъ. Дальнѣйшая же послѣдствія иконоборства были для Византіи еще чувствительнѣе. Съ этого времени начинается то постепенное отчужденіе отъ нея европейскаго Запада, которое конечно въ зародыши лежало еще и прежде въ ихъ общей исторической противоположности, но которое теперь обнаружилось явственно, благодаря отторженію Италіи, враждебной политикѣ папства и послѣдовавшему вслѣдъ затѣмъ возстановленію западной имперіи, вмѣстѣ съ чѣмъ Византія лишилась даже и номинальныхъ правъ своихъ на господство въ Италии. Романо-германскій Западъ со своими самостоятельными главами,—римско-нѣмецкимъ императоромъ и папой,—составилъ теперь отдельный міръ; а усилившееся къ половинѣ IX в. церковное разногласіе превратило это отчужденіе въ открытую непріязнь. Начиная съ этого времени, Западъ относится къ Византіи постоянно враждебно, хотя невольно и продолжаетъ пользоваться плодами ея высшей образованности. Враждебность эта стала обнаруживаться уже при

на главную причину всѣхъ неудачъ въ борьбѣ съ мусульманами. Исторія иконоборческой эпохи, чрезвычайно богатая источниками, очень мало разработана. Въ послѣднее время ея коснулся геніальный Ранке въ пятомъ томѣ своей всемірной исторіи, также усматривающій въ иконоборствѣ прямое воздействиѣ ислама на Византію. Изъ болѣе раннихъ сочиненій можно указать на книгу Шлоссера „Geschichte der Pilgerstãrme der Kaiser“. Н.

¹⁾ Вдовѣ императора Феофила, ревностнаго иконоборца. Н.

македонской династії, вступившей на престолъ въ лицѣ Василія I въ 867 г. и владѣвшей имъ съ нѣкоторыми перерывами около 200 лѣтъ, именно до половины XI вѣка. Втеченіе этого времени Западъ открываетъ уже наступательное движеніе противъ Византіи. Такова была напримѣръ въ концѣ X в. попытка императора Оттона II отнять у Грековъ Нижнюю Италію; таковы же были во второй половинѣ XI в. и нападенія южно-италіанскихъ Норманновъ, въ особенности при Робертѣ Гвискарѣ, современникѣ Григорія VII и Генриха IV. Къ счастью для Византіи Западъ не былъ еще связанъ тогда такъ крѣпко, чтобы предпринимать что-нибудь противъ нея общими силами. А съ другой стороны сама македонская династія дала государству рядъ достойныхъ правителей, умѣвшихъ поддержать его силу. Это были во второй половинѣ IX в. самъ основатель македонского дома Василій и сынъ его Левъ VI Философъ, затѣмъ въ первой половинѣ X в. Константинъ VII Багрянородный, а во второй его половинѣ Никифоръ Фока, Іоаннъ Цимисхій и братья Василій II и Константинъ IX,—все имена, тѣсно связанныя съ событиями начальной русской исторіи. Всѣ почти государи эти отличались блестящими военными талантами, а Философъ и Багрянородный пріобрѣли почетную извѣстность въ наукѣ и литературѣ¹⁾. Но столько замѣчательныхъ военныхъ и правительственныхъ дарованій не могли спасти однако государство отъ постоянного напора вѣнчанихъ враговъ на ея границы,—Болгаръ съ сѣвера, Арабы съ востока и юга,—тѣмъ болѣе, что къ этимъ старымъ врагамъ присоединилось еще нѣсколько новыхъ,—дикіе Печенѣги и воинственные Варяго-Руссы въ X в.²⁾, а съ началомъ слѣдующаго столѣтія западные Норманны и на востокѣ Сельджукскіе Турки, начавшіе оспаривать у Византіи ея послѣднюю вѣневропейскую провинцію Малую Азію.

Такова была судьба византійской имперіи до крестовыхъ походовъ. Исторія не знаетъ другаго государства, которое испытalo бы столько вражескихъ нападеній, какъ это. Даже самая Италія, куда тоже втеченіе многихъ лѣтъ стремились завоевательные народы, едва-ли была несчастнѣе Балканского полуострова, этой настоящей обѣтованной земли для всѣхъ средневѣковыхъ варваровъ. Втеченіе лишь первыхъ шестисотъ лѣтъ самбытной политической жизни Византіи кого только не видала она на прекрасныхъ земляхъ своихъ, особенно на благословенныхъ равнинахъ Ду-

¹⁾ Рамбо „L'empire grec au X-ème siecle. Constantin Porphyrogénète“. Зернинъ „Жизнь и литературные труды императора Конст. Багрянородного“. Н.

²⁾ Васильевскій, „Византія и Печенѣги“. Н.

ная? Готы, Гунны, Авары, славянскія племена, Болгары, Печенѣги, Варяго-Руссы, западные Норманны, Арабы, Турки—одинъ за другимъ, а иногда и разомъ по нѣсколько враговъ, нападали на нее съ разныхъ сторонъ, грабили, отрывали цѣлые области, пытались захватить самій Константинополь. И однажды имперія устояла и долго еще потомъ уставала противъ всѣхъ этихъ почти не прерывавшихся нападеній, что тѣмъ болѣе удивительно, что повидиму дряхлое государство само въ себѣ заключало такъ много задатковъ неминуемаго разрушенія,—вѣчные дворцовые перевороты, своеволіе наемниковъ, необузданность церковныхъ и политическихъ партий, экономическое истощеніе.

Византійская образованостъ. Что жъ поддерживало такъ долго и такъ упорно это разлагавшееся государство? Неистощимая сила его заключалась, какъ видно, въ его старой классической культурѣ. Восточная имперія, особенно въ первомъ періодѣ средневѣковой исторіи, была единственной въ Европѣ страной, где существовала выработанная система воспитанія, где непрерывно процвѣтали школы, где изученіе классическихъ произведений древности, особенно греческихъ, составляло необходимое условіе всякаго высшаго образования. Здѣсь только процвѣтало еще краснорѣчіе, языкознаніе, философія, вообще наука, хотя господствовавшее и здѣсь, какъ на Западѣ, религіозное направленіе съ преобладающими церковными интересами сообщило имъ односторонній, но далеко впрочемъ не такой исключительный характеръ, какой мы встрѣчаемъ въ средневѣковомъ западномъ образованіи. Иоаннъ Дамаскинъ, Иоаннъ Грамматикъ, ученый патріархъ Фотій, дочь императора Алексія Анна Комнена, цѣлый рядъ даровитыхъ историковъ, описавшихъ всю тысячелѣтнюю судьбу византійского царства,—что подобнаго могъ выставить Западъ до самого XII в.? Что значатъ эфемерныя попытки Карла Великаго, Альфреда Великаго, германскихъ Оттоновъ, предпринятыя ими въ видахъ водворенія на Западѣ правильного воспитанія и науки, въ сравненіи съ непрерывнымъ и организованнымъ умственнымъ движеніемъ, какое мы видимъ въ Византіи? Движеніе это, правда, не отличалось творческой силой, вращаясь въ ста-ринныхъ формахъ грамматики, реторики, діалектики, философіи, въ кругѣ которой входило тогда естествознаніе съ математикой, но уже важно было и то, что въ вѣка глубокаго и почти общаго невѣжества, существовала страна, где поддерживалась и разрабатывалась древняя наука, да еще обогащенная по части медицины, математики, механики, астрономіи и разныхъ прикладныхъ знаній множествомъ заимствованій отъ Арабовъ и вообще съ Востока. Конечно не всѣ заимствованія эти были одинаково по-

лезны. Вмѣстѣ съ весьма развитымъ естествознаніемъ Арабовъ перешли сюда и ихъ суевѣрія—астрологія, алхімія и всѣ такъ называемыя тайныя науки, хотя эти научныя бредни имѣли тоже и свою хорошую сторону, способствуя съ одной стороны успѣхамъ изученія природы, а съ другой наталкивая перѣдко на весьма цѣнныя открытия, какимъ было напр. въ VII в. изобрѣтеніе греческаго огня, которымъ Константинополь спасался столько разъ отъ Арабовъ, Варяго-Руссовъ и впослѣдствіи Латинянъ. Такъ же точно восточная имперія первой половины среднихъ вѣковъ далеко превосходила Западъ въ отношеніи искусствъ техническихъ и изящныхъ. Въ то время какъ западные города пробавлялись остатками древняго искусства и промышленности, разоренныхъ и подавленныхъ варварами, въ Византіи процвѣтала еще дѣятельная и даже до известной степени оригинальная промышленная и художественная жизнь, и Константинополь со своими величественными памятниками—Софійскимъ соборомъ, построеннымъ Юстиніаномъ, императорскими дворцами Владерной и Вуколеономъ, со своими безчисленными храмами, водопроводами, статуями, колоссальными цистернами, стѣнами и башнями, съ гаванью, кипящею кораблями,—былъ настоящимъ чудомъ Европы и Азіи¹⁾. Ваяніе, живопись, мозаиковая работы, производство тончайшихъ и богатѣйшихъ тканей, удивительныхъ автоматовъ, драгоцѣнныхъ и изящныхъ сосудовъ, рѣзное и ювелирное искусство все еще имѣли здѣсь даровитыхъ и опытныхъ представителей.

Переходя затѣмъ къ другой сферѣ, къ области общественной жизни и дѣятельности, мы видимъ тоже самое. Нигдѣ не было такихъ разумныхъ, научно-выработанныхъ законовъ, какъ кодексъ Юстиніана, какъ „Базилики“ Василія Македонянина, нигдѣ такой развитой и сложной администраціи; а придворный церемоніаль и дипломатическое искусство Византійцевъ служили образцами для всей Европы. Это послѣднее достигло въ Византіи высокаго развитія и получило особый характеръ, въ которомъ отразился весь складъ византійской политической жизни, отразились то двуличіе, угодливость передъ сильными, та пресловутая греческая хитрость, которая всегда составляютъ черты народа слабаго, подавленного правительственнымъ гнетомъ съ одной стороны, а съ другой—окруженнаго врагами, съ которыми трудно бороться открытою силою и потому надо хитрить, лавировать, противопоставлять ихъ однихъ другимъ. При всемъ томъ конечно это высокообразованное государство страдало неизлечимыми

¹⁾ Кондаковъ „Hist. de l'art byzantin“. 1886. I. II.

правственными и общественными недугами: ему недоставало ни строгой публичной морали, ни общественного мнения, ни уважения к законамъ, ни разумной гражданской свободы, ни даже общественной безопасности и порядка, безъ которыхъ невозможно никакое преуспѣніе; но самыя вѣковыя формы его цивилизованной жизни имѣли еще столько крѣпости и величия, что могли служить предметомъ удивленія и подражанія для окружающихъ варваровъ и выносить такъ долго и безчисленные внутренніе перевороты, и удары вѣшнихъ враговъ.

2. Славяне.

Первые извѣстія о Славянахъ мы находимъ у византійскихъ авторовъ, въ особенности же у Прокопія, имп. Маврикія, Феофана, Льва Діакона, Константина Багрянородного и др. Затѣмъ слѣдуютъ западные (германскіе) источники, изъ коихъ важнѣе другихъ Титмаръ Мерзебургскій, Адамъ Бременскій и продолжатель его Гельмольдъ. Далѣе идутъ свидѣтельства арабскихъ писателей, особенно важныя для характеристики быта Славянъ восточныхъ,—именно Ибн-Харгадебе, Ибн-Фадлана, Табари, Аль-Массуди, Ибн-Доста, Эдризи, Ибн-Батуты. У славянскихъ народовъ исторіографія возникаетъ въ различное время: ранѣе всѣхъ у Болгаръ, затѣмъ у Чеховъ, далѣе у Русскихъ, наконецъ у Поляковъ.

Первобытная исторія славянского племени имѣеть громадную литературу преимущественно монографического содержанія. Важнѣйшія изъ такихъ специальныхъ сочиненій будутъ указаны въ свомъ мѣстѣ, а изъ общихъ слѣдуетъ назвать классическій трудъ Шафарика „Славянскія древности“, Цайса „Die Deutschen und ihre Nachbarstämme“, Суровецкаго „Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ“ (въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ.“). Н.

а) Происхождение Славянъ.

Въ виду этого богатаго, но одряхлевшаго общества, за сѣверными его предѣлами открывается славянскій міръ, только что выходящій изъ сумрака неизвѣстности, въ который онъ погруженъ былъ въ древности. Славяне вмѣстѣ съ Литовцами самая юная изъ отраслей индоевропейскаго племени. Время появленія ихъ въ Европѣ опредѣлить невозможно,—такъ точно, какъ и другихъ вѣтвей этой же расы,—єрако-италійской, кельтской и германской; но съ послѣдней по родству языковъ Славяне стоять въ болѣе близкой связи, чѣмъ съ другими, изъ чего и заключаютъ, что эти два народа одновременно выдѣлились изъ общеарійской семьи, хотя столь же несомнѣнно, что Германцы пришли въ Европу прежде,—Славяне же съ Литовцами явились сюда послѣдними изъ Аріевъ¹⁾. На это указыва-

¹⁾ См. впрочемъ томъ I, стр. 70, прим. 1. Н.

еть уже самое ихъ географическое положеніе. Они заняли восточную Европу,—знакъ, что лучшія земли на западѣ и югѣ этой части свѣта были уже заняты болѣе ранними пришельцами того же корня.

Это восточное положеніе Славянъ въ кругу европейскихъ народовъ <sup>и Географи-
ческое положение рас-
положеніе на племена.</sup> заслуживаетъ полнаго вниманія исторіи, такъ какъ оно опредѣлило всю ихъ историческую судьбу. Имъ условилось, во 1-хъ, сравнительно болѣе позднѣе ихъ вступленіе въ исторію, такъ какъ отъ культурныхъ земель юго-западной Европы долгое время отдѣляль ихъ широкой поясъ германскихъ поселеній, распространившихся по средней части европейскаго материка; во 2-хъ, это восточное положеніе поставило Славянъ въ ближайшее сосѣдство съ азиатскими кочевыми народами, постоянно напиравшими на Европу, и такимъ образомъ сдѣлало ихъ на много вѣковъ главными героями той великой борьбы, которая искони шла между Европой и Азіею и которая проходитъ черезъ всю исторію человѣчества, значительно условливая собою весь общій ходъ ея; и въ 3-хъ, это положеніе привело ихъ къ борьбѣ съ племенами германскими или, какъ называли ихъ Славяне, Нѣмцами, съ которыми они столкнулись всею своею западною этнографическою границею.

Доисторическую судьбу славянскаго племени прослѣдить чрезвычайно трудно, какъ трудно указать и мѣсто ихъ первоначального поселенія въ Европѣ. Древнѣе всего возникаютъ они передъ очами исторіи въ стражахъ прикарпатскихъ, которая, вѣроятно, и были ихъ первобытной европейской родиной; но нѣть съ другой стороны никакого основанія утверждать, что великая восточно-европейская равнина, особенно западная часть ея между Днѣпромъ и Волгой, не была также ихъ исконной землей, хотя въ этихъ мѣстахъ древніе писатели, начиная съ Геродота, постоянно смѣшивали ихъ со Скиѳами и Сарматами. Отсюда уже, отъ Карпатовъ и висло-днѣпровской равнины, надо полагать, распространились они по всей восточной Европѣ: къ сѣверу, гдѣ они оттеснили на крайній сѣверъ первобытно обитавшія здѣсь финскія племена, а можетъ быть и германскія, заставивъ послѣднія перебраться насосѣдній Скандинавскій полуостровъ, и къ югу, въ бассейнъ Дуная, гдѣ на среднемъ его течении они столкнулись съ Германцами, которыхъ, вѣроятно, погнали далѣе къ западу, а на нижнемъ Дунаѣ съ Фрако-иллірійцами, у которыхъ стали оспаривать лѣвый берегъ этой рѣки, а съ теченiemъ времени и правый. Оба эти движенія на сѣверъ и югъ, особенно первое, относятся къ такой глубокой древности, что нельзѧ даже и приблизительно опредѣлить ихъ времена. Только о появлѣніи Славянъ на нижнемъ Дунаѣ исторія сохранила

смутную память, такъ какъ оно произошло уже въ относительно позднюю пору, между II и V вѣками по Р. Х. Первоначальное движение Славянъ на востокъ, въ области Оки и верхней Волги, также очень древне и потому столь же темно; только позднѣйшая колонизация ими средняго и нижняго Поволжья совершилась на полной памяти исторіи. Наконецъ въ западномъ направлении славянскій міръ раздвинулъ свои предѣлы до Эльбы, но и это движение—тоже относительно позднее, совершившееся не ранѣе IV и V в. нашего лѣтосчисленія.

Прослѣдить въ точности этотъ процессъ географического расширенія славянства нѣтъ никакой возможности. Можно указать только на нѣкоторыя отдельныя событія и этнографические перевороты, которые способствовали или условливали славянское движение. Такимъ было напр. завоеваніе Дакіи Траяномъ въ началѣ II в. нашей эры и маркоманская война Марка Аврелия въ концѣ того же столѣтія, такъ какъ оба эти событія, произведши много перемѣнъ въ областяхъ дунайскихъ, коснулись и южныхъ окраинъ міра славянскаго, вовлеченаго ими впервые въ общее теченіе европейской исторіи. Затѣмъ въ III столѣтіи по Р. Х. важное вліяніе на судьбу славянства имѣло движение Готовъ къ бассейну Дуная и основаніе ими огромнаго царства, простиравшагося отъ Дуная до Карпатовъ и на сѣверные берега Чернаго моря и, стало быть, захватывавшаго большую часть земель славянскихъ. Готскимъ движениемъ на югъ, въ предѣлы римскаго Иллирика, были по всей вѣроятности увлечены и Славяне. Дорогу къ Дунаю могли открыть имъ еще Маркоманы; со временемъ же готскаго натиска на дунайскую границу имперіи они начинаютъ болѣе распространяться по сѣвернымъ частямъ Балканскаго полуострова. Лѣтъ сто спустя готское господство въ придунайскихъ, подкарпатскихъ странахъ и на сѣверномъ Черноморѣ смѣнилось владычествомъ Гунновъ, въ державу которыхъ вошла также и большая часть Славянъ. Въ грозномъ напорѣ этихъ новыхъ завоевателей на предѣлы восточной имперіи участвовали безъ сомнѣнія и племена славянскія, отложивъ новые слои своихъ поселеній въ областяхъ нижняго Дуная. Въ половинѣ V в., со смертью Аттилы, гунское царство рушилось. Вмѣстѣ съ другими народами, имъ подвластными, очутились свободными и Славяне. Между тѣмъ съ южныхъ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей все это время продолжался отливъ германскихъ племенъ въ земли прирейскія и области западной имперіи. Славяне, вовлеченные, какъ мы видѣли, въ общее броженіе народовъ этой эпохи, воспользовались упомянутымъ отливомъ, подвились далѣе на западъ и заняли втеченіе V в. все южное балтійское

побережье до самой Эльбы. Наконецъ въ VI в. и первой половинѣ VII, пользуясь съ одной стороны слабостью византійской имперіи, а съ другой тѣснѣмые новыми пришельцами—Аварами, въ это время появившимися на Дунаѣ, Славяне постепенно наводняютъ древнюю Иллірію, Фракію, Македонію, Мезію, простирая свои крайнія поселенія на югъ до самаго Пелопоннеса.

Таковъ былъ приблизительно первоначальный ходъ распространенія славянской народности въ восточной Европѣ. Въ концѣ VI в., когда на западѣ значительно улеглось уже трехвѣковое передвиженіе народовъ, границы славянства касались уже на сѣверѣ береговъ Балтійскаго моря, на югѣ—Адріатическаго, на западѣ доходили до Эльбы, а на востокѣ до Волги. На столь огромномъ пространствѣ Славяне втеченіе вѣковъ, естественно, разбились на отдѣльныя племена, изъ коихъ каждое подъ вліяніемъ занятой мѣстности, сосѣдства съ другими народами и различной исторической судьбы значительно обособилось, сохраняя однакоже племенную и даже географическую связь со всѣми прочими. Такъ прежде всего замѣчается различіе между Славянами восточными и западными: первые культурно и политически тяготѣютъ къ Византіи, вторые—къ Германіи. Затѣмъ та и другая часть славянства распадаются на нѣсколько этнографическихъ группъ. Такъ на востокѣ обозначаются позднѣйшіе русскіе Славяне, занявшиѣ пространство отъ Карпатскихъ горъ до Западной Двины, до Днѣпра и до Волги, но въ то время представлявшіе еще разбитыемъ мало известныхъ племенъ и родовъ. Къ юго-западу отъ нихъ группа славянъ дунайскихъ и адріатическихъ или группы Юго-Славянъ, состоящая а) изъ Словинцевъ, разсѣявшихся по альпійской странѣ, прилегающей съ сѣверо-востока къ Адріатическому морю, по нынѣшнимъ австрійскимъ провинціямъ Штирии, Каринтии, Истріи, б) изъ Хорватовъ, занявшихъ полосу отъ Адріатического моря на востокѣ по средней Савѣ до впаденія этой рѣки въ Дунай, въ нынѣшнихъ австрійскихъ провинціяхъ Кроаціи, Славоніи и Баннатѣ, с) изъ Сербовъ, къ югу и юго-востоку отъ Хорватовъ, въ нынѣшнихъ областяхъ Далмациіи, Черногоріи, Босніи и королевствѣ Сербіи,—стало быть, жившихъ во всемъ почти сѣверо-восточномъ углу Балканскаго полуострова отъ Адріатического моря до того мѣста, где Дунай круто поворачиваетъ свое теченіе съ юга на востокъ, и д) изъ Болгаръ, разселившихся широкой полосою по всему правому берегу нижняго Дуная. Такъ же точно и западные Славяне разбились на нѣсколько этнографическихъ группъ, а именно: а) Чеховъ съ Мораванами и Словаками

въ нынѣшней Чехії, Моравіи и сѣверной Угрії,—стало быть, на сѣверъ отъ средняго Дуная до Карпатовъ и верхней Эльбы, б) Поляковъ,—къ сѣверу-востоку отъ Чехо-Моравовъ, по среднимъ теченіямъ Одера и Вислы, въ вынѣшнихъ областяхъ Силезіи, Познани и привислянскомъ краѣ и с) Славянъ балтійскихъ, иначе Поморянъ,—по всему южному балтійскому Поморью, т. е. по нижнимъ теченіямъ Эльбы или Лабы и Одера, до самыхъ устьевъ Вислы,—стало быть, въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ, Помераніи, Бранденбургѣ и Саксоніи. Такимъ образомъ славянскія поселенія тянулись непрерывной полосой отъ Балтійскаго моря и Лабы до Дуная и морей Адріатическаго и Чернаго, простирая свои крайніе побѣги на югъ—до Пелононнеса, на востокъ—до Волги и на сѣверъ—до Финскаго залива и гранича на западъ съ Германцами, на сѣверо-западѣ съ скандинавскими Датчанами и племенами литовскими, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ съ Финнами, на востокѣ и юго-востокѣ съ степными кочевниками монгольско-туркскаго происхожденія, а на самомъ югѣ незамѣтно сливаясь съ ерако-иллірскими племенами Балканскаго полуострова.

Изъ этого обзора древнѣйшихъ этнографическихъ границъ славянской области уже видно, во 1-хъ, что въ одномъ только пункте этихъ обширныхъ границъ, именно на югѣ, Славяне соприкасались съ образованными народами, и очень естественно, что съ этой стороны должны были они получить и первый толчекъ для своего собственного культурнаго развитія; а во 2-хъ, что самое положеніе Славянъ между Греками, Нѣмцами, Литвой, Финнами и монгольскими народами призывало ихъ къ весьма сложной и трудной исторической дѣятельности и прежде всего къ культурному посредничеству между столь разнообразными этнографическими стихіями.

© Археологіческій бытъ.

Несмотря на такое племенное разнообразіе Славяне сохранили въ это время и долго еще потомъ черты родового единства въ своемъ языкѣ, хотя распавшемся на нарѣчія, но въ сущности понятномъ для всѣхъ членовъ славянской семьи,—въ своихъ обычаяхъ, установленныхъ преобладавшему у нихъ семейной и земледѣльческой жизнью, въ своихъ религіозныхъ представленияхъ, формахъ общественнаго быта и въ главнѣйшихъ особенностяхъ своего народнаго характера.

Въ основѣ языческой религіи Славянъ¹⁾ лежали общеарійскія черты. Во главѣ славянскихъ божествъ стояло неопределенное божество неба—

¹⁾ Источники славянской міѳологіи отличаются, говоря вообще, крайнею скучностью и отрывочностью. Славянское язычество не оставило по себѣ ни одного памятника, который могъ бы сравниться, не говоря уже о богатыхъ сокровищницахъ древне-индійской или греческой міѳологіи, даже съ германскими Эддами.

таинственный Сварогъ, подобный пеласгическому Урану и индійскому Варунѣ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ религіозныхъ представлений верховное божество это, имѣвшее, кажется, и соотвѣтствовавшее себѣ женское въ Матери-Землѣ, разрѣшилось множествомъ божествъ стихійныхъ, обозначавшихся въ народномъ сознаніи уже гораздо яснѣе. Такими были Хорсъ, Даждь-богъ, Волосъ, Святовитъ, Купало,—божества солнечные, и Перунъ, богъ грома и молніи. Все это были Сварожичи, дѣти Сварога. Затѣмъ идутъ другія стихійные божества,—Стрибогъ, богъ вѣтровъ, божества водъ и лѣсовъ,—русалки, вилы, лѣшіе. Но кромѣ благодѣтельныхъ силъ природы Славянинъ обожествлялъ также и враждебныя,—Морену—смерть, Кощея—зимній холодъ, Бабу-ягу—бури и выюги. Наконецъ были у Славянъ, подобно какъ у древнихъ Италійцевъ, и божества домашнаго очага—Родъ и Рожаница, Домовой и пр.

Ученые, посвящавшіе свои силы изученію древне-славянского язычества, принуждены были основывать свои выводы, во первыхъ, на краткихъ и нерѣдко сбивчивыхъ показаніяхъ чужеземныхъ писателей, во вторыхъ, на немногихъ указаніяхъ, сохранившихся у старѣйшихъ славянскихъ писателей, особенно церковныхъ, въ третьихъ, на чрезвычайно богатыхъ, но часто смутныхъ и неопределенныхъ свидѣтельствахъ народнаго эпоса и, въ четвертыхъ, на остаткахъ языческой старинѣ, сохранившихся и по сю пору въ народныхъ суевѣріяхъ, обычаяхъ, пословицахъ, сказкахъ и пѣсняхъ современныхъ Славянъ.

Изъ иноземныхъ свидѣтельствъ особенное значение имѣютъ извѣстія Византійца Прокопія, Арабовъ Массуди и Ибнъ-Фадлана, Германцевъ Титмара и Адама Бременскаго. Изъ древнихъ славянскихъ писателей наиболѣе драгоценныя свѣдѣнія даютъ лѣтопись Нестора, показанія древнихъ церковныхъ проповѣдниковъ, особенно русскихъ, сочиненія Козьмы Пражскаго и словарь Вацерады, чешскій памятникъ XIII в. Изъ древнихъ памятниковъ народнаго творчества Славянъ особенно богаты миѳологическими указаніями: судь Любушки и Кралеворская рукопись (подлинность которыхъ однако и до сихъ поръ остается весьма сомнительной) у Чеховъ, слово о полку Игоревѣ у Русскихъ. Богатый миѳологический матеріалъ даютъ также русскія былины, сербскій эпосъ, лирическія народныя пѣсни и сказки, поговорки, заговоры славянскихъ племенъ. Пособія: сочиненія Шафарика, Буслаева, Кастрорскаго (Начертаніе славянской миѳологии), Костомарова (Славянская миѳология), П. А. Безсонова, Срезневскаго, Афанасьева (Поэтическая воззрѣнія Славянъ на природу), Сродневскаго (Изслѣдованіе о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ), Фамицына (Божества древнихъ Славянъ), Котляревскаго (Погребальные обычаи у древнихъ Славянъ), А. Потебни (О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій), П. Лавровскаго (рецензія на прив. соч. Потебни въ „Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древ.“), М. Е. Соколова, (Старорусские солнечные боги и богини) и многія другія. Н.

Если вообще миоология отражаетъ въ себѣ народный бытъ, то миоология славянская указываетъ именно на преобладавшіе въ жизни нашихъ предковъ интересы,—земледѣліе и бытъ семейный. Тоже самое отразилось и въ празднествахъ древнеславянскихъ, изъ которыхъ два главнѣйшихъ,—Коляда и Купала,—приходятся въ зимній и лѣтній солноворотъ, какъ два важнѣйшия момента въ періодической борьбѣ тьмы со свѣтомъ, холода съ тепломъ, борьбѣ, составлявшей господствующее содержаніе славянской миологии, насколько она известна по тѣмъ скучнымъ свѣдѣніямъ, какія о ней сохранились. Вообще миология далеко не достигла у Славянъ полнаго своего развитія, а тѣмъ менѣе какой-нибудь стройной системы, какъ это было напр. у Грековъ. Не развились также у нихъ ни сложныя формы богослуженія, ни организованное жречество, за исключеніемъ Славянъ балтійскихъ, гдѣ были и храмы, и вліятельные жрецы, и сложные обряды богослуженія, какъ напр. въ Ретрѣ, Арконѣ и другихъ городахъ Поморья, что впрочемъ могло быть занесено сюда изъ сосѣдней Литвы, какъ и наши волхвы приходили къ намъ тоже изъ-чужи, изъ земель Финновъ или Чуди.

Слабо развитая система религіозныхъ вѣрованій указываетъ безъ сомнѣнія на историческую юность народа славянскаго. Къ такому же заключенію приводятъ и формы общественнаго быта¹⁾. У Славянъ, какъ и у другихъ Ариевъ, первоначально господствовалъ родовой бытъ, который однаже очень рано видоизмѣнился и принялъ формы семейственно-общинного. Въ организаціи общины имѣли значеніе уже не одни родовыя начала, т. е. происхожденіе и родственная связь, но и другія условія, какъ то земельное владѣніе и отношенія къ сосѣдямъ. Члены общины пользовались занятой ими землей сообща и свободно избирали себѣ старшину или владыку, вѣдавшаго судъ и дѣла общинныя при содѣйствіи общин-

¹⁾ Наши свѣдѣнія о древнѣйшихъ формахъ общественнаго быта Славянъ почерпаемъ мы изъ такихъ же случайныхъ и разбросанныхъ указаній многообразныхъ источниковъ, какъ и о славянской миологии.

Изъ пособій можно указать на слѣдующія: Неволинъ „Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ“; Эверсъ „Древнѣйшее право Руссовъ“; Макушевъ „О бытѣ и нравахъ Славянъ“; О. Миллеръ „Опытъ историческаго обзора русской литературы“; Соловьевъ „Исторія Россіи“, томъ I; Бестужевъ-Рюминъ „Исторія Россіи“, томъ I; П. А. Лавровскій „Коренное значение родства у Славянъ“; Шипилевскій „Союзъ родственной защиты у Германцевъ и Славянъ“; его же „Семейная власть у древнихъ Славянъ и Германцевъ“; К. Аксаковъ Соч. (въ нихъ статьи о древнемъ бытѣ Славянъ). Н.

ной сходки. Несколько такихъ общинъ или первей составляли погостъ, волость или жупу, где власть законодательная, административная и судебная принадлежала волостному вѣчу, состоявшему изъ владыкъ, какъ представителей отдельныхъ общинъ и избравшему себѣ князя или жупана и другихъ чиновниковъ. Но между волостями шли вѣчные раздоры. Отсюда власть племенныхъ князей или великихъ жупановъ, какъ посредниковъ между враждовавшими. Но должность и этихъ правителей въ древнѣйшее время тоже была, кажется, выборною, а иногда и временною. Въ противоположность общинѣ древнеклассической и германской, славянская не знала ни людей полусвободныхъ, ни рабовъ; все земскіе люди были свободны и равны по своимъ правамъ. Зависимость была только родственная,— младшихъ отъ старшихъ. Женщина въ гражданскомъ отношеніи немногимъ уступала мужчинѣ [и, хотя не пользовалась у Славянъ такимъ суевѣрнымъ уваженіемъ, какъ у Германцевъ, хотя за нее платилась меньшая вира, нежели за женщину, однако ея общественное положеніе было весьма выгодное. Въ преданіяхъ почти всѣхъ славянскихъ народовъ женщины являются владыками, князьями. Стоитъ вспомнить русскую Лыбедь въ Киевѣ, св. Ольгу тамъ же, Любушу у Чеховъ, Ванду у Поляковъ, Тугу и Бугу у Хорватовъ. Героини русскихъ былинъ напоминаютъ скандинавскихъ валькирий. Славянскія женщины сопровождали мужей своихъ на войну и владѣли отдельною собственностью]. Наслѣдство дѣлилось поровну между дѣтьми. Военнопленные обращались только во временное рабство, послѣ чего получали свободу. Такъ же точно не видно у Славянъ никакихъ зародышей аристократіи, подобной германскимъ эделингамъ. Да и быть еще и сословій въ юридическомъ смыслѣ. Дружины и купцы представляли не сословія, а только классы общества. Городовъ тоже почти не быть; не быть, стало быть, и горожанъ. Все населеніе земское. Съ городскою жизнью въ западномъ смыслѣ этого слова, съ городскими промыслами и торговлей Славяне познакомились впослѣдствіи, на западѣ перенявши ихъ отъ Нѣмцевъ, на югѣ—отъ Греко-римлянъ. Такимъ на немецкій ладъ устроеннымъ городомъ была напр. у Славянъ балтійскихъ Винета, торговля которой процвѣтала въ весьма раннюю пору среднихъ вѣковъ. Другіе города чисто славянского происхожденіе, какъ Киевъ, Новгородъ, были только укрѣпленными, огороженными мѣстами съ преобладающимъ земледѣльческимъ населеніемъ. Такъ же точно и въ своей общественной жизни учрежденія аристократическая заимствовали они съ теченіемъ времени изъ германскихъ, а монархическая изъ германскихъ и греко-римскихъ вліяній.

Таковъ былъ новый народъ, съ VI в. начинающій все чаще и чаще появляться на сценѣ европейской исторіи. Единственныя свидѣтельства византійскихъ, западныхъ и арабскихъ писателей рисуютъ намъ его, какъ народъ искони земледѣльческій, осѣдлый и миролюбивый, ведшій войны только для собственной обороны или вслѣдствіе внѣшнихъ импульсовъ, и, изучая его древнѣйший общественный строй и кругъ его религіозныхъ представлений, въ которыхъ нѣтъ ни военныхъ боговъ, ни военныхъ учрежденій, а есть только божества и учрежденія, свойственныя народамъ земледѣльческимъ и патріархальнымъ, мы можемъ вѣрить этимъ свидѣтельствамъ. Далѣе мы видимъ у Славянъ черту, далеко отличающую ихъ отъ ихъ ближайшихъ сосѣдей и единокровныхъ Германцевъ,—это сильную наклонность къ общественному равенству и общественной свободѣ. Но эта свобода и равенство являются у нихъ не съ характеромъ юридическимъ, какъ у народовъ классическихъ, а скорѣе въ родственномъ, семейномъ значеніи, не какъ нѣчто, выработанное сложными житейскими отношеніями, о какъ присущее самой природѣ Славянина. Оттого и вслѣдствіи, уже во времена историческая, по складу своей судьбы и подъ гнетомъ разныхъ чужеземныхъ вліяній славянскія племена могли принимать весьма разнообразныя формы общественного устройства,—и феодально-аристократическую, какъ у средневѣковыхъ Германцевъ, и монархическую съ классическими атрибутами и характеромъ, и даже восточный деспотизмъ, но кроткая натура славянская всегда умѣла смягчить рѣзкость этихъ формъ и придать имъ извѣстный патріархальный оттенокъ. Въ числѣ господствующихъ чертъ народнаго характера Славянъ слѣдуетъ отмѣтить также отсутствіе національной исключительности, легкость сближенія съ чужими культурными элементами вмѣстѣ съ любовью къ родному обычая. Отсюда напр. знаменитое гостепріимство Славянъ и ихъ податливость инонлеменнымъ вліяніямъ. Наконецъ природѣ Славянина сильно присущъ художественный инстинктъ, столь согласный съ его мягкимъ, любящимъ и человѣчнымъ характеромъ.

Разумѣется, что этотъ первобытный и общій типъ народный значитель-но видоизмѣнился впослѣдствіи подъ вліяніемъ особой исторической судьбы каждого изъ племенъ славянскихъ.

Въ своей древнѣйшей политической жизни Славяне подобно всѣмъ арійскимъ и даже всѣмъ первобытнымъ народамъ обнаруживали сильную наклонность къ дробнымъ общественнымъ сферамъ, къ образованію малыхъ государствъ, большія же появились у нихъ или ради успѣшнѣйшей защиты отъ внѣшнихъ враговъ,—Аваровъ, Грековъ, Нѣмцевъ,—или же вслѣдствіе

водворенія между ними чужеплеменныхъ завоевателей. Какъ и можно было ожидать, согласно условіямъ географического положенія славянской области первыя значительныя государства славянскія, а вмѣстѣ съ ними и древнѣйшая культура народная, возникли на югѣ, где дѣйствовали оба означенные условія,—и опасности со стороны сосѣдей, и нашествіе чужеплеменныхъ завоевателей,—и где кромѣ того близость Византіи съ ея развитыми государственными формами давала готовый образецъ для общественныхъ союзовъ въ большихъ размѣрахъ.

Древнѣйшее южнославянское государство было болгарское¹⁾. Оно возникло слѣдующимъ образомъ. Славяне, какъ мы видѣли, стали селиться на Балканскомъ полуостровѣ съ весьма ранней поры; но селились они или небольшими племенами, или просто народными массами. Такихъ племенъ греческіе писатели насчитываютъ множество. Главнѣйшими были слѣдующія: Сербы, Хорваты, Захлумляне, Травуняне, Дукляне, Сѣверяне, Нерочане, Мораване, Драговичи и проч., разсѣянныя въ разныхъ частяхъ полуострова. Но до VII в. общаго племенного названія у нихъ не было никакого. Они получили его впослѣдствіи отъ пришлага урало-чудского народа Болгаръ. Болгары, какъ показываетъ и самое ихъ имя, были древними жителями средней Волги и состояли въ дѣйствительно близкомъ кровномъ родствѣ съ Гуннами и Уграми. Съ теченіемъ времени они перекочевали отсюда въ степи между Днѣстромъ и Прutомъ и, приблизившись къ Дунаю, съ конца V в. стали нападать отсюда на области восточной имперіи, простирая нерѣдко свои набѣги даже до окрестностей Константиноополя, такъ что императоръ Анастасій въ самомъ началѣ VI в. долженъ былъ для защиты отъ нихъ столицы построить известную укрепленную стѣну. Затѣмъ до половины VII в. полудикій народъ этотъ подпалъ власти другихъ монгольскихъ кочевниковъ Аваровъ, въ VI ст. появившихся на Дунайѣ. Но, когда аварское иго было свергнуто, между освободившимися Болгарами начались усобицы, вслѣдствіе которыхъ одна изъ ордъ ихъ, предводимая Аспарухомъ, бросилась за Дунай и въ 678 г. заняла древнюю Мэзію, т. е. земли по правому берегу нижняго Дуная, покоривъ своей власти издавна обитавшее тамъ славянское насе-

¹⁾ Источники для исторіи древняго болгарскаго царства, равно какъ и для первоначальной исторіи Сербіи, заключаются главнымъ образомъ въ произведеніяхъ византійскихъ писателей.—Важнѣйшія пособія: Иречекъ „Ист. Болгаръ“; Дриновъ „Византія и Славяне въ X стол.“; Соколовъ „Изъ древней исторіи Болгаръ“; Голубинскій „Ист. болгарской церкви“; Палаузовъ „Вѣкъ болгарскаго царя Симеона“.

ление. Долгое время Азіаты эти жили въ покоренной странѣ аулами, продолжая свой прежній степной обычай. Но мало по малу стали они сливатся съ побѣжденными, усваивая себѣ ихъ языкъ и нравы, такъ что къ концу VIII в. они ничѣмъ уже почти не отличались отъ славянскихъ туземцевъ¹⁾). Греческое правительство, разумѣется, со страхомъ смотрѣло на воинственныхъ пришельцевъ, разхозяйничавшихся самовольно на земляхъ имперіи, и пыталось подчинить ихъ своему господству. Пришельцы же старались все дальше и дальше распространять свои владѣнія на сѣверъ—за Дунай, въ древнюю Дакію, и на югъ—до Балкановъ. Отсюда нескончаемыя войны съ Греками, идущія черезъ всю исторію старого болгарскаго царства до самого XI в.—войны, все болѣе и болѣе угрожающія для имперіи.

Изъ преемниковъ Аспаруха самыми знаменитыми государями болгарскими были Богорисъ или Борисъ, во второй половинѣ IX в. принявшій вмѣстѣ со своимъ народомъ крещеніе отъ Грековъ, и сынъ его Симеонъ, въ первой четверти X в. принявшій титулъ царя, уравнявшій себя такимъ образомъ съ византійскими императорами и мечтавшій—было совсѣмъ заступить ихъ мѣсто, страшно громившій и едва совсѣмъ не сокрушившій греческую имперію. Онъ возвелъ свое царство на высшую, хотя и непрочную степень блеска и славы, какой оно когда-либо достигало, окончательно утвердилъ въ странѣ христіанство и съ величайшимъ усердіемъ старался о возвращеніи въ ней просвѣщенія. Границы болгарского государства простирались при немъ до морей Чернаго и Адріатическаго, на югѣ достигали Балкановъ, а на сѣверѣ ему принадлежала не только вся почти Дакія, но даже пѣкоторыя части нынѣшней Трансильваніи и Венгрии, такъ что Болгари владѣли въ это время гораздо большею частью Балканскаго полуострова, чѣмъ сами Греки,—тѣмъ болѣе, что имъ подчинились тогда и всѣ другія племена Славянъ, тамъ обитавшія, за исключеніемъ Хорватовъ и Сербовъ. Но такое величие не опиралось ни на крѣпкость внутренніемъ строѣ государства, ни даже на племенному единству населенія, а только на личной энергіи и дарованіяхъ Бориса и Симеона. Поэтому по смерти послѣдняго держава ихъ стала быстро клониться къ упадку. Стоило явиться на престолъ такому слабому и миролюбивому царю, какимъ былъ Петръ, сынъ симеоновъ, чтобы разнородныя части государ-

¹⁾ Миѣніе, высказанное въ текстѣ о происхожденіи Болгаръ, должно считаться и по сію пору неопровергнутымъ, хотя противъ него и раздавались нѣрѣдко голоса, пытавшіеся доказать чисто-славянское происхожденіе Болгаръ. См. между прочимъ Иловайскаго „Розысканія о началѣ Руси“. Н.

ства полѣзли врозвъ. Впрочемъ процессъ этого разложенія, можетъ быть, не совесился бы такъ скоро, еслибы въ 967 г. не постигла Болгарію неожиданная гроза. Императоръ Никифоръ Фока, пользуясь безпечностю Петра, навлекъ на него оружіе воинственнаго русскаго князя Святослава, въ два похода едва не покорившаго всей Болгаріи. Но, увидѣвъ, что Русы хотятъ утвердиться въ завоеванной странѣ и совсѣмъ не расположены уступать ее Грекамъ, преемникъ Фоки Ioannъ Цимисхій сначала соединился съ Болгарами противъ Святослава и, вытѣснивъ послѣдняго съ Дуная, подчинилъ потомъ своей власти ослабленное русскимъ оружіемъ государство болгарское; а лѣтъ 50 спустя, въ 1019 г., 'Василій II довершилъ его завоеваніе. Съ тѣхъ поръ на цѣлые 150 лѣтъ Болгарія подпала подъ иго Грековъ, дѣйствовавшихъ и въ этомъ случаѣ унаследованной отъ Римлянъ политикой, противопоставляя однихъ враговъ своихъ другимъ и извлекая для себя выгоды изъ взаимнаго ихъ ослабленія.

Но старое болгарское царство не даромъ прожило славный періодъ вѣнѣнія могущества, и, хотя ему не удалось замѣнить на Балканскомъ полуостровѣ греческую имперію славянскою, но за то оно подготовило для христіанского образованія славянскаго міра прочное основаніе въ богатой церковной письменности, развившейся при Симеонѣ и продолжавшейся долго еще и послѣ него, несмотря на византійское рабство. Воспользовавшись вновь изобрѣтѣнными тогда славянскими письменами, Симеонъ, какъ самъ лично, такъ и透过 their own efforts, — Ioanna, экзарха болгарского, пресвитеровъ Константина и Григорія, черноризца Храбра и многихъ другихъ, предпринялъ массу переводовъ съ греческаго, преимущественно книгъ вѣроучительныхъ. Посредствомъ этихъ переводовъ творенія Златоуста, Дамаскина и древнѣйшихъ Отцовъ Церкви, а отчасти и свѣтская литература Византійцевъ, —энциклопедія, исторія, —впервые стали известны всѣмъ племенамъ славянскимъ. Но, что важнѣе всего, въ этихъ переводныхъ работахъ впервые складывался и вырабатывался языкъ славянскій въ гибкую письменную рѣчъ, способную передавать всѣ оттенки утонченного мышленія. Вотъ почему и языкъ древне-болгарскій сдѣлался церковнымъ языкомъ для всего восточнаго и южнаго славянства, въ томъ числѣ и для Русскихъ, послуживъ вмѣстѣ съ тѣмъ первою основою духовнаго единенія между многоразличными отраслями великой славянской семьи.

Сербы¹⁾, равно какъ и ближайшіе племенные родичи ихъ Хорваты, обитали первоначально въ закарпатской Галиціи, откуда въ первой полу-

¹⁾ Древнѣйшая исторія Сербовъ и понынѣ не разработана вполнѣ удовлетворительно. Изъ старыхъ сочиненій можно указать на нѣмецкій трудъ Эн-

вінѣ VII вѣка тѣ и другіе по призыву византійскаго императора Гераклія, желавшаго противопоставить ихъ Аварамъ, грозившимъ имперіи, значительными массами двинулись къ югу и разселились по только что опустошенной Аварами иллірійской странѣ, образующей большой треугольникъ между сѣверо-восточнымъ берегомъ Адріатики и устьемъ Савы. Хорваты заняли сѣверную часть этого треугольника (нынѣшнюю Кроацію и Славонію), т. е. земли по сѣверо-восточному берегу Адріатики и между Дравой и Савой, а Сербы размѣстились къ югу и юго-востоку отъ нихъ, отъ восточнаго берега Адріатическаго моря вплоть по нижнему теченью Савы, Дрины и Моравы.

Судьба тѣхъ и другихъ шла однимъ и тѣмъ же путемъ до начала X в., — съ тою только разницею, которая условливалась самимъ географическимъ положеніемъ занятыхъ ими странъ. Между тѣмъ какъ начальная вѣщанія исторія Сербіи вращалась почти исключительно въ кругу византійскихъ и болгарскихъ отношеній и, стало быть, не выходила изъ предѣловъ восточно-европейскаго міра, Хорватія, какъ земля пограничная между греко-славянскимъ Востокомъ и романо-германскимъ Западомъ, съ самого начала сдѣлалась предметомъ борьбы между ними, именно между Германцами и Византіею, между церковью латинской и греческой. Обѣ земли впрочемъ находились первое время въ зависимости отъ восточной имперіи, къ терitorіальному составу которой они принадлежали, и прежніе славянскіе князья ихъ считались данниками и подручниками императоровъ. Но уже во второй половинѣ VIII в. Хорватія подпала подъ власть Франковъ, со временъ первыхъ Каролинговъ распространившихъ свое господство въ этихъ мѣстахъ по поводу побѣдоносной борьбы съ Аварами. Сто лѣтъ спустя, т. е. уже по распаденіи державы Карла Великаго, Византійцамъ удалось,—правда, на короткое время,—справа подчинить себѣ Хорватовъ. Но въ концѣ IX в. мы опять видимъ ихъ области въ ленной зависимости отъ германской короны. И опять не надолго, такъ какъ въ слѣдующемъ X вѣкѣ почти независимая Хорватія считается однако же составною частью византійской имперіи. Наконецъ во второй половинѣ XI в. хорватскіе бана или владѣтели свергли съ себя окончательно даже номинальное византійское господство и въ качествѣ независимыхъ коро-

геля. Изъ сербскихъ сочиненій выдается „Исторія Сербіи“ Медаковича. Изъ русскихъ трудовъ слѣдуетъ назвать „письма“ Гильфердинга, „Исторію сербскаго языка“ Майкова, „Ізвѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ“ К. Грота. Н.

лей Хорватії и Далмациї примкнули спова къ общей политической жизни европейского Запада. Колебанія эти продолжались до тѣхъ поръ, пока съ XII в. Хорватія не сдѣллась мало по малу добычею неславянского и даже неевропейского, а пришлага урало-чудского народа Угровъ или Мадьяръ.

Такія же колебанія мы встрѣчаемъ и въ церковной исторіи Хорватовъ. Сначала они вмѣстѣ съ Сербами принимаютъ крещеніе изъ Рима; но это было въ VII в., когда еще не было и рѣчи о раздѣленіи церквей. Папскіе миссіонеры явились сюда потому только, что по тогдашнему раз-предѣленію діоцезовъ или епархій Иллірикъ принадлежалъ къ римской, а не къ цареградской митрополіи. Самъ императоръ Гераклій пригласилъ ихъ сюда. Но это первое обращеніе въ христіанство было непрочно и коснулось далеко не всего хорватскаго населенія, а скоро и вовсе было забыто. Вторичное же и уже окончательное утвержденіе христіанства во всей иллірійской странѣ совершилось только два вѣка спустя, именно во второй половинѣ IX в., при Василіѣ I, основателѣ македонской династіи, когда какъ Хорватія, такъ и Сербія добровольно признали свою зависимость отъ Византії. На этотъ разъ христіанская проповѣдь принесена была греческими священниками и утвердила здѣсь по греческому закону. Но папы, именно около этого времени поравнѣе послѣднія церковные связи съ Константинополемъ, не переставали интриговать въ Иллірикѣ, чтобы оттягать эту новую церковь у Грековъ, чего имъ было тѣмъ легче достигнуть, что часть далматскаго берега, принадлежавшаго Хорватамъ, усѣяна была латинскими приморскими городами, издавна связанными въ церковномъ отношеніи съ Римомъ. Благодаря этимъ вліяніямъ, въ 925 г. Хорватія отложилась отъ церкви греческой и сдѣлалась католической; но славянское богослуженіе долго еще удерживалось въ странѣ, несмотря на всѣ преслѣдованія Латинянъ, изобрѣтшихъ для далматинскихъ Хорватовъ въ подрывъ распространившейся у нихъ славянской кириллицѣ особья письмена глаголитскія, приписанныя ими для большей авторитетности св. Ерониму (V в.) ¹⁾.

Такъ вся исторія Хорватії, этого передового поста славянскаго міра на западѣ, представляетъ нескончаемую борьбу двухъ культурныхъ вліяній,—латино-западного и греко-восточного. Не только географическое положеніе, но и внутренній составъ этого края,—все должно было

¹⁾ Вопросъ о древности глаголитской азбуки все еще остается спорнымъ. Въ противоположность мнѣнію, приведенному въ текстѣ, существуетъ и другое,—именно, что глаголица древнѣе самой кириллицы. Н.

неминуемо привести его къ такой борьбѣ. Хорватская земля состояла изъ двухъ частей: приморской или западной, усѣянной старыми латинскими городами, какъ Задръ или Зара, Дубровникъ или нынѣшняя Рагуза и др., и поэтому на половину населенной Романцами или, какъ ихъ называли Славяне, Влахами,—и внутренней или восточной части съ населеніемъ чисто славянскимъ, въ противоположность торговымъ и промышленнымъ Далматинцамъ по преимуществу земледѣльческимъ. Каждая часть имѣла особыхъ правителей или бановъ съ подчиненными имъ волостями или жупанами. До половины X в. политическое первенство приналежало восточнымъ Хорватамъ, бани которыхъ твердо держатся славянскихъ интересовъ, отстаиваютъ свою независимость отъ Византіи, а потомъ ведутъ отчаянную борьбу съ Франками. Политика эта самымъ блестящимъ образомъ обнаруживается въ началѣ IX в. при героическомъ Людевитѣ, возведшемъ Хорватію на степень небывалаго могущества. Замысливъ создать на Савѣ и Дунайѣ сильную державу, которая служила бы оплотомъ славянского міра противъ напиравшихъ на него Германцевъ, Людевитъ навлекъ на себя всѣ силы франкской имперіи, съ которой и боролся побѣдоносно всю жизнь. Только послѣ его смерти въ 892 году опять удалось Франкамъ утвердить на нѣкоторое время свою власть надъ хорватской землей, и съ этихъ поръ восточная или внутренняя Хорватія, истощенная вѣковыми войнами съ Германцами, да кромѣ того и съ собственными далматинскими родичами, нерѣдко державшими ихъ сторону, впадаетъ въ изнеможеніе и политическое ничтожество. На первый планъ въ дальнѣйшей исторіи страны выдвигается ея соперница, Хорватія приморская или западная, правители которой, съ конца X в. принявши титулъ королей хорватскихъ, явно ведутъ судьбу страны своей уже по инымъ путямъ: сближаютъ ее съ Западомъ, развиваются въ ней замѣчательную промышленную и торговую дѣятельность, входятъ въ соперническія войны съ Венециею за господство на Адріатикѣ, затѣмъ переходомъ въ латинство съ 925 г. ослабляютъ окончательно свои связи съ Греckами и всѣмъ міромъ восточнымъ. Къ концу XI в. Хорватія дѣлается уже католическою и западною страной. Князь ея Звонимиръ Дмитрій въ 1075 г. получаетъ отъ папы признаніе королевскаго титула. Въ самомъ исходѣ XI в. она въ первый разъ подверглась мадьярскому завоеванію, а въ началѣ слѣдующаго вѣка завоеваніе это сдѣжалось окончательнымъ, и политическая роль Хорватіи была кончена, хотя потомъ Византійцы долго еще оспаривали эту страну у Мадьяръ.

Передовыми народомъ въ кругу дунайскихъ Славянъ дѣлаются Сербы.

Утверждение какъ Сербовъ, такъ и Хорватовъ въ древнемъ Иллирикѣ существенно отличалось оть прежнихъ славянскихъ переселеній на Балканский полуостровъ. Тѣ и другіе явились сюда уже тогда, когда край между Адриатикой и нижнимъ Дунаемъ былъ значительно заселенъ болѣе древними славянскими племенами, сюда пришедшими,—Дуклянами, Захлумянами, Травунянами, Босняками, Неретчанами, не говоря о тѣхъ поселенцахъ, которые обитали въ землѣ, занятой Хорватами. Всѣ перечисленныя племена жили въ предѣлахъ одной области Сербовъ и отъ этихъ пришельцевъ получили и свое нынѣшнее общее племенное имя; въ древнѣйшей же исторіи этихъ мѣстъ они долго отличались отъ настоящихъ Сербовъ, которые только соединили ихъ въ одну общую политическую жизнь, и притомъ соединили уже весьма поздно, именно въ половинѣ XII в., во времена Стефана Нѣмани, извѣстнаго собирателя сербской земли. Такимъ образомъ въ первые пять вѣковъ, несмотря на неоднократныя территоріальныя перемѣны въ областяхъ сербскихъ, чаще всего различаются въ нихъ три отдѣльныя владѣнія: великое княжество (по сербски—великое жупанство) собственно сербское,—между Динарскими Альпами, Дриной и Савой,—коренная область сербскаго населенія; великое бандство боснійское,—по теченію рѣки Босны,—то, что нынѣ Герцеговина, и наконецъ жупанство захлумское или захолмское,—между Адриатикой и Динарскими Альпами. Но по временамъ являлись и другія владѣнія, то удѣльныя, то независимыя, какъ напр. Дукля или позднѣйшая Черногорія, чаще всего принадлежавшая впрочемъ къ составу сербскаго великаго княжества.

За все это древнѣйшее время, т. е. до половины XII в., исторія Сербіи до сихъ поръ еще не возстановлена связнымъ и обстоятельнымъ образомъ, но изъ отрывочныхъ и довольно темныхъ извѣстій Византійцевъ можно заключить только, что до X в. она постоянно находилась въ государственной и церковной зависимости отъ восточной имперіи,—зависимости, то болѣе, то менѣе дѣйствительной, а иногда и просто лишь nominalной, состоя въ то же время подъ управлениемъ собственныхъ великихъ жупановъ, достоинство которыхъ до Стефана Нѣмани не было наследственнымъ въ одномъ владѣтельномъ родѣ, а переходило нѣсколько разъ изъ одной жупанской фамиліи въ другую, отъ жупановъ десницкихъ къ дуклянскимъ, а отъ этихъ послѣднихъ къ расскимъ. Въ X в. Сербія постепенно подчиняется господству Болгаръ и при Симеонѣ даже временно входить въ составъ древняго болгарскаго царства, по разрушеніи котораго Греками въ началѣ XI в. дѣлается наравнѣ съ Болгарией, Всеобщ. Ист., II.

гарією провинцією византійської імперії. Впрочемъ весьма не надолго такъ какъ уже въ половинѣ XI в. Серби при помощи Хорватовъ, въ эту тяжелую для дунайскихъ Славянъ эпоху остававшихся независимыми, свергли греческое иго и снова пріобрѣли прежнюю свободу. Но вообще во все это время, втечение первыхъ пяти вѣковъ своей исторіи, Сербы обнаруживаютъ мало исторической самостоятельности и вездѣ идутъ за Хорватами: по примѣру ихъ селятся въ VII в. въ Иллірикѣ и одновременно съ ними обращаются тогда въ первый разъ въ христіанство римскими проповѣдниками, а два вѣка спустя по ихъ же примѣру принимаютъ вторичное крещеніе отъ Грековъ. Только переходъ Хорватовъ въ католицизмъ въ началѣ X в. нарушилъ это до сихъ поръ параллельное теченіе жизни двухъ столь близко родственныхъ народовъ, направивъ дальнѣйшую судьбу ихъ по разнымъ путямъ. Впрочемъ племенная связь ихъ долго не прерывалась и послѣ, пока Хорватія, вовлеченнная своимъ географическимъ положеніемъ и своимъ латинствомъ въ движение западноевропейской исторіи, не лишилась политической самобытности.

3) Западные Славяне.

Подъ именемъ западныхъ Славянъ разумѣются балтійские Славяне съ Полабами, Поляки, Чехи съ Мораванами и Словаками и Словинцы восточныхъ Альповъ, между которыми главнѣйшую роль играли Хорутане. Всѣ эти племена, тянувшіяся непрерывно цѣпью отъ Балтійского моря до Адріатическаго, на всѣмъ своемъ протяженіи облегали восточную границу германскаго міра, что и условило главнымъ образомъ ихъ историческую судьбу, такъ какъ вся ихъ исторія представляеть не скончаемую борьбу съ Германцами, постоянно стремившимися къ расширению своихъ племенныхъ границъ на востокъ, т. е. къ постепенному поглощенію всего порубежнаго съ ними славянства. Необходимость отпора пѣменскому натиску весьма рано вызвала у западныхъ Славянъ большие общественные союзы. Таковыемъ напр. была великая славянская держава полимионического Само¹⁾, обнимавшая Чехію, Моравію и соседннее Подунавье и основавшая еще въ половинѣ VII в. по поводу войнъ тамошнихъ Славянъ съ Франками и Аварами. Но государство Само распалось тотчасъ послѣ его смерти. А въ VIII в. по тѣмъ же, вѣроятно, побужденіямъ возникаетъ чешское государство, начало которого впрочемъ теряется въ баснословномъ сумракѣ, гдѣ мелькаютъ неясные образы Крока,

¹⁾ Главнѣйшія извѣстія о Само и его державѣ мы получаемъ отъ франкскаго хрониста Фредегара, по словамъ котораго Само былъ не Славянинъ, а Франкъ, бѣжавшій изъ своей родины. Н.

дочери его мудрой Любушки и мужа любушина Пршемысла, основателя династии Пршемысловцевъ, владѣвшей Чехией до начала XIV в.¹⁾). Посреди этихъ народныхъ преданій достовѣрными представляются слѣдующія данныя. Первобытными обитателями страны, известной теперь подъ именемъ Чехии, были кельтические Бойи, сообщившіе ей и ея древнѣйшее имя Boiohemitum или Богемія. Okolo времени Р. Хр. эти первые насельники края вытѣснены были германскими племенами Маркомановъ, державшихся здѣсь около пяти столѣтій и въ свою очередь вытѣсненныхъ отсюда уже въ X в. нашей эры отчасти народными передвиженіями, вызванными появленіемъ Гунновъ, отчасти же славянскими племенами, пришедшими сюда съ востока,—должно быть, тоже изъ странъ прикарпатскихъ, и разселившихся по нынѣшней Чехии и Моравіи, а въ слѣдующемъ столѣтіи и въ области восточныхъ Альповъ, т. е. по теперешней Штиріи, Хорутаніи и Крайнѣ, гдѣ они стали известны сосѣднимъ Нѣмцамъ подъ общимъ именемъ Виндовъ. Первые два вѣка чехо-моравской истории довольно темны по скучности сохранившихся объ нихъ извѣстій. Обѣ страны были впрочемъ покорены оружіемъ Карла Великаго нѣмецкому господству и пришли въ нѣкоторую зависимость отъ западной имперіи, но по распаденіи карловой державы опять отъ нея освободились. Къ этому то времени, именно ко второй половинѣ IX в., относится возышение и кратковременный блескъ государства велико-моравскаго²⁾, основаннаго Мойміромъ и при его непосредственныхъ преемникахъ, Ростиславѣ и Святополкѣ, достигшаго такого могущества, что, побѣденно отразивъ всѣ нападенія германскихъ Каролинговъ, оно не только соединило подъ свою державою всѣ племена славянскія въ Моравіи и

¹⁾ Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія по истории Чехии мы находимъ въ лѣтописяхъ ихъ враговъ, т. е. у франкскихъ и саксонскихъ аниалистовъ. Особенно важны свидѣтельства Эйнгарда, фульдскихъ аниаль, хроники Регино, Витукинда и Титмара. Национальная исторіографія, но на языкѣ латинскомъ, возникаетъ у Чеховъ только въ первой половинѣ XII в. Тогда явилась хроника Козьмы, декана пражской церкви, въ которой наряду съ извѣстіями, взятыми у нѣмецкихъ аниалистовъ, собраны были и национальныя саги. Трудъ Козьмы нашелъ продолжателей: въ XIII вѣкѣ явилось нѣсколько аниаль и хроникъ, изъ которыхъ особенно важно сочиненіе Викентія Пражскаго.—Пособія: Палацкій „Исторія Чехии“ (на чешскомъ и нѣм. языкахъ); Томка „Исторія чешскаго королевства“; его же „Dějepis města Prahy“ (Исторія города Праги). Н.

²⁾ И обѣ исторіи Моравіи всѣ важнѣйшия свѣдѣнія получаемъ мы отъ названныхъ уже выше германскихъ лѣтописцевъ. Н.

западной Паннонії, но притянуло къ своему государственному союзу добровольно поддавшуюся Чехію и полабскія племена лужицкихъ Сербовъ. Отъ нижней Эльбы до начала нижнего Дуная простирались его владѣнія, соприкасаясь на югѣ съ задунайскими землями Болгаръ, распространившихъ при воинственномъ Крумѣ свое господство до Тиссы и границъ Трансильваниі. Народы этой обширной державы исповѣдывали уже христіанскую вѣру, занесенную сюда еще въ VIII ст. нѣмецкими миссіонерами изъ Зальцбурга и Регенсбурга. Но учение евангельское, проповѣданное чужеплеменниками, и притомъ врагами, на языкахъ, для народа непонятномъ, не принесло своихъ просвѣтительныхъ плодовъ, да кроме того налагало на Славянъ тягостную церковную зависимость отъ Германіи, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ орудіемъ и политического ихъ порабощенія. И вотъ Ростиславъ, желая положить конецъ этой опасной аномалии, вмѣстѣ съ другими удѣльными моравскими и паннонскими князьями отправляетъ въ 862 г. известное посольство къ греческому императору Михаилу III, прося у него духовныхъ учителей, которые бы могли наставить народъ въ правой вѣрѣ Христовой и возвѣстить ему эту вѣру на родномъ ему языкахъ.

На этотъ призывъ явились въ Моравію знаменитые просвѣтители славянства, солунскіе братья Кириллъ и Меѳодій¹⁾, уже прославленные въ то время своею апостольскою дѣятельностью у Хозарь и Болгаръ дунайскихъ. Старшій изъ св. братьевъ Кириллъ за семь лѣтъ до того, въ 855 г., изобрѣлъ кромѣ того и славянскія письмена, въ которыхъ справедливо видѣлъ вѣрнѣйшее средство успѣха св. проповѣди. Явившись

¹⁾ Важнѣйшіе источники для исторіи просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія—письма папъ Іоанна VIII, Стефана V и Іоанна X, житіе св. Климента, паннонскія житія свв. Кирилла и Меѳодія, біографія Кирилла въ „Acta Sanctorum“ и сказаніе черноризца Храбра.—Что же касается до относящейся къ этому вопросу ученой литературы, то она очень богата. Мы назовемъ лишь нѣкоторые выдающіеся труды: Добровскій „Кириллъ и Меѳодій“; Мацѣевскій „Ист. христіанской церкви у Славянъ“; П. Лавровскій „Кириллъ и Меѳодій, какъ православные исповѣдники у зап. Славянъ, съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между Востокомъ и Западомъ“; Бильбасовъ „Кириллъ и Меѳодій“; его же „Римскіе папы и славянскіе первоучители“ (Ж. М. Н. Пр. за 1868 г.); М. Погодинъ „Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ“; Бодянскій „Кириллъ и Меѳодій“ (въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др.“); Вороновъ „Кириллъ и Меѳодій“; Ягичъ „Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ въ славянской филологии“. Н.

такимъ образомъ уже съ готовымъ орудиемъ для своего апостольства и одушевленные пламенною любовью къ дѣлу славянского просвѣщенія, они втеченіе двухъ десятилѣтій насаждаютъ Евангеліе и устрояютъ церковь христіанскую въ Чехо-Моравіи, на среднемъ Дунаѣ, Эльбѣ и Одерѣ по греческому обычаю, съ богослуженіемъ на славянскомъ языке, съ народнымъ духовенствомъ, первыхъ представителей котораго образовалъ самъ Меѳодій въ качествѣ архіепископа въ Моравіи и Панноніи. Чешскій князь Боривой принимаетъ отъ руки его св. крещеніе и вмѣстѣ со своимъ народомъ присоединяется къ его пастырю. Наконецъ дѣло народной христіанской проповѣди завершено и на вѣки закрѣплено переводомъ Библіи съ греческаго на народный языкъ, конечно на древне-болгарскій, какъ на наиболѣе знакомый и родной равноапостольнымъ братьямъ, но тогда еще весьма близкій и ко всѣмъ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Переводъ этотъ, начатый самимъ св. Меѳодіемъ, довершенъ его непосредственными учениками, и, такъ какъ проповѣдь солунскихъ братьевъ не только просвѣтила Чехо-Моравовъ и Славянъ паннонскихъ, но коснулась также Славянъ балканскихъ, лужицкихъ Сербовъ, польскихъ племенъ Силезіи, входившей тогда въ составъ великоморавской державы, и даже Славянъ восточныхъ, то въ этой проповѣди и въ славянскомъ переводѣ св. Писанія духовное единеніе всего славянскаго міра получило твердое основаніе. То была многообѣщающая пора въ жизни славянства, когда въ концѣ IX в. отъ Эльбы и Одера до Балканъ стоялъ сплошной рядъ независимыхъ славянскихъ націй, готовый образовать въ своеімъ центрѣ могущественную державу на среднемъ Дунаѣ, когда только что сдѣлана была блестящая попытка замѣнить въ Константинополѣ греческую имперію славянскою и унаследовать отъ нея не только преданія всемірного владычества, но и всемірной образованности, когда въ то же время въ восточно-европейской равнинѣ возникло громадное государство русское, а славянская Библія, славянское богослуженіе и славянскія письмена вмѣстѣ съ общимъ языкомъ церковнымъ и литературнымъ должны были связать этотъ юный славянскій міръ неразрывными узами духовнаго единства. Подобный моментъ никогда уже не повторялся въ исторіи...

Вдругъ этотъ прекрасный раззвѣтъ славянской будущности разомъ омрачился двумя великими несчастіями. Со смертью Меѳодія въ 885 г. по интригамъ нѣмецко-латинского духовенства и по проискамъ папы, смотрѣвшихъ враждебно на дѣло первыхъ славянскихъ первоапостоловъ и боявшихся въ немъ страшнаго подрыва своимъ теократическимъ цѣлямъ, славянская церковь въ Чехо-Моравіи ниспровергнута преступнымъ Свято-

полкомъ, ученики Меодія съ позоромъ изгнаны въ Болгарію, гдѣ они и принимаютъ главное участіе въ блестящемъ литературномъ движеніи симеонова вѣка; на мѣсто ихъ вездѣ поставлены паstryями Латиняне-Нѣмцы, съ ожесточениемъ преслѣдующіе всѣ слѣды народнаго христіанства, насажденнаго солунскими братьями. Въ то же самое время на сѣверо-востокѣ великоморавскаго царства является новый страшный врагъ для славянства—Угры, сами себя называвши Мадьярами¹⁾). Это были полудикие кочевники урало-чудскаго происхожденія, ближайшіе родичи Болгаръ волжскихъ, а стало быть и той болгарской орды, которая въ VII в. поселилась на Дунаѣ. Несмѣтными полчищами приблизились они въ IX в. изъ-за Урала къ устьямъ Дуная и стали на границѣ болгарскаго царства, ведшаго въ то время разрушительную войну съ Греками. Императоръ Левъ Философъ, сокрушенный ударами Симеона, вступилъ въ сношенія съ угорскимъ вождемъ Арпадомъ и посредствомъ даровъ и пріманкой богатой добычи поднялъ его на Болгаръ. Угры въ 889 г. страшно опустошили Болгарію и разбили самого Симеона. Но въ слѣдующемъ году Симеонъ самъ пошелъ за Дунай, поразилъ тамъ Угровъ и заставилъ ихъ уйти далеко на сѣверъ. Они очутились послѣ того у восточныхъ склоновъ Карпатовъ и начали отсюда воевать мелкія славянскія княжества на сѣверномъ берегу Дуная, подвластныя большую частью Болгарамъ, а потомъ и земли великоморавскаго государства. На эту послѣднюю сторону направилъ ихъ императоръ Арнульфъ, предпослѣдній представитель угасавшаго каролингскаго рода въ Германіи, боявшійся за свое наследственное владѣніе Хорутанію, легко могшую отойти къ сосѣдней сильной славянской державѣ, и потому безпрестанно воевавшій со Святополкомъ. Нѣсколько разъ отбитый имъ и не видя возможности одолѣть врага, въ самомъ исходѣ IX в. Арнульфъ призвалъ противъ него Мадьяръ. Втченіе немногихъ лѣтъ Мадьяры не только завоевали всю сѣверную или задунайскую Болгарію, но въ 907 г., послѣ несчастной для святополковыхъ преемниковъ битвы при Пресбургѣ, положили конецъ

¹⁾) Всѣ извѣстія о Мадьярахъ мы получаемъ частью отъ византійскихъ, частью отъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ. Западныя хроники X вѣка полны рассказами о набѣгахъ и опустошеніяхъ Мадьяръ. У нихъ самихъ первая національная лѣтопись является только во второй половинѣ XIII в. Авторъ ея неизвѣстенъ; она состоитъ, помимо заимствованій изъ нѣмецкихъ анналъ, по большей части изъ преданій и книжныхъ вымысловъ. Пособія: Бюдингеръ „Історія Австріи“; К. Гrotъ „Моравія и Мадьяры“. Н.

и великоморавской державѣ. Вся Паннонія и Трансильванія, по среднему Дунаю и Тиссѣ, сдѣлалась ихъ добычей. Чехія и Моравія уцѣлѣли, правда, отъ этого страшного погрома, но тѣмъ не менѣе чужеплеменная и враждебная стихія горизонтальной полосой легла между сѣверо-западными и юго-западными Славянами, между Полабами, Поляками и Чехо-Моравами съ одной стороны и Сербо-Хорватами, Словинцами и Болгарами съ другой, на вѣки разрушивъ древнюю географическую цѣльность славянскаго міра и тѣмъ значительно измѣнивъ всю его дальнѣйшую историческую судьбу, тогда какъ постепенное утвержденіе въ сѣверо-западныхъ славянскихъ земляхъ латинской христіанской проповѣди вмѣсто славянской въ то же самое время раздвоило славянство и въ религіозно-правственномъ отношеніи.

Послѣ мадьярской катастрофы участъ сѣверо-западныхъ Славянъ, отрѣзанныхъ отъ ихъ южныхъ братьевъ и предоставленныхъ собственнымъ си-
ламъ, не могла уже быть счастливой. Чехія съ Моравіею съ того времени все болѣе и болѣе подчиняется Нѣмцамъ; князья ихъ дѣлаются дани-
ками германской имперіи. Такимъ былъ и св. Вячеславъ, въ началѣ X
вѣка утвердившій окончательно въ странѣ христіанство. Во второй полу-
винѣ X в., въ правление Болеславовъ I и II, еще разъ, правда, сдѣ-
лана была попытка образовать изъ Чехіи сильную и обширную славянскую
державу, въ составъ которой вошли тогда кромѣ Чехіи и Моравіи Хор-
ватія и Силезія, и тѣмъ спасти народную самобытность; но, когда въ нача-
лѣ XI вѣка воинственный польскій король Болеславъ Храбрый, быстро
расширивъ предѣлы своего государства, вздумалъ овладѣть и Чехіею, то
Чехи предпочли снова броситься въ объятія Германіи и стать подъ охра-
ну ея императоровъ. Съ тѣхъ поръ не могли уже они никогда развязаться
съ Нѣмцами, и страна, удерживая еще національную династію, дѣлается окон-
чательно леномъ германской имперіи, а ея государи въ лицѣ Вратислава II
получаютъ отъ Генриха IV королевскій титулъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ кон-
ца XI в. начинается и опѣмеченіе этого до сихъ поръ чисто славянского
края: исчезаетъ окончательно славянское богослуженіе и остатки кирил-
ловской письменности, дворъ чешскихъ королей принимаетъ формы и обы-
чаи западныхъ дворовъ, является привилегированное дворянство и мо-
гущественное духовенство по образцу нѣмецкому. Вмѣсто старославянско-
го земскаго строя заводятся федальные порядки, вмѣсто литературы на-
родной возникаетъ латинская.

Но еще болѣе гибельнымъ образомъ отразилось раздвоеніе западно-^ю_{ськіе} Славя-
славянского міра угорскимъ нашествіемъ на судѣ балтійскихъ Сла-

вянъ¹⁾), состоявшихъ изъ трехъ главныхъ группъ: полабскихъ Славянъ между Балтійскимъ моремъ, Лабою и Одрою, лужицкихъ или полабскихъ Сербовъ,—къ югу отъ первыхъ, по среднему течению Лабы, и Поморянъ,—къ востоку отъ племенъ полабскихъ, по южному берегу Балтійского моря, въ нынѣшней Помераніи. Населеніе это не только никогда не представляло одного государства, но даже и отдѣльныя части его состояли изъ многихъ мелкихъ племенъ, только по временамъ составлявшихъ большіе или меньшия союзы для общей борьбы съ окружающими ихъ Нѣмцами. Такими племенами въ кругу полабскихъ Славянъ были: Вагры—въ нынѣшней Голштиніи, Полабы—въ теперешнемъ Ольденбургѣ и Люнебургѣ, Бодричи или, какъ ихъ называли Нѣмцы, Оботриты,—въ Мекленбургѣ, Велеты или Лютичи—по западному берегу Одры, въ теперешней западной Помераніи и сѣверномъ Бранденбургѣ. Изъ нихъ Бодричи на западѣ и Лютичи на востокѣ играли главную историческую роль. Въ землѣ послѣднихъ находился городъ Ретра, центръ славянскаго язычества. Оттого нигдѣ христіанская проповѣдь не была встрѣчена такъ враждебно, какъ здѣсь, и нигдѣ народная независимость, опиравшаяся на древнюю религию, не отстаивалась такъ упорно. Въ борьбѣ балтійскихъ Славянъ съ Нѣмцами, начавшейся со времени Карла Великаго, Лютичи всегда стояли впереди другихъ полабскихъ Славянъ, образуя между ними нерѣдко могущественные союзы, и одни изъ всѣхъ балтійскихъ Славянъ долго сохраняли политическую независимость. Поводомъ къ открытію этой четырехсотлѣтней борьбы были войны Карла Великаго съ западными союзами Полабовъ—Саксами, кончившіяся послѣ 30-лѣтнихъ усилий Карла подчиненіемъ земли Саксовъ общественному государственному устройству франкской державы. Покореніе Саксоніи открыло Франкамъ свободный путь и въ области балтійскихъ Славянъ, и уже Карль Великий привелъ въ зависимость нѣкоторыя племена ихъ. А Оттонъ I упрочилъ и расширилъ эти приобрѣтенія устройствомъ на пограничныхъ славянскихъ земляхъ военныхъ марковъ или маркграфствъ. Въ то же вре-

¹⁾ Балтійские Славяне не оставили по себѣ никакихъ литературныхъ памятниковъ, и вся ихъ исторія была написана врагами ихъ Германцами. Особенно важны слѣдующіе авторы: Титмаръ Мерзебургскій, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ, Арнольдъ Любекскій и Саксонъ Грамматикъ.—Пособія: Гильфердингъ „Ист. балтійскихъ Славянъ“; Л. Гизебрехтъ „Ист. Вендовъ“ (на нѣм. яз.); Бартольдъ „Ист. Помераніи и о. Рюгена“ (также); Фокъ „Rügen-pommersche Geschichte“; Грановскій „Волинъ, Іомсбургъ и Винета“; Котляревскій „Древности юридического быта балт. Славянъ“. Н.

ия стала распространяться здѣсь и христіанская вѣра,—разумѣется, по латинскому обряду. Но вовореніе новой религіи шло тugo и медленно, какъ по силѣ сопротивленія весьма развитаго язычества, такъ и потому въ особенности, что введеніе ея сопровождалось утвержденіемъ ненавистнаго нѣмецкаго владычества и тяжелой церковной десятины. Какъ только ослабѣвало это владычество, такъ падало и христіанство, уступая мѣсто старой религіи. Такъ было напр. въ концѣ X в., когда преемники Оттона, увлеченные своими неудачными итальянскими планами, не могли сосредоточить вниманія и силъ своихъ на сѣверо-восточныхъ съдьяхъ. Да и въ XI в. императоры слишкомъ поглощены были то внутреннею борьбою съ германскими князьями, то итальянской политикой, а потомъ и борьбою съ папствомъ, чтобы энергически дѣйствовать на сѣдній мірь славянскій. XI вѣкъ поэтому есть въ исторіи полабскихъ Славянъ лучшая пора ихъ самостоятельной политической жизни, когда сперва Лютичи, а потомъ Бодричи едва не объединили подъ своею гегемоніею всѣхъ балтійскихъ Славянъ. Но съ наступлениемъ эпохи крестовыхъ походовъ это благопріятное время кончилось. Нѣмцы, для того чтобы покончить со Славянами четырехвѣковую борьбу, воспользовались религіознымъ фанатизмомъ, пробудившимся тогда въ западной Европѣ. Папа Евгентій III вмѣстѣ съ Бернардомъ Клервоскимъ въ 1147 г. проповѣдалъ крестовый походъ не только противъ мусульманъ, но и противъ балтійскихъ Славянъ-язычниковъ. Король датский, герцогъ саксонскій и множество другихъ свѣтскихъ и духовныхъ князей сѣверо-восточной Германіи ополчились на этотъ призывъ и, хотя крестоносцы на этотъ разъ и не достигли непосредственно цѣли, но полабскому славянству нанесеньбыть тѣмъ не менѣе такой тяжкій ударъ, что уже въ концѣ XII в. оно окончательно сдѣлалось добычею Нѣмцевъ: область Вагровъ захватили Датчане, Бодричи съ союзными племенами были подавлены и частю совсѣмъ истреблены герцогомъ саксонскимъ Генрихомъ Львомъ; могущественный союзъ Лютичей, въ составъ котораго входила не только земля между Одеромъ и Эльбою, но и область поморскихъ Славянъ до самой Вислы, распался и подчинился Нѣмцамъ,—сами Лютичи непосредственно бранденбургскимъ маркграфамъ, со временемъ Альбрехта Медведя наложившимъ на нихъ тяжкое иго, а Поморье, хотя и удержало национальныхъ правителей, герцоговъ, но вошло неразрывно въ составъ римско-нѣмецкой имперіи. Что же касается лужицкихъ Сербовъ по средней Лабѣ, то край ихъ съ юга примыкалъ къ Чехіи, съ сѣвера къ области Лютичей, съ востока—къ Польшѣ, а съ запада къ нѣмецкому маркграфству мейссенскому,

основанному еще Генрихомъ I, постоянно быть предметомъ раздоровъ между этими сосѣдями. Но уже со временъ Оттона I, насильно воворившаго здѣсь латинское христіанство, страна лужицкая все болѣе и болѣе подчинялась владычеству Нѣмцевъ, именно сосѣднихъ мейссенскихъ маркграфовъ. Во всѣхъ этихъ земляхъ въ XII в. язычество уже окончательно истреблено; на мѣсто его прочно воворено латинское христіанство, а вмѣстѣ съ тѣмъ началось и онѣмеченіе этихъ краевъ, и притомъ не только посредствомъ угнетенія народныхъ обычаевъ и языка и воворенія нѣмецкой колонизаціи и культуры, но нерѣдко и путемъ истребленія самого населенія славянскаго, какъ это было напр. въ землѣ Вагровъ, Бодричей (Оботоритовъ), а отчасти и въ Лужицахъ. Втеченіе среднихъ вѣковъ славянскія земли эти совершенно превратились въ нѣмецкія; истреблены самые слѣды ихъ старой народности,—и въ обширныхъ краяхъ балтійскихъ или, какъ ихъ называли Нѣмцы, вендскихъ Славянъ возникло и укоренилось нѣсколько владѣній германской имперіи,—герцогства Голштинія, Мекленбургъ, Ольденбургъ, маркграфства Бранденбургъ и Мейссенъ, не говоря о значительной части Ганновера и Саксоніи. Изъ всего громаднаго славянскаго населенія этихъ мѣстъ до настоящаго времени уцѣлѣло только 150 т. лужицкихъ Сербовъ, живущихъ частью въ Пруссіи, частью же въ Саксоніи (Будишинъ, Будвейсъ) и, несмотря на страшное иго Нѣмцевъ, мужественно отстоявшихъ свою древнюю славянскую народность,

о Словини-
цы.

Еще ранѣе, чѣмъ племенъ полабскихъ или балтійскихъ, рѣшена была участъ Славянъ юго-западныхъ, разселившихся въ восточныхъ Альпахъ, по нынѣшней Штирии, Хорутаніи, Крайнѣ, Фріулю и Истріи, и извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Словинцевъ¹⁾. Славянское населеніе этихъ мѣстъ распространялось здѣсь позже, чѣмъ другія вѣтви западнаго славянства, такъ какъ его появленіе въ альпійской странѣ относится только къ VI столѣтію по Р. Х. Но, тѣснимые съ востока Аварами, а съ запада Нѣмцами, именно Баварами, Словинцы искали спасенія въ великой славянской державѣ Само, возникшей на среднемъ Дунай въ половинѣ VII в. Когда же эта держава распалась по смерти своего основателя, они снова пріобрѣли самостоятельность подъ управлениемъ племенныхъ князей своихъ, между которыми хорутанскіе считались, кажется, великими и имѣли нѣкоторый авторитетъ надъ другими. Но на беззащитныхъ теперь Хорутанъ

¹⁾ Источниками для исторіи Словинцевъ служать сначала франкскіе, а затѣмъ баварскіе лѣтописцы. Н.

и ихъ альпійскихъ соплеменниковъ опять напали Авары, отъ которыхъ имъ нельзя было иначе отбиться, какъ призывъ на помощь сосѣднихъ Баваровъ. Баварскій герцогъ Тассилонъ освободилъ ихъ, правда, отъ аварскаго ига, но за то подчинилъ весь край этотъ своему собственному владычеству. Это случилось въ половинѣ VIII в., не задолго до того, какъ Карлъ Великій, разрушивъ лангобардское государство, покорилъ Баварію, а вмѣстѣ съ Баваріею и зависящую отъ нея Хорутанію и другія славянскія земли, которая такимъ образомъ вошли въ составъ франкской державы и навсегда потеряли политическую самобытность, тѣмъ болѣе, что водворившееся здѣсь окончательно съ половины VIII в. латинское христіанство связало ихъ съ Германіею новыми неразрывными узами. Хотя до X в. какъ Хорутанія, такъ и другія славянскія земли и удержали собственныхъ племенныхъ князей, посредствомъ которыхъ Нѣмцамъ легче было управлять этими инородными владѣніями, но со временемъ Оттоновъ уже чаще и чаще не соблюдалась и эта предосторожность, и онѣмеченіе Славоніи, руководимое католическимъ духовенствомъ, пошло очень легко и быстро. Въ промежутокъ между VIII и XI в. здѣсь установились слѣдующія нѣмецкія владѣнія, какъ непосредственные лены римско-нѣмецкой имперіи: а) Восточный маркъ по правому берегу средняго Дуная, впослѣдствіи образовавшій эрцъ-герцогство Австрію, и б) маркграфства—Штирія, Каринтия (Хорутанія), Крайпа, Фріуль, Истрія, графство Горица, архиепископство зальцбургское и нѣсколько меньшихъ. Вся эта масса феодальныхъ государствъ средневѣковой юго-восточной Германіи выросла на славянской почвѣ, вскорилась славянскими этнографическими элементами. Замѣчательно, что тѣ, на счетъ которыхъ произошло это расширение нѣмецкой стихіи на юго-востокѣ,—Словинцы, обезнародились легко, скоро и почти безъ борьбы, какую мы видимъ напр. у Славянъ съверо-западныхъ и какую впрочемъ выдерживали и они, но только въ началѣ своей исторіи. Впослѣдствіи же только разъ, во времена Людовита, въ началѣ IX в., примкнули они на короткое время къ хорвато-паннонскому движению противъ Германіи и затѣмъ опять погрузились въ свою дремоту. Географическая разбросанность въ альпійскихъ краяхъ и постоянная опасность съ востока,—сначала отъ Аваровъ, а потомъ отъ Угрозвѣ, безъ сомнѣнія не мало способствовали этой народной апатіи, заставивъ Хорутанъ и ихъ ближайшихъ соплеменниковъ тѣснѣе примкнуть къ Нѣмцамъ и скиться съ ними.

Окидывая теперь однимъ общимъ взглядомъ судьбу западнаго славянства до VI—XII в., мы видимъ, что вся его передовая линія на крайнемъ

западѣ, отъ Балтійского моря до Адріатического, разорванная по срединѣ мадьярскимъ клиномъ,—Полабы, Поморяне, лужицкіе Сербы, Чехо-Моравы, паннонскіе Славяне, Словинцы и даже часть Хорватовъ,—къ этому времени подала уже подъ владычество Нѣмцевъ, утратила политическую самобытность,—была, однімъ словомъ, за исключеніемъ Чехіи и отчасти Хорватіи почти потеряна для славянской народности, послуживъ только къ усиленію и расширенію враждебной ей нѣмецкой стихіи.

4) Восточ-
ные Славя-
не.

За этимъ поясомъ земель славянскихъ, уже онѣмеченныхъ или готовыхъ сдѣлаться добычею Нѣмцевъ, простирались къ востоку еще двѣ большія группы славянскихъ племенъ: ближайшая, по Одре и Вислѣ,—племенъ лехитско-польскихъ, и дальняя, почти на крайнемъ европейскомъ востокѣ, по Днѣпу, Западной Двинѣ, Волхову и Оке,—группа русскихъ Славянъ. Защищенные съ запада отъ натиска Нѣмцевъ передовыми постами славянства,—племенами полабскими и поморскими, а южнѣе Чехо-Моравами,—постами, принявшими на себя всю тяжесть этого натиска, и не имѣя долгое время побужденія къ образованію сильныхъ общественныхъ союзовъ, обѣ эти группы выступили на историческое поприще позже другихъ своихъ соплеменниковъ, образовали государства только во второй половинѣ IX в., въ то время, какъ другіе славянскіе народы,—Болгары симеонова вѣка, Хорваты временъ Людовита и князей далматинскихъ, Чехо-Моравы эпохи Ростислава и Святополка,—находились уже въ полномъ движеніи своей исторической жизни, а нѣкоторые, какъ напр. Хорутане со своими альпійскими соплеменниками, уже и оканчивали эту жизнь, сходили съ исторического поприща.

Но, хотя государственная жизнь польскихъ и русскихъ Славянъ началась почти одновременно, въ ихъ исторической судьбѣ съ самого же начала обнаружилось большое различіе. Оно обусловливалось прежде всего ихъ географическимъ положеніемъ. Поляки, хотя въ первыя времена своей исторіи непосредственно и не сосѣдили съ Нѣмцами, по ихъ отдѣляли только области поморскихъ, полабскихъ и чехо-моравскихъ Славянъ, области, тогда уже оспариваемыя Нѣмцами у ихъ природныхъ хозяевъ. И по мѣрѣ того, какъ тѣ подвергались нѣмецкому захвату, свободный доступъ нѣмецкимъ вліяніямъ открывался и въ Польшу, которая, получивъ и христіанство въ окончательной формѣ съ Запада, постепенно и втягивалась такимъ образомъ въ движение романо-германской исторіи. Русь напротивъ, благодаря своему крайне восточному положенію, отдѣленная отъ Запада широкой полосой польскихъ земель, получивъ и самое крещеніе не изъ Рима, а изъ Константинаополя, стала

тяготѣть исторически къ европейскому и азіатскому Востоку, къ Византіи и къ монголо-чудскимъ народамъ Азіи, долго служа съ этой стороны передовыми стражемъ славянского міра и всей Европы.

Начало польского государства ¹⁾, какъ и всѣхъ другихъ историче- *а) Поляки.*
скихъ государствъ, опутано баснословiemъ. Оставляя преданія о Кракусѣ и дочери его, чудной красавицѣ Вандѣ, о Лешкахъ и Попелахъ, образы которыхъ относятся ко временамъ доисторическимъ, за достовѣрное можно признать только, что славянскія племена, обитавшія по Одрѣ съ Вартою и Вислѣ, долгое время назывались своими мѣстными именами — Мазовшань, Куявовъ, Бѣлохорватовъ и Силезцевъ, но самыми многочисленными между ними были Поляне или Поляки, занимавшіе самую средину этого края между Вартой и Вислой, около озера Гопло и старинныхъ городовъ Крушвицы, Гнѣзна и Познани. Эти-то Поляне и сообщили впослѣдствіи свое имя другимъ своимъ соплеменникамъ этихъ мѣстностей. Затѣмъ не подлежить также сомнѣнію, что въ незапамятныя времена среди этихъ привартахъ и привислянскихъ Славянъ появился какой-то пришлый народъ, называвшійся Лехитами или Ляхами, который и началъ мало по малу объединять подъ своимъ верховенствомъ окрестныя племена славянскія, положивъ у нихъ такимъ образомъ начало государственной жизни въ большихъ размѣрахъ. Но кто были эти Лехиты, славянские ли пришельцы съ сосѣдняго Поморья, или норманская дружины, какъ думаетъ Шайноха и некоторые другие изслѣдователи польскіе, вопросъ до того темный, что еще недавно польскій ученый Бѣлевскій считалъ возможнымъ выводить ихъ съ Балканского полуострова, приписывая имъ даже фракійское происхожденіе. Какъ бы то ни было, но этимъ пришельцамъ принадлежитъ объединительная роль между польскими Славя-

¹⁾ Вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія по древней исторіи Поляковъ мы находимъ съ одной стороны въ русскихъ лѣтописяхъ, съ другой — въ нѣмецкихъ анналахъ, особенно-же въ хроникѣ Титмара Мерзебургскаго, современника Болеслава I-го Храбраго. Въ самой Польшѣ первая лѣтопись возникаетъ только въ первой половинѣ XII столѣтія. Она была написана Италіанцемъ Мартиномъ, капелланомъ Болеслава III, но отличается панегирическимъ тономъ и въ высшей степени вычурнымъ латинскимъ языкомъ. Вторая польская лѣтопись, возникшая въ первой половинѣ XIII в., была составлена епископомъ краковскимъ Викентиемъ Кадлубекомъ. Вся первая половина ея состоитъ изъ самыхъ нелѣпыхъ вымысловъ, изобрѣтенныхъ самимъ авторомъ. Пособія: Сочиненія Лелевеля; Рѣпнель „Исторія Польши“ (на нѣм. яз.), написанная въ строго критическомъ духѣ; Бобржинскій „Очеркъ исторіи Польши“ (4 т.); его же „Двѣнадцать книгъ польской исторіи“ (на польск. яз.). О новѣйшей польской исторіографіи см. статью Н. Карѣева въ „Вѣстн. Евр.“ за 1886, XII. Н.

нами, хотя самъ процессъ этого объединенія теряется въ доисторическомъ сумракѣ. [Можно однокоже думать, что этотъ пришлый элементъ послужилъ основаниемъ для развитія того столь могущественного впослѣдствіи аристократического сословія (шляхты), которое сдѣжалось господствующимъ въ Польшѣ еще въ средніе вѣка и сообщило всей польской исторіи столь своеобразный, совершенно чуждый другимъ славянскимъ народамъ отпечатокъ¹⁾].

Болѣе достовѣрная исторія Полянъ-Лехитовъ начинается около 860 г., когда на престолъ ихъ вступила династія Пястовъ, хотя дѣятельность какъ самого родоначальника новаго владѣтельнаго дома, такъ и его ближайшихъ преемниковъ втеченіе еще цѣлаго столѣтія не представляеть твердыхъ историческихъ и хронологическихъ данныхъ. Только съ Мечислава I, при которомъ стало утверждаться въ Польшѣ римское христіанство, вытѣснивъ зачатки славянской церкви въ южныхъ частяхъ государства, начинаются для этой страны времена вполнѣ историческія. [Принятіе христіанства отъ Нѣмцевъ по римскому обряду имѣло чрезвычайно важное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію Польши: оно вовлекло этотъ край въ кругъ западно-европейскихъ отношеній и создало глубокую противоположность между Поляками и Русскими].

Истиннымъ основателемъ величія польского государства въ концѣ X и въ первой четверти XI в. былъ сынъ мечиславовъ Болеславъ Храбрый, задавшійся мыслюю создать на западѣ великую славянскую державу, которая бы служила оплотомъ славянства противъ напиравшихъ на него Нѣмцевъ, и расширившій съ этою цѣлью предѣлы своего государства во всѣхъ направленіяхъ: на сѣверѣ—пріобрѣтеніемъ Поморья, на востокѣ—завоеваніемъ у Руси городовъ червенскихъ, на югѣ—присоединеніемъ Силезіи и Моравіи и на западѣ—покореніемъ Лужицы и Мейссена. Польша простидалась при немъ отъ Балтійскаго моря до Дуная и отъ Днѣпра до Лабы. Но и эта попытка всеславянскаго царства подобно всѣмъ другимъ, возникавшимъ на западѣ, имѣла лишь эфемерный успѣхъ, [такъ какъ владычество Болеслава отличалось жестокимъ и насильственнымъ характеромъ, и сами Славяне, особенно Чехи, стали противодѣйствовать его планамъ, предпочитая польскому игу даже нѣмецкое, какъ болѣе легкое].

1) Только у однихъ Поляковъ аристократія возникаетъ самобытно и притомъ въ древнѣйшую пору (уже со временемъ Болеслава Храбраго шляхта существовала какъ особое сословіе), тогда какъ напр. у Чеховъ она является несравненно позднѣе и подъ непосредственнымъ вліяніемъ Нѣмцевъ. Н.

Поэтому уже тотчасъ по смерти Болеслава Храбраго Польша потеряла большую часть его приобрѣтеній и сама пришла въ зависимость отъ Германіи. Правда, во второй половинѣ XI в. Болеславъ Смѣлый еще разъ пытался возстановить дѣло своего прадѣда Храбраго; но послѣ него Польша вслѣдствіе начавшихъ внутреннихъ неурядицъ впала въ изнеможеніе, а въ первой половинѣ XII в. Болеславъ III Кривоустый, подѣливъ ее на удѣлы, тѣмъ еще болѣе способствовалъ ея ослабленію. Вмѣстѣ съ нимъ кончился и героическій вѣкъ Польши, періодъ ея завоеваній, причемъ нельзя не замѣтить, что своими успѣхами въ этомъ періодѣ она столько же обязана была личнымъ талантамъ и мужеству своихъ Болеславовъ, сколько и тому благородному обстоятельству, что въ то время еще шла упорная борьба Нѣмцевъ съ балтійскими Славянами, поглощавшая на сѣверо-востокѣ всѣ ихъ главныя силы, что давало возможность Полякамъ, огражденнымъ отъ запада воинственными полабскими племенами, развернуть за этой стѣной всѣ свои силы.

Начало русскаго государства теряется тоже въ полуласнословныхъ ^{в)} *Rусъ.* преданіяхъ ¹⁾). Какъ на Вислѣ Лехиты, такъ на Волховѣ, Западной Дви-
ни и Дибѣрѣ Варяги являются объединителями русско-славянскихъ племенъ и основателями государства, но они тоже представляются довольно загадочными. Были ли то Норманны, или поморскіе Славяне, или же смѣясь разноплеменного военного люда,—объ этомъ мнѣнія ученыхъ до сихъ поръ еще несогласны, но остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что въ 862 г. и вообще около этого времени пришли съ Балтійского моря дружины, слѣ-
дуя по великому водному пути, ведущему отсюда въ море Черное, осно-
вали между жившими по этому пути восточными Славянами,—Кривичами,
Полянами и другими, нѣсколько небольшихъ государствъ въ Новгородѣ,
Изборскѣ, Полоцкѣ, Киевѣ,—и что при первыхъ князьяхъ изъ рода

¹⁾ Источники: русскія лѣтописи въ извѣстныхъ изданіяхъ археографической комиссіи, памятники древне-русской письменности, преимущественно церковной, извѣстія византійскія, собранныя у Штритера и въ другихъ сборникахъ, извѣстія арабскихъ писателей, переведенный Хвольсономъ и Гаркави, извѣстія западные у названныхъ уже неоднократно нѣмецкихъ хронистовъ. — Пособія: Карамзинъ „Исторія государства Россійскаго“ (первые 4 тома); Погодинъ „Норманскій періодъ русской исторіи“; Соловьевъ „Исторія Россіи“; Костомаровъ „Русская исторія въ біографіяхъ“ и „Сѣверо-русскія народоправства“; Иловайскій „Русская исторія“ 3 т.; Бестужевъ-Рюминъ „Русская исторія“; Забѣлинъ „Исторія русской жизни“; Вѣляевъ „Разсказы изъ русской исторіи“. Н.

пришельцевъ—Рюрикъ, Олегъ, Игоръ, Святославъ, Владимиръ и Ярославъ, втечение бѣзъ малаго двухъ столѣтій, государства эти соединились въ одно, назвавшееся русскимъ и мало по малу подчинившее себѣ славянскія племена, обитавшія на великой восточно-европейской равнинѣ — Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и пр. И когда совершилось это объединеніе, то въ массѣ сплотившагося теперь въ государственную связь громаднаго славянскаго населенія пришельцы, кто бы они ни были, распустились и исчезли.

Но, если этотъ пришлый этнографический элементъ и былъ совершенно ничтоженъ, то за то русскимъ Славянамъ приходилось мало по малу и съ великимъ усилиемъ ассимилировать инородческія стихіи, облегавшія окраины великой восточно-европейской равнинѣ,—финскія племена на сѣв.-западѣ, сѣверѣ и сѣв.-востокѣ, тюркскія на востокѣ и юго-востокѣ и литовскія на западѣ. Процессъ этой ассимиляціи былъ неизбѣженъ, такъ какъ Славянамъ, занимавшимъ средину равнинѣ, гдѣ находятся верховья всѣхъ ея большихъ рѣкъ,—Западной и Сѣверной Двины, Волги, Дона и Днѣпра, по естественному закону необходимо было добиться до ихъ устьевъ, т. е. до тѣхъ морей, куда они сливаются,—Балтійскаго, Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго. Процессъ этой ассимиляціи и составилъ на долгое время одну изъ важнѣйшихъ задачъ русской исторіи.

Окруженные отовсюду литовскими и чудско-монгольскими народами, русскіе Славяне съ одной только стороны, именно съ юго-запада, примыкали къ остальному славянскому миру, а чрезъ него и къ западной Европѣ. Оттого сношенія ихъ съ юго-западными сосѣдями—Поляками съ самаго же начала пріобрѣли чрезвычайную важность: отъ свойства этихъ сношеній зависѣло большее или меньшее участіе Руси въ исторіи и культурѣ европейскаго Запада, такъ какъ кромѣ Польши единственнымъ путемъ для этого участія являлась русско-галицкая земля, выходъ изъ которой въ западную Европу чрезвычайно затрудненъ былъ со времени угорскаго нашествія на Паннонію. Хотя племенное различіе между Русью и Польшею въ сущности было и не весьма значительно, но, такъ какъ Польша въ 965 г. подчинилась латинской церкви и черезъ нее примкнула къ культурѣ Запада, а Русь въ 988 г. при Св. Владимирѣ получила христіанство изъ Греціи, заимствовавъ оттуда же и начатки своего духовнаго просвѣщенія, то между двумя столь родственными народами съ первыхъ же временъ ихъ исторіи ображилась рознь, и отношенія между ними съ самаго начала стали враждебными. Тогда Русь еще тѣснѣе сблизились съ Византією, а черезъ нее и съ южными Славянами, особенно

Болгарами, какъ единственнымъ источникомъ родственной культуры, хотя сношения какъ съ Греціей, такъ и съ Болгаріею были довольно затруднительны, а въ языческія времена даже непріязненны, какъ это доказываютъ походы Олега и Игоря противъ Константинополя и Святослава въ Болгарію. Только принятіе восточного христіанства вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ и кирилловской письменностью измѣнило характеръ этихъ отношеній. Но вполнѣ дружественными они не сдѣлялись и тогда.

Изъ этого видно, что русскій народъ самымъ своимъ географическимъ положениемъ поставленъ былъ въ совершено иныхъ условія, чѣмъ всѣ другіе его соплеменники. Въ силу этихъ условій онъ не могъ связать себя исключительно ни съ однимъ изъ культурныхъ элементовъ новой Европы,— ни съ романо-германскимъ, отъ которого былъ удаленъ географически и культурно, ни съ византійскимъ, отъ которого отдѣляло его глубокое племенное различіе, ни даже съ славянскимъ, такъ какъ западный, латинский, и южный—греческій его оттѣнокъ мало подходили къ свойствамъ его собственной народности, въ составъ которой кромѣ преобладающей славянской стихіи съ древнѣйшихъ уже временъ стали входить и нѣкоторые инородные элементы, напр. финскій, особенно въ сѣверномъ племени великорусскомъ, гдѣ онъ нѣсколько видоизмѣнилъ основной типъ общеславянскій. Но еще менѣе конечно Русь могла сблизиться съ народами тюркского происхожденія, соприкасавшимися съ нею на востокѣ,—сдѣляться державой исключительно азіатской, восточной, такъ какъ отъ Азіатовъ отдѣляла ее не только глубокая племенная рознь, но и превосходство ея преобладающей славянской природы. Оттого Русь съизначала является въ исторіи народомъ совершенно оригинальнымъ, чуждыемъ всякой национальной исключительности. Этотъ народъ охотно вступаетъ въ сношения со всѣми окружающими его племенными и культурными стихіями восточными, южными и западными, не чуждалася ни одной изъ нихъ; отъ нихъ заимствуетъ онъ многое, но и самъ дѣйствуетъ образовательно на окружающей его монголо-чудской міръ, ослабляя Финновъ, претворяя инородные элементы въ плоть и кровь свою, усиливаясь на счетъ ихъ.

Такъ же точно и въ культурномъ отношеніи первобытная Русь болѣе конечно примыкаетъ къ Греціи, отъ которой она заимствовала свое религіозное просвѣщеніе; но это не мѣшаетъ ей поддерживать сношения, на сколько они возможны, и съ европейскимъ Западомъ. Въ XI и XII в. Новгородъ ведеть уже дѣятельную торговлю съ западными странами, Кіевъ служить средоточіемъ транзита между Европой и Азіею, русскіе куп-

цы проникаютъ до Царьграда, Регенсбурга и Неаполя, русскіе князья родятся со скандинавскими и западно-европейскими владѣтельными домами. Король французскій Генрихъ I и императоръ германскій Генрихъ IV женаты были на русскихъ княжнахъ. Но тѣ же князья родятся столь же охотно и съ греческими императорами, и съ польскими князьями, и съ половецкими ханами.

Таковъ характеръ русского народа, съ которымъ онъ во второй половинѣ IX в. появляется въ исторіи. Что касается его начальной судьбы, то и онъ тоже подобно своимъ соображеніемъ и ближайшимъ родичамъ Полякамъ прожилъ вначалѣ свой героическій вѣкъ, ознаменованный быстрымъ расширеніемъ русского государства отъ Днѣпра до Волги и отъ Балтійского моря до устьевъ Дона и побѣдами такихъ героевъ-князей, какими были Олегъ, Святославъ, Владимиръ и Ярославъ. Окрестные инородцы,—Литва, Ятвяги и Чудь на западѣ, Болгары и Хозары на востокѣ, а Печенѣги на югѣ,—въ первый разъ испытали на себѣ силу русского оружія, а морскіе набѣги первыхъ русскихъ князей на Царьградъ и походъ Святослава въ дунайскую Болгарію привели въ трепетъ самую восточную имперію. Въ половинѣ XI в., со смертью Ярослава, этотъ періодъ виѣшняго роста славяно-русской державы оканчивается, и начинается время ея внутренней формациі. Она совершаєтся двумя главными путями: а) распаденіемъ государственной территории на удѣльные княжества (киевское, волынское, галицкое, Переяславское, Черниговское, смоленское, полоцкое, новгородское, суздальское, рязанское съ ихъ меньшими дробленіями); вѣра, языкъ, обычаи и господство одного княжескаго рода Владимира Св. поддерживаютъ единство въ распавшейся русской землѣ, а между тѣмъ православное христіанство, введенное Владимиромъ и утвержденное Ярославомъ, одинаковая общественная жизнь и зачатки просвѣщенія проникаютъ теперь во всѣя уголки; б) политическимъ первенствомъ великорусского племени, начало котораго восходитъ еще ко временамъ доисторическимъ, но которое въ XII в. начинаетъ уже играть первенствующую роль въ русской исторіи, перемѣстивъ центръ ея тяжести съ юга на сѣверъ, изъ днѣпровскаго бассейна на волжскій, изъ Киева во Владимиръ и Суздаль,—съ чѣмъ вмѣстѣ значительно измѣняется и характеръ русской исторіи, внутренней и виѣшней. Великорусское племя въ противоположность южно-русскому, искони осѣдлому въ приднѣпровскихъ и вообще юго-западныхъ краяхъ восточно-европейской равнины, образовалось путемъ вѣковой славянской колонизаціи чудского сѣверо-востока Европы и, такъ какъ за-

селеніе этихъ пустынныхъ странъ совершалось среди величайшихъ трудностей и упорной борьбы съ дикой природой и туземцами, то въ племени этомъ выработался предпримчивый, осторожный и настойчивый характеръ, выработалась сметливость и практическая споровка,—черты, доставившія ему вскорѣ первое мѣсто между всѣми этнографическими стихіями восточно-европейской равнинны, которую онъ призванъ былъ объединить политически подъ своимъ верховенствомъ, что уже обозначилось въ дѣятельности его первыхъ князей Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Въ тоже время въ Великоруссахъ рѣзче обособляется ихъ христіанско-славянскій характеръ въ противоположность къ язычникамъ-ицородцамъ, въ борьбѣ съ которыми они выросли до степени могущественнаго народа. Национальная замкнутость, сдѣлавшаяся потомъ надолго отличительною чертою Русскихъ, ими внесена была въ ихъ исторію. Наконецъ Великоруссы же, стремясь къ политическому объединенію всей восточно-европейской равнинны, сильно возвышаются у себя государственную власть, какъ главный органъ этого объединенія.

Великорусское племя, образовавшееся позднѣе другихъ славянскихъ вѣтвей и распространившееся по всему сѣверо-востоку Европы и Азіи, такъ сказать, уже на глазахъ исторіи, есть явленіе чрезвычайно знаменательное въ исторіи славянства. Это явленіе служитъ яснымъ доказательствомъ того, что только съ этой стороны славянскому миру предстояло и теперь еще предстоитъ широкое историческое поприще. На югѣ, какъ мы видѣли, славянская колонизация хотя и утвердилась на Балканскомъ полуостровѣ, но упрочиться здѣсь до роли господствующаго элемента ей было очень трудно, потому что на обладаніе благословенными странами Дуная и Балканъ явилось слишкомъ много сильныхъ соискателей. Такъ же точно и на западѣ Славяне изнемогли въ вѣковой борьбѣ съ Кельтами, Гуннами, Аварами и особенно Германцами, которые не только не дали имъ расшириться въ этомъ направленіи, но сами поглотили цѣлые племена славянскія. Только одна Русь, которой приходилось имѣть дѣло то съ слабыми литовскими и чудскими ицородцами, то съ монгольскими кочевниками, вторгавшимися изъ Азіи,—Хозарами, Печенѣгами, а съ половины XI в. и съ Половцами,—поставлена была сначала въ болѣе благопріятныя условія, могла не только отстоять свою народность, но и доставить славянскому элементу торжество во всей сѣверо-восточной Европѣ. Одна Русь слѣдовательно изъ всѣхъ славянскихъ народовъ имѣла несомнѣнную и великую будущность.

Къ такому же заключенію приводить и изученіе старославянскаго внутренняго строя, какъ онъ проявлялся у различныхъ славянскихъ

*Внутренній
строй ста-
рой ста-
ро-славян-
ской жизніи.*

племенъ. Отличительный характеръ этого строя составлялъ демократиче-
ской духъ старославянскихъ общественныхъ учрежденій. Любовь къ сво-
бодѣ и равенству была сильно развита у всѣхъ вообще Славянъ. Оттого
народовластіе было любимѣшней формой ихъ общественной жизни. Вѣча
постановляли законы, рѣшали миръ и войну, избирали князей, жупановъ,
владыкъ, воеводъ, старшинъ и другихъ правителей. Ни организованнаго
жречества, ни привилегированныхъ сословій, ни рабства не было. Воен-
ная сила—земская сила. Но въ историческое время этотъ древне-славян-
скій строй подъ вліяніемъ культурныхъ столкновеній съ другими наро-
дами или просто вслѣдствіе измѣнившихся условій быта въ своей перво-
начальной чистотѣ не удержался нигдѣ. У Болгаръ онъ измѣнился съ
самаго же начала ихъ государственной жизни въ крѣпкую монархію по
византійскому образцу, что условливалось самымъ завоеваніемъ славян-
ского населенія чужимъ племенемъ. У Сербовъ и Хорватовъ тоже
очень рано нарушилось старославянское общественное равенство вслѣд-
ствіе того, что тѣ и другіе пришли въ дунайскія земли въ видѣ воен-
ныхъ дружинъ, давшихъ начало высшему сословію—боярамъ. Но монар-
хія въ византійской формѣ развилаась у первыхъ не ранѣе XII в., а у
вторыхъ—въ смыслѣ западномъ—съ XI в. Хорутане (Словинцы), еще въ
VII в. поддавши владычеству Нѣмцевъ, приняли и ихъ общественные по-
рядки, т. е. устройство феодально-аристократическое. Такая же участъ
постигла и Чехо-Моравовъ, когда съ конца XI в. неразрывно связа-
лись они съ Германіею. Только у Славянъ балтійскихъ до самаго
конца ихъ самостоятельной политической жизни, т. е. до XII в., сохра-
нилось древне-славянское народовластіе и общественное равенство, и выс-
шая верховная власть постоянно находилась въ рукахъ народныхъ сей-
мовъ. Напротивъ у Поляковъ привилегированное военное сословіе—шлях-
та,—вѣроятно, потомки пришлыхъ завоевательныхъ Лехитовъ,—появляет-
ся едва не въ началѣ ихъ государственной исторіи, и, хотя еще до по-
ловины XI в. она не нарушаетъ правъ и свободы сельского населенія,—
кметовъ, за то въ это время вслѣдствіе продолжительныхъ и славныхъ
войнъ Болеславовъ она усилилась до того, что даже вызвала противъ
себя восстаніе простаго народа. А начавшееся съ XII в. вліяніе герма-
низма еще болѣе поднимаетъ ея значеніе, вмѣстѣ съ чѣмъ падаетъ по-
степенно и сила королевской власти. Съ XIV в., какъ мы увидимъ, Поль-
ша становится уже аристократической республикой съ избирательными ко-
ролями. Наконецъ на Руси вѣчевое устройство и отсутствіе обособлен-
ныхъ сословій мы видимъ въ полной силѣ еще въ XI и XII в.; особен-

но древніе города на югѣ и западѣ—Киевъ, Новгородъ и Псковъ—представляютъ всѣ черты старославянскаго общественнаго быта¹⁾). Только со временемъ усиленія сѣверныхъ княжествъ въ племени великорусскомъ начинается въ тѣхъ краяхъ и новый государственный порядокъ: исчезаютъ всѣ вѣча, усиливается княжеская власть, образуется осѣдлое служивое сословіе—зародыши будущаго боярства. Изъ этого явствуетъ, что при эфемерности политического существованія и при слабости или чужеземномъ характерѣ внутренняго устройства другихъ славянскихъ народовъ опять таки одна Русь имѣла и въ этомъ отношеніи задатки прочной будущности. Великорусское племя, въ руки котораго перешло съ XII в. все движение русской исторіи, еще до татарскаго нашествія, очевидно, стремилось къ возвращенію въ русской землѣ самодержавія, какъ единствено-возможного порядка вещей при разбросанности славяно-русского населенія на огромныхъ пространствахъ и при вѣчной борьбѣ его съ окружающими инородцами. Съ другой стороны самая национальная замкнутость Великоруссовъ для дѣла славянской народности могла быть только спасительной. Славяне по свидѣтельству всѣхъ древнѣйшихъ о нихъ писателей при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ отличались искони двумя существенными недостатками, бывшими главной причиной всѣхъ ихъ несчастій въ исторіи: племенными раздорами и легко-мысленною привязанностью къ чужеземному. Установленіемъ крѣпкой государственной власти и своею народною исключительностью Великоруссы излечились отъ обоихъ этихъ обще-славянскихъ недуговъ и темъ отстояли какъ государственную независимость по крайней мѣрѣ восточнаго славянства, такъ и неприкосновенность славянскаго типа.

С. Азіатскій Востокъ.—Арабы.

Источниками для исторіи средневѣковаго Востока въ разсмотриваемый періодъ служатъ главнымъ образомъ арабскіе писатели, доступные за немногими исключеніями только для ориенталистовъ. Къ числу такихъ исключений принадлежитъ, во первыхъ, Табари, у котораго находимъ наиболѣе полныя свѣдѣнія о сасанидской державѣ и котораго стали переводить на нѣмецкій языкъ,—далѣе, для исторіи Мохаммеда и его учения,—„Коранъ“, переведенный на всѣ европейскіе языки, и біографія пророка, написанная Ибнъ-Ишакомъ и появившаяся недавно по нѣмецки въ перев. Вейля. Пособія: а) для исторіи Сассанидовъ: Шпигль „Иранскія древности“, т. 2; Юсти „Gesch. d. alt. Persiens“; Nöldeke „Gesch. der Perser u. Araber zur Zeit der Sasaniden“; см. также Ранке „Всем. ист.“, т. V, отдѣлъ I, гдѣ помѣщена краткая, но превосходная

¹⁾ См. Сергеевичъ „Князь и вѣча“. Н.

характеристика взаимныхъ отношеній Сассанидовъ и Византіи;— б) для исторії Арабовъ: кромъ болѣе общихъ сочиненій Ренана и Бартелеми-Сентъ-Илера— Вейль „Ист. халифовъ“ и „Ист. мусульманскихъ народовъ“; Шпренгеръ, Mohammad; Мойръ, Жизнь Мухаммеда (на англ. яз.); по русски— М. Н. Петровъ „Мохаммедъ. Происхожденіе ислама“ („Изъ всемирн. ист. очерки“); Каземъ-Бекъ „Исламъ“ (въ журн. „Русское Слово“ за 1860 г.); „Роль исламизма въ исторіи“ (ж. „Знаніе“ за 1873 г.); Вашингтонъ-Ирвингъ „Жизнь Магомета“. Н.

*Аравія до
Мохаммеда.*

Въ то время, когда Европа получала новый видъ и иную будущность вслѣдствіе происхожденія въ ней новыхъ государствъ— романскихъ, германскихъ и славянскихъ— и когда предѣлы исторического міра въ этой части свѣта раздвигались постепенно до Волги и Сѣверного Океана, та-кія же перемѣны происходили и въ исторической Азіи. Древній Востокъ со своимъ могущественнымъ, но безжизненнымъ царствомъ ново-персидскимъ, простиравшимся въ лучшей порѣ своей, т. е. въ VI в., при Косру-Нуширванѣ, отъ Средиземнаго моря до Инда и отъ Яксарта до предѣловъ Аравіи и Египта, выведенъ быль тоже на иные пути появленіемъ новаго исторического народа Арабовъ.

Пустынныи полуостровъ Аравія¹⁾, только по морскимъ берегамъ, особенно по западному, представляющій удобный для осѣдлой жизни мѣста, искони населенъ быль семитическими племенами Саации или Арабовъ, жившихъ подъ управлениемъ родовыхъ своихъ старшинъ, шейховъ, и бесплодно тратившихъ свои силы въ вѣчныхъ племенныхъ усобицахъ. Большая часть ихъ были кочевники или бедуины. Немногіе города находились на берегу Краснаго моря. Важнѣйшимъ изъ нихъ была Мекка, лежавшая въ самомъ благопріятномъ пунктѣ Геджаса или западнаго побережья Аравіи, гдѣ пересѣкались торговые пути изъ Сиріи, Абиссиніи, Египта и Персіи, и храмъ мекканскій Кааба быль первымъ святилищемъ для всего аравійскаго міра. Здѣсь, стало быть, было средоточіе какъ материальныхъ, такъ и духовныхъ его интересовъ, а корайшитское племя, въ VI в. владѣвшее этою мѣстностью, естественно играло первую роль между всѣми земляками своими и считалось между ними самымъ развитымъ и образованнымъ. Въ кругу этого племени въ концѣ VI в. явился человѣкъ, которому суждено было дать своему народу всемирно-историческое значеніе.

¹⁾ Географическія условія Аравіи, вліявшия такъ сильно на возникновеніе и развитіе ислама, уяснены лучше всего у Риттера въ его „Сравнительномъ землевѣдѣніи Аравіи“, 2 т. (на нѣм. яз.). См. также путешествія въ Аравію Бунгарда, Бертона, Мальцана и Пальгрева (послѣднее есть и на русск. яз.). Н.

ніє посредствомъ преобразованія его религії и общественнаго быта. Пре-
образователь этотъ былъ Мухаммѣдъ, родившійся около 571 г.

Религія Арабовъ ко времени появленія Мухаммѣда представляла смысь *Мухаммѣдъ*.
весьма разнообразныхъ ученій и культовъ,—христіанства, іудейства, звѣздо-
поклонства и даже простаго фетишизма. Два первыя ученія проникли
сюда впрочемъ не въ чистой своей формѣ, а въ видѣ отверженыхъ право-
вѣріемъ ересей, послѣдователи которыхъ стали извѣстны въ Аравіи подъ
именемъ „ганифовъ“, „ракузіевъ“, „рахманістовъ“, „сабіевъ“ и др. Но
посреди такой анархіи религіозныхъ представлений въ народѣ жила однако
древняя вѣра почти всѣхъ Семитовъ въ единаго Бога, Творца и Вседер-
жителя міра, хотя и затемненная разными мѣстными суевѣріями и чуж-
дыми примѣсями. Мухаммѣдъ, вслѣдствіе своихъ торговыхъ занятій и впе-
чатлительной болѣзnenности натуры поставленный въ чрезвычайно благоприятныя условія для усвоенія всѣхъ этихъ элементовъ, пришелъ по-
степенно къ мысли составить изъ нихъ одну общую религію, очистивъ ее
отъ языческихъ примѣсей и положивъ въ основаніе ея догматъ единобожія,
а потомъ посредствомъ такой религії соединить всѣ племена Аравіи въ одинъ крѣпкій государственный союзъ. Каталепсія и другие первые
припадки, которыми съ дѣтства страдаль этотъ человѣкъ, заставили
не только невѣжественныхъ его соплеменниковъ, но и его самого вѣрить,
что его посыпаютъ сверхъестественные силы и что онъ—пророкъ Божій,
чѣмъ и облегчился успѣхъ его проповѣди, доставившей ему много привер-
женцевъ, въ числѣ которыхъ были люди съ вліяніемъ и способностями,
какъ Абу-Бекръ, Али, Османъ и особенно энергическій Омаръ, кото-
рому новая религія болѣе всего обязана своимъ торжествомъ въ Аравіи
и на всемъ Востокѣ.

Успѣхъ этотъ достался Мухаммѣду конечно не безъ борьбы съ нѣвѣру-
ющими Корайшитами, и только когда ему удалось бѣжать изъ Мекки во
враждебный имъ городъ Ятириѣ или Медину и тамъ составить себѣ до
фанатизма преданное ему войско, личное положеніе его могло считаться
обеспеченнымъ, а будущность его ученія упроченою. Оттого то послѣ-
дователи мухаммѣдовой религії и приняли впослѣдствіи это бѣгство,
случившееся 16 июля 622 г., эрою своей новой исторіи. Втченіе
десяти лѣтъ, начиная съ того времени, пророкъ не только побѣдилъ Ко-
райшитовъ, завоевалъ Мекку и сдѣлалъ Каабу средоточіемъ своей рели-
гії, но подчинилъ своей духовной и политической власти и всѣ племена
аравийскія, одушевилъ ихъ воинственнымъ фанатизмомъ и ненавистью ко
всѣмъ другимъ религіознымъ ученіямъ за исключеніемъ ученій Евреевъ и

христіанъ, которымъ, какъ послѣдователямъ писанного закона, предоставлалась терпимость, но и то подъ условіемъ покорности и дани.

Такъ возникло мohаммедово ученіе, названное имъ „исламомъ“, т. е. преданностью волѣ Божіей, отчего и послѣдователи его стали извѣстны подъ именемъ мослімовъ или, какъ ихъ называли въ Европѣ, мусульманъ. Главная заповѣдь этой религіи—единъ Богъ и Мухаммедъ пророкъ его—исчерпываетъ почти все ея содѣржаніе, такъ какъ строгій монотеизмъ и признаніе Мухаммеда величайшимъ изъ пророковъ, получившимъ отъ Бога полное откровеніе, суть единственныя ея догматы, если не считать ученія о предопределѣніи, въ которомъ самъ пророкъ не былъ особенно послѣдовательнымъ. Вѣра же въ загробную жизнь была уже естественнымъ послѣдствиемъ догмата единобожія. Все остальное затѣмъ, заключающееся въ „Коранѣ“ или священной книгѣ, гдѣ изложено ученіе ислама, какъ напр. пятикратная ежедневная молитва, славословія Аллаху, частыя омовенія, посты, милостыня, богомольные странствованія въ Мекку, обязательная для вѣрующихъ, суть частью древне-арабскія обычаи, частью еврейскіе обряды, освященные Мухаммедомъ.

[Впрочемъ исламъ былъ не только религіознымъ, но и политическимъ ученіемъ. Такъ Мухаммедъ организовалъ мусульманскую общину на основаніи равенства и братства всѣхъ правовѣрныхъ и создалъ могущественное учрежденіе халифата, въ которомъ соединена была вся полнота власти, какъ религіозной, такъ и общественной. Другія установленія, введенныя пророкомъ же,—напр. избирательное право мусульманъ, десятина въ пользу бѣдныхъ,—придали первоначальному исламу характеръ соціалистической, изгладившійся однако же въ скоромъ времени].

Первые халифы и распространение ислама. Непосредственно послѣ смерти Мухаммеда въ 632 г. халифами, т. е. намѣстниками, были тестъ его Абу-Бекръ, затѣмъ могучій Омаръ и Османъ, бывшій секретарь пророка. При первомъ вновь приведены въ покорность отпавшія—было племена Аравіи и начато завоеваніе Сиріи, при второмъ окончательно завоеваны Сирія, Египетъ и ново-персидское царство, незадолго предъ тѣмъ ослабленное оружіемъ Гераклія. Во всѣхъ трехъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Палестинѣ, родинѣ христіанства, исламъ сдѣлался господствующею религіею. Наконецъ при третьемъ установлена окончательно редакція Корана. Но на этомъ не остановились успѣхи новой религіи. Въ пылу первого завоевательного порыва своихъ фанатическихъ поклонниковъ проникла она изъ покоренной Персіи за Оксъ и Яксартъ, въ Ховарезмъ или нынѣшнюю Бухару и вообще въ Среднюю Азію или Туркестанъ, съ другой стороны—въ Арmenію, а съ треть-

ей—въ области верхняго Инда. Все это втеченіе какихъ-либо двадцати лѣтъ, преимущественно при Омарѣ, этомъ истинномъ основателѣ мусульманскаго могущества. Съ этихъ поръ, т. е. съ половины VII вѣка, исламъ сдѣлался навсегда господствующей религіей Востока.

Изумительная быстрота его начальныхъ и послѣдующихъ успѣховъ объясняется не однимъ фанатическимъ одушевленіемъ его первыхъ поклонниковъ, но и состояніемъ тѣхъ странъ, которыя сдѣлялись его легкой добычей: во первыхъ, внутренней слабостью восточной имперіи вслѣдствіе ярой вражды между православными и монофизитами, ибо послѣдніе, какъ гонимые, не оказали Арабамъ въ Сиріи и Египтѣ никакого энергическаго сопротивленія, предпочитая чужеплеменное и иновѣрное иго домашнему угнетенію; а во вторыхъ,—совершеннымъ разстройствомъ ново-персидской державы династическими раздорами Сассанидовъ да недавнимъ геракліевымъ погромомъ. Но и независимо отъ этого своимъ быстрымъ торжествомъ на Востокѣ исламъ обязалъ прежде всего своей грубой простотѣ и доступности для народныхъ массъ. Съ нимъ не соединено было никакого сложнаго философскаго ученія, никакихъ мистерій, даже сверхъестественного было въ немъ очень немного. Полудикие бедуины, кочевники Турана и другіе азіатскіе варвары могли усвоить его совершенно свободно,—тѣмъ болѣе, что завѣть пророка о священной войнѣ съ невѣрными и чувственныя представленія Корана о наслажденіяхъ будущей жизни лъстили хищнымъ, грубымъ инстинктамъ огромнаго большинства восточныхъ племенъ. Вотъ отчего исламъ и сдѣлался господствующей религіей полудикихъ народовъ Азіи и Африки.

Но нельзя однако не отдать ему справедливости,—онъ во многомъ улучшилъ нравственный уровень этихъ народовъ. Гостепріимство, состраданіе къ бѣднымъ, болѣе спосное положеніе женщины, распространеніе въ народѣ грамотности посредствомъ школъ при мечетяхъ, страннопріимные дома,—все это были благодѣянія, принесенные Востоку религіей Мухаммеда. Но, чтѣ важнѣе всего, исламъ сблизилъ между собою самые отдаленные и чужды другъ другу восточные народы, ставшіе отнынѣ братьями во имя общей религіи. Братство это впрочемъ не могло укорениться вполнѣ и надолго, такъ какъ уже съ половины VII вѣка возникъ религіозный расколъ, съ тѣхъ поръ враждебно раздѣляющій мухаммединскій міръ и по сю пору.

Поводомъ къ нему послужилъ вопросъ о престолонаслѣдіи, открывшійся по смерти Османа въ 656 году. Единственно законнымъ преемникомъ пророка съ самаго еще начала считалъ себя зять его Али, женатый на

*Расколъ мусульманской
мира.*

Омайады.

любимой его дочери Фатиме. Права Али основывались, стало быть, на наследственномъ или династическомъ началѣ. Но ближайшіе сподвижники Мухаммеда стояли за свободное назначеніе и даже выборъ халифовъ. Царствія ихъ осилила, и три первые преемника пророка достигли священнаго престола этимъ путемъ. Только послѣ Османа удалось Али овладѣть халифатомъ, который онъ давно уже считалъ своимъ законнымъ достояніемъ. Но противъ него возсталъ намѣстникъ Сиріи Муавія, происходившій изъ враждебнаго пророку рода Омайадовъ. Завязалась жестокая усобица, въ которой погибъ весь родъ Али и лучшіе его приверженцы. Омайады остались владѣтелями халифата и, перенеся свою резиденцію изъ Мекки въ Дамаскъ, удержались на немъ втеченіе ста лѣтъ. Съ той поры образовались между мусульманами двѣ партіи—шіитовъ, т. е. сектаторовъ, которые придерживаются исключительно авторитета Корана и не признаютъ трехъ первыхъ халифовъ, считая Али первымъ законнымъ преемникомъ пророка, а въ Омайадахъ видятъ узурпаторовъ, и гораздо многочисленнѣйшую партію суннитовъ, считающихъ законными какъ трехъ первыхъ халифовъ, такъ и Омайадовъ, и кромѣ Корана признающихъ еще обязательность сунны или сборника преданій о Мухаммедѣ, составленнаго по разсказамъ любимой жены его Айиши и другихъ его сподвижниковъ.

Во все правленіе Омайадовъ шіиты конечно были угнетаемы, и, когда стихли и улеглись ихъ восстанія и смуты, оружіе мусульманъ снова было обращено на завоевательныя цѣли. Во второй половинѣ VII в. были завоеваны Кипръ, Родосъ и часть Малой Азіи; самый Константинополь семь разъ осажденъ былъ Арабами; а въ началѣ VIII вѣка имъ подчинился и весь сѣверный берегъ Африки, откуда Арабы, переправившись чрезъ Гибралтарскій проливъ, названный такъ по имени полководца Тарика, предводившаго этой экспедиціей, вторгнулись въ Испанію и, разбивши Вестготовъ при Хересъ-де-ла-Фронтера въ 711 г., подчинили своей власти весь полуостровъ¹⁾ за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей въ Астурійскихъ горахъ, куда укрылись остатки побѣжденныхъ. Но на этомъ не остановился этотъ новый бурный разливъ ислама. Вскорѣ Арабы перешли и Пиринеи, завоевали южную Галлію и готовились уже покорить и всю эту страну, когда въ 732 г. дальнѣйшее ихъ движеніе было остановлено столько же знаменитою побѣдою франкскаго вождя Карла Мартелла между Туромъ и Пуатье, сколько и собственными раздорами,— послѣ чего они обратно отхлынули въ Испанію. Но въ 727 г. они заво-

¹⁾ См. Dozy „Hist. des Musulmans d'Espagne“. II.

евали у Византійцевъ Сицилію, откуда не только утвердились въ Тарентѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ южной Италіи, но стали дѣлать набѣги на Кампанію, Пьемонтъ и Бургундію, а въ половинѣ IX вѣка ограбили самый Римъ.

Это было самое страшное время арабско-мусульманскихъ успѣховъ въ Европѣ. Всему христіанскому миру грозила отъ нихъ опасность. Только Византія на востокѣ и Франки на западѣ сдерживали еще этотъ новый завоевательный порывъ ислама.

[Расширяя во всѣ стороны предѣлы мусульманского міра, Омайады царствовали внутри халифата какъ чисто-свѣтскіе династы. Они передавали свой престолъ по наслѣдству, религіозными обязанностями пренебрегали, вели чисто свѣтскую жизнь, утопали въ роскоши и наслажденіяхъ, покровительствовали поэзіи и собирали вокругъ себя поэтовъ, воспѣвавшихъ вино и любовь. Отсюда понятна та ненависть, которую возбуждали противъ себя они въ средѣ строгихъ мусульманъ. Этою то ненавистью и воспользовались Аббасиды: они подкопали владычество Омайадовъ путемъ тайной пропаганды, а потомъ поднялись противъ него съ оружиемъ въ рукахъ.] Въ половинѣ VIII вѣка эта новая династія, ведшая свое происхожденіе отъ дяди Мухаммеда Абуль-Аббаса, смѣнила родъ Омайадовъ, причемъ всѣ члены послѣдняго погибли насильственнымъ образомъ за исключениемъ двухъ, которые посреди величайшихъ опасностей успѣли спастись отъ общаго истребленія своихъ родичей,—одинъ въ Аравію, а другой (Абд-эръ-Рахманъ)—въ Испанію, гдѣ въ 756 г. основанъ имъ независимый халифатъ въ Кордовѣ.

Аббасиды перенесли резиденцію халифовъ изъ Дамаска въ роскошный Багдадъ, и уже одно это перемѣщеніе средоточія арабскаго царства изъ Сиріи на Тигръ должно было ослабить для Европы грозу мусульманскаго завоеванія,—тѣмъ болѣе, что отпаденіе Испаніи отъ державы багдадскихъ халифовъ уменьшало съ этой стороны непосредственную опасность для Запада. Кроме того съ воцареніемъ Аббасидовъ значительно измѣнился и общий характеръ мусульманской исторіи. Завоевательный духъ первыхъ временъ ислама уступаетъ теперь мѣсто мирному пользованію сдѣланными пріобрѣтеніями,—развивается арабская гражданственность и просвѣщеніе. [Вместѣ съ тѣмъ исчезаетъ и первоначальная національная замкнутость прежнихъ халифовъ. Такъ какъ Аббасиды достигли власти отчасти благодаря содѣйствію Персовъ и другихъ покоренныхъ народовъ, то естественно, что они поддались ихъ вліянію. Въ эту именно пору появляются впервые въ халифатѣ учрежденія, ему первоначально совершенно чуж-

ды, какъ то визирать и наемныя войска,—учрежденія, не мало способствовавшія паденію арабскаго владычества.] Всѣ эти явленія достигаютъ наиболѣе полнаго выраженія при главнѣйшемъ изъ Аббасидовъ Гарун-аль-Рашидѣ, современникѣ Карла Великаго, со вступленіемъ котораго на престоль открывается уже золотой вѣкъ арабской науки и искусства, [хотя впрочемъ лично Гарун-аль-Рашидъ вовсе не былъ такимъ идеальнымъ властелиномъ, какимъ изображало его позднѣйшее преданіе, и скорѣе представлялъ собою типъ страшнаго тирана и чисто восточнаго деспота.]

Такой поворотъ въ судьбахъ мусульманскаго міра легко объясняется естественнымъ теченіемъ его исторіи. Пока Арабы оставались полуздиковъ племенемъ, они и думали объ однихъ только завоеваніяхъ; но съ пріобрѣтеніемъ богатыхъ и издревле образованныхъ странъ, каковы Персія, Сирія, Египетъ, сѣверная Африка, Испанія, они столкнулись здѣсь съ утонченнымъ греко-римскимъ образованіемъ и съ остатками восточной культуры и невольно подчинились ихъ вліянію, а несмѣтныя сокровища, имъ доставшіяся, и изысканный развратъ цивилизациі, съ которой они пришли здѣсь въ соприкосновеніе, мало по малу измѣнили ихъ первобытно простые и грубые нравы. Еще Омаръ могъ носить заплаты на платьѣ и питаться ячменнымъ хлѣбомъ, но уже его дамасскіе преемники окружили себя всею восточною пышностью, а багдадскіе халифи простили эту роскошь до баснословныхъ размѣровъ. Арабы однимъ словомъ измѣнились оттого, что мало по малу стали народомъ образованнымъ. Пора, слѣдовательно, составить и намъ понятіе, каковъ былъ характеръ и каковы главныя явленія этой образованности.

Арабская
образован-
ность.

Натуру Араба можно назвать положительную, а направленіе его способностей—практическимъ или реальнымъ. Фантазіи, а слѣдовательно и творчества въ немъ вообще очень мало, но за то большая воспріимчивость и оттого сила чувства. Всѣ эти особенности отразились и на характерѣ созданной имъ культуры ¹⁾.

Изъ образовательныхъ искусствъ значительного развитія достигло у Арабовъ одно только зодчество, живопись же и ваяніе, хотя и не

¹⁾ Пособія: Кремеръ „Історія культуры мусульманскаго Востока“, 2 т.; Браунъ „Картина мусульманскаго міра“; Шакъ „Культура и поэзія испанскихъ Арабовъ“ 2 т. (всѣ на нѣм. яз.); Le Bon, La civilisation des Arabes (1884)—По русски: Надлеръ „Культура Арабовъ и ея выраженіе въ поэзіи и искусствѣ“; см. также Дреперъ „Іст. умств. развитія Европы“.

чужды были имъ, но далеко не пошли,—и это не потому, будто бы они были воспрещены Кораномъ изъ опасенія идолопоклонства, а просто по недостатку нужныхъ для этого способностей. Но и самая архитектура арабская заимствовала главныя основанія для своего стиля у Византійцевъ и даже классическихъ Грековъ, хотя являлась и оригинально въ орнаментахъ или тѣхъ причудливыхъ и сложныхъ украшеніяхъ и деталяхъ, которые составляютъ отличительную черту мавританскихъ и вообще арабскихъ монументальныхъ памятниковъ, напр. знаменитыхъ мечетей въ Дамаскѣ, Каирванѣ, Мединѣ и Кордовѣ, а также дворовъ Альказара (въ Кордовѣ) и Альгамбра (въ Гранадѣ)¹⁾. Такъ же точно и въ искусствахъ тоническихъ, музыкѣ и пѣніи, Арабы были только подражателями Иранцевъ, хотя и довели ихъ до такого совершенства, что употребляли уже нотную систему. Только въ одной поэзіи они были оригинальны, но за то вся сила ихъ поэтическаго гenія обнаружилась почти исключительно въ одной лирикѣ, гдѣ, какъ извѣстно, не требуется много фантазіи, а достаточно одной глубины субъективнаго чувства. Эта родъ поэзіи процвѣталъ у Арабовъ еще задолго до Мохаммеда, когда въ городкѣ Окацѣ, близь Мекки, происходили даже состязанія народныхъ пѣвцовъ, лучшія произведения которыхъ почетно вывѣшивались въ Каабѣ. Поэтъ-воинъ Антара пріобрѣлъ громкую извѣстность въ сонмѣ этихъ пѣвцовъ. При Омайадахъ расширилось только содержаніе арабской поэзіи, но родъ ея и формы остались прежнія. При измѣнившихся условіяхъ быта въ новопокоренныхъ земляхъ, при знакомствѣ съ поэтическими образцами Персовъ, Индусовъ и даже Грековъ, жизнь Араба обогатилась массою новыхъ идей и впечатлѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ уразнообразились и мотивы его поэзіи, но лирика все еще оставалась господствующею формою,—только къ простымъ пѣснямъ старого времени привились нѣкоторые новые ея виды—кассиды (элегіи), газели (эротическая стихотворенія) и макамы (родъ риѳмованной прозы, иногда сатирическаго содержанія). Ахталъ, Джеририъ и Фересдакъ, жившіе въ VII и VIII стол., были знаменитѣшими представителями этой второй эпохи поэтической арабской дѣятельности съ ея уже начавшимся тогда придворнымъ или хвалебнымъ характеромъ вмѣсто независимаго и гордаго тона старинныхъ пѣсенъ. Эти старыя пѣсни собирались теперь уже въ сборники или диваны, какъ отжившая древность. Но если новая лирика

¹⁾ Объ арабской архитектурѣ см. Girauld de Prangey „Essai sur l'architecture des Arabes et des Maures en Espagne et en Sicile“; Bourgoin „Les arts arabes“. II.

уступала прежней въ силѣ, свѣжести и благородствѣ духа, то за то далеко превосходила ее утонченностью своей внѣшней отдѣлки и разнообразіемъ своихъ формъ.

Съ воцаренiemъ Аббасидовъ въ мohаммединскомъ мірѣ, какъ сказано, произошли большія перемѣны. Перенесеніе столицы халифата въ Багдадъ, на границу Ирана, мало по малу открыло въ арабскую жизнь доступъ новымъ элементамъ,—персидскому и индійскому. Торжествующій теперь шітизмъ внесъ ихъ даже въ самую религию Мухаммада. Въ средѣ его явилось вовсе несемитическое ученіе о воплощеніи божества какъ въ самомъ пророкѣ, такъ и въ законныхъ его преемникахъ, начиная съ Али. Власть халифовъ облеклась такимъ образомъ божественнымъ авторитетомъ, особы ихъ сдѣлалась священною и недоступною. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составѣ правительства, при дворѣ, въ войсکѣ и администраціи арабскія стихіи отходятъ на второй планъ, уступаютъ передовое мѣсто персидскому и турецкому началамъ. Все это отразилось и на поэзіи этого третьяго періода мohаммединской исторіи. Хвалебная лирика продолжается по прежнему, только становится еще работѣніе, но въ изящной литерату-рѣ появляется уже и эпическій элементъ, дотолѣ чуждый арабскому генію и очевидно возникшій подъ арійскимъ вліяніемъ. Величайшими памятниками этого новаго направленія были, во первыхъ, всемирно-знаменитое собраніе сказокъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Тысячи одной ночи“, окончательная редакція котораго относится къ X вѣку, и, во вторыхъ, поэма Фирдуси „Шахнаме“ (Книга царей),—колossalное произведение, состоящее изъ 60 тысячъ двустишій и изображающее судьбу Персіи съ миѳическихъ временъ до покоренія державы Сассанидовъ Арабами. Оно относится къ XI столѣтію и написано уже на персидскомъ языке. Дальнѣйшее же развитіе персидской литературы подъ вліяніемъ ислама въ XIII и XIV вѣкѣ ознаменовано появленіемъ еще двухъ знаменитостей—Саади, величайшаго дидактическаго поэта Востока, автора „Гюлистана“ или „Сада розъ“, и Гафиза, прославившагося своими неподражаемыми ана-кроентическими стихотвореніями.

Но еще богаче, чѣмъ въ багдадскомъ халифатѣ, развилось поэтическое творчество у испанскихъ Мавровъ, гдѣ халифи не только всячески по-кровительствовали ему, но перѣдко и сами были замѣчательными поэтами. Втеченіе своего владычества на полуостровѣ Мавры создали такую громадную поэтическую литературу, что уже въ X вѣкѣ диванъ или сборникъ замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ заключалъ въ себѣ 20 тысячъ двустишій. Господствующій родъ поэзіи остался здѣсь тотъ же, что и на

азіатскомъ Востокѣ; только испанскія лирика обнаруживаетъ уже явные слѣды своей европейской почвы: рыцарское чувство чести и личнаго достоинства, высокое уваженіе къ женщинѣ, общая деликатность и человѣчность чувствъ суть такія черты, которыя указываютъ уже на болѣе высокое нравственное развитіе народа. Это тѣ самыя идеи и чувства, которыя, проникнувъ за Пириней, цивилизовали впослѣдствіи сосѣднія страны—Провансъ, Италію, а черезъ нихъ и всю западную Европу.

Еще важнѣе было вліяніе мавританской науки на тогдашнюю грубую и бѣдную западно-европейскую жизнь. Кордовскіе Омайады, особенно Альхакемъ и Абд-эр-Рахманъ III, были ревностными покровителями и распространителями всякаго рода полезныхъ знаній, учредили множество народныхъ и высшихъ школъ, основали въ разныхъ частяхъ своего государства до семидесяти библіотекъ, а въ своей столицѣ даже университетъ, где преподавались грамматика, реторика, математика, астрономія, географія, естествознаніе, тогда какъ для изученія медицины и музыки существовали особыя училища. Благодаря этимъ богатымъ средствамъ, Испанія очень рано, еще въ X и XI вѣкѣ, сдѣлалась образованѣйшею страною, куда ъздили учиться любознательные западно-европейцы. Знаменитый Гербертъ, впослѣдствіи папа Сильвестръ II, прозванный современниками чудомъ свѣта за свою ученость, воспитывался въ Кордовѣ¹⁾). Тѣ же явленія видимъ мы и на азіатскомъ Востокѣ, где багдадскіе Аббасиды окружаютъ себя поэтами, художниками и учеными. Между ними Гарунъ-аль-Рашидъ играетъ роль восточнаго Августа.

На наукѣ Арабовъ больше, чѣмъ на ихъ искусствѣ, отразился ихъ практическій характеръ. У нихъ особенно процвѣли прикладныя знанія,—естественныя науки, физика, географія, астрономія и медицина. Вотъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ имёнъ изъ ихъ ученаго міра: Авиценна,—великій медикъ и философъ, жившій въ началѣ XI вѣка, Аверроэсъ,—во второй половинѣ XII,—славный комментаторъ Аристотеля, старавшійся согласить его философію съ ученіемъ Корана, Абу-Османъ—ботаникъ, Авензоаръ (Ибнъ-Зоаръ), творецъ мавританской фармацевтики, Альбуказисъ—хирургъ, Альгазенъ—знатный физикъ, отличившійся особенно въ области оптики, Ибнъ-Джунисъ—астрономъ, Аль-Фараби—филологъ, Альгацали—авторъ нѣсколькихъ сочиненій по эмпірической философіи, и множество другихъ. Большая часть этихъ знаменитостей

¹⁾ О немъ см. Горовой „Гербертъ или папа Сильвестръ II“. Н.

сдѣлались учителями средневѣковой христіанской Европы, въ языкахъ ко-
торой и понынѣ сохранилось множество научныхъ арабскихъ терминовъ,
свидѣтельствующихъ объ испытанныхъ ею съ этой стороны вліяніяхъ.
Арабы такимъ образомъ на поприщѣ науки, особенно опытныхъ и при-
кладныхъ ея отраслей, были истинными продолжателями Грековъ,
хотя и не имѣли ихъ творческаго генія. Дѣйствительно, за ними
остаётся честь дальнѣйшаго развитія классическихъ знаній, но немного
собственныхъ великихъ открытій и изобрѣтеній. Ихъ философія построена
была на Аристотелѣ, ихъ математика—на Эвклидѣ, Архимедѣ, Аполлоніѣ,
ихъ астрономія и географія—на Птоломеѣ и Эратосѳенѣ, ихъ медицина—
на Гиппократѣ и Галенѣ. Всѣхъ ихъ перевели они и на свой языкъ.
Даже знаменитая десятичная нумерациѣ, введенная ими въ Европѣ и из-
вѣстная въ ней подъ именемъ арабскихъ цифръ, заимствована была
ими изъ Индіи. Но тѣмъ не менѣе, какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ
другихъ отрасляхъ знанія, имъ принадлежать весьма важныя заслуги.
Открытие алгебры, множество усовершенствованій по астрономіи, физикѣ
и медицинѣ—останутся вѣчными памятниками ихъ плодотворной научной
дѣятельности. Имъ же затѣмъ принадлежитъ распространеніе въ Европѣ
многихъ весьма важныхъ восточныхъ практическихъ и промышленныхъ
изобрѣтеній и полезныхъ продуктовъ природы, каковы—компасъ, хлопча-
тая бумага, рисъ, сахаръ и проч. Наконецъ никто до тѣхъ поръ не дѣ-
лалъ такихъ обширныхъ и отдаленныхъ географическихъ открытій. Сначала
своими завоеваніями, а потомъ торговыми сношеніями Арабы раз-
двинули предѣлы географическихъ свѣдѣній Европейцевъ на весь почти
Старый свѣтъ, такъ какъ въ Азіи они впервые завязали дѣятельныя сно-
шения съ Китаемъ, въ Африкѣ же проникли до Мадагаскара. Основанные
ими города,—Каиро въ Египтѣ, Каирванъ—на сѣверномъ берегу Афри-
ки, Бассора—на устьяхъ Тигро-Ефрата, Багдадъ—на Тигрѣ, Куфа—
на Ефратѣ, Мосуль—въ Сиріи,—сдѣлались не только центрами про-
мышленной и умственной дѣятельности для всего арабско-мохаммеданскаго
мира, но и исходными пунктами просвѣщенія для средней Азіи и внут-
ренней Африки,—тогда какъ съ другой стороны Кордова, Севилья,
Альмерія, Толедо, Гранада, Сарагосса и другіе мавританскіе города
въ Испаніи своимъ примѣромъ и многоразличными вліяніями цивилизовали
всю юго-западную Европу.

[Обширныя географическія открытія Арабовъ не остались безъ вліянія
и на развитіе систематической науки географіи. Число арабскихъ геogra-
fovъ чрезвычайно велико; назовемъ изъ нихъ только нѣсколькихъ: Мас-

суди, сохранившаго драгоценныя свѣдѣнія о Россіи, Эдризи, жившаго при дворѣ сицилійскаго короля Рожера и изобразившаго весь земной шаръ на громадномъ серебряномъ глобусѣ, Абуль-Феду, соединившаго въ своемъ колосальномъ трудѣ всѣ свѣдѣнія, собранныя его предшественниками.]

Блескъ багдадскаго халифата продолжался около двухъ столѣтій,—съ *упадокомъ и раздробленіемъ халифата.* половины VIII до половины X вѣка. Царствованіе Гаруна Справедливаго (Аль-Рашида), этого идеала восточнаго халифа, оставилъ о себѣ громкую память въ народныхъ преданіяхъ, составлять средоточіе этой славной эпохи, когда государство Арабовъ достигло высшей степени культурнаго развитія, какъ материальнаго, такъ и духовнаго. Но миръ и достоинство вмѣстѣ съ растлѣвающимъ вліяніемъ смѣшанной арабско-греко-персидской образованности и даже многочисленныя уклоненія отъ строгихъ правилъ Корана, вошедшія въ жизнь,—все это мало по малу ослабило воинственный духъ Арабовъ, уступившій теперь мѣсто изнѣженности и сладострастію. Перемѣна эта прежде всего отразилась на состояніи оборонительныхъ средствъ государства. Вместо народной арміи, завоевавшей нѣкогда половину историческаго міра, появились наемныя войска; самый престолъ халифовъ окружили турецкіе тѣлохранители, вскорѣ сдѣлавшіеся всемогущею силою въ государствѣ. Начальники этой наемной гвардіи съ титуломъ эмировъ-аль-омра (князь князей), какъ майордомы у Франковъ, стали распоряжаться престоломъ и властствовать надъ всѣмъ государствомъ. Въ X вѣкѣ дѣло дошло уже до того, что за халифами остался одинъ только религіозный почетъ. Но и авторитетъ эмировъ, какъ узурпаций, тоже не могъ отличаться прочностью и уважался лишь настолько, насколько поддерживалася дѣйствительной силой. Съ половины X в. достоинствомъ этимъ овладѣла персидско-княжеская фамилія Буйдовъ, въ ряду представителей которой были люди съ государственными способностями и любовью къ образованію, такъ что до конца этого столѣтія внутреннее состояніе халифата не потерпѣло существенныхъ перемѣнъ. Но съ началомъ слѣдующаго вѣка дѣла приняли другой оборотъ.

На азіатскомъ Востокѣ стали усиливаться Турки Сельджуки. Полудикий народъ этотъ, жившій до того времени у Аральскаго моря, овладѣлъ сначала персидской провинціей Хорасаномъ, а оттуда простеръ свои завоеванія не только по всему почти Ирану, но и по Сиріи, Месопотаміи и Малой Азіи. Въ половинѣ XI вѣка султаны ихъ утвердились въ Багдадѣ и, оставивъ аббасидскимъ халифамъ только тѣнь прежняго значенія, съ званіемъ эмировъ-аль-омра начали господствовать во всей передней Азіи. Сельджуки основали нѣсколько династій какъ на востокѣ, въ Иранѣ, Петровѣ, Всеобщ. Ист., II.

и, такъ и въ Сирії (въ Алеппо и Дамаскѣ) и Малой Азії (съ главнымъ городомъ Никеей). Между тѣмъ въ восточной Персії около 1000 г. возникло блестящее султанство Газневидовъ, при воинственномъ и пропагандистскомъ султанѣ Махмудѣ раздвинувшее свои предѣлы вплоть до Ганга, но въ томъ же XI вѣкѣ сдѣлавшееся въ свою очередь добычею Сельджуковъ. Такимъ образомъ багдадскій халифатъ распался на множество независимыхъ владѣній. И не только въ Азіи,—въ Африкѣ образовался въ X в. отдѣльный халифатъ, основанный Фатимиадами, ведшими родъ свой отъ дочери Мохаммеда Фатимѣ. Это былъ халифатъ еретической, шіитской, стоявшей поэтому во враждебныхъ отношеніяхъ къ багдадскому, который считался правовѣрнымъ. Фатимиады въ ихъ цвѣтущее время, т. е. въ началѣ XI вѣка, распространили свое господство по всему сѣверному берегу Африки до самого Атлантическаго океана, но спустя нѣсколько поколѣній и это эфемерное могущество распалось на разныя мелкія владѣнія. Важнѣйшимъ изъ нихъ сдѣгалось государство Моравидовъ въ Марокко и Тунисѣ.

Наконецъ особенный и во многомъ оригинальный міръ составлялъ омайадскій халифатъ въ Испаніи, раньше всѣхъ, еще въ половинѣ VIII вѣка, отдѣлившійся отъ общаго состава первоначальной арабской державы. Это было цвѣтущее промыслами, торговлей, науками и искусствами государство, наиболѣйший блескъ котораго относится къ X вѣку, къ правлѣнію Абд-эр-Рахмана III и сына его Альхакема. Но къ концу этого столѣтія обнаружились уже признаки и его внутренняго упадка. Властолюбивый визирь и здѣсь мало по малу заслонилъ значеніе изнѣженныхъ и выродившихся Омайадовъ, родъ которыхъ посреди домашнихъ усобицъ прекратился уже въ 1038 году. Тогда Испанія распалась на нѣсколько независимыхъ мавританскихъ владѣній,—въ Кордовѣ, Гранадѣ, Севильѣ, Толедо, Валенсіи, Альмеріи, Сарагосѣ,—съ которыми христіане Вестготы, такъ долго находившіяся въ угнетеніи, и повели теперь борьбу за обладаніе полуостровомъ.

Итакъ при общемъ взглядѣ на состояніе мohаммеданскаго міра предъ началомъ крестовыхъ походовъ, оказывается, что самая цвѣтущая пора его прошла уже въ X столѣтіи; въ XI же, въ концѣ котораго начались его враждебныя столкновенія съ народами европейскаго Запада, онъ находился въ полномъ внутреннемъ упадкѣ, хотя Сельджуки въ Азіи, Фатимиады и Моравиды въ Африкѣ и пробудили въ немъ въ это время дикую воинственность и религіозный фанатизмъ первыхъ временъ ислама.

Періодъ второй.

Время отъ крестовыхъ походовъ до исхода XV столѣтія.

I. Крестовые походы.

Источники для исторіи крестовыхъ походовъ разбросаны и по настоящее время по различнымъ малодоступнымъ сборникамъ. Таково старинное изданіе Бонгара, относящееся къ XVII в. и заключающее въ себѣ важнѣйшіе источники для исторіи первого похода; таковы мусульманскіе памятники, известные пока лишь по отрывкамъ и извлеченіямъ, помѣщеннымъ въ IV т. „Bibliothèque des croisades“ Мишо, и византійскіе авторы, напечатанные въ названныхъ уже нами коллекціяхъ. Новое изданіе памятниковъ крестовой эпохи, предпринятое французскою академіею, далеко еще не закончено и подвигается впередъ крайне медленно. Покамѣстъ изданы лишь Вильгельмъ Тирскій и его продолжатели, ассизы, т. е. законы іерусалимскаго королевства, и нѣсколько армянскихъ авторовъ. Слѣдуетъ упомянуть также обѣ изданіяхъ „Societé de l'Orient latin“, выходящихъ при дѣятельномъ участіи графа Ріана. Они дѣлятся на двѣ серіи,—географическую, заключающую въ себѣ собраніе различныхъ инженеріевъ на латинскомъ и другихъ языкахъ, и собственно историческую.

Изъ пособій болѣе общаго характера можно указать на Мишо „Hist. des croisades“ (6 т.; есть и русск. переводъ), Вилькена „Gesch. der Kreuzzüge“ (7 т.),—сочиненія, какъ то, такъ и другое, значительно устарѣвшія,—Куглера „Gesch. der Kreuzzüge“ (въ сборникѣ Онкена) и Ранке „Weltgeschichte“ (недавно вышедший восьмой томъ этого труда обнимаетъ собою всю эпоху крестовыхъ походовъ). И.

Мы изобразили состояніе трехъ большихъ этнографическихъ міровъ,— западно-европейскаго или романо-германскаго, восточно-европейскаго или греко-славянскаго и азіатско-восточнаго или арабско-мохаммеданскаго,— изобразили ихъ судьбу до конца XI и начала XII вѣка, т. е. до того времени, когда эти три отдельныя сферы, до тѣхъ поръ мало знакомыя другъ съ другомъ, пришли въ ближайшее столкновеніе и взаимодѣйствіе, продолжавшееся около двухъ столѣтій, и обмѣнялись своими культурными элементами. Эпоха ихъ столкновеній и взаимодѣйствій называется въ исторіи эпохой крестовыхъ походовъ.

Явленіе, подобное крестовымъ походамъ, когда миллионы людей втѣченіе двухъ вѣковъ стремились изъ западной Европы на Востокъ съ цѣлью освобожденія святыхъ мѣсть и особенно гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, могло быть только порождениемъ духа времени, т. е. тѣхъ понятій, чувствъ и вѣрованій, тѣхъ условій жизни, строя общественныхъ и поли-

*и побужденія
и поводы.*

тическихъ обстоятельствъ, какія представляла романо-германская Европа въ XI, XII и XIII вѣкахъ. Разсмотримъ порознь всѣ эти элементы.

Господствующее настроеніе среднихъ вѣковъ было религіозное, хотя религіозность эта и проявлялась большею частью чисто вѣшнимъ образомъ. Средневѣковые люди приписывали особенное значеніе разнымъ реликвіямъ, мощамъ, богоомольнымъ странствованіямъ, вкладающимъ съ благочестивою цѣлью и прочимъ вѣшнимъ предметамъ вѣры. Отсюда частыя хожденія къ разнымъ священнымъ мѣстностямъ, особенно на поклоненіе гробу Господню въ Иерусалимѣ. И, пока въ Палестинѣ господствовали Арабы, доступъ къ святымъ мѣстамъ за извѣстную плату былъ легокъ и удобенъ. Но, когда въ М. Азіи и Сиріи усилились Сельджуки и завладѣли Палестиной, то начались притѣсненія христіанскихъ паломниковъ отъ изувѣрства шітовъ, измаилитовъ, ассасиновъ и другихъ фанатическихъ сектъ, появившихся около этого времени въ мухаммеданскомъ мірѣ. Вѣсти объ этихъ насилияхъ распространялись по Западу и волновали умы, возбуждая всюду желаніе вырвать оскорблѣемую святыню изъ рукъ невѣрныхъ. Такое желаніе еще болѣе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ съ половины XI стол. обнаружилось въ западныхъ монастыряхъ, особенно въ самомъ вліятельномъ изъ нихъ Клюнійскомъ, во Франції, аскетическое направленіе, посредствомъ монаховъ все болѣе и болѣе проникавшее въ церковь и общество. А подъ вліяніемъ аскетизма возрасла и ревность ко всікимъ религіознымъ подвигамъ. Впрочемъ до конца XI в. не было подходящихъ условій для болѣе широкаго проявленія господствовавшаго въ массахъ религіознаго чувства. Когда же начался споръ Григорія VII съ Генрихомъ IV, то папы, тѣснѣмые въ Европѣ притязаніями императоровъ, налегли на мысль поднять свой угрожаемый авторитетъ и покорить себѣ общественное мнѣніе возбужденіемъ религіозныхъ войнъ на Востокѣ. Поэтому уже Гильдебрандъ, вчинатель великой борьбы за инвеституру, сдѣлалъ и первую попытку крестового похода, хотя мысль о подобномъ предпріятіи еще за сто лѣть до него была высказана папою Сильвестромъ II. Однако приготовленія и планы Григорія VII разстроены были начавшимся споромъ съ императоромъ.

Но независимо отъ общаго религіознаго настроенія и стремленій папства въ половинѣ XI в. стали дѣйствовать и другіе мотивы, благопріятные для такого дѣла. Въ ту пору, во первыхъ, Норманны успѣли уже привить къ западнымъ населеніямъ свой беспокойный, предпріимчивый духъ и свое броженіе, а во вторыхъ, мысль о близкой кончинѣ міра, широко распространившаяся въ обществѣ, увеличила презрѣніе къ земнымъ ничтожнымъ

благамъ и содѣйствовала усиленію набожности. Оттого людямъ такъ легко было оставить свои семейства и имущество и идти на Востокъ съ цѣлью искупить грѣхи. Къ тому же среди простаго народа въ XI в. еще не прекратилось движение, бывшее отголоскомъ давно уже минувшей эпохи великихъ племенныхъ переселеній V и VI столѣтій. Крѣпкой осѣдлости все еще не было въ западной Европѣ. Переходы крестьянъ цѣльми партіями и въ одиночку случались постоянно, общество было наполнено всяkimъ бродячимъ людомъ, а при этихъ неустоявшихъ порядкахъ поднять массу на какое нибудь отдаленное предпріятіе было очень легко,—тѣмъ болѣе, что масса эта была тогда уже сильно подавлена феодальнымъ гнетомъ, избавиться отъ котораго крестовая война, освобождавшія человѣка отъ всякихъ общественныхъ узъ, представляли желанный случай. Притомъ же по тогдашнимъ понятіямъ участіе въ священномъ походѣ и поклоненіе Св. гробу снимало съ человѣка всѣ его нравственные тягости, т. е. его грѣхи, для чего не нужно было даже обычнаго посредничества гордаго и алчнаго духовенства. Разсудительные и домовитые горожане увлекались конечно не такъ легко этими побужденіями, а религіозный духъ вѣка тяготѣлъ на нихъ меныше, чѣмъ на другихъ; но за то корысть и разныя промышленныя соображенія, восполняя недостатокъ благочестивой ревности, побуждали ихъ къ участію въ крестовыхъ походахъ. Въ привилегированныхъ же слояхъ общества, т. е. въ феодальномъ дворянствѣ или рыцарствѣ и въ духовенствѣ, мысль о крестовыхъ походахъ встрѣчена была съ неменьшимъ сочувствіемъ, хотя и по инымъ побужденіямъ. Бароны и рыцари увлекались не только религіозными мотивами, общими всѣмъ сословіямъ, но также славолюбіемъ, воинственнымъ духомъ и страстью къ наживѣ и приобрѣтеніямъ, свойственными этой средѣ. О церкви, явившейся душою и руководительницею этихъ предпріятій, и говорить нечего. Для нея открывались тутъ такие блестящіе виды на господство, вліяніе, богатство, на расширеніе своихъ предѣловъ на Востокѣ, какъ въ страхахъ невѣрныхъ, такъ и въ области греческаго христіанства, что она должна была всячески содѣйствовать этому дѣлу; церковь же въ то время была могущественною силою въ обществѣ, и отъ нея во многомъ зависѣло направленіе его чувствъ и мнѣній.

Только при собображеніи всѣхъ этихъ условій станетъ понятно, почему мысль папы Урбана II поднять весь христіанскій Западъ на освобожденіе гроба Господня могла имѣть такой колоссальный успѣхъ. [Не проповѣдью невѣжественнаго фанатика Петра Амьенскаго, никогда не бывавшаго въ Палестинѣ до крестовыхъ походовъ, былъ подвинутъ Урбанъ

*Крестовая
предпрія-
тия.*

на свой великий замыселъ, но вѣрнымъ пониманіемъ общаго положенія дѣль, настроенія умовъ и интересовъ церкви. Папа высказалъ свой планъ на соборѣ въ Клермонѣ (въ 1095 г.), и всѣми присутствующими онъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ]. Затѣмъ призывъ къ крестоносной брани, облетѣвшіи весь западъ Европы, поднялъ на ноги сотни тысячъ народу изъ всѣхъ классовъ общества, преимущественно среди романскихъ населеній, какъ болѣе воспріимчивыхъ, — среди Провансальцевъ, сѣверныхъ Французовъ, Фламандцевъ, Лотарингцевъ и Норманновъ Франціи и Италіи. Только государи, современники этого движенія, не приняли въ немъ участія: императоръ Генрихъ IV поглощень былъ дома своею борьбою съ папами, французскій король Филиппъ I, одинъ изъ первыхъ Капетинговъ, ничтожный какъ по своимъ личнымъ вліяніямъ, такъ и по своимъ силамъ, находился подъ отлученіемъ, а англійскій Генрихъ I, сынъ Завоевателя, долженъ былъ сберегать всѣ свои средства для удержанія въ покорности недавно пріобрѣтеної страны. Вождями первыхъ крестоносныхъ ополченій могли такимъ образомъ явиться только невѣнценосные владѣтели, представители высшей феодальной іерархіи, — Робертъ, герцогъ нормандскій, Раймундъ, графъ тулузскій, Боэмундъ, князь тарентскій, Танкредъ, герцогъ Бриндизи, и Готфридъ, герцогъ нижней Лотарингіи, [уступавшій личными талантами другимъ вождямъ, но превосходившій ихъ чистотою нравственныхъ побужденій и поставленный потому позднѣйшею сагою во главѣ всего предпріятія]. Съ ними поднялось до 600 т. народа, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ половина состояла изъ хорошо вооруженныхъ латниковъ; [впереди же феодальныхъ вождей шли массы пролетаріевъ, собравшихся подъ начальствомъ Петра Амьенскаго, Вальтера Голяка, Фольмара, Готшалька, графа Эмико и другихъ фанатиковъ. Всѣ эти полчища грабили и безчинствовали по пути и были истреблены раздраженнымъ населеніемъ въ Венгрии, Болгаріи и Фракіи. Только одна шайка Петра Амьенскаго успѣла достигнуть сѣверного берега М. Азіи, но здѣсь была уничтожена Сельджуками неподалеку отъ Никеи¹⁾].

¹⁾ Источники для исторіи первого крестового похода: нѣсколько писемъ Урбана II, Алексія Комнина, графа Стефана Блуасскаго и другихъ вождей похода; соч. неизвѣстнаго сѣв.-франц. автора подъ заглавіемъ „Gesta Dei per Francos“; сочиненія клирика Раймунда Ажильскаго, спутника графа тулузскаго; дневникъ Фульчера Шартрскаго, капеллана короля Балдуина I, хроника Бальдериха и Эккегарда и др. западно-евр. авторовъ; „Алексіада“ византійской принцессы Анны Комнины; наконецъ хроника Альберта Ахен-

Втечение трехъ лѣтъ (съ 1096 по 1099 г.) эти первые крестоносцы, слѣдя черезъ Венгрию, Болгарію, Константинополь и М. Азію, а отчасти и морскимъ путемъ, завоевали значительную часть Сиріи и Палестины, основавъ въ ней послѣ многихъ кровавыхъ битвъ съ Сельджуками и египетскими Саракинами нѣсколько христіанско-латинскихъ владѣній, важнѣйшими изъ которыхъ были графство Эдесса, княжества Антіохія и Триполісъ и королевство іерусалимское, первымъ государемъ котораго избранъ былъ Готфридъ Лотарингский, утвердившій тамъ свою династію¹⁾). Государства эти были устроены по образцу западныхъ романо-германскихъ, т. е. въ нихъ водворены были феодальные порядки.

Начиная съ этого времени, втечение двухъ столѣтій шелъ изъ западной Европы почти непрерывный токъ завоевательныхъ движений въ Сирію. Важнѣйшимъ изъ этихъ предпріятій по своимъ размѣрамъ или по достигнутымъ результатамъ была, во первыхъ, экспедиція 1147 года, известная подъ именемъ втораго крестового похода¹⁾ и предпринятая съ благословенія папы Евгенія III, по проповѣди известнаго аскета эпохи Бернара Клервосскаго. Поводомъ къ этому новому движению послужило взятие Турками Эдессы, а во главѣ его сталъ французскій король Людовикъ VII. Но и разсудительные Нѣмцы, сначала мало увлекавшіеся идеей крестовыхъ войнъ, приняли на этотъ разъ въ нихъ участіе вмѣстѣ съ императоромъ своимъ Конрадомъ III Штауфеномъ. Походъ этотъ вслѣдствіе раздоровъ между самими крестоносцами и охранительной политики Грековъ не имѣлъ никакого успѣха.

Лѣтъ сорокъ спустя послѣ того египетскій султанъ Саладинъ, поразивъ сирийскихъ Латинянъ при Тиверіадскомъ озерѣ, отнялъ у нихъ

скаго, гдѣ традиція о первомъ крестовомъ походѣ является уже въ сильно искаженномъ, сказочномъ видѣ. Лучшее пособіе—Зибелль „Ист. первого крестового похода“ (на нѣм. яз.), гдѣ впервые критически разобраны были всѣ свидѣтельства источниковъ. Кромѣ того: Фортинскій „Научн. разработка исторіи первого крестового похода“; Безобразовъ „Боэмундъ Тарентскій“ (въ Ж. М. Н. Пр.). Н.

¹⁾ Графство эдесское лежало по обоимъ берегамъ средняго Евфрата; оно было основано Балдиномъ, братомъ Готфрида Лотарингского. Въ Антіохіи утвердился нормандскій вождь Боэмундъ, тогда какъ начало триполійскому княжеству положено было Раймундомъ, графомъ тулузскимъ.

¹⁾ Важнѣйшіе источники для исторіи втораго [крестового похода]: дневникъ Одо Діогильскаго, спутника Людовика VII; сказанія Анонима; свидѣтельства византійскихъ авторовъ, въ особенности Іоанна Кіннама и Никиты Хоніата. Пособіе: Куглеръ „Исторія втораго крестового похода“ Н.

Іерусалимъ³⁾. Вѣсть обѣ этомъ великомъ несчастії возбудила на Западѣ тако волненіе умовъ, какого не видано было со временемъ первого крестового похода. Подъ вліяніемъ общаго одушевленія три могущественнѣшіе монарха тогдашняго романо-германскаго міра,—императоръ Фридрихъ I Барбаросса, французскій король Филиппъ II Августъ и англійскій Ричардъ I Львиное Сердце,—ополчились на новую крестовую брань. Но и это предпріятіе, затѣянное, вѣ огромныхъ размѣрахъ и извѣстное подъ именемъ третьяго крестового похода¹⁾, кончилось незначительными результатами. Императоръ Фридрихъ утонулъ при переправѣ чрезъ рѣку Каликаднъ (Салевъ) близъ Селевкіи; войско его разстроилось, и только небольшая часть его подъ начальствомъ Фридриха Швабскаго присоединилась къ общей крестоносной арміи, прибывшей въ Палестину моремъ и со своими вождями, королями французскимъ и англійскимъ, осаждавшей Птолемаиду²⁾. Взятие этого укрѣпленного города крестоносцами было единственнымъ виднымъ результатомъ всего похода, такъ какъ соревнованіе и раздоры между Французыами, Англичанами и Нѣмцами помѣшили всякимъ дальнѣйшимъ его успѣхамъ.

Затѣмъ вѣ концѣ XII и началѣ XIII вѣка наступила эпоха величайшаго могущества средневѣковой церкви,—эпоха папы Иннокентія III, вѣ теократические планы котораго входило также и возбужденіе западной Европы на новую борьбу съ невѣрными. По его призыву французское рыцарство вмѣстѣ съ венецианской республикой, подъ руководствомъ умнаго дожа

³⁾ Важнѣйшимъ источникомъ для исторіи іерусалимскаго королевства должно считаться знаменитое сочиненіе Вильгельма, епископа тирскаго. Іерусалимъ находился вѣ рукахъ крестоносцевъ отъ 1090 по 1187 г.; втченіе этого времени здѣсь царствовали слѣдующіе короли: Готфридъ I, Балдуинъ I, Балдуинъ II, Фулько, Балдуинъ III, Амальрихъ I, Балдуинъ IV и Гвидо. Эта частая смѣна правителей и ранняя смерть даровитѣйшихъ изъ нихъ (Готфрида и трехъ первыхъ Балдуиновъ) немало способствовали быстрому паденію королевства, хотя главная причина его коренилась вѣ феодальному устройству и проистекавшей отсюда анархіи. **Н.**

¹⁾ Извѣстія о третьемъ крестовомъ походѣ разбросаны по многочисленнымъ западнымъ хроникамъ той эпохи. Важны также свидѣтельства византійскихъ, мусульманскихъ и арабскихъ авторовъ.—Особенное же значеніе имѣть продолженіе Вильгельма Тирскаго Бернарда Казначея.—Пособія: Рицлеръ „О крестовомъ походѣ Фридриха I“, Röhricht „Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge“. **Н.**

²⁾ Röhricht „Die Belagerung von Akka“, помещенная вѣ „Forschungen zur deutschen Geschichte“. **Н.**

послѣдней Генриха Дандоло, въ 1204 году снарядило крестоносную экспедицію, цѣлью которой былъ Египетъ, какъ главное гнѣздилище мухаммеданской силы,—съ тѣмъ, чтобы оттуда уже дѣйствовать и на Палестину. Но этотъ четвертый крестовый походъ вовсе не достигъ своего назначения, такъ какъ крестоносцы на переходѣ чрезъ восточную имперію ловко воспользовались ея тогдашними неурадицами и, нисровергнувъ византійскій тронъ, основали къ великой радости папы и всего романо-германского Запада латинскую имперію въ Константинополѣ въ 1204 году, причемъ святая мѣста не только не получили отъ этого предпріятія никакой выгоды, но напротивъ даже и потеряли, такъ какъ латинская имперія долго потомъ отвлекала отъ Палестины значительную массу западныхъ силъ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе въ 1217 году папѣ Гонорію III удалось побудить къ новому,—по числу пятому,—крестовому походу венгерскаго короля Андрея II, который при содѣйствії нѣкоторыхъ нѣмецкихъ князей и сирійскихъ Латинянъ успѣлъ по прибытіи въ Палестину овладѣть тамъ нѣсколькими важными укрепленными пунктами въ окрестностяхъ Иерусалима. Но обычныя интриги и зависть между разноплеменными крестоносцами парализировали и здѣсь успѣхи христіанскаго оружія. Утомленный ими король Андрей уже въ слѣдующемъ году воротился въ Европу. И, хотя оставшимся на Востокѣ его сотрудникамъ и посчастливилось потомъ овладѣть ключемъ Египта,—крепостью Даміэттой, но завоеваніе это опять скоро было потерянно.

Утрата Даміэтты и соединенныхъ съ ней надеждъ христіанъ по обыкновенію опять подогрѣла на нѣкоторое время уже остывшій энтузіазмъ къ святому дѣлу, подъ вліяніемъ котораго папа Григорій IX могъ подвинуть и императора Фридриха II Штауфена на исполненіе его юноше-

¹⁾ Важнѣйший источникъ для исторіи четвертаго крестового похода—сказаніе французскаго рыцаря Вильгардуина, участковавшаго въ самомъ предпріятіи,—одинъ изъ лучшихъ памятниковъ средневѣковой литературы на народномъ языке. Важны также свидѣтельства Византійцевъ, напр. Никиты Хоніата. Что же касается до пособій, то сюда относятся: *Streit „Beiträge zur Gesch. des vierten Kreuzzuges“; Riant „Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Monferrat“; его же „Le changement de direction de la quatrième croisade“* (въ „*Revue des questions historiques*“). Исторія латинской имперіи изложена подробно въ соч. Гопфа „Гречія въ средніе вѣка“; имъ же изданъ и цѣлый рядъ источниковъ, относящихся къ исторіи латинской имперіи и другихъ латинскихъ колоній на греческомъ Востокѣ, подъ общимъ названіемъ „*Chronique inédite gréco-gomaine*“. По русски см. Мед'овиковъ „Латинскіе императоры въ Константинополѣ“. Н.

скаго обѣта идти на освобожденіе св. земли. Повинуясь сложившимся обстоятельствамъ гораздо болѣе, чѣмъ личному религіозному влечению, Фридрихъ предпринялъ въ 1228 г. съ нѣмецкимъ и сицилійскимъ воинствомъ крестовый походъ,—шестой въ ряду предпріятій этого рода,—и отчасти военными дѣйствіями, а еще болѣе удачными переговорами съ египетскимъ султаномъ, возвратилъ христіанамъ іерусалимъ, Виолеемъ и Назаретъ, послѣ чего, возложивъ на себя вопреки враждебнымъ проискамъ папы іерусалимскую корону, возвратился домой¹⁾.

Наконецъ послѣднимъ героемъ идеи крестовыхъ походовъ, одушевлявшей на Западѣ средніе вѣка, явился въ половинѣ XIII вѣка французскій король Людовикъ Святой, по собственному религіозному чувству предпринявший въ 1248 году крестовый походъ въ Египетъ съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ этой страной, завоевать оттуда и Палестину. Сначала предпріятіе шло успѣшно. Французы овладѣли Даміттой и уже готовились къ нападенію на столицу Египта Каиръ, но въ это время произошелъ въ странѣ внутренний переворотъ, вслѣдствіе котораго династія Саладина была низвергнута мамлюками, своевольной сultанской гвардіей, состоявшей болѣшею частью изъ рабовъ кавказскаго происхожденія. Новые властители Египта напали на Франковъ при Мансурѣ и нанесли имъ такое пораженіе, что самъ король попался къ нимъ въ плѣнъ и долженъ былъ тяжкимъ выкупомъ возвратить себѣ свободу; французская же завоеванія на Нилѣ, разумѣется, всѣ были потеряны. Непреклонный Людовикъ двадцать лѣтъ спустя, въ 1270 году, еще разъ ополчился на невѣрныхъ, направивъ на этотъ разъ свою экспедицію въ Тунисъ для освобожденія христіанскихъ плѣнныхъ, томившихся въ этомъ разбойничьемъ государствѣ; но при осадѣ Туниса умеръ отъ моровой язвы²⁾.

Между тѣмъ со второй половины XIII вѣка въ Азіи произошли громадныя перемѣны. Въ началѣ этого столѣтія появился между Монголами, народомъ чудско-алтайской отрасли, обитавшимъ во внутренней Азіи, между Сибирью и Китаємъ, страшный завоеватель Темучинъ или Чингисъ-ханъ, въ нѣсколько разрушительныхъ походовъ покорившій своему владычеству Китай, Тангутъ (во внутренней Азіи, гдѣ озеро Коконноръ), Ховарезмъ и другія владѣнія Туркестана и Персію; а его ближайшіе

¹⁾ О крестовомъ походѣ Фридриха II см. 2-й томъ Röhrichtа (Beiträge) и изслѣдованіе Бильбасова („Крестов. походъ императора Фридриха II“). Н.

²⁾ Лучшая и достовѣрнѣйшая свѣдѣнія о походѣ Людовика IX-го находимъ въ сочиненіи его спутника Жуанвиля. Н.

преемники подчинили себѣ съ одной стороны восточную Европу, т. е. русскую землю и соседнія съ ней инородныя области, а съ другой—разрушили окончательно поминальный уже въ то время халифатъ багдадскій и тѣ сельджукскія государства, которыхъ возникли въ его предѣлахъ. Такъ что въ апогеѣ своего могущества, т. е. во второй половинѣ XIII вѣка, монгольская держава простиралась отъ Восточнаго океана до Польши и отъ горъ Гималайскихъ до сѣверныхъ оконечностей Сибири.¹⁾ Перевороты эти, стоившіе миллионы человѣческихъ жизней и вызвавшіе къ господству вмѣсто образованныхъ народовъ Востока полудикия силы,—въ Азіи Монголовъ, а въ Африкѣ—мамлюковъ,—сдѣлали невозможными дальнѣйшія попытки со стороны западныхъ христіанъ утвердиться въ св. землѣ. Съ половины XIII вѣка всѣ владѣнія ихъ на сирійскомъ берегу переходятъ постепенно въ руки невѣрныхъ. Послѣднее изъ нихъ—Птолемаида—пало въ 1291 г. Съ тѣхъ поръ мысль о крестовыхъ походахъ подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни все болѣе и болѣе ослабѣвала на Западѣ, являясь по временамъ только въ головахъ религіозныхъ или же политическихъ мечтателей.

Итакъ цѣль этихъ двухвѣковыхъ усилий осталась недостигнутой. До *Послѣдствія крестовыхъ походовъ.*

шести миллионовъ западно-европейского населенія погибло среди крестоносныхъ войнъ, громадныя денежныя суммы исторгнуты были у народа для покрытия издержекъ, съ ними сопряженныхъ, нищета и фанатизмъ обуяли массы,—и несмотря на всѣ эти жертвы святая земля не была пріобрѣтена христіанами, осталась по прежнему въ поруганіи у невѣрныхъ. Но за то сами собою возникли и развились при этомъ такие результаты, которые вовсе не входили въ планы вчинателей и руководителей этихъ предпріятій. Крестовые походы познакомили и сблизили между собою самые отдаленные и разноплеменные народы исторического и даже вѣ-исторического міра, участили и усложнили отношенія между ними, раздвинули на Востокѣ предѣлы исторического міра, а вмѣстѣ съ ними и умственный горизонтъ Европейцевъ, обогативъ ихъ всякаго рода опытностью, наблюденіями и свѣдѣніями.

¹⁾ Исторія Чингисъ-хана и его преемниковъ значительно разъяснена въ послѣднее время специальными изслѣдованіями ориенталистовъ. Изъ общихъ сочиненій, сюда относящихся, можно указать на извѣстный трудъ Гаммера „Ист. Золотой Орды“ (на пѣм. яз.). Н.

Отмѣтимъ здѣсь важнѣйшія перемѣны, вызванныя или же условленныя крестовыми войнами въ разныхъ сферахъ жизни и дѣятельности романо-германской Европы¹⁾.

а) Реакція
въ религіоз-
номъ на-
строеніи.

I Прежде всего крестовые походы подѣствовали разрушительно на религіозное настроеніе, господствовавшее въ средніе вѣка. Уже одинъ фактъ неудачи этихъ походовъ долженъ быть возымѣть такое дѣйствіе. Громадныя и лучшія силы всего европейскаго Запада втеченіе двухъ вѣковъ затрачивались на это дѣло, стоившее безчисленныхъ жертвъ; ни въ самихъ дѣятеляхъ не было недостатка, ни въ святомъ энтузіазмѣ, ни въ мужествѣ и самоотверженіи,—и все таки это не повело ни къ чemu. И чѣмъ сильнѣе была вѣра первыхъ крестоносцевъ, приступавшихъ къ предпріятію, тѣмъ глубже разочарованіе исполнителей святаго подвига, когда они увидѣли, что небо остается равнодушнымъ къ ихъ жертвамъ и что каждый шагъ впередъ приходится дѣлать со страшными усилиями и потерями для того, чтобы въ концѣ концовъ все таки испытать неудачу.

X Во всемъ ходѣ крестовыхъ походовъ замѣтно постепенное ослабленіе вѣры, внушившей ихъ. Первые крестоносныя рати, хотя въ нихъ и участвовало много сброду, шедшаго просто ради грабежа и добычи, въ большинствѣ одушевлены были однако чистыми нравственными побужденіями, по крайней мѣрѣ вѣрили въ святость своего дѣла, не думали о своихъ силахъ и средствахъ, ждали чудесъ. Женщины и дѣти шли поэтому въ походъ наравнѣ съ вооруженными ратниками; сотни тысячъ погибшихъ, не увидѣвъ св. земли, умирали съ вѣрой въ небесную награду. Но уже тѣ немногіе, кому посчастливилось достичнуть цѣли, воротились въ Европу иными людьми. Они увидѣли многое, чего прежде и не подозрѣвали. Вѣроломство и продажность „пультановъ“ или сирійскихъ христіанъ, освободить которыхъ пришли ихъ западные собратья, изнѣженность, развратъ и мірскіе помыслы высшаго духовенства, интриги и зависть между вождями, ихъ хищность и корыстолюбіе,—все это были такія явленія, которыхъ должны были отрезвляющимъ образомъ подѣствовать на массы. Поэтому уже во второмъ крестовомъ походѣ незамѣтно прежняго безотчетнаго энтузіазма. Нужно было все обаяніе могучей личности св. Бернarda, чтобы побудить Конрада III и Людовика VII принять крестъ, но и то оба эти монарха идутъ на Востокъ только въ видѣ эпітимиі за нѣ-

1) Эта важный вопросъ подробно разработанъ Мишо въ послѣднемъ томѣ его истории крестовыхъ походовъ. Ему посвящено также известное немецкое сочиненіе Геерена. Н.

которые проступки, тяготившіе ихъ совѣсть, и притомъ идутъ уже со стройно организованными арміями, а не беспорядочными толпами. Еще болѣе трезвый характеръ обнаружился въ третьемъ крестоносномъ ополченіи. Вожди его уже дѣлаютъ формальное постановленіе не допускать къ участію въ походѣ никого, кто не представить достаточнаго обезпеченія на счетъ своего содержанія и вооруженія. Разбойничьихъ шаекъ, дикихъ энтузиастовъ, слѣпыхъ фанатиковъ, которыми кишали первыя крестоносныя рати, нѣтъ теперь слѣдовъ,—знакъ, что люди этой эпохи не ждутъ уже сверхъестественной помощи, а разсчитываютъ на одни земные средства. Да и то только такое великое несчастіе, какъ тиверіадская битва и паденіе Іерусалима могло воспламенить на Западѣ охладѣвшее уже религіозное увлеченіе конца XI вѣка. На этотъ третій походъ западная Европа, можно сказать, истощила всѣ свои лучшія силы и весь запасъ своей религіозной ревности; ничтожность же добытыхъ результатовъ въ сравненіи съ громадностью затраченныхъ для этого предпріятія силъ еще болѣе подорвала вѣру какъ въ возможность его успѣха, такъ и въ необходимости самой его цѣли. Можно сказать съ увѣренностью, что послѣ этого крестоносныя войны прекратились бы уже тогда же, въ концѣ XIII вѣка, еслибы въ теократическихъ видахъ папъ не лежало отъ времени до времени побуждать къ походамъ въ св. землю того или другаго изъ западныхъ государей,—для того ли, чтобы подчинить ихъ своему вліянію, или же просто на время удалить изъ Европы. Такой искусственный характеръ замѣтенъ уже въ четвертомъ походѣ, когда французское рыцарство, составлявшее главную его силу, въ рукахъ Венеціанцевъ-спекулянтовъ играло роль авантюристовъ-наемниковъ и вмѣсто экспедиціи въ Египетъ и Палестину, забывъ о своихъ обѣтахъ, случайно подчинило своему господству византійскую имперію,—не безъ тайного впрочемъ одобренія и даже подстрекательства со стороны папы. Походы Андрея Венгерскаго и императора Фридриха II были уже просто вынужденными предпріятіями. Съ послѣднимъ папа Григорій IX во время самого похода вѣль соблазнительную войну и всячески старался помѣшать его успѣхамъ.

Вообще въ XIII вѣкѣ чистыхъ религіозныхъ побужденій въ смыслѣ движущей силы на крестовую брань въ высшихъ и болѣе образованныхъ слояхъ общества уже почти незамѣтно; они вспыхиваютъ еще по временамъ въ темныхъ народныхъ массахъ. Такимъ явленіемъ былъ напр. въ 1212 году предпринятый изъ Германіи и Франціи оригиналный крестовый походъ дѣтей, имѣвшій, разумѣется, самая печальная для нихъ послѣдствія, такъ какъ всѣ участники его погибли,—кто отъ изнуренія

и голода, а большая часть попала къ Сарацинамъ въ рабство. Походы Людовика Святаго, какъ плодъ его личного благочестія, являются среди современаго ему общества уже какимъ то анахронизмомъ. Когда подданные короля узнали о его рѣшимости идти на освобожденіе святой земли, то пришли не въ восторгъ, какъ бывало встарь, а скорѣе въ ужасъ и умоляли его отказаться отъ этого намѣренія. Такъ мало по малу падало мечтательное религиозное чувство среднихъ вѣковъ, уступая мѣсто болѣе трезвому взгляду на жизнь. Ближайшее знакомство западныхъ Европейцевъ съ папствомъ и римской церковью, къ которому тогда часто подавали поводъ крестовые походы, такъ какъ большая часть крестоносцевъ отправлялась на Востокъ чрезъ Италию, не мало этому способствовало.

5) Церковь и папство.

Эпоха крестовыхъ походовъ, когда могущественнѣшіе государи, какъ воины креста, становились подъ руководство папы, окончательно выдвинула церковь и ея главу на первый планъ въ западной Европѣ. Многія учрежденія, обычай и права, закрѣпившіе абсолютную власть папы не только надъ церковью, но и надъ мірскимъ обществомъ, развились именно въ это время. Таковы учрежденія папскихъ легатовъ, облеченныхъ особыми полномочіями для управлениія мѣстными церквами въ интересахъ римской куріи, назначеніе папою викарныхъ епископовъ и аббатовъ, а равно и на упразднявшіяся мѣста такъ называемыхъ епископовъ *in partibus infidelium* или просто *in partibus*, т. е. въ странахъ восточныхъ, не подлежавшихъ обсужденію Рима, и даже нехристіанскихъ. Далѣе, устанавливается цѣлая система церковныхъ наказаній, имѣвшихъ различныя степени,—отлученіе, проклятие, интердиктъ или отлученіе, падавшее на цѣлые области и государства, и наконецъ крестовые походы противъ враговъ церкви, когда по приговору папы цѣлые племена обрекались на истребленіе, какъ это было съ балтійскими Славянами въ половинѣ XII вѣка, съ Альбигойцами въ началѣ слѣдующаго столѣтія и со Штедингами около того же времени. Наконецъ на поддержку папства явилось сильно развившееся въ это время монашество, такъ какъ съ XII вѣка выродившійся бенедиктинскій орденъ сталъ пускать отъ себя новые побѣги,—ордена съ болѣе строгимъ аскетическимъ направленіемъ, соотвѣтственнымъ духу времени,—клунійцевъ, цистеріанцевъ, премонстрантовъ, картезіанцевъ. Братства или „конгрегацій“ эти въ XIII вѣкѣ опять ослабѣли, сдѣлались несоответствующими потребностямъ времени, и тогда явились ордена нищенствующихъ монаховъ—францисканцевъ и доминиканцевъ, сдѣлавшіеся какъ бы духовнымъ воинствомъ папы, разсѣяннымъ по всему лицу католического міра. Все это подняло

папство на высшую степень вліянія и власти. А такіе энергические и умные представители папского достоинства въ XII и XIII вѣкѣ, какъ Урбанъ II, Александръ III, Иннокентій III и Григорій IX,—умѣли придать этимъ учрежденіямъ, нововведеніямъ и притязаніямъ законную силу и создать изъ нихъ цѣлую теократическую систему.

Но, если съ одной стороны крестовые походы такъ много сдѣлали для возвышенія папского авторитета и вліянія церкви, богатства которой въ то время возросли до того, что ей принадлежала почти треть поземельной собственности западной Европы, то съ другой они же немало способствовали и пробужденію въ обществѣ того свободного духа изслѣдованія и критики, который, развиваясь втечение вѣковъ, мало по малу подкопалъ громадное зданіе римской теократіи. По закону обычного течения дѣлъ человѣческихъ въ эпоху величайшаго могущества средневѣковой церкви, во время Иннокентія III, обнаружились уже и первые признаки этого разрушительного духа, — ересь Альбигойцевъ въ южной Франціи ¹⁾, представляющая въ романо-германскомъ мірѣ первую реакцію противъ господствовавшей теократической системы. Но не только въ средѣ благочестивыхъ людей и свободныхъ мыслителей, а и въ области самой науки, бывшей въ средніе вѣка въ исключительномъ вѣдѣніи церкви, тотъ же самый духъ сталъ постепенно прокладывать себѣ путь.

На средневѣковомъ романо-германскомъ Западѣ научныя свѣдѣнія, уцѣлѣвшія отъ временъ образовательной древности, долгое время хранились въ бенедиктинскихъ монастыряхъ. Важнѣйшіе изъ нихъ были вмѣстѣ и школами, гдѣ готовились къ своему званію представители духовенства, а из-прѣдка и знатное свѣтское юношество получало образованіе. Карль Великій при содѣйствії Англосакса Алкуина и другихъ своихъ сотрудниковъ поднялъ и организовалъ эти высшія училища, учредивъ кромѣ того нѣсколько другихъ при главнѣйшихъ соборныхъ церквяхъ и епископскихъ каѳедрахъ, напр. Ахенѣ, Турѣ, Павіи. Альфредъ Великій такія же услуги оказалъ Англіи, положивъ основаніе знаменитымъ впослѣдствіи школамъ въ Йоркѣ и Оксфордѣ. Всѣ эти учрежденія однако, какъ въ Британіи, такъ и на континентѣ, пришли потомъ въ упадокъ, и до самого XII вѣка кромѣ монастырскихъ, и то весьма немногочисленныхъ, мы не встрѣчаемъ другихъ училищъ на Западѣ.

Главнымъ предметомъ преподаванія въ средневѣковыхъ школахъ тогда уже были такъ называемыя *septem artes liberales*, т. е. грамматика,

*Наука и
образовані-
ность.*

¹⁾ Объ Альбигойцахъ см. известное сочиненіе Осокина на русск. яз. (2 т.). Н.

реторика, діалектика, арифметика, геометрія, астрономія и музика. Три первыя доктрины составляли trivium, т. е. „троепутіе“, ведущее къ изученю теологіи, а четыре послѣднія—quadrivium или „четверопутіе“, приводящее къ той же цѣли. Такимъ образомъ весь кругъ господствовавшихъ знаній представлялъ собой только средство къ изученю главнѣйшей и единственной науки вѣка—богословія. Самая даже философія, какъ она развилаась въ XII и XIII столѣтіяхъ, была только слугой теологіи,— „Philosophia Theologiae ancilla“— какъ тогда выражались. Средневѣковая философія эта известна подъ именемъ схоластики¹⁾. Собственно это не была наука въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ она не имѣла въ виду открытия и изслѣдованія какихъ либо законовъ міра физического или нравственнаго, а стремилась только къ тому, чтобы логическими и діалектическими пріемами оправдать установившіеся догматы католической церкви. Неприкословенность данного содержанія не допускала, стало быть, никакой свободы для человѣческаго ума, которому оставалось изощряться въ развитіи уточненныхъ формъ мышленія. И съ этой стороны схоластика, не обогатившая область нашего знанія никакими новыми открытиями, имѣть однако свои заслуги. Развитію этой формальной стороны, т. е. уточненного діалектическаго метода, весьма много способствовала возгорѣвшаяся въ XII вѣкѣ борьба между номиналистами и реалистами. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ этого времени Росцеллинъ поставилъ вопросъ, какъ смотрѣть на общія понятія, видѣть ли въ нихъ нечто реальное, т. е. имѣющее дѣйствительное существованіе, или же просто *nomen*, имена безъ всякаго реальнаго значенія. Номиналистъ Абеларъ и реалистъ Вильгельмъ де-Шампо выступили борцами этихъ противоположныхъ возврѣній, и начатый ими споръ продолжался потомъ втечение нѣсколькихъ столѣтій. Основаніемъ для той и другой стороны былъ Аристотель, сдѣлавшійся такимъ образомъ главнымъ авторитетомъ для всей схоластической философіи, но Аристотель не въ чистой классической своей формѣ, а въ позднѣйшей арабской передѣлкѣ. Эпоха сильнѣйшаго процвѣтанія схоластики есть XIII столѣтіе,

¹⁾ Исторія схоластики разработана во многочисленныхъ сочиненіяхъ западной ученої литературы. Укажемъ лишь на важнѣйшія изъ нихъ: Горо „Схоластическая философія“ (на франц. яз. Парижъ 1873 г.); Каулихъ „Исторія схоластической философіи“ (Прага, 1853 г.); Штекль „Исторія философіи въ средніе вѣкы“ (3 т. Майнцъ 1864—66); Прантль „Исторія логики на Западѣ“; Келлеръ „Номинализмъ и реализмъ и ихъ вліяніе на догматические системы среднихъ вѣковъ“ (на нѣм. языке). Н.

когда жили и действовали такие столпы этой науки, какъ реалистъ Томасъ Аквино и nominalистъ Дунсъ Скоттъ, по которымъ и вся школа раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря,—омистовъ и скоттистовъ.

И вотъ среди такой то науки, совершенно подчиненной и даже служебной церкви, со временеми крестовыхъ походовъ стали обнаруживаться явленія, свидѣтельствующія о пробужденіи въ ней свободнаго духа изслѣдованія. Въ первой половинѣ XII вѣка подобнымъ явленіемъ былъ Абеляръ, первый раціоналистъ въ ряду мыслителей новой Европы. Затѣмъ въ XII же стол. среди западнаго духовенства стали появляться мистики—Бернардъ Клервосскій, Бонавентура, Таулеръ, Томасъ Кемпійскій, рядъ которыхъ тянется до самаго XVI вѣка и даже далѣе. Люди эти въ противоположность сухому умничанью холастиковъ проповѣдывали религію сердца и тѣмъ подрывали господствующую систему церкви, опиравшуюся на холастику¹⁾. Наконецъ тогда же приобрѣтаютъ значеніе на Западѣ и первые университеты, парижскій и болонскій, по образцу которыхъ возникли втечение XIII и слѣдующихъ столѣтій и другія учрежденія этого рода,—въ Монпелье, Орлеанѣ, Буржѣ, Тулузѣ во Франціи, въ Неаполѣ, Салерно, Римѣ, Падуѣ въ Италии, въ Іоркѣ, Оксфордѣ въ Англіи, въ Кордовѣ, Алѣкалѣ, Саламанкѣ, Валенсіи—въ Испаніи. Позже, чѣмъ гдѣ либо, появились университеты въ Германіи: древнѣйшіе изъ нихъ,—въ Прагѣ и Вѣнѣ,—возникли не раньше XIV вѣка.

Начало большей части этихъ высшихъ школъ прослѣдить очень трудно. Многія изъ нихъ возникли сами собой, безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства и церкви. Вокругъ какого-нибудь знаменитаго учителя собирались учащіеся, составляли по своимъ національностямъ корпораціи или товарищества, избирали своихъ представителей и чиновниковъ,—ректора, декановъ, синдика, казначея,—и наконецъ по роду занятій разбивались на факультеты—свободныхъ искусствъ или философскій, теологической, юридической и медицинской. Иногда учрежденіе ограничивалось только однимъ факультетомъ, какъ напр. знаменитая медицинская школа въ Салерно, или же одинъ факультетъ по славѣ пре-

¹⁾ О мистикахъ важны слѣдующія сочиненія: Рейтеръ „Історія духовнаго просвѣщенія въ средніе вѣка“, 2 т. (1875); Прегеръ „Історія мистики въ средніе вѣка“ (1881 г.); Герресъ „Христіанская мистика“ (всѣ на нѣм. яз.). По русски см. Вертеловскаго „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“ (въ журн. „Вѣра и Разумъ“, 1886—87 гг.). Н.

подавателей и по числу студентовъ бралъ перевѣсъ надъ другими. Такъ Болонья искони славилась изученіемъ права, особенно римскаго, а Парижъ—своимъ theologическимъ факультетомъ или Сорбонной, а также и философскимъ. Съ теченіемъ времени въ университетахъ установились и различныя ученыя степени, какихъ могли достигать успѣвшіе: бакалавра, лиценціата, магистра и доктора, а для решенія спорныхъ научныхъ вопросовъ назначались публичные диспуты. Всѣ эти обычаи и учрежденія развились естественно и свободно, какъ и самые университеты, будучи вначалѣ корпораціями совершенно независимыми. Но церковь очень рано поняла важность и вліятельную роль этихъ центровъ просвѣщенія и старалась подчинить ихъ своему контролю, такъ что уже съ XIII в. на открытие каждого нового университета требовалось соизволеніе папы. Въ тоже время и правительства надѣляли ихъ разными привилегіями, правами, а нѣредко и вкладами. Но вообще средневѣковые университеты содержались собственными средствами, и преподаватели, не получая никакого постояннаго жалованья, жили гонорарами отъ своихъ слушателей ¹⁾. Такъ мало по малу выросла въ западной Европѣ духовная сила, во многихъ отношеніяхъ независимая отъ церкви и могшая со временемъ сдѣлаться для нея опасною. Покамѣстъ же въ XIII столѣтіи являются только отдельныя личности, относящіяся отрицательно какъ въ господствующей школьнай наука—схоластика, такъ и къ теократической системѣ церкви, для которой она служила опорой. Таковы Англичане Иоаннъ Салисберійскій и знаменитый естествоиспытатель Рожеръ Беконъ ²⁾.

д) Феодальное дворянство и рыцарство. Не менѣе могущественно подѣйствовали крестовые походы и на свѣтское общество западной Европы и прежде всего на передовые его классы, феодальное дворянство и рыцарство. Здѣсь тоже нужно различать два

¹⁾ Пособія для исторіи средневѣковыхъ университетовъ: Савини „Исторія римскаго права“; Мейнерсъ „Исторія возникновенія университетовъ“ (4 т.); Раумеръ „Исторія педагогики“; Денистъ „Университеты въ средніе вѣка“; Царнке „Нѣмецкіе университеты въ средніе вѣка“; Паульсенъ „Ист. нѣм. университетовъ“ (всѣ на нѣм. яз.). Н.

²⁾ Для характеристики умственной и духовной жизни въ средніе вѣка можно рекомендовать слѣдующія сочиненія: Раумеръ „Ист. Гогенштауфеновъ“ (два послѣднія тома этой книги посвящены внутреннему состоянію европейскаго общества въ XII и XIII вв.); Эбертъ „Ист. литературы среднихъ вѣковъ“ (2 т.); „Литературная исторія Франціи“ (38 т.). Кроме того: Paul la-Scroix et Ferd. Serre „Le moyen âge et la renaissance“,—сочиненіе, дающее полную картину средневѣковой жизни; Henne am Rhyn „Kulturgeschichte des deutschen Volkes“ (первый томъ),—книга, снабженная множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій. Н.

рода перемѣнъ,—благопріятныя и невыгодныя. Первые состояли главнымъ образомъ въ облагороженіи этого сословія, въ поднятіи его нравственного уровня. Такъ долго сидѣвшіе по своимъ замкамъ и бургамъ бароны и рыцари впервые пришли въ общее движение, тѣснѣе познакомились, какъ между собою, такъ и съ чужими землями и обычаями. Особенно частыя сношения съ Италіей, Византіей, съ образованными мohаммеданскими государствами Востока и Пиринейского полуострова дали благодѣтельный толчокъ вѣковому застою этихъ общественныхъ слоевъ. Кругъ ихъ понятій расширился, ихъ полудикие права смягчились. Ранѣе всего эти благодѣтельные перемѣны почувствовались въ южной Франціи и вообще въ странахъ провансальского языка и обычая. Благодатный по своей природѣ край этотъ, съ южной стороны образованной мавританской Испаніей, со своимъ значительнымъ остаткомъ римской образованности, съ цвѣтующими городами и промыслами, съ уцѣлѣвшими въ этихъ мѣстахъ даровитымъ древне-кельтскимъ типомъ населенія съ XI столѣтія сдѣлался главнымъ центромъ и разсадникомъ рыцарской жизни со всѣми ея обычаями и идеями. Возвышенное понятіе о чести и личномъ достоинствѣ, безкорыстное служеніе женщинѣ¹⁾, защита церкви и духовенства, вдовъ и сиротъ, вообще слабыхъ, гонимыхъ и угнетенныхъ, какъ обязанность истиннаго рыцаря, турниры и карусели, подчиненія строгимъ правиламъ этикета и чести, а чрезъ то облагороженіе самаго искусства войны, наконецъ рыцарская поэзія трубадуровъ, воспѣвавшая славу, любовь, войну, а нерѣдко и смѣло вооружавшаяся противъ общественныхъ и церковныхъ неправдѣ и нестроеній,—родиной всѣхъ этихъ цивилизующихъ явлений былъ Провансъ, гдѣ рыцарство впервые получило корпоративный духъ и нравственную организацію, образовало изъ себя замкнутое сословіе, огражденное разными виѣшими отличіями,—гербами, генеалогіей, девизами и проч. Отсюда уже рыцарскій обычай и учрежденія втченіе XII вѣка, благодаря дѣятельнымъ сношенимъ, возбужденнымъ крестовыми походами, распространялись на сѣверную Францію, Италію и Германію, хотя въ послѣдней странѣ элементъ этотъ никогда не достигалъ своего полнаго цвѣта, и жизнь рыцарская была здѣсь только грубой копіей утонченныхъ провансальныхъ правовъ. За то рыцарская поэзія достигла у Нѣмцевъ большей силы. Особенно это нужно сказать объ эпосѣ, представителями кото-

¹⁾ Источникъ „культъ женщины“ коренился въ древне-германскихъ понятіяхъ о женщинахъ. См. обѣ этой сторонѣ рыцарской жизни превосходное сочиненіе Вейнгольда „Женщины въ средніе вѣка“ (на нѣм. яз.). По русски см. М. Н. Петрова „Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ“ (въ „Очеркахъ изъ всемирн. ист.“). Н.

раго въ XIII в. явились два такихъ замѣчательныхъ таланта, какъ Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и Готфридъ Страсбургскій, оставившіе далеко позади сѣверо-французскихъ эпическихъ поэтовъ, такъ называемыхъ труберовъ; тогда какъ напротивъ вялая и скучная лирика германскихъ миннезингеровъ или пѣвцовъ любви никакъ не выдерживала сравненія съ лучшими провансальскими произведеніями этого рода,—альбами, сирентами, тенционами и романсами Видаля, Вантадура, Бертрана-де Борна и другихъ трубадуровъ¹⁾.

Но рыцарскій духъ Прованса, разлившійся по романо-германской Европѣ, не вполнѣ удовлетворялъ общему настроенію вѣка, не вполнѣ исчерпывалъ его духовное содержаніе. Жизнерадостный, веселый, кипучий страстями и земными помыслами, онъ мало отвѣчалъ религіознымъ потребностямъ времени, бравшимъ перевѣсъ надъ всѣми другими. И вотъ, когда эпоха крестовыхъ походовъ сильно возбудила эти потребности, явилось учрежденіе, долженствовавшее удовлетворить и этой сторонѣ общаго настроенія,—явились монашеско-рыцарскіе ордена Іоаннитовъ, Темпліеровъ и нѣмецкихъ рыцарей. [Раньше всѣхъ возникъ орденъ Госпиталитовъ или Іоаннитовъ, названный такъ въ честь патрона ихъ Іоанна Милостиваго. Основателями его были купцы и пилигримы изъ италіанского города Амальфи, построившіе въ Іерусалимѣ еще до первого крестового похода страннопріимный домъ и больницу и учредившіе братство для ухода за больными и пилигримами. Въ такомъ видѣ орденъ этотъ существовалъ около четверти вѣка, причемъ члены его не несли на себѣ другихъ обязанностей кромѣ попеченія о больныхъ и не были воинами. Въ 1118 году шесть французскихъ рыцарей основали новое братство съ цѣлью защиты паломниковъ во святой землѣ, а король Балдуинъ II принялъ это братство подъ свое покровительство и далъ ему помѣщеніе въ части зданія бывшаго храма соломонова, отчего и сами рыцари получили название Храмовниковъ или Темпліеровъ. Своими геройскими подвигами и искреннею набожностью они вскорѣ пріобрѣли себѣ громадную популярность на всемъ христіанскомъ Западѣ. Св. Бернардъ Клервосскій выступилъ въ качествѣ ихъ покровителя и ходатая, и папа Евгеній III утвердилъ статуты ордена,

¹⁾ О рыцарствѣ см. С. Пале „Рыцарство въ средніе вѣка“ (на франц. яз.); Бюшингъ „Рыцарство и его эпоха“; Ротъ фонъ-Шрекенштейнъ „Рыцарское достоинство и рыцарское сословіе“; Шульцъ „Придворная жизнь“; Фальке „Рыцарское общество въ вѣкъ культа женщины“ (всѣ на нѣмецкомъ яз.) См. также Antony Meray „Vie au temps des trouvères“ и „Vie au temps des cours d'amour“; Th. Wright „Womankind in western Europe“. Н.

число членовъ котораго стало быстро возрастать, пополняясь изъ высшей французской знати. Храмовники получили множество привилегий и громадную поземельную собственность въ различныхъ странахъ Европы. Тогда увлеченные этимъ примѣромъ и Иоанниты въ свою очередь приняли на себя рыцарскій обѣтъ и также превратились въ могущественную военно-монашескую корпорацію. Что же касается до ордена Тевтоновъ (немецкихъ рыцарей), то онъ возникъ подобно ордену Иоаннитовъ: любекскіе купцы и пилигримы учредили во время осады Птолемаиды братство во имя Пресвятой Дѣви для ухода за ранеными и больными; но вслѣдъ затѣмъ къ братству примкнули герцогъ швабскій Фридрихъ и германскіе рыцари, сообщившіе учрежденію характеръ военный]. Всѣ три ордена имѣли въ главныхъ чертахъ одинаковое устройство, управлялись гросмейстерами или великими магистрами, а члены ихъ кромѣ трехъ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ,—цѣломудрія, нищеты и смиренія,—произносили еще и четвертый,—защиты христіанскихъ пилигримовъ въ св. землѣ и вѣчной войны съ невѣрными. [Учрежденія эти были такимъ образомъ, можно сказать, высшою ступенью въ развитіи рыцарства вообще,—въ нихъ нашли себѣ полное выражение тѣ религіозно-нравственные идеи, которыя лежали въ основѣ рыцарского института. Самый культъ женщины очистился въ орденахъ отъ всякой плотской примѣси и превратился въ благоговѣйное служеніе и поклоненіе Пресвятой Дѣвѣ ¹⁾].

Духовно-рыцарскіе ордена втеченіе XII и XIII вѣковъ кое-какъ поддерживали существованіе хилаго іерусалимскаго королевства и другихъ латинскихъ владѣній въ Сиріи, послѣ же ихъ окончательного паденія испытали различную судьбу. Иоанниты переселились сначала на о. Кипръ, но, выжившіе оттуда Турками, скоро утвердились на о. Родосѣ, гдѣ и удержались до XVI в., служа втеченіе двухъ столѣтій передовою стражею христіанскаго міра противъ мohаммеданъ. Когда же въ 1528 г. султанъ Сулайманъ завоевалъ и Родосъ, рыцари поселены были императоромъ Карломъ V на о. Мальтѣ, которымъ подъ именемъ „мальтійскихъ“ и владѣли до конца XVIII в. Иную участь испытали Темпліеры или Храмовники. Покинувъ Палестину, они разсѣялись по разнымъ странамъ западной Ев-

¹⁾ Общее пособіе для исторіи ордена—Біденфельдъ „Історія и устройство всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ орденовъ“ (на нѣм. яз.); лучшія изъ специальныхъ сочиненій: Вильке „Іст. ордена Храмовниковъ“; Фойгтъ „Іст. ордена Тевтоновъ“; Прутцъ „Тайное ученіе и тайные статуты ордена Темпліеровъ“ (всѣ на нѣмец. яз.); по русски—Фортинскій „Новѣйшія открытия въ области исторіи ордена Темпліеровъ“. Н.

ропы; однако большая часть ихъ воротилась въ свое отечество—Францію, гдѣ и до начала XIV в. составляла могущественную и богатую корпорацію, пока жадный и хитрый Филипп IV Красивый не прекратилъ ея существованія при содѣствіи папы Климента V. [Поводомъ къ процессу надъ орденомъ и его уничтоженію послужили обвиненія въ ереси и тайныхъ, неправственныхъ культуахъ, развившихся въ средѣ его. Обвиненія эти имѣли нѣкоторое основаніе: громадныя богатства и долгія сношенія съ мусульманами не остались безъ вліянія на вѣрованія и жизнь рыцарей храма; но, само собою понятно, не эти именно обстоятельства, а лишь желаніе захватить въ свои руки несмѣтныя сокровища ордена ополчили противъ Темпліеровъ ихъ алчныхъ противниковъ]. Наконецъ рыцари нѣмецкіе или тевтонскіе въ началѣ XIV в. переселились изъ Сиріи на берега Балтійскаго моря, въ страну Пруссовъ и другихъ литовскихъ племенъ, и, соединившись здѣсь съ „рыцарями меча“ или „Меченосцами“, насильственно обратили въ христіанство и подчинили своему господству весь этотъ край, а построениемъ нѣмецкихъ городовъ прочно его германизировали, положивъ въ немъ основаніе могущественному орденскому государству, которое въ этой формѣ существовало до самыхъ временъ реформаціи¹⁾.

Кромѣ этихъ орденовъ, игравшихъ столь видную роль въ исторіи, на Пиренейскомъ полуостровѣ съ XII же столѣтія и по тѣмъ же побужденіямъ, т. е. вслѣдствіе вѣковой борьбы испанскихъ христіанъ съ Маврами, возникло тоже нѣсколько учрежденій подобнаго рода,—духовно-рыцарскіе ордена С. Яго, Христа, Авіты, Алькантары и др., существовавшіе до окончательного паденія мавританскаго владычества на полуостровѣ, т. е. до конца XV в., когда они сдѣлались политическимъ орудіемъ въ рукахъ кастильскихъ монарховъ или же превратились въ одну пустую формальность.

Такъ постепенно падала слава военно-духовнаго рыцарства. Но и свѣтское рыцарство имѣло въ исторіи Запада лишь кратковременный блескъ.

¹⁾ Тевтонскій орденъ переселился въ Пруссію по приглашенію польского короля Конрада Мазовскаго, не умѣвшаго собственными силами отбиваться отъ нападеній Пруссовъ. Это случилось въ 1225—6 гг. Еще раньше, въ самомъ началѣ XIII стол., началась нѣмецкая колонизація Ливоніи, и рижскимъ епископомъ Альбертомъ основанъ орденъ Меченосцевъ. Соединеніе обоихъ орденовъ произошло во второй половинѣ XIII в.—Источники для исторіи германизаціи Пруссії изданы въ извѣстномъ сборнике „Scriptores regum prussicarum“, а лучшая свѣдѣнія о завоеваніи Ливоніи даютъ первый лѣтописецъ Генрихъ Латышъ.—Пособія: Фойгтъ „Ист. Пруссіи“; Эберти „Завоеваніе Пруссії Нѣмцами“; Рихтеръ „Ист. остзейскихъ провинцій“. Н.

Уже въ XIII стол. стали вырождаться нравы этого почетного сословія. Рыцарская военная доблесть превратилась мало по малу въ исканіе приключений, а иногда и въ разбой, культь женщины—въ пошлое ухаживание и распутство, а чувство личного достоинства и чести—въ щепетильную игру самолюбія и тщеславія. [Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и полный упадокъ рыцарской поэзіи. Съ половины XIII в. умолкаютъ послѣднія пѣсни трубадуровъ и миннезингеровъ; около этого же времени рыцарская эпопея уступаетъ мѣсто рыцарскому роману, а въ концѣ XIII и началѣ XIV в. поэзія переходитъ въ руки горожанъ и пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ: истинно поэтическое творчество и одушевленіе исчезаетъ, фантазія оскудѣваетъ, и господствующими родами поэзіи дѣлаются сатира и дидактика. Литература наводнется скучными упражненіями въ рифмоплетствѣ да стихотворными историческими хрониками, отличающимися отъ обыкновенныхъ лѣтописей только своею формою].

Всѣ эти явленія, весь этотъ полный упадокъ нравственнаго значенія рыцарства есть результатъ многихъ причинъ: крестовый походъ, проповѣданный папою Иннокентіемъ III противъ южно-французскихъ еретиковъ—Альбигойцевъ, причемъ сильно пострадали какъ материальное благосостояніе, такъ и умственная культура Прованса, этой родины и классической страны рыцарской жизни,—паденіе въ Германіи и Италіи гогенштауфенской фамиліи, бывшей такъ долго опорою и покровительницею рыцарскихъ учрежденій и обычаевъ,—но, что важнѣе всего, почти общее экономическое разореніе рыцарства вслѣдствіе далекихъ и дорогихъ восточныхъ походовъ и значительная убыль въ рядахъ его, причиненная двухсотлѣтними крестоносными войнами,—этого было достаточно, чтобы убить прежній духъ рыцарского института и подорвать его общественное вліяніе.

5) Еще могущественнѣе было дѣйствіе крестовыхъ походовъ на бытъ нис-^{е)} Городское населеніе. шихъ общественныхъ классовъ,—горожанъ и земскаго населенія^{1).} Промыслы и торговля.

¹⁾ Источники для исторіи городовъ и ихъ быта чрезвычайно богаты. Каждый изъ италіанскихъ городовъ имѣть свои болѣе или менѣе подробныя лѣтописи. Сначала всѣ эти лѣтописи велись на латинскомъ языке, съ XIV же вѣка на народномъ, италіанскомъ. Какъ по времени, такъ и по внутреннимъ достоинствамъ первое мѣсто въ ихъ ряду занимаетъ хроника Флорентинца Виллани. Почти всѣ онѣ были изданы еще у Муратори, но очень многія всплыли и въ составѣ „Monumenta Germaniae historica“⁴. Не менѣе богата и историческая литература германскихъ городовъ. Большая часть хроникъ, сюда относящихся, издана извѣстною мюнхенскою историческою комиссіею. Что же касается хроникъ французскихъ городскихъ общинъ, то онѣ нашли себѣ по большей части мѣсто въ общихъ собранияхъ источниковъ для исторіи Франціи.—Въ новѣй-

Развитіе городской жизни, учрежденій и промысловъ въ западной Европѣ совпадаетъ съ эпохой крестовыхъ походовъ и было въ значительной мѣрѣ ими условлено. Города романо-германского Запада имѣли весьма различное происхожденіе. Остатки римскихъ муниципій, какихъ много въ Италии, Франціи, Британіи и западной, порейнской и подунайской Германіи, составляли главный разрядъ въ общей ихъ массѣ; затѣмъ слѣдуютъ крѣпости, построенные нѣмецкими императорами въ маркахъ сѣверной и восточной Германіи, города княжеские и епископскіе, основанные въ разныхъ мѣстностяхъ духовными и свѣтскими территориальными владѣльцами, наконецъ сами собою развившіеся промышленные и торговые центры, Смотри по характеру происхожденія, и судьба ихъ была различна, какъ различно внутреннее устройство и отношеніе къ государственной власти. Въ Германіи напр. одни зависѣли непосредственно отъ императоровъ и назывались имперскими, другіе подчинены были мѣстнымъ земельнымъ державцамъ или же, какъ въ сѣверной и средней Италии, признавали только nominalную власть римско-нѣмецкаго императора, на самомъ же дѣлѣ пользовались почти совершенной независимостью и внутреннимъ самоуправлениемъ.

[Самостоятельная городская жизнь прежде всего возникаетъ въ Италии, благодаря счастливому географическому положенію и благопріятнымъ для такой самостоятельности политическимъ условіямъ, въ которыхъ поставлена была эта страна. Сперва лангобардское нашествіе и владычество, совершенно разрушившее римское муниципальное устройство, распространилось, какъ известно, далеко не на всю Италию, и значительныя части полуострова, особенно же прибрежья его, остались подъ властью Византіи, сохранивъ до нѣкоторой степени свое прежнее устройство; потомъ, по мѣрѣ упадка византійского могущества, начала возрождаться въ этихъ частяхъ Италии городская свобода, и уже въ IX в. нѣкоторые изъ приморскихъ итальянскихъ городовъ, какъ то — Амальфи, Неаполь, Пиза,

шей литературѣ вопросъ этотъ также получилъ обширную разработку. Изъ прежнихъ сочиненій, не утратившихъ значенія, можно указать на слѣдующія: Г. Лео „Ист. развитія ломбардской городской свободы“; Гюльманъ „Городской бытъ въ средніе вѣка“ (4 т.); Сисмонди „Ист. итальянскихъ средневѣковыхъ городовъ и государствъ“ (12 т.); Бартольдъ „Ист. нѣмецкихъ городовъ“. Слѣдуетъ также упомянуть о замѣчательномъ сочиненіи Гегеля „О развитіи итальянскихъ средневѣковыхъ городовъ“, — сочиненіи, пролившемъ совершенно новый свѣтъ на возникновеніе и развитіе городской свободы въ Италии. Изъ болѣе новыхъ трудовъ см. Гейслера „Возникновеніе городского устройства“ и Гаупа „Городское право въ Германіи въ средніе вѣка“. Н.

Генуя, Венеція превратились въ совершенно независимыя городскія республики. Устройство всѣхъ этихъ городовъ развилось на основаніи римскаго муниципальнаго быта, а потому и отличается строго аристократическимъ характеромъ. Что же касается другихъ частей Италіи, особенно Ломбардіи и Тусціи, то первою причиною возникновенія здѣсь городской свободы является политическая система германскихъ императоровъ. Какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи императоры старались утвердить свое владычество посредствомъ тѣснаго союза съ церковными прелатами, и уже Оттонъ В. отдалъ почти всѣ укрѣпленные города съ ихъ округами епископскимъ церквамъ, причемъ предоставилъ прелатамъ всю сумму верховныхъ правъ и точно опредѣлилъ ихъ обязанности по отношенію къ имперіи. Преемники Оттона неуклонно продолжали его политику, и вскорѣ всѣ города съверной и средней Италіи очутились въ рукахъ церковныхъ прелатовъ. Подъ покровомъ церкви улучшилось, во первыхъ, материальное благосостояніе горожанъ, а во вторыхъ—уже въ началѣ XI в. они начали приобрѣтать отъ епископовъ, постоянно нуждавшихся въ ихъ денежной и военной помощи, важныя торговыя и гражданскія права. Когда же во время борьбы за investitura почти во всѣхъ италіанскихъ епископствахъ вспыхнула борьба между папскими и императорскими епископами, то горожане сумѣли воспользоваться этими обстоятельствами для приобрѣтенія полной политической автономіи. Такимъ образомъ уже въ концѣ XI в. всѣ города Ломбардіи обратились въ республики, и ихъ зависимость,—какъ отъ епископовъ, такъ и отъ императоровъ,—сдѣлалась чисто номинальною. Ихъ внутреннее устройство въ эту эпоху тоже отличалось характеромъ аристократическимъ: высшіе чиновники или консулы избирались изъ знатныхъ патриціанскихъ фамилій, члены этихъ фамилій засѣдали и въ городскихъ совѣтахъ или синьоріяхъ, а масса населенія собиралась лишь въ особенно важныхъ случаяхъ на такъ какъ называемый парламентъ. Втеченіе XII в. однако, по мѣрѣ развитія торговли и промышленности, демократическій элементъ въ городахъ Ломбардіи значительно усилился, хотя окончательное торжество его относится къ слѣдующему XIII столѣтію].

Иную судьбу имѣли города Германіи и Франціи. Когда въ этихъ странахъ водворилась ленная система, то большая часть старыхъ римскихъ городскихъ общинъ вмѣстѣ съ ихъ землею сдѣлалась собственностью феодальныхъ владѣльцевъ, подчинилась ихъ верховной власти, платила имъ оброкъ, поставляла имъ военные контингенты и несла въ ихъ пользу всѣ другія повинности и службы. До XII вѣка никакихъ правъ и вольностей

городскихъ нѣтъ еще и слѣдовъ за исключеніемъ темныхъ воспоминаній въ городахъ римскаго происхожденія обѣ ихъ древней муниципальной свободѣ. Только съ наступленіемъ великихъ крестоносныхъ движений и дѣятельной жизни, возбужденной ими на Западѣ, когда поднялись промыслы, торговля и богатство горожанъ, пробудился въ средѣ ихъ и такъ долго подавленный духъ гражданской и политической независимости. Примѣромъ ея могли послужить города Италии, съ которыми Французы, Нѣмцы и другие западные крестоносцы имѣли случай близко познакомиться во время своихъ частыхъ движений на Востокѣ чрезъ италіанскіе порты, особенно чрезъ Венецію. И вотъ съ началомъ XII вѣка мы уже видимъ во Франціи движение, извѣстное подъ именемъ освобожденія городовъ. Выросшія и разбогатѣвшія городскія общины пользуются всякимъ случаемъ, чтобы то силою, то деньгами добѣть себѣ у своихъ ленныхъ господъ разныя вольности и права,—самосудъ, свободный выборъ городскихъ чиновниковъ (старшинъ, мэропъ и проч.). Въ тоже время они стараются ограничить и опредѣлить точными договорами денежнаго повинности въ отношеніи къ своимъ территоріальнымъ владѣльцамъ. Королевская власть со временемъ Людовика VI въ своихъ собственныхъ интересахъ благопріятствуетъ этому движению, служа посредникомъ въ сдѣлкахъ горожанъ съ феодалами, ручающими за неприкосновенность добытыхъ первыми правъ. Такимъ путемъ мало по малу достигаютъ города французскіе почти полнаго самоуправления, становится особымъ государственнымъ сословіемъ, извѣстнымъ въ средніе вѣка подъ именемъ средняго или третьяго, а въ началѣ XIV в. Филиппъ IV Красивый по поводу своей борьбы съ папою Бонифаціемъ VIII впервые призываетъ это новое сословіе и къ участію въ политическихъ правахъ наравнѣ съ привилегированными классами общества,—дворянствомъ и духовенствомъ.

Въ Германіи освободительное движение городовъ началось почти въ то же время, какъ и во Франціи, но здѣсь кромѣ общихъ перемѣнъ, вызванныхъ крестовыми походами, важнымъ факторомъ этого процесса является и вѣковое стремленіе императоровъ сломить силу имперскихъ князей, противопоставляя имъ сначала рыцарство, а потомъ города. Императоры поэтому еще со временемъ саксонского дома покровительствовали городскому сословію. Но ихъ рѣшительная политика въ этомъ смыслѣ обнаруживается только при Гогенштауфенахъ, именно со второй половины XII вѣка. Благодаря стечению этихъ благопріятныхъ условій, нѣмецкіе города постепенно приобрѣтаютъ почти полную автономію, развиваются свои уставы, свой судь и внутреннее управление посредствомъ выборныхъ бургомистровъ

и членовъ городского совѣта или ратуши. Уставы Любека, Магдебурга, Кельна сдѣлались главными образчиками для внутренняго устройства всѣхъ почти пѣмецкихъ городовъ. Сначала преобладающею формою этого устройства во всѣхъ почти городахъ западныхъ была аристократическая. Старыя патриціанскія фамиліи, городовое рыцарство, капиталисты, первостепенные купцы составляли привилегированное сословіе городовъ, держали въ рукахъ своихъ всю правительственную власть, такъ какъ только изъ ихъ среды избирались высшіе, городскіе сановники и члены городскихъ совѣтовъ. Но съ усиленіемъ промышленной и торговой дѣятельности въ эпоху крестовыхъ походовъ и демократическіе элементы городскаго населенія,—ремесленники, мелкие торговцы, вообще рабочій людъ,—стали заявлять претензіи на участіе въ городскомъ управлениі и, организавшись въ корпораціи или товарищества, называвшіяся цехами и гильдіями¹⁾ и имѣвшія свое собственное управление и своихъ старшинъ, пошли съ аристократами борьбу, наполняющую исторію западныхъ городовъ въ XII и XIII столѣтіи и кончившуюся или совершеннымъ ниспроверженіемъ аристократическихъ правленій, или по крайней мѣрѣ тѣмъ, что цехи добились въ немъ пѣкотораго участія и раздѣлили съ аристократами власть. Эта двойная борьба, вѣшняя—съ феодалами и внутренняя—между самими сословіями городского населенія, и сообщила средневѣковымъ городамъ военпный характеръ, отразившійся какъ на ихъ организаціи, такъ и на ихъ вѣшности, на ихъ окружныхъ стѣнахъ, бойницахъ, сторожевыхъ башняхъ, подъемныхъ мостахъ, висящихъ надъ глубокими рвами, и пр.

Вмѣстѣ съ развитіемъ свободы городовъ процвѣли въ нихъ промыслы и искусства, улучшилась обстановка жизни, развилось богатство и торговля, чemu опять крестовые походы и новыя потребности, ими вызванныя, дали могущественный толчекъ. Города Италіи и въ этомъ отношеніи опередили всѣ другіе. Венеція, Генуя, Пиза, Амальфи сдѣлались съ XII вѣка постоянными торговыми посредниками между Европой и Востокомъ,—особенно два первыхъ города, достигшіе въ эпоху крестовыхъ походовъ и величайшаго могущества не только на Средиземномъ, но также на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, гдѣ ими заведены были даже колоніи,—Венеціанцами Тана, на мѣстѣ нынѣшняго Азова, а Генуэзцами—Кафа или нынѣшняя Феодосія. Только постоянное торговое соперничество

¹⁾ О средневѣковыхъ гильдіяхъ и цехахъ см. слѣдующія пособія: Вильдъ „Гильдейскій бытъ въ средніе вѣка“; Штидъ „Возникновеніе цеховъ въ средніе вѣка“. Н.

*Раннє ринкове
часов'я посвідч.*

Венеції и Генуї пом'яшало ихъ дальнійшимъ торговымъ успѣхамъ въ этихъ странахъ. Изъ другихъ портовъ Средиземного моря начинаеть въ это времѧ играть видную роль Марсель, не говоря о Константинополѣ, торговое положеніе котораго постоянно имѣло всемирный характеръ. Наконецъ торговое и промышленное движение обнаруживается даже въ странахъ заальпійскихъ. Главными центрами его становятся Гентъ и Брюгге во Фландріи, Лондонъ въ Англіи, Бордо—во Франціи, Любекъ, Гамбургъ, Кельнъ, Магдебургъ, Страсбургъ, Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Регенсбургъ въ Германіи. Въ городахъ кромѣ торговой дѣятельности кипитъ фабричное производство шелковыхъ, шерстяныхъ, полотняныхъ, металлическихъ, ювелирныхъ издѣлій. Въ італіанскихъ торговыхъ центрахъ, особенно во Флоренції и Венеції, появляются первые европейскіе банки и вводятся въ употребленіе векселя. Въ XIII же столѣтіи движение это усиливается до того, что образуются уже цѣлые союзы городовъ для торговыхъ цѣлей,—союзъ городовъ по-рейнскихъ и особенно могущественная Ганза съ Любекомъ во главѣ, обнимавшая весь сѣверъ Германіи и простиравшая свои отрасли далеко въ скандинавскія земли и даже въ прибалтійскую Русь, гдѣ главной каторой ея былъ нашъ великий Новгородъ. Болѣе 80 городовъ принадлежало къ этому союзу въ его цвѣтущее времѧ¹⁾.

*Крестъ-
льне.*

Даже на судьбу крѣпостнаго земскаго населенія крестовые походы не остались безъ нѣкотораго благодѣтельнаго вліянія²⁾. Участъ средневѣковаго крестьянина по истинѣ была безотрадна. Безправный, безземельный, безоружный, презираемый, невѣжественный, задавленный барщиной, десятиной и безчисленными натуральными повинностями и службами въ пользу своихъ господъ, онъ каждый день могъ ждать разоренія и даже гибели отъ произвола своего гордаго и часто безчеловѣчнаго владѣльца, отъ вѣчныхъ его усобицъ съ сосѣдями, отъ голода и грабителей. [Осо-

¹⁾ Матеріалъ для исторіи Ганзы собранъ въ послѣднее времѧ Лаппенбергомъ, Бартольдомъ и другими нѣмецкими учеными. Объ отношеніи Новгорода къ Ганзѣ см. на русск. яз. изслѣдованіе Бережкова; см. также Фортинскаго „Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на возникновеніе ганзейскаго союза“.

²⁾ Важнѣйша пособія по исторіи крестьянъ: Воппемѣре „Hist. des paysans“ (2 т.); Маурерь „Ист. крестьянъ въ Германіи“; Киндлингеръ „Ист. крѣпостнаго права“; Я. Гриммъ „Германскія правознѣ древности“ (всѣ на нѣм. яз.); Dreste-de-Chavanne „Ист. крестьянъ“ (на франц. яз.). По русски: Н. Картьевъ „Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ“; Виноградовъ „Изслѣдованіе по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“.

бенно тяжело было положение земледельческого населения во Франции и другихъ романскихъ странахъ, гдѣ древняя народная свобода повсемѣстно исчезла и невыносимое ярмо крѣпостного рабства тяготѣло надъ всѣмъ сельскимъ населеніемъ. Нелегко было также положение крестьянства и въ Англіи со временемъ норманского завоеванія. Нигдѣ число крѣпостныхъ и рабовъ не было такъ велико, пигдѣ торговля людьми не достигла такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ здѣсь. Только въ Германіи дѣло стояло нѣсколько иначе, и отдельные общины свободныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, какъ на сѣверѣ этой страны, въ Саксоніи, такъ и на югѣ, въ гористой Швабіи, удерживались до позднѣйшаго времени]. И на развитіе такихъ свободныхъ общинъ, а въ особенности на массу крѣпостного люда, крестовые походы повліяли не мало: принятіе креста освобождало крестьянина отъ вѣчнаго гнета, нравственно уравнивало его съ господиномъ, разрѣшавъ отъ всякихъ общественныхъ узъ, а по возвращеніи изъ крестового похода онъ уже практически и законно считался вольнымъ человѣкомъ,—хотя конечно возвращались немногіе и еще менѣе было такихъ, которые посреди общества, гдѣ еще господствовали безправіе и насилие, успѣвали отстаивать пріобрѣтенные ими такъ недавно права. Замѣчательнѣйшее изъ свободныхъ крестьянскихъ общинъ на сѣверѣ Германіи были Штединги. [Но, какъ они не признавали никакой зависимости,—не только свѣтской, но даже и церковной,—и отказывались платить десятину, то и сдѣливались подъ конецъ жертвою общей ненависти свѣтскихъ феодаловъ и духовенства. Противъ нихъ, какъ противъ еретиковъ, предпринимались даже крестовые походы съ благословенія и разрѣшенія санктуарій папъ.

Гораздо дольше, нежели въ романо-германскихъ странахъ, удерживалась древняя народная свобода въ западныхъ славянскихъ земляхъ, но мало по малу вслѣдствіе наплыва чужихъ германскихъ элементовъ она пала и здѣсь. Въ Польшѣ порабощеніе сельского класса началось уже со временемъ Болеслава Храбраго, а въ XIV вѣкѣ польскій крестьянинъ находился въ еще болѣе ужасномъ рабствѣ, нежели его западные собратья. Въ Чехіи крѣпостное право начало распространяться вмѣстѣ съ германизацией еще съ XII в., но его развитіе было задержано и остановлено па нѣкоторое время гуситскими движеніемъ. Наконецъ дольше всего старая свобода удерживалась на Востокѣ, въ Россіи, гдѣ прикрѣпленіе крестьянъ воспользовало, какъ известно, лишь въ концѣ XVI вѣка].

Чтобы дополнить нашъ обзоръ, остается упомянуть еще объ одномъ элементѣ населения средневѣковыхъ государствъ,—о Евреяхъ. Вообще гони-

мые и презираемые въ средніе вѣка, они не только не получили облегчения въ своей участіи въ рассматриваемый періодъ, но напротивъ подъ вліяніемъ фанатизма, распространившагося тогда въ обществѣ, обычна преслѣдованія противъ нихъ еще болѣе усилились. Часто крестоносцы прежде, чѣмъ идти въ святую землю, доказывали свою религіозную ревность грабежемъ и избѣніемъ жидовъ, какъ это случалось въ Германіи, особенно на Рейнѣ¹⁾.

а) Монархическая власть.

Столько перемѣнъ, совершившихся во всѣхъ слояхъ общества, должны были въ концѣ концовъ ^{перемѣстить} центръ его тяжести сверху внизъ,—изъ сферы феодальной аристократіи въ среднее сословіе горожанъ. Переворотъ этотъ совершился, правда, позже,—уже къ концу среднихъ вѣковъ, но тѣмъ не менѣе начало было положено ему въ эпоху крестовыхъ походовъ упадкомъ феодального дворянства и сильнымъ развитиемъ городовъ, гдѣ мало по малу стали сосредоточиваться не только материальное благосостояніе и богатство, но и самая образованность. Военная сила,—а съ нею и господствующее положеніе въ обществѣ,—оставалась еще пока на сторонѣ аристократіи; но будущность была уже въ рукахъ буржуазіи,—тѣмъ болѣе, что, опираясь на нее, со временемъ крестоносныхъ войнъ стала возвышаться въ государствахъ западныхъ монархическая власть, какъ органъ государственного единства этнографически сложившихся націй, стоящій выше всякихъ сословныхъ интересовъ и, стало быть, враждебный исключительнымъ стремленіямъ привилегированныхъ классовъ. Союзъ этихъ двухъ новыхъ силъ,—монархіи и средняго сословія,—въ исходѣ среднихъ вѣковъ и подкопалъ окончательно могущество феодальной аристократіи.

б) Литература и искусство.

Но нигдѣ, быть можетъ, ^{влияние} крестовыхъ походовъ не почувствовалось такъ сильно, какъ въ умственной жизни западной Европы, насколько она выразилась въ литературѣ эпохи. Благодаря болѣе всего этому вліянію, на Западѣ началась литература народная и свѣтская. До того времени вся западная письменность, бывшая почти исключительно въ рукахъ духовенства, ограничивалась религіознымъ содержаніемъ, а если и касалась другихъ сторонъ и вопросовъ жизни, то все таки имѣла преобладающій религіозный характеръ, отчего церковный (латинскій) языкъ былъ вмѣстѣ и языкомъ литературы, науки и школы,—хотя средневѣко-

¹⁾ По истории Евреевъ въ средніе вѣка можно рекомендовать слѣдующія пособія: Depping „Les juifs dans le moyen âge“ (2 изд. Парижъ, 1844); Штоббе „Евреи въ Германіи въ средніе вѣка“ (на нѣм. яз.).

вая латынь эта по своей неуклюжести и варваризмамъ очень далеко уже отклонилась отъ латыни классической. Съ наступлениемъ крестоносныхъ движений, когда массы новыхъ понятій и свѣта разлились въ обществѣ, когда и между мірянами все чаще и чаще стали появляться люди образованные, возникла потребность и въ иномъ органѣ литературныхъ произведеній. Такимъ органомъ естественно сдѣлались языки народные,—сначала романскіе, а потомъ и германскіе. Примѣръ и тутъ подальше Привалъ, гдѣ трубадуры, представители такъ называемаго „веселаго искусства“ (*gai savoïg*), большую частью рыцарскаго происхожденія, а нерѣдко и владѣтельныя особы, уже задолго до эпохи крестовыхъ походовъ употребляли звучный народный языкъ для своихъ пѣсенъ. Языкъ этотъ, очень еще близкій въ то время къ другимъ романскимъ нарѣчіямъ, легко понимался не только во всей Франціи, но и въ сѣверной Испаніи, Италии, Англіи со временемъ норманскаго завоеванія этой страны и даже въ западной и южной Германіи. Позже, уже въ эпоху самыхъ крестовыхъ походовъ, германскіе миннезингеры и эпические поэты сдѣлали органомъ литературы и свой народный языкъ¹⁾.

[Какъ въ области рыцарской лирики Привалъ, такъ въ рыцарскомъ эпосѣ опередила другія страны средневѣковаго Запада сѣверная Франція, гдѣ многочисленные поэты разработали въ цѣломъ рядъ поэмъ народныхъ сказаний о Карлѣ и его паладинахъ, бретонскія саги объ Артурѣ и рыцаряхъ круглого стола, между тѣмъ какъ другіе занимались передѣлкою древнихъ преданій о троянской войнѣ, объ Александрѣ Македонскомъ и т. д., или же обработкою ходившаго въ пародѣ животнаго эпоса, которому придали сатирическій характеръ²⁾. Изъ Франціи всѣ эти виды рыцарской поэзіи были перепесены въ Германію, гдѣ и самая лирика миннезингеровъ, выставившихъ здѣсь только одного дѣйствительно сильнаго и вполнѣ самобытнаго поэта—Вальтера фонъ-дерть-Фогельвайде, была не болѣе, какъ отраженіемъ поэзіи трубадуровъ. Скоро германскіе рыцарскіе эпики даже опередили Французовъ. Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ въ своей обширной поэмѣ „Парсиваль“, содержаніе коей взято изъ цикла сказаний объ Артурѣ, явился полнѣйшимъ и глубочайшимъ выразителемъ идей, лежавшихъ въ основѣ всей средневѣковой культуры. Во многихъ

¹⁾ Спорадическіе памятники письменности на народномъ языкѣ въ Германіи встречаются и ранѣе крестовыхъ походовъ. Самые древніе изъ нихъ,—стихотворные переложенія Евангелія,—относятся ко второй половинѣ IX в. Н.

²⁾ Ср. изслѣдованіе Л. Колмачевскаго „Животній эпосъ на Западѣ и у Славянъ“. Н.

отношенияхъ его можно назвать предшественникомъ Данте¹⁾. Другой великий германский эпикъ этого времени Готфридъ Страсбургскій заимствовалъ сюжетъ своей поэмы „Тристанъ и Изольда“ также изъ бретонского цикла. Уступая Вольфраму въ глубинѣ и силѣ мысли, Готфридъ превосходитъ его пластичностью и поэтическою прелестью своихъ образовъ; съ другой стороны легкій ироническій оттѣнокъ, проникающій все его произведеніе, обнаруживаетъ уже въяніе новаго духа, предвѣщающаго конецъ рыцарскаго вѣка. Не остались безъ передѣлки въ рыцарскомъ духѣ и древнія германскія саги о Зигфридѣ и Брунегильдѣ, о могучемъ Аттильѣ (Эцель) и Дитрихѣ Бернскомъ, о Гудрунѣ и проч. Кто были авторы этихъ передѣлокъ, съ точностью неизвѣстно, но, благодаря ихъ трудамъ, возникли такія произведения, какъ „Нибелунги“ и „Гудруна“, съ вѣнчаніемъ стороны, правда, не столь тщательно отдѣленныя, какъ чисто рыцарскія эпопеи, но превосходящія ихъ силою и выразительностью вполнѣ народнаго творчества.

Изъ Германіи рыцарская культура и поэзія проникли въ сосѣднія славянскія страны,—въ Чехію и Польшу. Особенно чешская литература богата передѣлками различныхъ рыцарскихъ эпопей и романовъ, въ томъ числѣ и упомянутыхъ уже сказаний объ Александрѣ Македонскомъ и троянской войнѣ, пользовавшихся въ средніе вѣка необыкновенною популярностью не только на Западѣ, но и у насъ, въ Россіи]. Но высшаго развитія и наиболѣе художественной формы достигла национальная поэзія въ Италии, хотя уже въ эпоху сравнительно позднейшую, именно въ XIV стол., когда въ этой странѣ процвѣталъ знаменитый поэтическій триумвиратъ—Данте, творецъ „Божественной комедіи“, этого величайшаго произведенія человѣческой фантазіи, отразившаго въ себѣ всѣ идеи и все образованіе вѣка, и два его младшіе современника,—Петрарка и Боккачіо.

Въ разматриваемую же эпоху, т. е. въ XIII стол., начала вырабатываться и прозаическая литературная рѣчь на романскихъ языкахъ, преимущественно въ исторіографическомъ родѣ. Лучшими образчиками этой литературной области служатъ мемуаристы—Вильгардуинъ, описавший четвертый крестовый походъ, и Жуанвиль, бiографъ Людовика Св.

Наряду съ этой народной литературой по прежнему впрочемъ шла и ученая, латинская, со своимъ преобладающимъ религіозно-церковнымъ направленіемъ. Въ эпоху крестовыхъ походовъ литература эта достигла даже

¹⁾ См. Дацкевичъ „Изъ исторіи средневѣковаго романтизма“ (въ „Кievск. Унив. Изв.“ за 1876 г.); также М. Н. Петрова „Ульрихъ ф. Лихтенштейнъ“. Н.

своего наибольшаго развитія, напр. въ сочиненіяхъ Вильгельма Тирскаго, историка крестовыхъ походовъ и іерусалимскаго королевства, и Оттона Фрейзингенскаго, знаменитаго и высокообразованнаго нѣмецкаго хрониста временъ императора Фридриха I Барбароссы.

Что касается искусствъ образовательныхъ, то на средневѣковомъ Западѣ за исключениемъ зодчества всѣ они находились еще въ младенчествѣ. Только миниатюрная живопись и рѣзьба на деревѣ и слоновой кости къ исходу среднихъ вѣковъ представили образчики произведеній по истинѣ замѣчательныхъ. За то архитектура уже въ XIII и XIV стол. достигла такого величія, какое недоступно и нашей эпохѣ. Въ это время совершился переходъ отъ стиля романскаго, въ основаніи которого лежала форма древне-христіанской базилики, къ оригинальному готическому стилю, вполнѣ отразившему въ себѣ господствующее религіозное настроеніе вѣка. [Легко и смѣло восходящія вверхъ остроконечныя арки, стройныя колонны, высокія окна, множество красивыхъ контрфорсовъ и грациозныхъ осьми-угольныхъ башенокъ, богатство и причудливость орнаментациі,—вотъ отличительныя черты готики, возникшей подобно рыцарской поэзіи первоначально во Франціи, именно въ сѣверной части страны, и отсюда распространившійся по Германіи, гдѣ она и достигла наивысшей степени своего развитія]. Соборъ парижской Богоматери (Notre Dame de Paris), Вестминстерское аббатство въ Лондонѣ, церковь святаго Стефана въ Вѣнѣ и всемѣрно знаменитые соборы кельнскій и страсбургскій остались и до нашихъ дней неподражаемыми образцами этого религіознаго зодчества¹⁾.

к) Искусство.

¹⁾ Важнѣйшія пособія для исторіи средневѣковаго искусства: Куглеръ „Руководство къ исторіи искусства“ (5 изд. 1872; есть и по русски); Любке „Ист. архитектуры“ (на нѣм., яз.); его же „Ист. пластики“ (перев. Чаева); Куглеръ „Ист. живописи“ (перев. Васильева); Каррьеъ „Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры“ (перев. Корша). О романскомъ стилѣ въ искусствѣ и о готикѣ см. особенно у Viollet-le-Duc „Dictionnaire de l'architecture franâaise du XI-me au XVI-me siâcle“, и его же „Diction. du mobilier franâais“. Хорошіе рисунки можно найти въ предпринятомъ берлинскимъ книгопродавцемъ Гроте, но еще неоконченномъ изданіи „Deutsche Kunstgeschichte“, текстъ котораго написанъ Робертомъ Доме, Вильг. Боде, Губертомъ Яничкомъ, Фридр. Липпманомъ и Юл. Лессингомъ. И.

II. Государства романо-германского Запада.

Характеръ истории романо-герм. Запада во 2-й полови-нѣ срѣдн. вѣка.

Какъ ни велико было вліяніе крестовыхъ походовъ на всѣ стороны западно-европейской жизни, все же оно не въ силахъ было измѣнить самыя задачи внутренняго развитія романо-германскихъ государствъ. Задачи эти, подготовленныя ходомъ ихъ исторіи, остались прежнія и только получили болѣе быструю или болѣе сложную развязку подъ вліяніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя совершились въ обществѣ въ эпоху крестовыхъ походовъ. Затѣмъ дѣйствіе крестовыхъ походовъ на западную Европу обнаружилось еще въ томъ, что съ этого времени завязываются между западными государствами болѣе тѣсныя и постоянныя связи и отношенія, и притомъ уже не только религіозно-церковныя, какія замѣчаются еще въ первый періодъ средневѣковой исторіи (связи эти съ усиленіемъ могущества церкви конечно еще болѣе окрѣпли), но и чисто политическія. Только общей системы государствъ, въ которой бы каждый членъ ея былъ органически связанъ съ другими, и теперь еще нѣтъ, а есть только отдельныя группы государствъ, состоящихъ въ тѣсныхъ и постоянныхъ отношеніяхъ между собой. Такими группами во второмъ періодѣ среднихъ вѣковъ можно считать 1) Германію и Италію, 2) Англію и Францію, 3) скандинавскія земли и 4) государства Пиренейскаго полуострова.

1. Германія и Италія.

Штауфены и ихъ историческая значимость.

Эпоха крестовыхъ походовъ застала въ Германіи слѣдующіе вопросы, поставленные прежней исторіей этой страны: вопросъ объ отношеніи къ императорской власти, далѣе—вопросъ объ отношеніяхъ германскаго императорства къ папству и къ Италіи и наконецъ—вопросъ о расширеніи предѣловъ нѣмецкой народности на счетъ сосѣдей, особенно восточныхъ, т. е. Славянъ. Что же касается Апеннинскаго полуострова, то здѣсь главный интересъ мѣстной исторіи сосредоточивается на начавшейся съ этого времени борьбѣ окрѣпшей италіанской національности съ чужеземнымъ владычествомъ, издавна поработившимъ эту прекрасную страну. Швабская династія Штауфеновъ, утвердившаяся на императорскомъ престолѣ въ первой половинѣ XII-го вѣка и удержанная на немъ до половины XIII-го, призвана была значительно подвинуть всѣ эти вопросы къ ихъ

окончательному решению или по крайней мере действовать въ этомъ смыслѣ¹⁾.

Старинный швабскій родъ Штауфеновъ²⁾ или Гогенштауфеновъ сталъ выдвигаться въ ряду княжескихъ фамилій Германіи въ эпоху борьбы послѣднихъ франконскихъ императоровъ съ папами, такъ что, когда послѣдній представитель салическаго дома Генрихъ V умеръ бездѣтнымъ въ 1125 г., Штауфены Фридрихъ и Конрадъ, доводившіеся ему племянниками, имѣли ближайшее право на упразднившійся императорскій санъ. Но церковь не безъ основанія видѣвшая въ нихъ преемниковъ антиклерикальной политики столь ненавистныхъ ей Саліщевъ, употребила все свое вліяніе, чтобы не допустить ихъ къ императорской коронѣ. Поея настоящію выборъ князей палъ на саксонскаго герцога Лотара. Кро-

¹⁾ Эпоха Штауфеновъ чрезвычайно богата источниками всякаго рода,— какъ хрониками, такъ и документами. Большая часть ихъ, хотя еще далеко не все, издана въ „Monumenta Germaniae historica“; важнѣйшіе авторы переведены на немецкій языкъ.— Что же касается новой литературы, то она, отличаясь чрезвычайнымъ обилиемъ монографій и частныхъ изслѣдований, не особенно богата сочиненіями, обнимающими всю эпоху. Изъ таковыхъ можно указать лишь на два: Раумеръ „Ист. Гогенштауфеновъ и ихъ времени“ (на нѣм. яз.) и Шеррье „Ист. императоровъ швабскаго дома“ (на франц. яз.), но оба они значительно устарѣли въ настоящее время. Общимъ характеромъ отличаются также очерки Нитче „Staufische Studien“; обширный же трудъ В. Гизебрехта „Ист. германскаго императорства“ доведенъ лишь до первыхъ годовъ правленія Фридриха I. H.

²⁾ Родъ Гогенштауфеновъ или Штауфеновъ получилъ свое прозваніе отъ родового замка, находившагося на горѣ Гогенштауфенъ въ Швабіи. Гогенштауфены не принадлежали къ числу особенно древнихъ фамилій,— они возвысились послѣ того, какъ императоръ Генрихъ IV выдалъ свою dochь Агнесу за Фридриха Гогенштауфена и назначилъ его герцогомъ швабскимъ.— Генеалогія Штауфеновъ

Фридрихъ Швабскій + Агнеса

Фридрихъ, герцогъ швабскій.

Король Конрадъ III

Имп. Фридр. I Барбаросса

Генрихъ

Имп. Генрихъ VI

Король Филиппъ.

Имп. Фридр. II.

Король Конрадъ IV. Манфредъ.

Конрадинъ.

мѣ того ей удалось привлечь на свою сторону могущественную княжескую фамилию Вельфовъ, владѣвшую герцогствомъ баварскимъ. Тогдашній представитель этой фамилии Генрихъ Гордый вмѣстѣ съ рукою дочери Лотара получиль отъ него и Саксонію и такимъ образомъ сдѣлался сильнѣйшимъ изъ территориальныхъ владѣтелей Германіи, тѣсно связавъ свою политику съ интересами церкви ¹⁾. Штауфены не могли бороться противъ такого могущества и должны были покориться авторитету новаго императора. Но въ 1137 году умеръ Лотарь, также не оставивъ прямыхъ наследниковъ. Ближайшія права преемства въ имперіи принадлежали поэто-му зятю его, Генриху Гордому. Но князья, опасаясь могущества Вельфовъ и властолюбія самого Генриха, обошли его и остановили свой выборъ на младшемъ изъ братьевъ-Штауфеновъ Конрадѣ ²⁾. Тогда Вельфы отказали ему въ повиновеніи и тѣмъ подали поводъ къ продолжительной междоусобной войнѣ, наполняющей большую часть правленія Конрада III,—войнѣ, втечение которой ясно обозначились въ Германіи двѣ партіи,—Вайблинговъ, названныхъ такъ по родовому замку штауфенской фамилии, и Вельфовъ, или, какъ потомъ они стали называться въ Италии,—Гибеллиновъ и Гвельфовъ. Кромѣ родовыхъ интересовъ двухъ соперничавшихъ владѣтельныхъ фамилій, ими представляемыхъ, партіи эти различались также и по своему направленію въ насущныхъ вопросахъ церковной

¹⁾ Фамилія Вельфовъ была несравненно древнѣе фамиліи Гогенштауфеновъ. Предки Вельфовъ выступаютъ уже въ эпоху Каролинговъ; въ XI в. Вельфы по-родились съ могущественными итальянскими династами Эсте и пріобрѣли обширную поземельную собственность въ Италии.—Генеалогія Вельфовъ, начиная отъ Генриха Гордаго:

Генрихъ Гордый + Гетруда (дочь Лотара).

Генрихъ Левъ + Матильда (дочь Генриха II Англ.).

Имп. Оттонъ IV.

Исторія Вельфовъ составлена была еще въ XIII вѣкѣ неизвѣстнымъ монахомъ Вейнгартенского монастыря, основанного Вельфами. Н.

²⁾ Важнѣйшиe источники для смутной эпохи Лотара и Конрада III: анналы зэрфуртскіе и магдебургскіе; саксонскій аниалистъ; переписка Конрада III съ Вибальдомъ, аббатомъ корвейскимъ, его министромъ и другомъ.—Пособія: Яффе „Исторія Лотара“ и его же „Исторія Конрада III“; Бернгарди „Лѣтописи правленія имп. Лотара“ и его же „Лѣтописи правленія Конрада III“. Оба послѣднія сочиненія, вышедшія въ недавнее время, представляютъ собою самый полный и притомъ критически разработанный сводъ всѣхъ извѣстій, сохранившихся отъ этой эпохи. Н.

и свѣтской политики. Первые стояли за права императорской власти и за независимость отъ теократическихъ притязаній папства; вторые сочувствовали клерикальнымъ идеямъ и интересамъ и поддерживали принципъ германского княжевластиа. Родовыми связями дома Гвельфовъ съ Италіей и вообще частными сношеними Нѣмцевъ съ этой страной, подчиненной по тогдашней политической теоріи ленному верховенству нѣмецкаго императора, партии эти съ XII вѣка занесены были и на италіанскую почву, гдѣ и пустили еще болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ самой Германіи. Но здѣсь они приняли съ теченіемъ времени другіе оттенки и представляли иные интересы. Гвельфы явились поборниками идеи общественной свободы и народной независимости съ нѣкоторымъ сочувствіемъ къ клерикальнымъ началамъ, между тѣмъ какъ Гибеллины остались представителями императорскихъ правъ, а стало быть и чужеземнаго господства, и въ большинствѣ случаевъ были врагами церкви. Ожесточенная и наполненная всякими ужасами борьба этихъ партій раздирила несчастную Италію до самаго исхода среднихъ вѣковъ и въ конецъ разрушила ея общественную и частную нравственность.

Участникъ втораго крестового похода Конрадъ III умеръ въ 1152 г., *Барбаросса*. и ему наследовалъ даровитый и энергический племянникъ его Фридрихъ I Барбаросса, считавшійся цвѣтомъ тогдашняго нѣмецкаго рыцарства и украшенный высокими нравственными качествами. Почти сорокалѣтняя политическая дѣятельность его коснулась всѣхъ стоявшихъ на очереди задачъ германской и италіанской исторіи и прежде всего—отношеній императорской власти къ папской.

Лучшихъ представителей знаменитаго рода Штауфеновъ,—Фридриха I и особенно внука его Фридриха II,—церковь имѣла полное основаніе считать своими злѣйшими врагами. Но нельзя сказать, чтобы они лично искали этой вражды. Всѣ Штауфены и Барбаросса больше, чѣмъ кто-нибудь изъ нихъ, напитаны были вполнѣ средневѣковыми идеями обѣ императорской власти, т. е. представляли ее себѣ не иначе, какъ въ видѣ верховнаго леннаго главенства надъ христіанскимъ міромъ и специально—надъ нѣмецкими князьями,—главенства, подобнаго тому, какое въ области религіозныхъ отношеній и интересовъ имѣли папы. Согласно съ такой теоріей, Штауфены должны были желать и дѣйствительно желали дѣйствовать въ согласіи и союзѣ съ папами. Но несмотря на то самый ходъ исторіи сложился такъ, что свою императорскую программу могли они осуществить только посреди ожесточенной борьбы съ папствомъ. Ближайшій поводъ къ ней подали италіанскія отношенія. Какъ преемники

Карла Великаго и Оттоновъ, Штауфены тоже смотрѣли на Италію, какъ на неотъемлемую часть римско-нѣмецкой имперіи, и считали себя поэтому въ правѣ возстановить въ этой странѣ свой упавшій авторитетъ и верховныя права или такъ называемыя регаліи. А между тѣмъ втченіе XI и XII вѣка, во время германскихъ неурядицъ при салійской династіи и особенно въ смутную эпоху борьбы за investituru, сильно развилъ свободный духъ въ италіанскихъ городскихъ общинахъ, а благосостояніе и богатство отъ промысловъ и торговли, поднятыхъ крестовыми походами, еще болѣе укрѣпили въ нихъ сознаніе своей силы и жажду политической независимости. Города верхней и средней Италіи мало по малу превратились въ настоящія республики, а нѣкоторые изъ нихъ, напр. Венеція, Генуя, Миланъ, Пиза, Флоренція, вмѣстѣ съ образованіемъ и богатствомъ достигли и значительного политического могущества, выражавшагося какъ въ полной внутренней автономіи, такъ и въ значительныхъ военныхъ силахъ, которыми они располагали. Права нѣмецкаго императора, его регаліи, естественно отодвигались при этомъ на второй планъ,—тѣмъ болѣе, что общественная свобода пробудила въ Италіанцахъ патріотизмъ, а стало быть и ненависть къ чужеземному господству. Между тѣмъ, руководствуясь своей теоріей императорства, Фридрихъ считалъ утвержденіе за Альпами порядки оскорбительной anomalіей, прымымъ нарушеніемъ своихъ правъ, и потому съ самаго же начала своего правленія вступилъ съ италіанскими городами въ жестокую борьбу. Хотя ему и удалось разрушить до основанія могущественный Миланъ, стоявшій во главѣ враждебнаго ему городского союза, но послѣ шести походовъ въ Италію дѣло кончилось все таки пораженіемъ Нѣмцевъ при Леньяно, вслѣдствіе чего по костницкому миру императоръ долженъ былъ предоставить городамъ внутреннюю автономію, а свои права ограничить лишь внѣшнимъ, да и то болѣе номинальнымъ верховенствомъ.

По своему внутреннему смыслу это была борьба окрѣпшей и пришедшей въ сознаніе италіанской народности съ чужеземнымъ господствомъ Нѣмцевъ. Какую же роль играли въ ней папы? Для римской куріи не могло быть ничего ненавистнѣе и опаснѣе прочнаго утвержденія нѣмецкаго владычества въ Италіи, т. е. близкаго господства чуждой могущественной власти, могшей стѣснить ихъ собственный авторитетъ и значение. Поэтому папство въ лицѣ своего энергическаго представителя Александра III¹⁾

¹⁾ Пособіе для исторіи Александра III—Рейтеръ „Исторія папы Александра III“ (на нѣм. языке). Н.

всѣми силами противодѣйствовало планамъ и стремлениямъ императора, и костницкій договоръ въ значительной мѣрѣ былъ его дѣломъ. Такимъ образомъ, вступивъ въ союзъ съ городами и сдѣлавшись солидарнымъ съ итальянской свободой и независимостью, папство успѣло на этотъ разъ отстоять свое господствующее положеніе въ мірѣ, хотя ему грозили повидимому новыя и болѣе страшныя опасности, такъ какъ Фридриху удалось женить своего старшаго сына и будущаго преемника Генриха на Констанціи, единственной наследницѣ коронъ Неаполя и Сициліи. Угасшій вслѣдъ затѣмъ норманскій владѣтельный домъ этихъ земель, въ которомъ еще Григорій VII находилъ защиту въ борьбѣ своей съ Генрихомъ IV, долгое время служилъ для папства самой надежной опорой; мало того, неаполитанское королевство стояло даже въ прямой линии зависимости отъ св. престола и, какъ таковое, обязано было ему вѣрностью и всякимъ содѣйствиемъ. И вотъ теперь этотъ старинный оплотъ папскаго могущества переходить въ руки Штауфеновъ, злѣйшихъ враговъ римской церкви. Поэтому легко было предвидѣть, что это владѣніе современемъ послужить поводомъ къ самой ожесточенной борьбѣ между императорствомъ и папствомъ.

Но, между тѣмъ какъ за Альпами обстоятельства складывались по видимому такъ благопріятно для Штауфеновъ, въ самой Германіи Фридриху Барбароссѣ приходилось выдержать упорную борьбу съ могущественными Вельфами, въ которыхъ нѣмецкое княжевластіе находило свою главнѣйшую опору. Преемникъ Генриха Гордаго Генрихъ Левъ¹⁾, владѣтель Баваріи и Саксоніи, счастливыми войнами на сѣверѣ съ балтийскими Славянами, Фризами и Дитмарсами успѣлъ создать могущественную державу, простиравшуюся отъ Балтийскаго моря до Адріатики и обнимавшую почти половину Германіи. Утвердивъ столицу свою въ Брауншвейгѣ, гордый и хищный Вельфъ, гроза сосѣднихъ владѣтелей, повелитель Балтийскаго моря, впервые открытаго имъ для нѣмецкой торговли, заботясь исключительно о своихъ родовыхъ интересахъ, — вообще очень легко относился къ авторитету императора и наконецъ забылся до того, что въ самую критическую минуту отказалъ ему въ своемъ содѣйствії, отчего Нѣмцы въ послѣднемъ итальянскомъ походѣ и потерпѣли пораженіе при Ленъяно. Фридрихъ понялъ, что его собственная власть находится

¹⁾ Важнѣйшими источниками для исторіи Генриха Льва должны считаться хроники Гельмольда и Арнольда Любекскаго; въ нихъ же мы находимъ массу драгоценныхъ свѣдѣній о Славянахъ поморскихъ и ихъ послѣдней трагической борьбѣ съ Германцами. Изъ пособій можно указать на сочиненіе Р. Прутца „Генрихъ Левъ“ (на нѣм. яз.). Н.

тутъ въ опасности, и, кончивъ свои дѣла въ Италіи, рѣшился, во что бы то ни стало, сломить могущество Вельфовъ. Это ему удалось вполнѣ. Послѣ упорной борьбы Баварія и Саксонія были отняты у Генриха Льва и отданы другимъ владѣтелямъ, при чемъ Австрія была вовсе отдѣлена отъ первого изъ этихъ герцогствъ и составила съ этого времени особое имперское владѣніе; Вельфы же удержали за собой только родовыя земли,—Брауншвейгъ и Люнебургъ. Такимъ образомъ къ концу своей жизни Фридрихъ I опять стоялъ на вершинѣ своего могущества, а участіемъ въ третьемъ крестовомъ походѣ достойно завершилъ свое славное поприще, явивъ собой блестящій образецъ настоящаго средневѣковаго императора,—леннаго государя Германіи и Италіи, успѣвшаго поставить свою власть въ равновѣсіе съ папской, рыцаря и пилигрима.

Примѣчаніе. Фридрихъ I нашелъ себѣ вполнѣ достойнаго историка въ лицѣ Оттона, епископа фрейзингенскаго, представляющаго собою высшую степень развитія средневѣковой исторіографіи и уже поэтому заслуживающаго болѣе подробной характеристики. Оттонъ происходилъ изъ знатнаго рода,—онъ былъ сынъ герцогини Агнесы, дочери императора Генриха IV, отъ ея втораго брака съ маркграфомъ австрійскимъ Леопольдомъ, и приходился слѣдовательно дядею Барбароссѣ. Предназначенный съ дѣтства къ духовному званію, онъ получиль образцовое воспитаніе въ лучшихъ французскихъ школахъ того времени и при своей глубокой религіозности увлекся мистическими идеями вѣка, которымъ оставался вѣренъ до конца своей жизни. Страшныя смуты, не прекращавшіяся въ Германіи со временемъ Генриха IV, породили въ Оттонѣ крайне пессимистическую воззрѣнія на жизнь, и эти возврѣнія всесѣло отразились на его первомъ знаменитомъ литературномъ труде,—всемирной хроникѣ. Самъ авторъ называлъ этотъ трудъ „книгою о двухъ царствахъ“ (*de duabus civitatisibus*). Это своего рода философія исторіи, проникнутая тѣми же основными религіозными идеями, которыя встрѣчаемъ мы у блаженнаго Августина и Орозія. Оттонъ пытается изобразить въ своемъ произведеніи съ одной стороны бѣдствія міра, сего Вавилона, а съ другой—величие царства Божія, небеснаго Іерусалима; онъ пытается изобразить ихъ сначала въ ихъ земномъ смышеніи (о чёмъ и трактуютъ первыя семь книгъ), а затѣмъ (въ восьмой книжѣ) рисуетъ будущуя кончину вселенной, раздѣленіе обоихъ міровъ и различный исходъ того и другаго. Понятно, что подобный взглядъ и методъ придали всему сочиненію скорѣе философскій, нежели историческій характеръ, и книга Оттона, естественно, отличается не столько живостью красокъ или подробностью разсказа, сколько глубиною мысли и строгою послѣдовательностью изложенія. За то совершенно инымъ характеромъ отличается другой трудъ того же автора,—его книга о дѣяніяхъ Фридриха I. Это сочиненіе возникло въ лучшую эпоху, когда затихли наконецъ внутреннія смуты и усобицы и императорство явилось вновь во всемъ своемъ блескѣ. Оттонъ писалъ этотъ второй свой трудъ по желанію самого Фридриха, и императоръ самъ доставлялъ ему материалъ. Тутъ нѣть уже пессимизма и богословской философіи,—все дышитъ жизнью, все

обличаетъ въ авторѣ не только высокій литературный талантъ, но и тактъ государственного человѣка.

Оба труда Оттона нашли себѣ достойныхъ продолжателей: его „Хроника“ доведена была до 1209 года Оттономъ, инокомъ монастыря св. Власія, а его „дѣянія Фридриха“—продолжены до 1160 г. Рагевиномъ, ученикомъ его.

Изъ другихъ источниковъ для исторіи Барбароссы важны, во первыхъ, эпопея о дѣяніяхъ Фридриха, принадлежащая Италіанцу Готфриду Витербійскому (изъ г. Витербо въ папской области), во вторыхъ,—многочисленные германскіе (особенно большиѳ кельнскіе) и италіанскіе (особенно генуэскіе) анналы.

Что касается пособій, то кромѣ названныхъ уже общихъ для всей эпохи трудовъ, можно еще указать на соч. Г. Прутца „Императоръ Фридрихъ I“ (въ 3 т.) и Шефферъ-Бойхорста „Фридр. I и его послѣдній споръ съ курію“. Н.

Шестилѣтнее правлѣніе энергичнаго и суроваго Генриха VI, сына Бар-^{Генрихъ VI.} барбароссы, по всѣмъ нерѣшеннымъ вопросамъ времени подготовило только новую пищу для борьбы. Въ Германіи стремленіе этого императора къ наслѣдственному утвержденію короны за своюимъ домомъ создало множество недовольныхъ въ средѣ нѣмецкихъ князей и слѣдовательно подняло силу вельфской партіи, а насильственное возвращеніе штауфенскаго владычества въ Неаполѣ и Сициліи еще болѣе воспламенило ненависть Италіанцевъ къ Нѣмцамъ и снова возбудило опасеніе папъ за ихъ господствующее положеніе на полуостровѣ и вмѣстѣ на всемъ христіанскомъ Западѣ¹⁾.

Ранняя кончина Генриха VI была поэтому сигналомъ для новой десятилѣтней усобицы между германскими Вельфами и Вайблингами. За малолѣтствомъ генрихова сына Фридриха каждая партія выставила своего претендента на упразднившійся престолъ,—первые Оттона, сына Генриха Льва, а вторые Филиппа Швабскаго, младшаго изъ сыновей Барбароссы. [Несмотря на противодѣйствіе могущественнаго папы Иннокентія III, победа уже окончательно склонилась на сторону Филиппа, какъ вдругъ внезапная смерть молодаго короля, убитаго измѣннически своимъ личнымъ врагомъ Оттономъ фонъ-Виттельсбахомъ, доставила торжество Оттону IV. Иннокентій послѣшилъ признать Вельфа императоромъ, надѣясь найти въ немъ покорное орудіе своей власти]. Но сложившаяся сила вѣщей вскорѣ увлекла даже и вельфскаго императора во враждебныя отношенія къ римскому престолу, на которомъ въ то время возсѣдалъ величай-

*Борьба императорства
съ папствомъ.*

¹⁾ Кратковременное, но важное правлѣніе Генриха VI разработано самыимъ обстоятельнымъ и притомъ строго критическимъ образомъ въ сочиненіи Тѣхе „Jahrbücher Heinrich's d. VI“. Н.

Иннокентій III и Фридрих II. шій изъ представителей папства—Иннокентій III, доведшій теократическую систему этого учрежденія до крайнихъ размѣровъ и настойчиво проводившій ея принципы въ своей всесвѣтной политикѣ. Такому могущественному первосвященнику не стоило большаго труда подавить непокорного Вельфа. Едва только выставилъ онъ противъ него своего юнаго питомца Фридриха II Штауфена, какъ большая часть Германіи приняла его сторону. Оставленный Оттонъ долженъ былъ уступить ему мѣсто и умеръ въ безсиліи въ 1218 г. ¹⁾.

Тогда наступила знаменательная для Германіи и для всего романо-германского Запада эпоха Фридриха II, простирающаяся до половины XIII вѣка и представляющая полный разгаръ и высшее напряженіе вѣковой борьбы имперіи съ папствомъ или вообще государства съ церковью,—борьбы, составляющей одинъ изъ важнѣйшихъ интересовъ средневѣковой исторіи Запада ²⁾. Обѣ стороны высказали здѣсь вполнѣ свои притязанія и права, ибо споръ, завязавшійся между ними, не ограничивался уже какимъ нибудь частнымъ предметомъ несогласія, хотя бы и такимъ важнымъ, какъ нѣкогда вопросъ объ инвеститурѣ. Дѣло шло теперь уже вообще о первенствѣ свѣтской или духовной власти, — о томъ, быть ли папѣ владыкою государей и даже самого императора, или же власть его должна исключительно ограничиться высшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ церковныхъ. Вопросъ первой важности, ибо отъ рѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ зависѣла свобода или порабощеніе западно-европейской мысли, прогрессъ или застой романо-германской цивилизациі.

¹⁾ Смутная эпоха Филиппа и Оттона IV разработана критически въ прекрасномъ сочиненіи Винкельмана „Jahrbücher des deutschen Reiches unter den Königen Philipp und Otto d. IV“. Н.

²⁾ Эпоха Фридриха II чрезвычайно богата источниками всякаго рода, но понятно, что мы можемъ указать здѣсь лишь на важнѣйшіе: изъ лѣтописей обращающаю на себя особенное вниманіе „большіе кельнскіе анналы“ (*Annales Colonienses maximi*), — хроника уршпергская, составленная монахами Бурхардомъ и Конрадомъ (оба — горячіе сторонники Штауфеновъ), страсбургскіе или, какъ называются ихъ теперь, марбахскіе анналы, хроника Матея Парижскаго и саксонская всемірная хроника. Изъ итальянскихъ лѣтописей важны особенно двѣ плацентинскія хроники, написанныя одна Гельфомъ, другая Гибеллиномъ, и генуэзскіе анналы, доведенные до конца XII столѣтія. Богатый дипломатический матеріалъ для исторіи Фридриха II изданъ известнымъ французскимъ ученымъ *Huillard-Breholles* въ его колоссальномъ сборнике „*Historia diplomata Frederici II*“. Изъ новыхъ сочиненій заслуживаютъ особенного вниманія труды Ширмакера и Винкельмана. Н.

Фридрихъ II, человѣкъ высокаго образованія, даровитый законодатель, поэтъ и рыцарь, былъ личностью далеко небезупречной. Пылкій темпераментъ, сластолюбіе, скептицизмъ, сильное пристрастіе къ саарцинской образованности и нравамъ—были темными сторонами его характера. Но все же ему принадлежитъ честь, что въ борьбѣ своей съ папами Григоріемъ IX и Иннокентіемъ IV онъ мужественно отстаивалъ независимость государства и всего свѣтскаго общества отъ грозившаго имъ теократического порабощенія и даже имѣль въ виду вовсе лишить папство неподобающихъ ему свѣтскихъ владѣній и характера. Въ этомъ отношеніи онъ далеко опередилъ свой вѣкъ и потому не встрѣтилъ въ обществѣ надлежащаго сочувствія и поддержки. Папы предали его проклятію, объявили еретикомъ и безбожникомъ и повсюду выставили ему враговъ,—въ Италии города ломбардскіе, въ Германіи—антикоролей, пытались даже отнять у него и его наследственная владѣнія—Неаполь и Сицилію. Фридрихъ боролся до конца дней своихъ и умеръ, не побѣженный ни несчастіями, ни измѣною многихъ своихъ приверженцевъ. [Его смерть повлекла за собою гибель всего рода Штауфеновъ: старшій сынъ его Конрадъ IV умеръ вскорѣ послѣ смерти отца, младшій,—даровитый Манфредъ,—погибъ въ борьбѣ съ жестокимъ и бездушнымъ Карломъ Анжуйскимъ, братомъ Людовика IX Святаго, короля французскаго, которому папы передали Неаполь и Сицилію въ качествѣ лена римской церкви; наконецъ и послѣдняя отрасль Штауфеновъ, внуки Фридриха II и сынъ Конрада IV] Конрадинъ послѣ неудачной попытки отнять у Французовъ свое законное достояніе въ 1268 году былъ обезглавленъ въ Неаполѣ. Церковь торжествовала такимъ образомъ полную победу. Но возбужденный Штауфенами свободный антиклерикальный духъ не погибъ вмѣстѣ съ ними. Въ слѣдующихъ столѣтіяхъ начнутся его прочные успѣхи на Западѣ.

Паденіе Штауфеновъ имѣло решительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу какъ Германіи, такъ и Италии. Такъ долго связанныя общей политической и династическими интересами немецкихъ императоровъ, постоянно стремившихся утвердить власть свою и за Альпами, двѣ страны эти отдельились теперь весьма замѣтно, и каждая пошла своимъ особымъ путемъ. Ослабѣвшая послѣ такого страшнаго напряженія силь имперія не могла уже такъ энергически отстаивать права свои на Италию, и немецкому господству на полуостровѣ вскорѣ положенъ былъ конецъ. Правда, что въ южныхъ частяхъ его утвердилось новое чужеземное господство Французовъ, а съ революціи 1282 года или со времени таѣ называемой сицилійской вечерни Сицилія, отдѣлившись отъ Неаполя, подпала власти

Роско Губи
Царск

арагонскихъ государей¹⁾; но области съверной и средней Италии, сдѣлавшись во второй половинѣ XIII вѣка вполнѣ независимыми, такъ какъ попытки нѣкоторыхъ императоровъ XIV вѣка утвердиться за Альпами не имѣли успѣха, на почвѣ своей побѣдоносной народности могли съ этого времени развить и ту блестящую образованность, которая со-ставляетъ вѣчную славу итальянской исторіи и драгоценное пріобрѣтеніе всего человѣчества.

*Италія XIV
и XV вв.* Италія XIV и XV вѣковъ во многомъ напоминаетъ древнюю Грецію въ ея лучшія времена: та же политическая раздробленность страны и тѣ же выгодныя и невыгодныя стороны такого порядка вещей²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что свобода итальянскихъ республикъ много способствовала ихъ материальному благосостоянію и сильному развитію ихъ духовной культуры, а борьба ихъ внутреннихъ партій,—Гвельфовъ и Гибеллиновъ въ особенности,—при всѣхъ ея гибельныхъ моральныхъ послѣдствіяхъ все же послужила прекрасной школой для этой свободы,—подобно тому, какъ и въ эллинскихъ государствахъ вѣчный антагонизмъ демоса съ аристократіей. Какъ и въ древней Греціи, въ итальянскихъ городахъ—государствахъ сложились разнообразнѣйшія формы внутренняго устройства: олигархія негородантовъ—nobилей въ торговой Венеціи со всевластнымъ совѣтомъ Десяти и съ избирательнымъ дожемъ во главѣ, патриціанская аристократія въ Генуѣ, торговой соперницѣ Венеціи, военная тиранія дома Висконти, а потомъ Сфорца въ Миланѣ, промышленная демократія во Флоренціи въ вѣчной борьбѣ съ капиталистами этого богатаго города и теократическое правленіе въ Римѣ съ частыми революціями и протестами подавленаго имъ городскаго пролетаріата, наконецъ въ южной Италии—суровая феодальная монархія Анжуйцевъ и Арагонцевъ. Какъ и въ Элладѣ, приморскіе города съ счастливымъ географическимъ положеніемъ,—Венеція, Генуя,—въ рукахъ своихъ держать всю торговлю Востока, служа по-

¹⁾ Подъ именемъ сицилійской вечерни известно поголовное избіеніе всѣхъ Французовъ на островѣ Сицилии. Освободившись отъ своихъ жестокихъ притѣснителей, Сицилійцы призвали на свой престолъ короля арагонского Петра, на котораго, какъ на супруга дочери короля Манфреда Елены, перешли всѣ наследственныя права Штауфеновъ. Н.

²⁾ Источники итальянской исторіи XV вѣка собраны въ известномъ изданіи Муратори. Изъ пособій можно указать на сочиненія Лео и Сисмонди, обнимающія собою всю средневѣковую исторію Италіи, на „Исторію города Рима“ Греворіуса, на „Ист. Рима“ Реймента, не говоря уже о массѣ другихъ монографій. Н.

средниками между нимъ и западными странами. Къ довершению сходства Италія XIV и XV вѣка имѣть и свои Аѳини,—это Флоренцію, центръ всей умственной и художественной дѣятельности страны, академію ея изящнаго вкуса, утонченного общежитія, общественной свободы и политической мудрости. Рано, еще въ XIV в., явился здѣсь Данте, величайший поэтъ средневѣковаго Запада, а вслѣдъ за нимъ начинается эпоха богатѣйшаго развитія литературной и художественной культуры.

[Данте явился въ своихъ произведеніяхъ полнѣйшимъ и геніальнѣйшимъ выразителемъ не только итальянской, но и всей средневѣковой умственно-духовной жизни. Въ его бессмертной „Божественной комедіи“ отразилось съ одной стороны во всей своей полнотѣ религіозно-правственное міровоззрѣніе средневѣковаго духа въ моментъ его наивысшаго развитія, а съ другой были призваны на судъ всѣ современные дѣятели той богатой и ужасной эпохи, когда жили и боролись послѣдніе Гогенштауфены и ихъ противники, могучіе іерархи второй половины XIII в.,—когда во всей Италіи кипѣла борьба на жизнь и смерть между Гвельфами и Гибеллинами,—когда изсякнувшее одушевленіе крестоносцевъ повлекло за собою не только потерю святыхъ мѣстъ, но и новое наступательное движеніе ислама на христіанство,—когда на всемъ европейскомъ Западѣ пылали костры и лилась кровь еретиковъ, истребляемыхъ по мановенію папъ,—но проявлялись въ тоже время повсемѣстно зародыши новаго, болѣе свободнаго развитія наряду съ сильнѣйшимъ политическимъ броженіемъ и широкимъ распространеніемъ промышленной и торговой жизни. Данте выражалъ свои геніальные идеи въ высоко-изящной художественной формѣ. По своей могучей силѣ онъ можетъ быть поставленъ наряду съ ветхозавѣтными пророками, тогда какъ его творческая фантазія создала такие образы и сцены, предъ жизненною мощью которыхъ меркнутъ всѣ вымыслы рыцарскихъ поэтовъ эпохи.]

Данте былъ величайшимъ итальянскимъ патріотомъ, но въ тоже время послѣдовательнымъ и пламеннымъ Гибеллиномъ. Свои политическія убѣждѣнія онъ развивалъ не только въ „Божественной комедіи“, но и въ другомъ своемъ поэтическомъ произведеніи „Vita nuova“, гдѣ наряду съ пѣснями любви, одухотворенной и очищенной въ идеальномъ кульпѣ Беатриче, и съ мистическими и аллегорическими идеями изложена политическая система поэта, усматривавшаго все спасеніе родной страны въ возстановленіи императорскаго авторитета. Дальнѣйшее развитіе мистическихъ и политическихъ идей Данте мы находимъ въ его полу-ученомъ, полу-поэтическомъ произведеніи „Il convito“ (пирь); тогда какъ въ латинскомъ трактатѣ

*Ея образованность.
о) Данте.*

„De vulgari eloquio“ изложены его идеи о языке вообще и объ итальянскомъ народномъ говорѣ въ частности.

б) Петрарка. Творческая дѣятельность Данте имѣла самое благотворное вліяніе на дальнѣйшее умственное развитіе Италии. Благодаря ему, итальянскій народный языкъ (тосканское нарѣчіе) сдѣлался языкомъ литературнымъ; а его идеи повліяли на развитіе другаго великаго писателя Петрарки.

Петрарка, жизнь которого относится къ XIV стол., ко временамъ авиньонскихъ папъ (1304—1374 г.), не можетъ быть, правда, поставленъ рядомъ съ творцемъ „Божественной комедіи“ ни по глубинѣ мысли, ни по силѣ поэтическаго вдохновенія, но его литературная дѣятельность не лишена была самыхъ благотворныхъ и важныхъ послѣдствій. Въ своихъ любовныхъ сонетахъ онъ далъ неподражаемые образцы искусственной лирики, явившейся, такъ сказать, послѣднимъ отголоскомъ поэзіи трубадуръ; своею неутомимою дѣятельностью по части открытия, собиранія и изданія латинскихъ классиковъ, особенно Цицерона, онъ положилъ начало позднѣйшему гуманизму; наконецъ въ латинскихъ стихотвореніяхъ своихъ, особенно же въ эпосѣ „Африка“, въ которомъ онъ воспѣвъ третью пунійскую войну, Петрарка явился инициаторомъ позднѣйшей искусственной латинской поэзіи, не лишенной нѣкоторой доли значенія,—по крайней мѣрѣ въ формальномъ отношеніи.

с) Боккачіо. Петрарка въ свою очередь имѣлъ большое вліяніе на третьяго итальянского писателя Боккачіо, вся жизнь которого (1313—1375) протекла въ скромномъ, неутомимомъ служеніи наукѣ и искусству. Онъ первый въ тогдашней Италии изучилъ основательно древне-греческий языкъ и составилъ цѣлый рядъ изслѣдований по мифологіи, географіи и литературѣ классической Греціи. Въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ,—любовномъ романѣ „Фіаметта“, поэмахъ „Тезеидѣ“ и „Філострато“, аллегорическихъ стихахъ и сатирахъ,—и въ особенности въ своемъ „Декамеронѣ“ Боккачіо обнаружилъ замѣчательную силу творчества, чисто реальнаго, живаго, полнаго кипучаго юмора, и сталъ въ этомъ отношеніи выше самого Петрарки.

Художественная дѣятельность великаго поэтическаго триумвирата не стояла особнякомъ въ итальянской культурной жизни XIV вѣка,—она находилась въ тѣсной связи съ богатымъ и всестороннимъ развитіемъ націи. Центрами этого развитія были съ одной стороны дворы итальянскихъ династовъ,—Висконти въ Миланѣ, де-ла-Скала въ Веронѣ, Медичеевъ во Флоренціи, гдѣ, правда, наряду съ богатствомъ и роскошью, утонченнымъ этикетомъ и мягкими, изящными нравами господствовала и страшная нрав-

ственная порча, а съ другой—богатыя городскія общины, гдѣ, какъ напр. въ Генуѣ, Пизѣ, Флоренціи, Луккѣ, Феррарѣ, Венеціи, богатые и знатные патриціанскіе роды соперничали въ роскоши и любви къ поэзіи съ феодальными династами. Въ городахъ этихъ,—и особенно во Флоренціи,—возникла и процвѣла національная италіанская исторіографія, лучшимъ представителемъ которой явился въ XIV в. знаменитый Виллани.

Джованни Виллани (\dagger 1348 г.) принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ хронистовъ позднѣйшей средневѣковой Италіи. Напоминая по своему простодушію, живости изложенія и разнообразію содержанія Геродота, онъ однакоже далеко уступаетъ отцу исторіи какъ въ искусствѣ группированія матеріала, такъ и въ возвышенности міросозерцанія и въ историческомъ безпредвѣсти. Виллани прежде всего Флорентинецъ и и Гельфъ и, хотя пишетъ всемирную хронику, все таки остается хронистомъ по преимуществу мѣстнымъ: чѣмъ больше удаляется онъ отъ Флоренціи, тѣмъ менѣе достовѣрны его извѣстія, хотя съ другой стороны его отнюдь нельзя упрекнуть въ преднамѣренномъ отступленіи отъ истины или въ ея искаженіи: онъ старается каждому воздать должное, признаетъ хорошее и во врагахъ, не щадить тамъ, гдѣ требуетъ этого справедливость, и людей своего лагеря. По тогдашнему обычаю Виллани начинаетъ свою хронику съ древнѣйшихъ временъ, но лишь съ 1286 года даетъ онъ самостоятельный извѣстія. Его продолжателемъ былъ братъ его Маттео, съ свою очередь нашедшій продолжателя въ лицѣ своего сына Филиппа ¹⁾.

Въ Италіанскихъ же городахъ получили начало и пластическая искусство, достигшія въ XV в. такой недосягаемой высоты. Отцомъ италіанского искусства считается современникъ Данте Чимабуе, впрочемъ находившійся въ полной зависимости отъ византійскихъ образцовъ. Его ученикъ Джотто (\dagger 1336) ввелъ въ италіанскую архитектуру готический стиль, а въ живописи положилъ начало самостоятельному италіанскому творчеству. Четыре ученика Джотто,—Джiberти, Брунелески, Донатело и Мазаччіо,—являются уже прямыми предшественниками міровыхъ геніевъ Леонардо да Винчи, Микель-Анджело и Рафаэля, въ произведеніяхъ которыхъ италіанское искусство сказало свое послѣднее, геніальное слово.

XV столѣтіе или, какъ называютъ его, вѣкъ Медичеевъ есть эпоха ^{вѣкъ Медичеевъ.} наибольшаго развитія италіанской средневѣковой культуры. Литература

¹⁾ Маттео довелъ хронику Джованни Виллани до 1363, а Филиппу принадлежитъ лишь незначительное продолженіе ея до 1364 г. Н.

этого времени отличалась необыкновеннымъ богатствомъ и разнообразiemъ своего содержанія, хотя и не выставила ни одного представителя, который бы могъ сравниться съ Петраркою или Боккачіо, не говоря уже о Данте. То было время начинаящагося возрожденія классической древности или гуманизма. Безчисленные писатели этого времени являлись прежде всего собирателями, издателями, а затѣмъ подражателями открытыхъ произведений классиковъ. Почти всѣ они отличались обширною эрудиціею, замѣчательнымъ формальнымъ талантомъ, необычайною плодовитостью, но не выдавались особенно ни оригинальностью, ни творческою силою. Ихъ нравственный уровень не былъ высокъ; проживая при дворахъ династовъ, они добивались прежде и больше всего славы и материального обеспечения. Они были одинаково способны къ самой низкой лести и къ самой грубой инвективѣ. Пошлые панегирики и ругательные памфлеты выходили то и дѣло изъ подъ ихъ пера. Во всей всемирной литературѣ трудно найти такихъ пошлыхъ листцовъ и циническихъ ругателей, какими являются напр. Поджіо Брачіолини и Филемъфо, известные гуманисты первой половины XV вѣка. Истинные и самостоятельные дѣятели, каковъ напр. знаменитый Лаврентій Валла, впервые разоблачившій нелѣпую басню о дарѣ Константина, были не болѣе какъ исключеніемъ. Духъ меценатства, обуявшій всѣхъ тогдашнихъ италіанскихъ правителей, начиная отъ папъ и кончая мелкими феодальными владѣтелями, способствовалъ не мало развитію умственно-художественной жизни, но и отозвался крайне невыгоднымъ образомъ на нравственномъ характерѣ италіанского общества.

*Упадокъ
италіан-
ской куль-
туры.*

Впрочемъ эта моральная порча общества питалась и другими элементами: съ одной стороны частыя сношенія съ Востокомъ и постоянные наплывы западныхъ крестопосцевъ, съ другой—разнудзанныя страсти долго и яростно боровшихся политическихъ партій,—все способствовало ея возрастанію и усиленію, и такимъ образомъ], какъ въ древней Греціи, весь блескъ италіанской культурной жизни былъ лишь кратковременнымъ и преходящимъ явленіемъ, а слишкомъ ранній ея разцвѣтъ повель къ такому же преждевременному упадку. Роскошь и изнѣженность, разлившаяся въ обществѣ отъ накопившихся богатствъ и привычки мирной промышленной дѣятельности, сосредоточенной исключительно въ городахъ, мало по малу отучили гражданъ отъ оружія и создали обычай военныхъ наемниковъ или кондотьеровъ, силами которыхъ велись обыкновенно всѣ нескончаемыя домашнія распри и усобицы италіанскихъ республикъ. Судьба этихъ государствъ, самое ихъ существованіе пришли, стало быть, въ зависимости отъ продажныхъ бродячихъ шаекъ, сдѣлавшихъ изъ войны

ремесло, чуждыхъ патріотизма, вѣрности и чести. Страна очутилась беззащитною отъ нападеній первого смѣлаго заальпійскаго хищника, который бы рѣшился воспользоваться такимъ порядкомъ вещей въ Италіи, чтобы овладѣть ея цвѣтущими областями и городами, своимъ богатствомъ привлекавшими жадность завоевателей. Такими предпріимчивыми хищниками въ концѣ XV вѣка явились государи Франціи, Арагоніи и Германіи, начавшіе свой знаменитый и долгій споръ за обладаніе полуостровомъ, на который въ сущности никто изъ нихъ не имѣлъ никакого уважительнаго права. Вторымъ послѣдствіемъ гибельной системы наемничества было паденіе гражданской свободы въ самыхъ италіанскихъ республикахъ, въ большей части которыхъ верховную власть захватили отдѣльные честолюбцы то изъ среды самихъ гражданъ, то какіе-нибудь счастливые вожди кондотьеровъ,—и города для своей безопасности, для сосредоточенія своихъ силъ въ виду постоянныхъ внѣшнихъ опасностей, должны были допустить тиранію. Такъ возникли въ италіанскихъ государствахъ владельческія фамиліи—Висконти, а потомъ Сфорца въ Миланѣ, Эсте—въ Феррарѣ, Гонзала—въ Мантую, Бентивольо—въ Равеннѣ, Медичи—во Флоренціи. Правда, многіе изъ этихъ династовъ, особенно флорентійскіе, пеклись о благосостоянії своихъ согражданъ, обуздывали партіи, покровительствовали литературѣ, наукамъ и искусствамъ и вообще искусственно поддерживали прежнее блестящее развитіе италіанской жизни; но живой источникъ этого развитія,—свобода и самостоятельность общественная,—изсякъ уже навсегда.

Иную судьбу испытала Германія послѣ того, какъ штауфенская фамилія сошла со сцены. Близайшимъ послѣдствіемъ паденія этой династіи была здѣсь всеобщая анархія, разрушеніе всей обычной организаціи имперіи и такое полное господство кулачного права или права сильнаго, что время это справедливо называется въ нѣмецкой исторіи именемъ величаго междуцарствія.

Начавшееся разложеніе имперіи обнаружилось тѣмъ, что торжествующая церковь присвоила себѣ право располагать ея престоломъ, государственные вассалы стали стремиться къ роли независимыхъ территоріальныхъ государей, имперское рыцарство ударило въ разбои. Прежнія общественные связи рушились. Ни суда, ни управы не стало въ нѣмецкой землѣ. [Номинальными королями ея одновременно считались Ричардъ, герцогъ корнваллійскій, братъ англійскаго короля Генриха III, и Альфонсъ X, король кастильскій. Оба они были избраны небольшими партіями имперскихъ князей, оба затратили громадныя денежныя суммы на пріобрѣтеніе

германской короны и оба не имѣли ровно никакого значенія въ Германиі. Ричардъ пріѣзжалъ раза три въ свое королевство, Альфонсъ же никогда и не показывался въ немъ и ограничивался присылкою однихъ денегъ]. Покинутое верховною властью общество само искало средствъ оградить публичную безопасность, возстановить попранный законъ. Частнымъ образомъ возникли тайныя священныя судилища, самовольно каравшія преступленія, образовались союзы городовъ (рейнскій, ганзейскій), чтобы собственными силами защищать свою торговлю. Лѣтъ двадцать (1254 — 1273) продолжалось это смутное состояніе Германіи, пока общая потребность въ какомъ нибудь порядкѣ не заставила князей избрать национального главу государства. Выборъ палъ на Рудольфа, графа Габсбургскаго, храбраго, благочестиваго и честнаго рыцаря, но по родовымъ владѣніямъ въ Эльзасѣ и Швейцаріи князя весьма незначительнаго. Въ короли же предложилъ его нюрнбергскій бургграфъ Фридрихъ изъ фамиліи Гогенцоллерновъ¹⁾. Въ одно время, стало быть, именно во второй половинѣ XIII в., выступаютъ въ Германіи на историческое по-прище эти два новые владѣтельные дома, игравшіе въ послѣдующихъ судьбахъ ея такую важную роль, — Габсбурги на югѣ и Гогенцоллерны на сѣверѣ. Прошло однако много поколѣній, прежде чѣмъ эти фамиліи достигли значенія и силы; на первыхъ же порахъ Рудольфу удалось только отнять у Чехіи Австрію и Штирию и пріобрѣсти ихъ для своего дома, а затѣмъ габсбурго-австрійскій родъ надолго оттѣсненъ былъ другими владѣтельными фамиліями, особенно Люксембургской, владѣвшей императорской короной втеченіе почти цѣлаго столѣтія. Вообще съ этого времени измѣняется характеръ и роль римско-нѣмецкаго императорства. Лучшіе представители прежнихъ династій, — саксонскіе Оттоны, франконскіе Генрихи, швабскіе Фридрихи, — такъ или иначе имѣли всегда въ виду общиे интересы Германіи, стремились прежде всего къ возвеличенію императорскаго сана, къ расширенію его правъ, отстаивая его независимость отъ теократическихъ покушеній папства. Главною же цѣлью ихъ внутренней политики было подавленіе нѣмецкаго княжевластія и государственное объединеніе націи. И если цѣль эта не была достигнута, то виною тому были случайныя обстоятельства, имъ помѣшавшія, — кратковременность самихъ династій, вѣчные походы въ Италію, вѣчные захваты новыхъ земель на славянскомъ Востокѣ, а затѣмъ — упорная и про-

¹⁾ Въ этомъ избраніи не принялъ однако участія самый могущественный изъ имперскихъ вассаловъ Оттокаръ II, король чешскій, самъ мѣтившій на германскую корону. Н.

должительная борьба съ папствомъ. Все это развлекало ихъ силы, не дало имъ сосредоточиться на внутреннихъ задачахъ германской исторіи. Но лично по крайней мѣрѣ всѣ они стояли въ уровень съ извѣстной средневѣковой теоріей императорства и болѣе или менѣе выполняли его назначение. Съ паденiemъ Штауфеновъ это вѣковое теченіе нѣмецкой исторіи измѣняется. Церковь въ союзѣ съ нѣмецкими князьями одержала въ половинѣ XIII вѣка полную побѣду, а потому вмѣстѣ со своими союзниками пожала и всѣ плоды ея. Папы упрочили свое властительное положеніе въ мірѣ, князья же германскіе достигли того, къ чему стремились такъ долго,—фактической независимости на своихъ территоріяхъ. Оставалось только сохранить это положеніе, а для этого надо было не допускать къ императорскому сану ни одну изъ сильныхъ и вліятельныхъ княжескихъ фамилій. И вотъ съ этого времени выборъ ихъ падаетъ особенно на лица самыя незначительныя и политически слабыя,—Рудольфа Габсбургскаго, Адольфа Нассаускаго, Генриха Люксембургскаго. Но эти мелкіе владѣтели, чувствуя свое безсиліе, тотчасъ стремятся воспользоваться средствами императорскаго сана для пріобрѣтенія новыхъ земель для своего дома, для упроченія своего родового могущества. Такъ Габсбурги пріобрѣтаютъ себѣ Австрію и Штирію, Люксембурги — Чехію, Моравію, Угрію и много другихъ земель, а Людовикъ Баварскій пытается даже утвердить власть свою въ Италіи, въ Германіи же захватить Бранденбургъ и Тироль. Съ своей стороны, замѣтивъ усиленіе какой либо фамиліи, князья тотчасъ переносятъ корону въ какой нибудь другой незначительный родъ, а этотъ опять начинаетъ стремиться по тому же пути земельныхъ пріобрѣтеній.

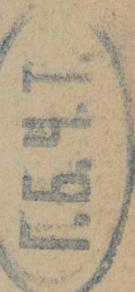
Такъ мало по малу императорскій санъ нисходить на степень орудія, которымъ пользуются отдѣльныя фамиліи для родовыхъ своихъ цѣлей. Объ общихъ планахъ и задачахъ средневѣковаго императорства нѣть болѣе и помину. Императоры XIV и XV вѣка преслѣдуютъ только интересы своего дома, своей династіи, — до общихъ задачъ и блага имперіи имъ нѣть почти никакого дѣла. Первый примѣръ этой узкой династической политики на императорскомъ престолѣ подали Габсбурги. По ихъ слѣдамъ пошли и другія фамиліи. Люксембургскій домъ достигъ въ ней даже весьма счастливыхъ результатовъ для себя¹⁾). Вте-

¹⁾ Люксембургскій домъ вступилъ на престолъ въ лицѣ Генриха VII, во многихъ отношеніяхъ не подходившаго подъ столь вѣрно и мѣтко очерченный въ текстѣ типъ германскихъ императоровъ XIV и XV ст. Правда, Генрихъ VII началъ свою дѣятельность съ того, что, воспользовавшись прекращеніемъ древней

ченіе трехъ поколѣній, при Карлѣ IV, Вячеславѣ и Сигизмундѣ, носившихъ императорскую корону до половины XV вѣка, ему удалось пріобрѣсть всю почти восточную, полуславянскую Германію. Для этихъ наслѣдственныхъ своихъ земель пѣкоторые изъ Люксембурговъ сдѣлали много хорошаго. Такъ Карль IV былъ истиннымъ благодѣтелемъ Чехіи, поднявши на высокую степень ея матеріальную и умственную культуру. Но собственно для Германіи всѣ эти государи, — съ самыхъ временъ междуцарствія до исхода среднихъ вѣковъ, — не сдѣлали почти ничего. Погло-

династію Штемысловцевъ въ Чехіи, женившись своего сына Іоанна на Елизаветѣ, наследницѣ чешской короны, и пріобрѣль такимъ образомъ для своего рода богатое наслѣдство, но этимъ и оканчивается его сходство съ другими императорами этой эпохи. Генрихъ VII былъ настоящій идеалистъ и, какъ таковой, стоялъ на почвѣ старого императорства. Онъ хотѣлъ возстановить славные времена Оттоновъ и Фридриховъ и предиринялъ съ этой цѣлью своей походъ въ Италию. Восторженно привѣтствуемый Данте и другими италіанскими патріотами, онъ выступаетъ въ роли миротворца и посредника между партіями Гвельфовъ и Гибеллиновъ; но эта задача оказывается ему не по силамъ, и ранняя трагическая смерть спасаетъ его, быть можетъ, отъ окончательной неудачи. Единственный сынъ его Іоаннъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ „Іоанна, короля богемскаго“, велъ свою жизнь какъ настоящій странствующій рыцарь, бросался во всевозможныя предпріятія, подъ конецъ ослѣпъ и умеръ смертью героя при Кressи, сражаясь въ рядахъ французского рыцарства. Этотъ Іоаннъ былъ между прочимъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ избранія на императорскій престолъ Людовика Баварскаго, дурное правленіе котораго (1314—1347) прошло сначала въ борьбѣ съ габсбургскимъ претендентомъ, герцогомъ Фридрихомъ Красивымъ, а затѣмъ въ ожесточенной распри съ папствомъ. Эта послѣдняя распри замѣчательна тѣмъ, что она велась со стороны императора не однимъ только матеріальнымъ, но и духовнымъ оружіемъ. Многіе изъ вліятельнѣйшихъ членовъ католической іерархіи, особенно же братья міноритскаго (францисканскаго) ордена выступили противъ пепомѣрныхъ притязаній папства и страшной нравственной порчи католического духовенства, а равно и на защиту правъ императорства. Изъ этихъ ученыхъ противниковъ папства выдавались особенно два: Марзілій Падуанскій и Laudinus Переуджіанскій, въ замѣчательномъ трактатѣ которыхъ „Defensor pacis“ подвергнуты были самой систематической и безпощадной критикѣ всѣ основы и притязанія папского владычества. Послѣ смерти Людовика на императорской тронѣ вступила вновь люксембургская династія въ лице Карла IV-го (1347—1378 г.) при которомъ могущество потомковъ Генриха VII достигло наивысшей своей степени; но уже при сыне Карла Вячеславѣ (Венцелѣ) князья избрали антикороля Рупрехта, пфальцграфа рейнскаго, а Сигизмундомъ (1410—1437), на головѣ котораго соединились короны имперіи, Чехіи и Венгрии, окончилась люксембургская династія. Послѣдняя отрасль ея — Елизавета, дочь Сигизмунда, вышла замужъ за герцога австрійскаго Альбрехта, а вмѣстѣ съ рукой ея и всѣ владѣнія Люксембурговъ достались Габсбургамъ. Н.

щенные своей родовой политикой, заботясь исключительно о своихъ наследственныхъ земляхъ, они мало обращали вниманія на нужды и общіе интересы Германіи. Самоуправство сильныхъ, презрѣніе всякихъ законовъ, усобицы между князьями, ярая борьба между городами и рыцарствомъ во все это время по прежнему господствовали въ Германіи,—и по прежнему беззащитное общество искало спасенія отъ анархіи въ самозащитѣ, въ частныхъ союзахъ и оборонительныхъ мѣрахъ, напр. въ швабскомъ союзѣ, возникшемъ въ концѣ XIV вѣка въ южной Германіи [и состоявшемъ изъ городовъ, князей и рыцарей], въ нѣсколькихъ рыцарскихъ и княжескихъ союзахъ, образавшихся около того же времени въ разныхъ мѣстахъ страны, и т. п. Все это дѣжалось, возникало и падало независимо отъ безсильной или же безучастной императорской верховной власти. Но съ теченіемъ времени, при такомъ общемъ стремленіи къ восстановленію законности и порядка, и само правительство должно было наконецъ выйти изъ своего обычного равнодушія къ общимъ интересамъ страны и съ своей стороны сдѣлать хоть что-нибудь въ этомъ смыслѣ. Карлъ IV первый подалъ тому примѣръ, издавши въ 1356 году весьма важный основной законъ для имперіи, известный подъ именемъ Золотой Буллы и точнымъ образомъ опредѣлившій порядокъ избрали императоровъ. Въ силу его избирательное право на будущее время предоставлено было коллегіи семи курфюрстовъ или князей-избирателей, къ числу которыхъ отнесены архиепископы майнцкій, кельнскій и трирскій, пфальцграфъ рейнскій, герцогъ саксонскій, король чешскій и маркграфъ бранденбургскій, причемъ привилегированные владѣтели эти надѣлены и всѣми почти правами величества на своихъ территоріяхъ. Хотя императоръ и здѣсь прежде всего имѣлъ въ виду опять таки интересы своихъ наследственныхъ земель, желая этимъ актомъ неразрывно связать ихъ съ составомъ имперіи и упрочить за Чехо-Моравіей вліяніе на ея судьбу, но и для Германіи законъ этотъ имѣлъ большое значеніе, устранивъ съ теченіемъ времени тѣ раздоры и смуты, которые сопровождали такъ часто выборъ каждого новаго императора¹⁾. Затѣмъ дѣятельность центральной императорской власти направлена была къ тому, чтобы постепенно установить общий земскій миръ въ глубоко потрясенной странѣ, положить конецъ самоуправству и частнымъ войнамъ, которая со временемъ междуцарствія разрушали благосостояніе Германіи. Но въ этомъ отношеніи стремленія им-

¹⁾ О Золотой Буллѣ см. два специальныхъ изслѣдованія: OlenschlÄger „Erläuterung der goldenen Balle“ и Jacoby „Die goldene Balle“ Н.

ператоровъ шли туго и увѣнчались окончательнымъ успѣхомъ только въ самомъ концѣ XV столѣтія, именно въ 1495 г., когда императоромъ Максимилианомъ I учреждены были имперскій каммергерихъ или верховное судилище имперіи для разбора споровъ между князьями и между цѣльными сословіями и когда Германія раздѣлена была на округи, въ предѣлахъ которыхъ сильнѣйшіе владѣтели въ качествѣ имперскихъ намѣстниковъ обязаны были заботиться о соблюденіи земскаго мира.

Всѣ эти новыя отношенія, условія и порядки мало по малу измѣнили если не организацію, то самый характеръ римско-нѣмецкой имперіи. Къ концу среднихъ вѣковъ она уже не была іерархіей малыхъ и большихъ, частныхъ и государственныхъ леновъ съ императоромъ, какъ съ верховнымъ леннымъ государемъ, во главѣ. Втеченіе XIV и XV вѣковъ государственные лены при постоянной слабости центральнаго императорскаго правительства, и при господствовавшей такъ долго анархіи окончательно-превратились въ наслѣдственные владѣнія извѣстныхъ фамилій. Германскіе князья, считаясь все еще вассалами имперіи, фактически стали уже территоріальными государами своихъ областей, присвоивъ себѣ и права величества, и имперія конца XV вѣка представляется уже союзомъ почти независимыхъ владѣній, въ которыхъ императору принадлежитъ только какъ бы почетное предсѣдательство и главенство. Но связи членовъ союза какъ между собой, такъ и съ центральной властью, крайне шатки и слабы. Каждая владѣтельная фамилія начинаетъ преслѣдоваться только свои династическіе и территоріальные интересы. Сами императоры, представители единства союза, подаютъ примѣръ этой домашней террито-ріальной политики. Отныне судьба имперіи становится уже зависимою отъ интересовъ и политики ея наиболѣе сильныхъ и владѣтельныхъ родовъ. Между этими родами, если не считать люксембургскаго дома, не успѣвшаго упрочиться и угасшаго уже въ 1437 году со смертью Сигизмунда, особенное значеніе и вліятельную роль приобрѣтаютъ двѣ фамиліи—Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Сначала ихъ связью, а впослѣдствіи ихъ борьбой значительно условливалась долгое время судьба Германіи. Поэтому и намъ слѣдуетъ теперь остановить вниманіе на ихъ начальной исторії.

Габсбурги.

Хотя габсбургскій домъ¹⁾ сталъ замѣтенъ между нѣмецкими княжескими фамиліями еще съ XII вѣка, но настоящее возвышеніе его на-

¹⁾ Для исторіи габсбургскаго дома важны изслѣдованія Майлата „Исторія Австріи“ и Лихновскаго „Исторія габсбургскаго дома“ (Вѣна 1837 г.); см. кромѣ того Th. Krones „Geschichte Oesterreich's“ (4 тома, 1876—79),—сочин.

чинается лишь съ того времени, когда графу Рудольфу удалось въ 1273 г. получить императорскую корону. Въ то время это былъ одинъ изъ незначительныхъ владѣтельныхъ родовъ, наслѣдственный земли кото-
рого, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Швейцаріи и на верхнемъ Рейнѣ, имѣли едва 200 квадратныхъ миль пространства. Поэтому Рудольфъ справедливо можетъ считаться основателемъ могущества и блеска своего дома, такъ какъ ему посчастливилось пріобрѣсть для него Австрію и Штирію и посредствомъ удачныхъ браковъ своихъ дочерей породниться съ сильными домами Германіи — саксонскимъ, баварскимъ и бранденбург-
скимъ. Какого значенія достигли этимъ Габсбурги, видно изъ того, что по смерти Рудольфа князя при выборѣ ему преемника обошли сына его Альбрехта Австрійскаго, какъ владѣтеля слишкомъ могущественнаго, а предложили корону незначительному Адольфу Нассаускому, у кото-
рого только впослѣдствіи Альбрехтъ, — сначала интригами, а потомъ ору-
жіемъ, — отнялъ императорскій престолъ. Жестокость и крутой нравъ Аль-
брехта уронили однако до того популярность Габсбурговъ, что по убієніи
этого хищника роднымъ его племянникомъ недовѣрчивые князья долго не
рѣшались предоставить имъ корону, и такимъ образомъ фамилія эта съ
начала XIV вѣка болѣе чѣмъ на цѣлое столѣтіе устранина была отъ
императорскаго сана. Этимъ то временемъ и воспользовался домъ люксем-
бургскій, чтобы упрочить за собою престолъ, который съ небольшими про-
межутками и занималъ онъ почти до половины XV вѣка, прекрасно
употребивъ свой императорскій авторитетъ и средства для усиленія
своего собственного родового могущества. За это время пріобрѣлъ онъ
себѣ Чехо-Моравію, Угрію, Лужицы и Силезію, сдѣлавшиись такимъ обра-
зомъ могущественнѣшею изъ германскихъ фамилій. Но и Габсбурги не
бездѣйствовали и за это время успѣли присоединить къ своимъ владѣні-
ямъ Хорутанію, но, что важнѣе всего, имъ удалось породниться съ Люк-
сембургами: въ первой половинѣ XV вѣка тогдашній представитель этого
дома Альбрехтъ женился на единственной дочери и наслѣдницѣ послѣд-
няго люксембургскаго императора Сигизмунда Елизаветѣ и бракомъ этимъ
пріобрѣлъ виды на богатое наслѣдство этой династіи, дѣйствительно и
угасшей со смертью Сигизмунда. Всѣ люксембургскія земли достались те-
перь вмѣстѣ съ императорскимъ достоинствомъ Альбрехту II.

Начиная съ этого времени, именно съ 1437 г., и до самаго паденія рим-
ско-нѣмецкой имперіи въ началѣ нашего столѣтія ея корона постоянно была
неніе, важное по своимъ библиографическимъ даннымъ, обнимающимъ исторію
какъ габсбургской династіи, такъ и всѣхъ австрійскихъ земель. Н.

уже достояніемъ габсбургскаго дома. Послѣ Альбрехта цѣлые полвѣка безславно носилъ ее неспособный и недѣятельный Фридрихъ III, при которомъ Турки, завоевавъ Константинополь, простили свои опустошенія до средняго Дуная, отложились Угрія и Чехія, бургундское государство раздвинулось до Рейна, и имперіи, внутри терзаемой усобицами и самоуправствомъ сильныхъ, отовсюду грозили и внѣшнія опасности. Фридрихъ не сдѣлалъ ничего для отвращенія этихъ бѣдствій, но родовая свои владѣнія все таки увеличилъ пріобрѣтеніемъ Тироля. Самое же счастливое время началось для Габсбурговъ съ воцареніемъ фридрихова сына Максимилиана I, при которомъ съ водвореніемъ земскаго мира и съ учрежденіемъ каммергерихта Германія нѣсколько успокоилась. Впрочемъ главная дѣятельность Максимилиана сосредоточена не здѣсь, а въ области династическихъ интересовъ габсбургской фамиліи, гдѣ онъ достигъ блестящихъ результатовъ и пожалъ самые цѣпные плоды своихъ усилий. Женитьбой на Маріи, единственной дочери и наслѣднице герцога бургундскаго Карла Смѣлаго, онъ пріобрѣлъ Нидерланды, богатѣйшую въ тогдашней Европѣ страну въ полторы тысячи квадратныхъ миль пространства. Габсбургскія владѣнія простирались при немъ уже на 3500 квадратныхъ миль съ семью миллионами населенія. Но фамильные успѣхи его этимъ не ограничились, — столь же удачно жениль онъ и сына своего Филиппа на Хуанѣ, дочери Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской, наслѣдницѣ всѣхъ владѣній и коронъ Арагоніи и Кастиліи, т. е. Испаніи, Неаполя и новооткрытой тогда Америки. Но, такъ какъ Филиппъ умеръ въ раннемъ возрастѣ, это новое громадное наслѣдство досталось уже старшему сыну его, — стало быть, внуку Максимилиана, — Карлу, бывшему по смерти дѣда императоромъ подъ славнымъ именемъ Карла V; между тѣмъ какъ второй внуkъ Максимилиана Фердинандъ, братъ Карла V, тоже счастливымъ бракомъ съ Анной, сестрой и наслѣдницей бездѣтнаго чехо-угорскаго короля Людовика II, пріобрѣлъ для своего дома Венгрію и Чехію. Такъ къ началу новыхъ временъ составилась колоссальная держава Габсбурговъ, и нельзя не видѣть, что своимъ происхожденіемъ она прежде всего обязана дальновидной и тонко разсчитанной политикѣ выгодныхъ браковъ, которыми эта династія такъ прославилась, что панегиристъ могъ справедливо сказать о ней: „*bella gerant alii, tu, felix Austria, nube; nam quae Mars aliis, dat tibi regna Venus*“.

Въ противоположность возрастающему могуществу Габсбурговъ на юго-западѣ Германіи образовался втечение этого времени вольный союзъ швейцарскихъ кантоновъ, происхожденіе и успѣхи котораго имѣютъ

значение протеста древне-германской земской свободы противъ тѣхъ угнетеній, которая стала испытывать она съ тѣхъ поръ, какъ имперскіе князья мало по малу превратили имперскіе лены въ свои отчины¹⁾). Слабость имперіи въ XIV и XV в. благопріятствовала какъ подобнымъ освободительнымъ движеніямъ со стороны подавленнаго земскаго населенія, такъ и вообще отторженію инородныхъ окраинъ имперіи отъ ея германскаго ядра. Такъ на съверо-западѣ Германіи обособились независимыи образомъ Нидерланды, на востокѣ—Чехія съ Моравіей, на югѣ—Ломбардія, на юго-западѣ—Швейцарія. Обособленіе же этой послѣдней совершилось при такихъ условіяхъ и съ такимъ характеромъ, которые не могли остатъся безъ вліянія и на судьбу коренныхъ областей нѣмецкихъ.

Древняя Гельвеція, получившая свое теперешнее название отъ горнаго кантона Швицъ, игравшаго первую роль въ союзѣ въ начальное время его независимости, впродолженіе среднихъ вѣковъ считалась составною частью римско-нѣмецкой имперіи и наравнѣ съ другими ея землями несла въ пользу ея обычныи имперскія повинности, весьма впрочемъ немногочисленныи и легкія. Свободное древне-германское общинное устройство, подъ защитою гористой мѣстности края уцѣлѣвшее здѣсь живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, пользовалось почти полной неприкосновенностью со стороны центральной императорской власти. Только со второй половины XIII вѣка, когда въ Германіи началось сильное стремленіе къ превращенію имперскихъ земель въ наслѣдственный владѣнія извѣстныхъ княжескихъ фамилій, подобная попытка сдѣлана была и въ Швейцаріи со стороны сильнѣйшихъ изъ мѣстныхъ владѣтелей, графовъ Габсбургскихъ, гнѣтъ которыхъ особенно усилился съ того времени, какъ родъ этотъ достигъ императорскаго престола. Къ началу XIV вѣка притѣсненія до того уси-

Швейцар-
скій союз.

¹⁾ Для исторіи возникновенія швейцарскаго союза кромѣ совершенно устарѣлого сочиненія Іоанна Мюллера и названнаго выше сочиненія Коппа можно указать еще слѣдующія монографіи: Фикеръ „Ueber die Gründung der Eidgenossenschaft“; Гейссеръ „Die Sage von Tell“; Губеръ „Die Waldstätte Uri, Schwiz, Unterwalden“; Либенау „Die geschichtlichen Ursachen der Entstehung einer schweizerischen Eidgenossenschaft“. Сказаніе о Вильгельмѣ Теллѣ, неразрывно-связанное съ возникновеніемъ швейцарскаго союза, оказывается по новѣйшимъ изслѣдованіямъ довольно позднимъ вымысломъ. Впервые легенда о Теллѣ появляется лишь у авторовъ конца XV столѣтія; все документальныи доказательства дѣйствительнаго существованія Телля были сфабрикованы въ еще болѣе позднюю эпоху; наконецъ точно такія же сказанія мы находимъ уже у Саксона Грамматика, равно какъ и у многихъ норвежскихъ, англо-саксонскихъ и исландскихъ авторовъ. Н.

лились, что покушение второго габсбургского императора—Альбрехта—подчинить свободныхъ горцевъ Швица, Ури и Унтервальдена произвольному управлению своихъ намѣстниковъ или фогтовъ повело къ явному восстанию угнетенныхъ. Три кантона эти, изгнавъ габсбургскихъ намѣстниковъ, составили въ 1308 г. вольный союзъ, и разбивши въ 1315 г. при Моргартенѣ направленныя противъ нихъ военные силы Габсбурговъ, отстояли его независимость, а въ концѣ XIV вѣка новой побѣдою при Земпахѣ (1386) надъ цвѣтомъ габсбургского рыцарства еще болѣе упрочили эту независимость. Впрочемъ и послѣ того Швейцарцы долго еще имѣли въ Габсбургахъ сильныхъ враговъ, борьба съ которыми съ половины XV вѣка стала тѣмъ труднѣе, что въ это самое время на разросшійся присоединеніемъ новыхъ кантоновъ союзъ началъ обнаруживать покушеніе герцогъ бургундскій Карлъ Смѣлый, дерзкій, кичливый рыцарь, мечтавшій объ основаніи между Франціей и Германіей независимаго галло-белгійскаго королевства, въ составъ котораго должна была войти и Швейцарія. Но союзники, какъ обыкновенно называли себя Швейцарцы, въ трехъ славныхъ битвахъ—при Грансонѣ, Муртенѣ и Напса уничтожили и бургундское рыцарство, какъ прежде разбивали австрійское. Наконецъ къ исходу XV в. они окончательно успѣли свергнуть свою зависимость и отъ нѣмецкой имперіи.

Въ вѣковыхъ войнахъ этихъ выросъ патріотизмъ и геройскій духъ Швейцарцевъ, надолго пріобрѣвшихъ славу первой военной націи въ Европѣ. До самаго XVIII вѣка швейцарскіе наемники считались лучшими и надежнѣшими войсками, и западные государи наперерывъ старались вербовать ихъ въ свою службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ швейцарская тактика, основанная на пѣшемъ строѣ стрѣлковъ и копейщиковъ, такъ блестательно оправдавшая себя побѣдами надъ броненосной рыцарской кавалеріей, сдѣлалась господствующею на Западѣ и немало способствовала упадку рыцарства и его военной монополіи.

Гогенцоллерны. Въ то время, когда на юго-востокѣ западной Европы искусственно составлялся странный политический конгломератъ разноплеменныхъ владѣній, известный подъ именемъ габсбургско-австрійскаго государства, на сѣверо-востокѣ Германіи сталъ пріобрѣтать значеніе другой владѣтельный родъ, которому суждено было сыграть не менѣе видную историческую роль, — родъ Гогенцоллерновъ или просто Цоллерновъ. Замѣтнымъ становится онъ тоже съ XIII вѣка, — не столько впрочемъ своими родовыми владѣніями во Франконіи и Швабіи, вообще незначительными, сколько своимъ богатствомъ, пріобрѣтеннымъ бережливостью

и отличными хозяйственными способностями этой фамилии. Съ обѣими главными династіями, управлявшими судьбами Германіи во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, т. е. съ Габсбургами и Люксембургами, Гогенцоллерны успѣли поставить себя въ наилучшія отношенія, такъ что въ началѣ XV вѣка представитель цоллернскаго дома, нюрибергскій бургграфъ Фридрихъ за свою преданность и денежныя услуги получилъ отъ императора Сигизмунда бранденбургское маркграфство вмѣстѣ съ кур-фиршескимъ достоинствомъ, соединеннымъ съ этимъ владѣніемъ. Съ этого времени Гогенцоллерны вступаютъ въ рядъ первоклассныхъ княжескихъ фамилій Германіи.

Но истинное возвышеніе этого дома начинается только съ момента приобрѣтенія Пруссіи, доставшейся ему слѣдующимъ образомъ. Нынѣшняя восточная Пруссія издревле населена была литовскимъ племенемъ Пруссовъ. Польские князья еще съ XI вѣка пытались покорить этотъ сосѣдній полудикий и языческій народъ и водворить у него христіанство; но воинственные Пруссы мужественно отстаивали свою независимость, и проповѣдь новой вѣры дѣлала между ними мало успѣховъ до самого начала XIII столѣтія, когда князья мазовецкіе, тѣснимые ими въ собственныхъ владѣніяхъ, призвали противъ нихъ изъ Палестины рыцарей нѣмецкаго ордена, которые втеченіе XIII вѣка и покорили всю ихъ страну, обративъ ее окончательно въ христіанство. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась и германизація Пруссовъ. Земля ихъ покрылась нѣмецкими городами, каковы напр. Торнъ, Кенигсбергъ, Маріенбургъ, Кульмъ и др. Но съ XIV в. рыцарей стали тѣснить съ одной стороны Поляки, съ другой ихъ собственные подданные, особенно города, недовольные орденскимъ управлѣніемъ. Вслѣдствіе ихъ возстанія и жестокой войны съ Польшею орденъ долженъ былъ въ 1466 году часть восточной Пруссіи уступить Полякамъ, а остальная земля свои поставить въ ленную зависимость отъ польской короны. Посреди такихъ затрудненій въ 1511 году рыцари избрали своимъ гросмайстеромъ Гоген-

¹⁾ Для исторіи Гогенцоллерновъ, а равно постепеннаго возникновенія Пруссіи особенное значеніе имѣютъ изслѣдованія Драйзена, изданныя подъ заглавиемъ „Исторія прусской политики.“ Для характеристики орденскаго государства въ Пруссіи кромѣ сочиненій, цитированныхъ выше, см. прекрасную статью, Трейчке, помѣщенную въ первомъ томѣ его „Historisch-politische AufsÄtze.“ Изъ общихъ трудовъ по исторіи Пруссіи важны слѣдующія: Штенцель „Geschichte d. Preussischen Staates;“ Рейманъ „Geschichte d. preussischen Staates“ и особенно Ранке „Zwölf Bücher preussischer Geschichte.“ Н.

цоллерна Альбрехта (изъ франконской отрасли этого дома) въ надеждѣ, что эта тогда уже очень влиятельная фамилія доставить имъ помощь Германіи. Разсчеты эти не сбылись, правда, и Польша по прежнему удержала ленные права свои надъ Пруссіей; но Альбрехтъ все таки совершилъ актъ, въ высшей степени важный для будущихъ судебъ этого края. Въ 1525 году вмѣстѣ со всѣми рыцарями онъ принялъ протестантизмъ, только что появившійся тогда въ Германіи, и обратилъ орденскія владѣнія въ свѣтское герцогство. Теперь можно было предвидѣть, что протестантскій край этотъ употребить всѣ усилия, чтобы свергнуть ненавистную зависимость отъ католической Польши; но это стало возможнымъ только тогда, когда по фамильнымъ правамъ обѣ части гогенцоллернскихъ владѣній, — Бранденбургъ и Пруссія, — въ 1618 году соединились въ одно государство.

Такъ на исконной почвѣ славянской и литовской народности, мало по малу поглощенной укоренившимся тутъ германизмомъ, образовалась бранденбурго-прусская держава Гогенцоллерновъ. Процессъ завоевательной нѣмецкой колонизаціи, такъ долго совершившійся въ этихъ мѣстахъ, естественно придалъ ей преобладающій военный характеръ, а протестантизмъ мало по малу сгруппировалъ около нея сѣверная нѣмецкія области, принявши это исповѣданіе. Съ течениемъ времени развилась и противоположность этой державы съ католическимъ государствомъ Габсбурговъ, выросшимъ тоже на: поглощенныхъ имъ славянскихъ и угорскихъ элементахъ, далеко превосходившимъ прусское обширностью и числомъ захваченныхъ имъ странъ, но за то уступавшимъ ей силой своей внутренней, особенно военной организаціи и основаніемъ исключительно на случайномъ правѣ фамильного наслѣдства и брачныхъ союзовъ. Противоположность эта впрочемъ обнаружилась только въ новое время во всей своей силѣ.

Примѣчаніе. Характеръ германской исторіографіи измѣняется самимъ существеннымъ образомъ, начиная со второй половины XIII стол. Историческая литература становится богаче по объему и содержанию, разнообразиѣ по формѣ, но утрачиваетъ въ то же время тѣ внутреннія преимущества, которыми отличалась она въ эпоху предыдущую, — общность содержанія, широту взгляда, правдивость и беспристрастіе. Наряду съ латинскими лѣтописями и хрониками появляются историческія сказанія на языкахъ народномъ, — всемирные хроники, мѣстныя лѣтописи, хроники риѳмованные, записки и замѣтки современниковъ, городскіе анналы самого разнообразнаго характера, — и образуютъ колоссальную литературу. Въ литературѣ этой работаютъ не одни духовныя лица и монахи, какъ было это прежде, — въ ней подвизаются люди самыхъ разнообраз-

ныхъ состояній и характеровъ, монахи старыхъ монастырей, нищенствующіе минориты и доминиканцы, рыцарскіе и мѣщанскіе поэты, или, лучше сказать, риомоплеты, городскіе патриціи, писцы и нотары и даже ученые дамы. Въ ряду этихъ разношерстныхъ историковъ-литераторовъ недостаетъ однокоже такихъ лицъ, которые занимали бы выдающеся мѣсто въ государствѣ и обществѣ, которыхъ стояли бы близко къ событиямъ или принимали въ нихъ участіе сами. Въ литературѣ XIV и XV вв. нѣтъ авторовъ, которые напоминали бы по своему положенію Эйнгарда или Нитарда, Ліутпранда или Титмара, Оттона Фрейзингенскаго и его продолжателей; нѣтъ даже такихъ, которыхъ можно-бы было поставить наряду съ Ламбертомъ Герсфельдскимъ или неизвѣстнымъ авторомъ „Vitae Heinrici IV.“ Теперь начинаютъ писать исторію люди по большой части темные и ничтожные, стоящіе вдали отъ событий, чужды общихъ и имперскихъ взглядовъ, поглязшіе въ мѣстныхъ или сословныхъ интересахъ, очень часто невѣжественные и ограниченные, хотя по большой части начитанные. Эти новые историки хлопочутъ больше всего о популярности, о распространеніи своихъ издѣлій въ возможно большихъ кружкахъ и достигаютъ своей цѣли тѣмъ, что пишутъ почти исключительно о лицахъ и событияхъ, наиболѣе интересующихъ ихъ читателей. Вотъ почему всѣ историческіе памятники этой эпохи отличаются характеромъ чисто мѣстнымъ, провинциальнымъ. Городскіе хронисты описывали события, происходившія въ ихъ городахъ, историки-рыцари толковали о лицахъ и подвигахъ, вращавшихся въ ограниченной провинциальной средѣ; и тѣ, и другіе касались имперскихъ событий лишь мимоходомъ, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они казались имъ особенно важны, или когда они непосредственно затрагивали ихъ мелочные интересы. Лишь одни нищенствующіе монахи продолжали еще по временамъ писать имперскія хроники и даже составлять компендіи всемирной исторіи, но и въ этомъ родѣ исторіографической дѣятельности они преследовали свои особые интересы узко религіознаго и моральнаго свойства. Почти всѣ писатели этой эпохи уже въ силу своего соціального положенія не въ состояніи были добить такихъ точныхъ и правдивыхъ извѣстій, какъ писатели периода предыдущаго, и вѣрная оцѣнка событий лежала совершенно вѣнѣ сферы ихъ пониманія. Тѣмъ не менѣе они отваживались смотрѣть свысока на своихъ предшественниковъ, упрекать ихъ въ невѣжествѣ, легковѣріи и баснословіи. И дѣйствительно у нихъ не было и тѣніи наивности и дѣтской вѣры, такъ привлекающей настъ въ какомъ нибудь Космѣ Пражскомъ, — они были въ своемъ родѣ раціоналисты и критики, хотя эти качества нисколько не мѣшиали имъ наполнять свои книги самыми безмысленными легендами и книжными домыслами всякаго рода.

При такомъ характерѣ исторіографіи задача изслѣдователя общегерманской исторіи этой эпохи становится крайне затруднительной. Имѣя дѣло съ источниками по преимуществу частнаго, локальнаго характера, изслѣдователь принужденъ извлекать свой материалъ, такъ сказать, по крупицкамъ и строго провѣрять каждое свидѣтельство. Тщетно пытается онъ найти указанія на мотивы, руководившіе дѣйствіями выдающихся лицъ эпохи, или на сокровенный пружины событий; въ большинствѣ случаевъ ему приходится ограничиваться догадками, имѣющими за собою большую или меньшую степень вѣроятности. Лишь два, три источника

этой эпохи отличаются характеромъ болѣе общимъ, написаны лицами компетентными. Изъ нихъ наибольшее значеніе имѣть автобіографія императора Карла IV, памятникъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся, представляющей высокій психологической и исторической интересъ, но трактующей, къ сожалѣнію, далеко не о всей жизни императора. Другой болѣе общей источникъ той эпохи, — біографія императора Сигизмунда, написанная Эбергардомъ Виндекомъ, страдаетъ самыми существенными недостатками. Виндект служилъ, правда, при Сигизмундѣ и сопровождалъ его въ путешествіяхъ, но не стоялъ особенно близко къ нему и вовсе не былъ посвященъ въ тайны его политики. Къ тому-же онъ писалъ съ цѣлью явно панегирическою, съ намѣреніемъ возвеличить своего героя и оправдать его отъ взводимыхъ на него обвиненій. Его трудъ, несмотря на массу мелочныхъ подробностей, не даетъ намъ никакого яснаго понятія о такихъ событияхъ эпохи, какъ великие церковные соборы или гуситскія войны. Изъ трудовъ болѣе общаго свойства можно указать еще на сочиненіе знаменитаго гуманиста Энея Сильвія, писавшаго и обѣ истории Чехіи, и обѣ императорѣ Фридрихѣ III. Эней Сильвій, вносящій въ исторію папа Пій, былъ человѣкъ вполнѣ компетентный, хорошо посвященный въ исторію своей эпохи, но и онъ писалъ съ предвзятою цѣлью и заботился не столько объ истинѣ, сколько объ изящномъ стилѣ.

За исключениемъ этихъ немногихъ произведений вся исторія разматриваемаго периода основывается на источникахъ мѣстного характера: такъ о правленіи Рудольфа мы получаемъ важнѣйшія свѣдѣнія изъ эльзасскихъ хронистовъ; австрійскіе и швабскіе авторы даютъ намъ главнѣйшія данные для эпохи Адольфа Нассаускаго и Альбрехта; исторія Генриха VII извѣстна преимущественно изъ италіанскихъ источниковъ. Здѣсь обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующіе памятники: 1) „Исторія Генриха VII“ Альбертина Муссата (въ 16 кн.), написанная высокообразованнымъ Падуанцемъ, лично знавшимъ императора, и дающая самую обстоятельную картину дѣятельности первого Люксембурга въ Италии; 2) такъ наз. картузійская хроника, составленная также Падуанцами Вильгельмомъ и Альберити и пополняющая во многихъ отношеніяхъ наши свѣдѣнія о дѣятельности Генриха VII въ Ломбардіи; 3) сочиненіе Феррето Викентинскаго и 4) хроника Миланца Іоанна де Черменате, по отзыву Лео — одного изъ превосходѣйшихъ историковъ средневѣковой Италии, важная для исторіи италіанского похода Генриха. Огромное значеніе для исторіи этого императора имѣть также 5) официальное донесеніе епископа Николая Бутринтскаго папѣ Клименту, — источникъ тѣмъ болѣе значительный, что епископъ принадлежалъ къ числу лицъ наиболѣе близкихъ къ императору и непосредственныхъ участниковъ его предпріятія. Наконецъ 6) и тосканскіе авторы этой эпохи, напр. Виллани, даютъ немало материала для исторіи Генриха, тогда какъ изъ германскихъ источниковъ этого времени имѣть нѣкоторую цѣну лишь 7) одно жизнеописаніе Балдуина, архіепископа трирскаго, брата императора.

Чрезвычайно важная эпоха Людовика Баварскаго также не особенно богата туземными германскими источниками; только въ трехъ баварскихъ хроникахъ, изъ которыхъ одна носить не совсѣмъ точное заглавіе жизнеописанія Людовика, заключается довольно важный материалъ для исто-

ріі этого правленія,— но и тут гораздо большее значеніе имѣютъ два италіанскія сочиненія — Альбертина Муссата и Виллани, излагающія съ большими подробностями исторію италіанскаго похода Людовика.

Что касается эпохи Карла IV, то кромѣ его автобіографії здѣсь слѣдуетъ упомянуть обѣ источникахъ, возникшихъ въ Чехіи. Къ нимъ относятся: 1) хроника Бенеша, четвертая книга которой заключаетъ въ себѣ подробную исторію правленія Карла IV и его времени; 2) исторія Чехіи, написанная италіанскимъ миноритомъ Іоанномъ Мариньола; 3) такъ наз. хроника Пулкавы. Для исторіи слѣдующихъ затѣмъ королей Вячеслава и Рупрехта важнѣйшія данныя почерпаемъ не изъ авторовъ, а изъ актовъ имперскихъ сеймовъ, къ изданію которыхъ приступила мюнхенская историческая комиссія. Для эпохи Сигизмунда важны кромѣ Виндека источники для исторіи соборовъ и гусситизма, которые будуть приведены въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ для времени Фридриха III и Максимилиана I кромѣ актовъ и многочисленныхъ мѣстныхъ анналъ должно назвать „Ист. Фридриха III“ Энея Сильвія и „Жизнь Фридриха III и Максимилиана I“ Іосифа Грюнбека.

Критическая разработка исторіи этой эпохи, несмотря на массу частныхъ монографій и изслѣдований, оставляетъ желать еще многаго; можно сказать даже, что она находится въ самомъ своемъ началѣ. Источники этого времени не вошли еще пока въ составъ „Monumenta Germaniae historica,“ — они разбросаны по различнымъ изданіямъ, а нѣкоторые не изданы вовсе. Превосходными пособіемъ могутъ служить вѣмецкіе переводы многихъ изъ приведенныхъ выше авторовъ, помѣщенные въ коллекціи Перца-Ваттенбаха. Общий критический разборъ источниковъ этой эпохи можно найти въ сочиненіи Отто кара Лоренца: „Deutschland's Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des XIII Jahrhunderts,“ составляющемъ какъ бы продолженіе классического труда В. Ваттенбаха. Изъ сочиненій, обнимающихъ собою всю эпоху, можно указать на трудъ О. Лоренца „Geschichte Deutschland's seit der Mitte der XIV Jahrhunderts bis zum Tode Karl's IV“ и Т. Линднера „Geschichte der deutschen Reiches vom Ende des XIV Jahrhunderts bis zur Reformation,“ но оба они остаются пока еще неоконченными. Изъ монографій можно указать: Бартольдъ „Der Römerzug Heinrich's d. VII“ (2 т.); Рицлеръ „Geschichte Baierns“ (2 т.), Штелинъ „Geschichte Würtembergs,“ Гормайеръ „Geschichte Tirols,“ Коппъ „Geschichte d. eidge-nössischen Bünde“ (5 т.). Для исторіи королей Адольфа и Альбрехта важны изслѣдованія Эннена, Л. Шмидта, Г. Драйзена; для исторіи Людовика Баварскаго слѣдуетъ отмѣтить Веехъ, „Kaiser Ludwig d. Bayer“ etc.; эпоха Карла IV и Вячеслава обработана еще въ старыхъ сочиненіяхъ Пельцеля, а затѣмъ особенно обстоятельно у Палацкаго въ его „Исторіи Чехіи.“ Исторія Сигизмунда изложена въ обширномъ труде Ашбаха; тогда какъ эпоха Фридриха III и Максимилиана, помимо массы специальныхъ изслѣдований, разработана въ послѣднее время Драйзеномъ въ упомянутой выше „Исторіи прусской политики“ и Ульманомъ въ его „Ист. Максимилиана I.“ Н.

2. Франція и Англія.

Общій замічанія. Итакъ къ концу среднихъ вѣковъ Германія изъ феодальаго государства превращается, — по крайней мѣрѣ фактически, — въ систему большихъ и малыхъ наслѣдственныхъ владѣній съ государственнымъ характеромъ, — систему, связанную призрачнымъ главенствомъ императора. Между владѣніями же этими особенно выдѣгаются два, — держава Габсбурговъ, по своей обширности и силѣ упрочившая за своей династіей наследственный императорскій санъ, и только что зарождающееся бранденбурго-прусское государство Гогенцоллерновъ. Здѣсь, стало быть, новый государственный порядокъ, противоположный средневѣковому, феодальному, главнымъ образомъ создается владѣтельными династіями, и династическая политика начинаетъ съ этого времени играть въ исторіи Германіи главную роль.

Инымъ путемъ сложился государственный порядокъ другой группы западныхъ государствъ, — Франціи и Англіи, гдѣ надъ установленіемъ его работали не только династіи, но еще болѣе само общество или сами націи — французская и особенно англійская. Въ этомъ заключается отличие и хъ историческихъ судебъ отъ исторіи германской. Сходство же состоитъ въ томъ, что и здѣсь, въ судьбахъ этихъ двухъ странъ, со временемъ крестовыхъ походовъ тѣсно переплетающихся между собой, мы встрѣчаемъ тотъ же племенной антагонизмъ романской расы съ германской, какой мы видѣли въ отношеніяхъ Германіи къ Италіи въ томъ же періодѣ времени. Эта то племенная противоположность Франціи и Англіи, выразившаяся главнымъ образомъ въ различіи ихъ учрежденій государственныхъ, и опредѣлила ходъ ихъ вицѣней исторіи во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, — именно привела ихъ къ частымъ, враждебнымъ столкновеніямъ, разрѣшившимся въ XIV и XV вѣкѣ столѣтней народной между ними войной.

Но прежде надо прослѣдить ходъ ихъ внутренней исторіи, развитіе ихъ государственного строя, діаметрально противоположнаго въ той и другой странѣ, ибо, если Франція представила образчикъ государственной централізаціи и принципа абсолютной монархіи, то Англія по своимъ представительнымъ учрежденіямъ сдѣлалась классической страной общественной свободы.

Какими же путями и по какимъ ступенямъ совершалось развитіе внутренней жизни по сю и по ту сторону Ламаншского пролива?

Органомъ національного и государственаго объединенія была во Фран- *а) Франція.*
 ці королевская власть, начавшая эту работу со временъ Капетинговъ.
 Династії этой, управлявшей судьбою страны втечениe почти трѣхъ съ по-
 ловиною столѣтій, — съ конца X в. до начала XIV-го, — выпало на долю
 рѣдкое счастье продолжительнаго прямаго преемства престола отъ отца
 къ совершеннолѣтнему сыну безъ перерывовъ, регентства и другихъ по-
 трясеній, обыкновенныхъ въ подобныхъ случаяхъ ¹⁾). Втечениe цѣлыхъ 12
 поколѣній одной и той же фамиліи могли сложиться твердыя преданія об-
 щей имъ всѣмъ политики; политика же эта состояла не въ чёмъ иномъ,
 какъ въ возвышеніи и укрѣплениi королевской власти. Первый *Капетинги
 и ихъ политика.*

примѣръ ея въ этомъ смыслѣ въ началѣ XII вѣка подалъ Людовикъ
 VI Толстый, руководимый совѣтами аббата Суперія, бывшаго совѣт-
 никомъ также и слѣдующаго короля Людовика VII. Этотъ умнѣйший
 представитель французскаго духовенства, въ кругу котораго постоянно
 жили воспоминанія о всемогуществѣ римской государственной власти,
 указалъ и тотъ путь, по которому должны были слѣдовать французскіе короли
 для достиженія своей цѣли. Это — союзъ монархіи съ городскимъ
 сословіемъ и вообще съ низшими классами общества. И вотъ оба Лю-
 довика, — VI и VII, — покровительствуютъ начавшемуся незадолго предъ
 тѣмъ освобожденію городовъ отъ власти феодаловъ, уничтожаютъ
 крѣпостное состояніе въ своихъ доменахъ и впервые призываютъ земское
 ополченіе наряду съ рыцарствомъ подъ королевское знамя. Освобожден-
 ные горожане и угнетенное крестьянство вслѣдствіе этого естественно
 примыкаютъ къ коронѣ, видя въ ней единственную надежду на лучшую
 участъ, отчего, разумѣется, крѣпнетъ и сила королевской власти. Поэтому
 уже сынъ Людовика VII Филиппъ II Августъ почувствовалъ себя
 настолько сильнымъ, что могъ вступить въ борьбу съ гордымъ и мо-
 гущественнымъ феодальнымъ дворянствомъ, чтобы заставить его уважать
 королевскій авторитетъ даже въ такихъ частяхъ государства, где до
 сихъ поръ онъ вовсе не признавался, напр. во Фландрии и Аквитаніи,
 которую онъ отнялъ у Англичанъ, а сынъ его Людовикъ VIII по по-

¹⁾ Начиная съ конца XII ст. во Франціи царствовали слѣдующіе короли ка-
 петингскаго дома: Людовикъ VI (1108—1137), Людовикъ VII (1137—1180),
 Филиппъ II Августъ (1180—1223), Людовикъ VIII (1223—1226), Людо-
 викъ IX (1226 — 1270), Филиппъ III (1270 — 1285), Филиппъ IV Краси-
 вый (1285 — 1314), Людовикъ X (1314 — 1316), Филиппъ V (1316 — 1322),
 Карлъ IV (1322 — 1328), Филиппъ VI Валуа (1328 — 1350), Иоаннъ До-
 брый (1350 — 1364), Карлъ V Мудрый (1364 — 1380), Карлъ VI (1380 —
 1422), Карлъ VII (1422 — 1461), Людовикъ XI (1461 — 1483). Н.

воду истребительной войны съ Альбигойцами впервые распространилъ этотъ авторитетъ и на южную Францію, — такъ что внуку Филиппа Августа Людовику IX Святому уже можно было отважиться на введеніе нѣкоторыхъ общихъ законодательныхъ мѣръ, стѣснявшихъ самоуправство феодаловъ, какъ то — запрещеніе самовольной вооруженной расправы и поединковъ, уничтоженіе ордалій или Божьяго суда, а главное — повсемѣстное учрежденіе королевскихъ судилищъ или парламентовъ, вѣдѣнію которыхъ подлежали всѣ споры феодаловъ какъ между собою, такъ и съ ихъ вассалами.

Людовикъ Святой былъ еще впрочемъ типомъ настоящаго ленна го-
сударя, считавшаго самое устройство феодальное неприкосновеннымъ, и
всѣ его усилия направлены лишь къ тому, чтобы замѣщать большиe го-
сударственные лены своими родственниками и тѣмъ сдѣлать ихъ без-
вредными для короны. При немъ феодальная конфедераци, какую до
сихъ порь представляла Франція, собственно превратилась только въ фео-
дальную монархію, [но и это представляло уже весьма важный резуль-
татъ, достиженіемъ котораго Людовикъ прежде всего былъ обязанъ вы-
сокимъ нравственнымъ качествамъ своей натуры. Воспитанный въ духѣ
христіанского благочестія матерью своею Бланкою Кастильскою, онъ
являлся на тронѣ образцемъ истинно христіанского короля. Въ его ха-
рактерѣ не было ничего героического, даже ничего выдающагося, но онъ
побѣжалъ всѣ сердца и избѣгалъ всѣхъ затруднений силою своей высо-
кой справедливости и истинно христіанской любви. Его уважали, пе-
редъ нимъ преклонялись представители самыхъ противоположныхъ партій.
Фридрихъ II Гогенштауфенъ избралъ его третейскимъ судьею въ своемъ
спорѣ съ папствомъ, а грозный іерархъ Иннокентій IV, не признававшій
никакихъ авторитетовъ, боялся его нравственнаго суда. Тогдашнее об-
щество, основанное прежде всего на насилии и грубомъ произволѣ, съ
изумленіемъ взирало на этого скромнаго, спокойнаго человѣка, заботив-
шагося болѣе всего о спасеніи своей души, не отличавшагося даже осо-
бенною дѣятельностью, но державшаго тѣмъ не менѣе въ покорности
столькихъ могущественныхъ князей и буйныхъ вассаловъ.

Полную противоположность Людовику IX представлялъ внуkъ его Фи-
липпъ Красивый, — этотъ человѣкъ безъ религіи и сердца, жестокій,
жадный, властолюбивый, неутомимый и воинственный. Онъ относился съ
глубокимъ презрѣніемъ къ идеямъ, которыми жилъ его дѣдъ], и уже рѣ-
шительно отступилъ отъ средневѣковаго общественнаго идеала, стремясь
къ установлѣнію государственного порядка на новыхъ началахъ, т. е.

къ однакому подчиненію различныхъ частей, сословій и учрежденій государства общей и единой для всѣхъ верховной монархической власти. Съ этою цѣлью распространить онъ королевское право наложенія податей и на подданныхъ феодальныхъ владѣльцевъ и клира, уничтожилъ въ своемъ государствѣ орденъ Храмовниковъ, пользовавшійся независимыемъ положеніемъ, присвоилъ себѣ при этомъ земли и багатства рыцарей и побѣдоносно выдержанъ борьбу съ папою Бонифаціемъ VIII, притягавшимъ на подчиненіе государей своему верховному авторитету. Наконецъ рѣшительнѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, оперся онъ въ своей внутренней политикѣ на города, даровавъ городскому словою кромѣ гражданскихъ и политическихъ права и по случаю спора своего съ папою впервые призвалъ представителей этого класса къ участію въ государственныхъ сеймахъ наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ. Съ того времени всесословные сеймы эти, называвшіеся по французски *Etats généraux*, въ качествѣ высшаго совѣщательного учрежденія государства надолго входятъ въ обычай во Франціи, и правительство во всѣхъ важныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ пребываетъ къ ихъ содѣйствію.

Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ такихъ успѣховъ монархія очень скоро совершиенно одолѣла бы феодальный порядокъ во Франціи, еслибы эта вѣковая работа не была на цѣлое столѣтіе простоянена послѣдовавшимъ вскорѣ затѣмъ прекращеніемъ капетингской династіи и начавшимися по этому поводу войнами съ Англіей и внутренними смутами. Послѣ Филиппа IV престолъ занимали послѣдовательно три его сына; но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ потомства, то со смертью послѣдняго изъ нихъ въ 1328 г. угасла прямая линія Капетинговъ, — и теперь на упразднившійся французскій престоль явились два соискателя, — племянникъ Филиппа Красиваго Филиппъ Валуа и внукъ его по женской линіи, англійскій король Эдуардъ III-й. Французскіе государственные чины, не желая имѣть королемъ иностранца, признали права Валуа, и Филиппъ VI получилъ корону. Тогда Эдуардъ рѣшился добывать ее оружіемъ. Возгорѣвшаяся по этому поводу столѣтняя война, столь бѣдственная для Франціи, кончилась, правда, изгнаніемъ Англичанъ и упроченіемъ новой династіи Валезіевъ или Валуа; но страна испытала страшныя потрясенія, и существовавшія до тѣхъ поръ отношенія между сословіями сильно измѣнились. Рыцарство и дворянство, испытавъ въ этихъ войнахъ столько безславныхъ пораженій, разоренныя и опозоренныя, невозвратно утратили и свой блескъ, и свое политическое

городовъ
въликомъ
имѣніемъ
богу.

Династія
Балуа.

могущество. Напротивъ города и даже сельское населеніе впервые почувствовали свою силу и стали претендовать на первую роль въ государствѣ. Такъ они господствовали на сеймахъ XIV вѣка; во время правления короля Иоанна Доброго, втораго Валуа, городъ Парижъ подъ предводительствомъ своихъ демагоговъ Лекока и Марселя пытался даже путемъ революціи захватить верховную власть, а такъ долго угнетаемые феодалами крестьяне подняли противъ нихъ страшное восстание, французскую пугачевщину, извѣстную подъ именемъ „la jascquerie“, съ намѣренiemъ перерѣзать своихъ притѣснителей. Насилія эти были, правда, подавлены благоразумiemъ юаннова преемника Карла V Мудраго и общими усилиями дворянъ и правительства. Но ранняя революція эта, разыгравшаяся въ срединѣ XIV вѣка, еще болѣе ослабила феодальное дворянство, да ослабила также и города, у которыхъ были отняты монгія изъ прежнихъ правъ; выиграла одна монархическая власть, такъ что, когда кончились около половины XV вѣка народныя войны съ Англичанами, король Карлъ VII, внукъ Карла V, увидѣлъ въ своихъ рукахъ такое могущество, о какомъ не могли и мечтать его предшественники. Пользуясь общимъ ослабленiemъ націи послѣ столь тяжкой и долгой войны, Карль могъ уже завести постоянное наемное войско, зависѣвшее исключительно отъ него, организовать постоянныя и правильныя подати и тѣмъ поставить себя въ независимое положеніе отъ сословій, такъ какъ, имѣя въ рукахъ деньги и военную силу, король уже чувствовалъ себя твердымъ главою государства,—тѣмъ болѣе, что и сеймы по минованіи въ нихъ нужды рѣже созывались правительствомъ. Наконецъ при сынѣ и преемнике Карла VII, жестокомъ и коварномъ, но тонко разсчетливомъ Людовикѣ XI, окрѣпшая французская монархія сдѣлала еще одинъ рѣшительный шагъ: всѣ почти большие государственные лены, находившіеся постоянно во власти знатныхъ владѣтельныхъ фамилій, подчинены непосредственному управлению короны. Этотъ результатъ многолѣтней настойчивой политики короля, имѣвшій своимъ послѣдствиемъ государственное объединеніе французской территоріи, достигнутъ былъ послѣ упорной борьбы съ великими коронными вассалами, большую частью принцами королевскаго дома, особенно съ могущественнѣйшимъ изъ нихъ Карломъ Смѣлымъ, герцогомъ бургундскимъ, послѣднимъ представителемъ бургундской отрасли дома Валуа¹⁾,—отрасли, успѣвшей втечение четырехъ поколѣній, во вто-

¹⁾ Основателемъ бургундской линіи дома Валуа былъ Филиппъ Смѣлый, сынъ короля Филиппа VI, получившій герцогство Бургундію изъ рукъ брата своего Иоанна Доброго въ видѣ лена французской короны въ 1363 г. и пар-

рой половинѣ XV в., составить сильное и почти самостоятельное государство изъ Нидерландовъ и сосѣднхъ областей Франціи и Германіи. Преемникъ Людовика XI Карлъ VIII, правленіе котораго относится къ самому исходу XV в., былъ уже повелителемъ единой и сильной Франціи.

Примѣчаніе. Глубокое различіе въ общемъ ходѣ исторического разви-
тия Германіи и Франціи отразилось не только на политической судьбѣ
этихъ двухъ странъ, но и на ихъ исторической литературѣ. Германія
шла отъ единства къ раздробленности, Франція — отъ раздробленности
къ единству. Подобно тому историческая литература Германіи обиловала сочиненіями и лѣтописями "общаго имперскаго характера лишь до
того момента, когда распалась имперія; послѣ же этого распаденія, т. е.
со второй половины XIII в., здѣсь началось развитіе литературы мѣстной,
провинціальной. Во Франціи какъ разъ наоборотъ: въ XI в., когда вся
страна распадалась на множество независимыхъ феодальныхъ территорій,
французская исторіографія представляла массу анналъ, хроникъ и запи-
сокъ съ чисто мѣстнымъ оттѣнкомъ; съ XII же вѣка, когда Капетинги
выдвинули идею государства и начали неутомимо работать надъ объединеніемъ Франціи, а силы французской націи впервые соединились для
общихъ крестовыхъ предпріятій, такой характеръ бытописанія сталъ измѣняться, и наряду съ памятниками мѣстными, областными, явились исто-
рическія произведенія и болѣе общаго государственного и національного
характера. Вся исторія крестовыхъ походовъ за немногими исключи-
ніями написана была Французами. Каждый изъ Капетинговъ, начиная
съ Людовика VI, нашелъ себѣ болѣе или менѣе достойнаго историка.
Такъ для исторіи Людовика VI важнѣйшими источниками служатъ: а) био-
графія его, написанная аббатомъ Сугерiemъ, б) собрание писемъ Сугерія
и с) его жизнеописаніе, составленное сен-денісскимъ монахомъ Виль-
гельмомъ; личность и дѣятельность Филиппа II Августа были изображены
даровитымъ Ригордомъ; историкомъ Людовика IX былъ Вильгельмъ
де Наїжи, монахъ сен-денісского монастыря. Сильный своею ученостью
Викентій Бовесский обогатилъ французскую исторіографію этой эпохи
цѣлымъ рядомъ трудовъ, отличавшихся впрочемъ болѣе кабинетнымъ
прилежaniemъ и массивнымъ объемомъ, нежели вѣрнымъ взглядомъ и здра-
вой критикою. Кромѣ того въ XIII в. наряду съ латинскими хрониками
появляются уже мемуары, написанные на народномъ языке. Первыми
и во многихъ отношеніяхъ неподражаемыми образцами въ этомъ родѣ
были Вильгардинъ, диктовавший своему капеллану исторію четвертаго
крестового похода, и Жуанвиль, вѣрный слугникъ Людовика IX. По
ихъ стопамъшли авторы XIV стол., — маршалъ Baucicault и конетабль

ствовавшій до 1404 г. Ему наследовали: Иоаннъ Безстрашный (1404—1419)
Филиппъ Добрый (1419—1467) и Карлъ Смѣлый (1467—1477). Важнѣй-
шимъ пособіемъ для исторіи бургундскихъ герцоговъ изъ дома Валуа служить
извѣстное, хотя и устарѣлое сочиненіе Баранта. См. также: Лѣгеръ „Ja-
cobaea zu Bayern u. ihre Zeit“ (2 т.); Венцельбургеръ „Gesch. d. Nieder-
landen“ (1-й т.); Фостеръ Киркъ „Hist. de Charles le Téméraire“ (перев.
съ англ.). Н.

Дюгекленъ, оставившіе подробныя записки о своихъ приключеніяхъ и подвигахъ; по ихъ же стопамъ шелъ и знаменитый Жанъ Фруассаръ, изобразившій въ своей колоссальной хроникѣ одну изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ въ исторіи европейскаго Запада, — вторую половину XIV стол.

Не играя никакой выдающейся политической роли, Фруассаръ вращался однако же въ средѣ блестящаго феодального общества и былъ лично знакомъ со многими дѣятелями эпохи. Вся его жизнь прошла въ почти непрерывныхъ странствованіяхъ. Онъ перебывалъ при всѣхъ феодальныхъ дворахъ той эпохи и былъ свидѣтелемъ, а иногда и участникомъ важнѣйшихъ историческихъ событий. Одаренный необыкновенною наблюдательностью, искусный и живой рассказчикъ, онъ оставилъ намъ полную и всестороннюю картину жизни столь хорошо знакомаго ему средневѣковаго знатнаго общества. Фруассаръ былъ вполнѣ человѣкомъ своего вѣка и своего сословія. Горожанинъ по происхожденію (онъ былъ родомъ изъ Валансъена и происходилъ изъ старой и богатой купеческой фамиліи), духовное лицо по призванію, онъ былъ рыцарь и кавалеръ по своей натурѣ, характеру и образу жизни. Рыцарскіе идеалы были его идеалами. Онъ пробовалъ свои силы въ рыцарской любовной поэзіи, имѣть свою даму сердца, которой служилъ съ примѣрною вѣрности, а въ празднествахъ, турнирахъ и авантюрахъ видѣть источникъ самыхъ благородныхъ наслажденій. Въ своей хроникѣ онъ переносить насыть одного конца Европы на другой. Мы сопровождаемъ его ко двору Эдуарда III, мы посѣщаемъ вмѣстѣ съ нимъ рубежи Англіи и Шотландіи, гдѣ происходило столько богатырскихъ битвъ, мы спѣшимъ ко дворамъ ломбардскихъ тирановъ, въ опустѣлый Римъ, на цвѣтущія поля Аквитаніи, гдѣ раздавались послѣдніе отголоски пѣсенъ трубадуровъ, переносимся въ лѣсныя трущобы и болота Пруссіи и Литвы, гдѣ боролись за жизнь и смерть послѣдніе язычники сѣвера, а оттуда на берега нижняго Дуная, гдѣ французское рыцарство пробуетъ свои силы въ битвѣ съ новыми врагами христіанскаго міра — Османами. Въ центрѣ разсказа Фруассара стоитъ великая борьба между Англіею и Франціею, но онъ рисуетъ намъ эту борьбу не какъ Французы-патріотъ, а какъ рыцарь-космополитъ. Его любимыми героями являются Эдуардъ III и сынъ его Чорный Принцъ, а англійская королева Филиппа, его высокая покровительница, кажется ему идеаломъ женщины. Сравниваютъ Фруассара съ Геродотомъ, и дѣйствительно онъ напоминаетъ намъ отца исторіи по пластичности и наивности изложенія, по разнообразію и богатству содерянія. Подобно Геродоту Фруассаръ знакомить насыть не только съ событиями и лицами, но и съ природою странъ, и съ нравами народовъ. Но этимъ исчерпывается все сходство. Напрасно стали бы искать мы у Фруассара какого нибудь плана, какой нибудь идеи, проникающей его изложеніе. Онъ живой, занимательный рассказчикъ — и только. Несмотря на все разнообразіе, пестроту и блескъ своихъ картинъ, онъ все же вращается въ тѣсномъ, замкнутомъ кругу. Его умственный и нравственный кругозоръ крайне ограниченъ. Онъ не видитъ далѣе своего рыцарского общества. Народная масса со своими страданіями и интересами не существуетъ для него; онъ едва замѣчаетъ ея существованіе.

Продолжатели Фруассара, — хроники XV-го ст., — стоятъ неизмѣримо ниже его, по крайней мѣрѣ въ художественномъ отношеніи. Изъ нихъ выдаются болѣе другихъ Монстреле, Матоэй де-Кусси, Шателенъ Аавентюристъ и Жакъ дю-Клеркъ, сиръ де-Бовуаръ. Монстреле въ своей книжѣ „О высокихъ подвигахъ и чудныхъ хитростяхъ великихъ и малыхъ людей“ описываетъ подобно Фруассару войну и рыцарскіе подвиги, авантюры, турниры и празднества, но не можетъ сравняться со своимъ предшественникомъ ни въ живости разсказа, ни въ яркости красокъ, хотя и относится съ большими сочувствіемъ къ массѣ и чуждъ сувѣрій Фруассара. Второй изъ названныхъ хроникеровъ — де-Кусси жилъ при блестящемъ дворѣ бургундскихъ герцоговъ. Въ своей хроникѣ, обнимающей эпоху отъ 1419 — 1474 г., онъ изображалъ жизнь и подвиги бургундскаго рыцарства, подражая довольно искусно Фруассару. Шателенъ, также занимавшій видное мѣсто при бургундскомъ дворѣ, задался мыслью возвеличить Филиппа Доброго и рыцарскую среду, окружавшую его. Напротивъ дю-Клеркъ, мемуары которого обнимаютъ эпоху отъ 1448 — 1467 г., далекъ отъ увлечения рыцарскими авантюрами и ложнымъ, потухающимъ блескомъ романтизма. Онъ преслѣдуется уже цѣли историческія, желая дать потомству правдивый разсказъ о дѣлахъ своего времени. Военные подвиги и придворныя празднества мало занимаютъ его, — онъ больше говорить о нравахъ и обычаяхъ, о законахъ и учрежденіяхъ, о наукахъ и искусствахъ и между прочимъ сообщаетъ интересныя подробности о преслѣдованіяхъ Вальденцевъ въ Аррасѣ.

Такъ постепенно совершаются переходы отъ хроники къ настоящей исторіи, представителемъ которой является Филиппъ де-Комминъ, историкъ Людовика XI, — человѣкъ, родственный ему по духу и натурѣ. Де-Комминъ былъ вассалъ и слуга Карла Смѣлаго, но измѣнилъ ему и перешелъ на сторону Людовика XI, въ которомъ видѣлъ свой политический идеалъ. Втченіе многихъ лѣтъ онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ этого подозрительного деспота и былъ посвященъ во всѣ его планы и предпріятія. Свои достопамятности де-Комминъ писалъ не какъ хроникеръ, а какъ государственный человѣкъ; его политическая теорія, оправдывавшая стремленія и дѣйствія Людовика, была во многихъ отношеніяхъ предшественницею позднѣйшаго маккавелизма.

Независимо отъ безупречныхъ хроникъ и историческихъ записокъ всякаго рода для исторіи Франціи имѣютъ большое значеніе и различные официальные документы, число которыхъ ростетъ по мѣрѣ приближенія къ новому времени. Сюда относятся королевскія грамоты, законы, решения королевскихъ и феодальныхъ судовъ, городскіе статуты, счетные книги, протоколы сословныхъ собраний и т. д.

Большинство документовъ и хроникъ французской исторіи въ настоящее время уже изданы, и притомъ изданія эти доступны и составлены по правиламъ исторической критики. Кромѣ общей коллекціи памятниковъ средневѣковой старинѣ, — коллекціи, начатой бенедиктинцами и продолжаемой академіею (см. выше стр. 5), — отмѣтимъ еще слѣдующіе сборники: „Collection des documents inédits sur l'histoire de France“ (Paris, 1835 — 1870), — около 150 томовъ, изъ коихъ впрочемъ нѣкоторые относятся къ исторіи новаго времени; Guizot „Collection des mémoires relatifs à l'his-

toire de France“ (1823—35; 31 т.); Michaud et Poujalat „Nouvelle collection des mémoires p. s. à l’histoire de France“ (Paris. 1836—39; 32 т.).

Что касается новой литературы по истории Франции, то она далеко не такъ богата специальными изслѣдованіями и монографіями, какъ исторія Германіи. Изъ общихъ сочиненій кромѣ названныхъ выше трудовъ Сисмонди, Мишле и Анри Мартена слѣдуетъ здѣсь указать на *Dareste de la Chavanne* („Hist. de France“); *Duruu* (тоже), *Schmidt* („Gesch. Frankreichs“), *Rambaud* („Hist. de la civilisation fran aise“). См. также: *Barante* „Hist. des ducs de Bourgogne“; *Perrens* „Hist. de la d mocratie en France au moyen âge“; *Picot* „Hist. des Etats G neraux“; *Desjardins* (тоже), *Boutarique* „Ист. царствованія Филиппа Красиваго“ (на франц. яз.). По русски: Н. Карьевъ „Очеркъ истории французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ“; Грановскій „Аббатъ Сугерій“; его же „Людовикъ IX“; Петровъ „Людовикъ XI“ („Очерки“). **Н.**

б) Англія.

Совершенно противоположное направление со временъ крестовыхъ походовъ приняла исторія Англіи. Если въ судьбахъ Франции за то же время главный интересъ составляетъ постепенный ростъ монархического начала, то здѣсь напротивъ вниманіе историка приковано процессомъ ослабленія этого начала и развитія свободныхъ представительныхъ учрежденій.

Со времени норманского завоеванія, какъ при самомъ Вильгельмѣ Завоевателѣ, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ, до самаго XIII вѣка, т. е. втечение полутора столѣтія, Англія по своему внутреннему устройству представляла образецъ монархіи съ сильной королевской властью¹⁾. Правительственная форма эта была единствено возможна въ то время, такъ какъ только она могла обеспечить за покорителями прочное обладаніе покоренной страной; ни о какомъ представительствѣ народномъ тогда

¹⁾ Со временъ Вильгельма Завоевателя въ Англіи царствовали слѣдующія династіи и короли: 1) норманская династія,—Вильгельмъ Зав. (1066—1087), Вильгельмъ II Рыжій (1087—1100), Генрихъ I (1100—1135), Стеванъ (1135—1154); 2) династія Плантагенетовъ,—Генрихъ II (1154—1189), Ричардъ I Львиное Сердце (1189—1199), Иоаннъ Безземельный (1199—1216), Генрихъ III (1216—1272), Эдуардъ I (1272—1307), Эдуардъ II (1307—1327), Эдуардъ III (1327—1377), Ричардъ II (1377—1399); 3) ланкастерская династія,—Генрихъ IV (1399—1413), Генрихъ V (1413—1422), Генрихъ VI (1422—1461); 4) юркская династія,—Эдуардъ IV, (1461—1483), Эдуардъ V (1483), Ричардъ III (1484—1485); Генрихъ VII Тюдоръ (1485—1509). **Н.**

не могло быть и рѣчи. Самая монархія была здѣсь крѣпче и абсолютнѣе, чѣмъ гдѣ либо на континентѣ, потому что завоеваніе 1066 г. совершено было не цѣлымъ племенемъ, гдѣ каждый участникъ предпріятія имѣлъ право на долю, а личной дружиной нормандскаго герцога, который, хотя и роздалъ 60 тысячъ земельныхъ участковъ своимъ сподвижникамъ, но предоставилъ ихъ только въ пользованіе имъ, а не въ собственность, и по теоретическому праву вся Англія считалась доменомъ короля.

Однако такой строго феодальный порядокъ вещей продолжался на островѣ до тѣхъ только поръ, пока побѣдители и побѣженные стояли враждебно другъ противъ друга. Когда съ теченіемъ времени Норманы начали сливаться съ Англосаксами въ одинъ народъ, въ тѣхъ и другихъ, переставшихъ уже бояться одинъ другаго, проснулись воспоминанія объ ихъ старыхъ вольностяхъ, тѣ и другіе одинаково почувствовали гнетъ королевскаго полновластія и стали искать случая его ограничить. Случай этотъ представился въ началѣ XIII вѣка. Въ 1154 году угасло прямое потомство Вильгельма Завоевателя, и по родственнымъ правамъ англійскій престолъ перешелъ къ его правнуку Генриху Плантагенету, одному изъ членовъ знаменитаго во Франціи анжуйскаго дома. Новый владѣтельный родъ, какъ династія чисто французскаго происхожденія, не могъ имѣть ни преданій, ни популярности между англійскими Норманнами, отчего и самое полновластіе королей этого рода чувствовалось уже гораздо тягостнѣе прежняго. Между тѣмъ въ самой семье Генриха II возникли раздоры и преступленія, уронившія его значеніе въ народѣ. И вотъ по поводу позорного и притѣснительного правленія втораго сына его Іоанна Безземельного, униженно признавшаго себя вассаломъ папы, произошло восстаніе. Соединившіяся въ немъ бароны и города въ 1215 г. вынудили у Іоанна великую льготную грамоту, известную подъ именемъ *Magna Charta libertatum*, по которой произвolverъ королевской власти ограничень тѣмъ, что всякия новыя подати могли быть отнынѣ налагаемы не иначе, какъ съ согласія плательщиковъ, и тѣмъ еще, что каждый Англичанинъ могъ быть теперь арестованъ только по судебному приговору и судимъ не иначе, какъ своими перами, т. е. людьми своего же сословія. Актъ этотъ имѣтъ весьма важное значеніе въ государственной исторіи Англіи, такъ какъ онъ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ ея позднѣйшей общественной свободы ¹⁾). Оттого первые Плантагенеты много разъ пыта-

*Планта-
гены и раз-
витіе пред-
ставитель-
ніихъ учреж-
дений.*

¹⁾ Подлинный текстъ великой хартіи см. у Паули въ его „Исторія Англіи“, т. III, стр. 897—909. Н.

лись его уничтожить, но нація дружно его отстаивала. Самая замѣчательная изъ этихъ попытокъ сдѣлана была въ 1264 г. королемъ Генрихомъ III, но она повела лишь къ еще большему расширенію народныхъ льготъ. Возставшіе подъ предводительствомъ Симона Монфортскаго бароны опять соединились съ городами, и на этотъ разъ послѣдніе добились права посыпать своихъ депутатовъ въ собранія государственныхъ чиновъ или парламенты наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ.

Приложение

Такъ возникло въ Англіи представительное учрежденіе, права которого постепенно росли и крѣпли. Особенно сильное развитіе парламентское устройство получило при Эдуардах I, II и III, между 1272 и 1377 годами, когда нація, пользуясь затрудненіями этихъ королей и ихъ постоянными войнами съ Шотландіей и Франціей, добывала себѣ все новыя и новыя вольности, такъ что при послѣднемъ изъ этихъ государей народное представительство до того усилилось, что образовались двѣ особыя камеры парламента,—верхняя палата или палата лордовъ, гдѣ засѣдали представители высшаго дворянства (*nobility*) и духовенства, и нижняя палата или палата общинъ, состоявшая изъ депутатовъ отъ административныхъ округовъ или графствъ болѣею частью изъ низшаго дворянства (*gentry*) и изъ представителей городовъ. Лорды, превратившіеся съ теченіемъ времени въ наследственныхъ первъ, мало по малу присвоили себѣ участіе въ законодательствѣ и высшую судебную власть въ государствѣ; общины же — право согласія или несогласія на новыя денежнныя требования правительства и затѣмъ — контроль надъ расходованіемъ податей, платимыхъ народомъ. Въ дальнѣйшемъ же своемъ развитіи права эти логически повлекли за собой и другія. Судебная власть верхней палаты мало по малу привела къ отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ, а финансовый контроль нижней — къ обсужденію видовъ правительства, къ одобрѣнію или неодобрѣнію его политики. Конечно всѣ эти атрибуты парламентской власти въ XIV и XV стол. были еще весьма неопредѣленны и шатки, существуя скорѣе въ видѣ обычая, чѣмъ права. Отсюда частыя нарушенія ихъ со стороны королей. Но тѣмъ не менѣе къ концу среднихъ вѣковъ парламентъ все таки могъ считать прочно пріобрѣтенными и неотъемлемыми слѣдующія три свои права: согласіе или несогласіе на новыя подати, участіе въ законодательствѣ и высшую судебную власть,—права, еще долго и часто впослѣдствіи нарушаемыя и оспариваемыя короной, но уже считавшіяся во мнѣніи страны необходимыми гарантіями общественной свободы Англичанъ, основными аксиомами англійского государственного устройства.

Такой ранний успехъ общественной свободы въ Англіи сравнительно съ европейскимъ континентомъ объясняется особымъ складомъ ея исторіи. Въ континентальныхъ государствахъ, во Франціи и даже въ Германіи,—вездѣ мы видимъ борьбу, изъ которой монархическая власть извлекаетъ для себя выгоды, становясь на сторонѣ городовъ и подавляя ими феодаловъ. Отсюда—сильный ростъ монархіи въ этихъ странахъ. Въ Англіи напротивъ дворянство соединилось съ горожанами, и оба сословія дружно направили свои усиленія противъ полновластія короны. Съ другой стороны въ одной только Англіи не привился обычай содержать постоянную и регулярную армію, какія въ то время уже вездѣ завелись на Западѣ. Не привился же онъ потому, что при островномъ своемъ положеніи страна эта, безопасная отъ внешнихъ непріятельскихъ вторженій, не имѣла и нужды содержать постоянное войско. А такимъ образомъ и короли англійскіе лишиены были материальной силы для расширенія своихъ правъ. Впрочемъ народное представительство въ Англіи долго еще носило чисто аристократической характеръ, такъ какъ власть парламента сосредоточивалась преимущественно въ палатѣ лордовъ. Значеніе англійской аристократіи не только не уменьшилось, но еще болѣе расширилось и тогда, когда въ самомъ концѣ XIV вѣка прямая линія дома Плантагенетовъ свергнута была боковою его вѣтвью,—домомъ ланкастерскімъ, вступившимъ на престолъ въ 1399 г. въ лицѣ Генриха IV. Новая династія, обязанная своимъ возвышеніемъ крамольнымъ вельможамъ, должна была, разумѣется, поддерживать аристократію, умножить ея привилегіи и права, которыми она и пользовалась для своего преобладанія въ государствѣ до самыхъ войнъ алой и бѣлой розы, загорѣвшихся въ правление третьаго Ланкастера Генриха VI, когда присвоенную этой фамиліей корону началъ оспаривать домъ юркскій, происходившій изъ прямой низвергнутой линіи Плантагенетовъ. Почти тридцатилѣтняя истребительная война эта, наполненная всячими ужасами и погубившая весь родъ Плантагенетовъ, до того ослабила и разорила англійское дворянство, что, когда она въ 1485 г. кончилась вступлениемъ на престолъ новой династіи въ особѣ Генриха VII Тюдора, потомка фамиліи Ланкастеровъ, по бракомъ съ принцессою изъ юркскаго дома примирившаго партіи обѣихъ розъ, значеніе парламента, державшагося главнымъ образомъ на аристократіи, пало сильно, и Тюдоры, идя по слѣдамъ основателя своего дома, ловкаго и деспотичнаго Генриха VII, достигли на цѣльные 120 лѣтъ такой сильной и часто произвольной власти, какой не помнили въ Англіи со временемъ королей норманнскихъ.

*Война алой
и белой розы.*

Примѣчаніе. Исторія средневѣковой Англіи чрезвычайно богата источниками всякаго рода. Лѣтописи, хроники, жизнеописанія, записки, государственные документы и акты,—все это даетъ самый полный и обстоятельный материалъ для уясненія исторіи государства и народа. Къ сожалѣнію всѣ эти богатства остаются покамѣсть въ сыромъ, неразработаномъ видѣ. Относясь съ такимъ интересомъ къ своей новой исторіи, изучая съ такою любовью ходъ развитія своей государственной и общественной жизни, начиная со временъ „великаго мятежа“, Англичане мало интересуются предшествующими эпохами своей національной исторіи. Многіе изъ важнѣйшихъ источниковъ средневѣковой Англіи остаются и по сію пору неизданными, другіе напечатаны въ малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ изданіяхъ частныхъ обществъ, притомъ большинство хроникъ издано крайне небрежно и безъ всякаго критического аппарата. Англія не имѣть до сихъ поръ такого собранія своихъ историческихъ памятниковъ, которое можно было бы поставить наряду съ Муратори или съ коллекціею бенедиктинцевъ, не говоря уже о „Monumenta Germaniae“. Важнѣйшія изъ существующихъ изданій перечислены у Потгаста въ его „Bibl. historica medii aevi“ (р. 6—8).

Эпоха королей норманской династіи и первыхъ четырехъ представителей дома Плантагенетовъ должна быть изучаема частью по англійскимъ, частью по норманскимъ источникамъ. Такъ для исторіи первой половины XII в. обильный материалъ доставляютъ намъ съ одной стороны англосаксонскія лѣтописи и хроники,—аппала монаховъ Флоренція Ворчестерскаго и Эдмера Кентерберійскаго, съ другой—церковная исторія норманского монаха Ордерика Виталія. Для исторіи Генриха II особенное значение имѣтъ хроника Роберта де-Торинъ или де-Монте, который въ началѣ своего труда пользовался хроникою Зигеберта и произведеніями различныхъ англійскихъ и сѣверо-французскихъ анналистовъ, но съ 1154 г. писаль вполнѣ самостотельно и довѣль свое изложеніе до 1186 г. Не менѣе важна и лѣтопись Вильгельма Ньюберійскаго, докладенная до 1196 г.; что же касается хроники Гервасія Кентерберійскаго, также относящейся къ эпохѣ Генриха II, то это источникъ крайне пристрастный, проникнутый ненавистью къ королю и преданностью юному Бекету. На подобной же точкѣ зрения стоять многочисленные биографы архіепископа кентерберійскаго,—Іоаннъ Салисберійскій, Бенедиктъ, Эдуардъ Гримъ, Гербертъ Башамскій, Рожеръ де-Потинъ, Аланъ, Вильгельмъ, суб-пріоръ кентерберійскій, Вильгельмъ фицъ-Стефанъ, Гиль и др. Многочисленныя письма юноши Бекета и его друзей, дожедшія до нашего времени, тоже конечно имѣютъ огромное значение для характеристики важнѣйшихъ событий правленія Генриха II. Большѣ безпристрастныхъ характеромъ однако отличается сочиненіе Бенедикта Петерборо, наполненное чрезвычайно важными документами и доказаніемъ до плѣна Ричарда I. Не лишена значенія также, особенно для времени Ричарда Львиное Сердце, и хроника Радульфа de-Diceto.

Главнымъ источникомъ для исторіи Англіи и сосѣднихъ съ нею странъ въ самомъ концѣ XII в. (1192—1200 гг.) является Рожеръ Говеденъ, а для первой четверти XIII в. Вильгельмъ де-Ковентри. Дальнѣйшая исторія XIII в. можетъ быть возстановлена на основаніи хроникъ Ро-

жера Вендувера, Матея Париjsкаго и Вильгельма Ришангерса, отличающихся богатствомъ содержанія и искусствомъ изложеніемъ, но не вполнѣ достовѣрныхъ и не особенно беспристрастныхъ.

Эпоха Эдуарда I нашла своего историка въ лицѣ Матея Вестминстерскаго, а для времени трехъ его преемниковъ (Эдуарда II, Эдуарда III и Ричарда II) наряду съ хрониками Вальтера де-Геминборо, Вареоломея Коттона, Роберта де-Брюнъ, Иоанна de-Trecolowe, Генриха Бланфорда, монаха мальмсберийскаго, Томаса Мура, Адама Муримута и многихъ другихъ имѣютъ большое значеніе лѣтописи шотландскія и французскія, въ особенности же сочиненіе Фруассара. Что же касается источниковъ для исторіи Англіи XV стол., то они уступаютъ,—если не въ количествѣ, то въ качествѣ,—источникамъ періодъ предыдущихъ. При ланкастерской и юркской династіяхъ рядомъ съ латинскими хрониками и жизнеописаніями англійскихъ королей (особенно Генриха V) появляются исторические памятники и на языке національномъ, изъ числа которыхъ выдаются: „англійская хроника“ (1377—1461 г.),—„варкортская хроника“, обнимающая первый тринадцать лѣтъ правленія Эдуарда IV и написанная ярымъ сторонникомъ Ланкастеровъ,—„Ист. возстановленія Эдуарда IV“, составленная наоборотъ приверженцемъ Йорковъ,—„новая хроника Англіи и Франціи“ Роберта Фабіана, охватывающая всю исторію Англіи отъ миѳическихъ временъ до начала XVI стол., но не отличающаяся ни особеною полнотою, ни самостоятельностью,—„Ист. Эдуарда V и Ричарда III“ Мура, написанная прекраснымъ языкомъ въ духѣ, крайне враждебномъ послѣднему юркскому королю,—наконецъ „жизнь Генриха V“, написанная знаменитымъ Бекономъ.

Для внутренней исторіи Англіи, начиная съ временъ норманнского завоеванія и кончая Генрихомъ VII, имѣютъ преобладающее значеніе многочисленные правительственные акты, опубликованные частью Римеромъ, частью парламентскою комиссию. Впрочемъ смутное время ланкастерскихъ и юркскихъ королей документальными памятниками не особенно богато: подозрительность первыхъ Ланкастеровъ, беспечность Эдуарда IV, таинственность Генриха VII повлекли за собою уничтоженіе многихъ важныхъ актовъ; изъ уцѣлѣвшихъ многіе изданы въ извѣстныхъ коллекціяхъ Римера, Гарриса и др., тогда какъ нѣкоторые остаются неизданными и понынѣ.

Новая историческая литература Англіи далеко не такъ обильна, какъ исторіографія Германіи и даже Франціи. Лучшее общее сочиненіе по исторіи средневѣковой Англіи принадлежитъ германскому ученому Паули; оно составляетъ продолженіе извѣстнаго труда Лаппенберга „Gesch. Englands“ и доведено въ трехъ объемистыхъ томахъ до смерти Генриха VII. Кромѣ того: Фриманъ „Норманское завоеваніе“; Стѣббсъ „Конституціонная исторія Англіи“ (оба на англ. яз.); Фриманъ и Стѣббсъ „Очерки по исторіи англійской конституції“ (переводъ подъ ред. М. М. Ковалевскаго); Гнейстъ „Ист. государственныхъ учрежденій Англіи“ (есть русск. переводъ); Виноградовъ „Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“; М. Ковалевскій „Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“. Н.

Взаимодействие Англии и Франции.

Понятно, что нації, столь противоположныя другъ другу по складу своей государственной жизни и племенному составу, какъ французская и англійская, не могли долго ужиться въ мирѣ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ,—тѣмъ болѣе, что съ развитіемъ городской промышленности началось между ними и первое торговое соперничество,—особенно между Англіей и богатыми городами Фландріи, между которыми Гентъ, Брюгге, Антверпенъ достигли высокаго промышленнаго процвѣтанія. Поэтому, когда въ половинѣ XII вѣка возникла между этими государствами запутанность территоріальныхъ отношеній, то начались между ними и войны. Запутанность эта произошла главнымъ образомъ по слѣдующему поводу. Король Людовикъ VII женать былъ на Элеонорѣ, владѣтельницѣ земель по Гароннѣ,—Пуату, Гіени и Гаскони. Вскорѣ однако онъ развелся съ ней, и Элеонора вторично вышла замужъ за Генриха Анжуйскаго изъ рода Плантагенетовъ, владѣвшаго областями Луары,—Анжу, Туренью и Мэнью,—и принесла ему въ приданое и свои наслѣдственныя земли. Но, такъ какъ этотъ самый Генрихъ получилъ англійскую корону, которой еще со временемъ Вильгельма Завоевателя принадлежала и Нормандія, то такимъ образомъ Плантагенеты на англійскомъ престолѣ вдругъ очтились обладателями всей западной Франціи и, разумѣется, владѣя въ этой странѣ такой обширной территоріей, не хотѣли признать ея ленной зависимости отъ французской короны. Французскіе же короли не могли допустить, что бы половина ихъ государства подчинена была чуждому ленному главенству. Отсюда—цѣлый рядъ войнъ Плантагенетовъ съ Капетингами, а по прекращеніи этой послѣдней династіи—и съ домомъ Валуа.

Уже Филиппъ Августъ, воспользовавшись домашними раздорами первыхъ Плантагенетовъ, отнялъ было у нихъ большую часть ихъ французскихъ владѣній; но спорныя земли эти были возвращены имъ снова рыцарственнымъ внукомъ его Людовикомъ Святымъ, руководившимся въ политикѣ болѣе идеальной христіанской справедливостью, чѣмъ государственнымъ интересомъ своей страны. Затѣмъ Филиппъ Красивый воевалъ изъ за нихъ съ Эдуардомъ I; но настоящая народная война между двумясосѣдними странами открылась только въ половинѣ XIV вѣка, когда между Валуа и Плантагенетами возникло столкновеніе изъ-за наслѣдственныхъ правъ на французскій престолъ. Столѣтняя борьба эта, означененная блестящими побѣдами простыхъ англійскихъ и шотландскихъ стрѣлковъ надъ гордымъ французскимъ рыцарствомъ при Кressи (1346 г.), Пуатье (1356 г.) и Азенкурѣ (1415 г.), приняла для Французовъ въ началѣ XV вѣка, послѣ послѣдняго изъ этихъ несчастій, такой плохой оборотъ

что малолѣтній Генрихъ VI англійскій при содѣйствіи сильной бургундской партіи провозглашенъ быль даже королемъ французскимъ въ ущербъ правамъ законнаго наслѣдника, дофина Карла, и Англичане готовились уже овладѣть его именемъ всей страной. Съ этой цѣлью предприняли они завоевательный походъ въ за-луарскую Францію и въ 1429 году осадили Орлеанъ, ключъ ко всѣмъ областямъ южной Франціи. Но въ эту критическую минуту, когда государству грозило иностранное порабощеніе, а помощи не предвидѣлось ни откуда, когда крамольная знать и даже города, недовольные правительствомъ за стѣсненіе ихъ правъ, сами протягивали руки врагамъ отечества, патріотизмъ проснулся въ средѣ простаго народа, изъ котораго избавительница Франціи вышла Жанна д'Аркъ¹⁾, мечтательная и вдохновенная крестьянская дѣвушка, просто и честно ставшая

¹⁾ Всѣ источники для исторіи Жанны д'Аркъ собраны и изданы Ж. Кишерѣ въ его пятитомной коллекціи подъ заглавіемъ: „Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc dite la Pucelle, publiés pour la première fois d'apr s les manuscrits de la biblioth que royal, suivis de tous les documents historiques, qu'on a pu r unir, et accompagn s des notes et d clarissements“ (Paris, 1840—1849). Въ первомъ томѣ этого изданія помѣщены акты осудительнаго, а во второмъ и третьемъ—возстановительнаго процесса (извѣстно, что процессъ Жанны д'Аркъ былъ пересмотрѣнъ въ 1452 г. и память ея возстановлена оправдательнымъ приговоромъ). Четвертый томъ содержитъ въ себѣ всѣ хроники и мемуары, имѣющіе хотя какое нибудь отношеніе къ исторіи орлеанской дѣственницы,—французские, англійские, бургундскіе и др. Пятый томъ заключаетъ поэтическія сказанія XV в. о дѣвѣ, рядъ писемъ и другихъ документовъ, относящихся къ ея исторіи, извлечения изъ счетныхъ книгъ, документы о празднествѣ 8 мая въ Орлеанѣ, о Лежжаниѣ и т. д.—Литература о Жаннѣ д'Аркѣ чрезвычайно богата. Назовемъ только важнѣйшіе труды: Le Brun de Charmettes „Histoire de Jeanne d'Arc, surnomm e la Pucelle d'Orleans“ (1817); I. Quicherat „Aper us nouveaux sur l'histoire de Jeanne d'Arc“ (Парижъ 1850); A. Desjardins „Vie de Jeanne d'Arc“; (1854). M. A. Renzi „Jeanne d'Arc, sa mission et son martyre“ (Парижъ 1855); H. Wallon, „Jeanne d'Arc“, (2 т. Парижъ 1860); G. Görres „Die Jungfrau v. Orleans“ (не болѣе, какъ извлечениѳ изъ книги de Charmettes); K. Hase „Die Jungfrau v. Orleans“; G. F. Eisell „Iohanna d'Arc, genannt die Jungfrau v. Orleans“ (одно изъ лучшихъ и обстоятельнѣйшихъ изслѣдованій); важна также статья Т. Зикеля въ историческомъ журналь Зибеля за 1860 г., где разобраны критически всѣ ходячія мнѣнія о Жаннѣ д'Аркъ; Гекеръ „Ueber Visionen“; на русскомъ яз. Петровъ „Жанна д'Аркъ“, (въ „Очеркахъ“).—Вопросъ о характерѣ видѣній Жанны д'Аркъ можетъ считаться въ настоящее время окончательно порѣшеннымъ: никто изъ серіозныхъ ученыхъ не думаетъ теперь отрицать ихъ субъективную дѣйствительность. Н.

выше корыстныхъ партій, раздиравшихъ отечество, и задавшаяся непреклонной мыслью спасти родину и возвратить ей законнаго короля. Подвигъ этотъ ей удался вполнѣ. Своимъ геройствомъ и безкорыстнымъ служенiemъ національному дѣлу она увлекла дворъ, вельможъ и народныя массы, заставивъ всѣхъ забыть личные разсчеты и думать только о погибающей родинѣ. При такомъ единодушіи ей нетрудно было освободить Орлеанъ и вѣнчать Карла VII на царство въ священномъ городѣ Реймсѣ, гдѣ обыкновенно короновались короли Франціи. Сама она, правда, скоро попала въ плѣнъ къ Англичанамъ, которые и сожгли ее, какъ колдуною и отступницу, на кострѣ. Но возбужденное ю народное одушевленіе было уже такъ сильно, что двадцать лѣтъ спустя Англичане потеряли всѣ свои старыя и новыя приобрѣтенія во Франціи, и къ половинѣ XV вѣка за ними остался только городъ Кале, которымъ они и владѣли еще цѣлое столѣтіе.

Такія частыя взаимодѣйствія Англіи и Франціи втеченіе двухъ послѣднихъ столѣтій средневѣковья не могли остаться безъ вліянія на судьбу и характеръ обоихъ странъ. Долгая борьба съ иноплеменниками, въ которой Франціи приходилось отстаивать свою государственную самобытность, сильно подняла сознаніе народнаго единства во всѣхъ разноплеменныхъ областяхъ французской земли, а народное единство способствовало въ свою очередь и ея государственному объединенію, органомъ которого явилась монархическая власть. Но еще сильнѣе было вліяніе этой борьбы на народъ англійскій. Она ясно показала ему, что какъ бы ни были велики напряженія его силъ въ континентальныхъ войнахъ, какихъ бы блестящихъ результатовъ ни достигли они на этомъ поприщѣ, на прочное расширение своего господства въ эту сторону онъ все таки разсчитывать не можетъ уже по самому островному своему положенію. Поэтому съ половины XV вѣка попытки европейскихъ завоеваній кончились для Англичан навсегда. Оттѣсненные съ континента Европы, они должны были съ этого времени обратить свое вниманіе и избытокъ силъ своихъ на море и тамъ искать для нихъ новаго поприща,—тѣмъ болѣе, что близкими вѣковыми сношеніями съ промышленной Фландріей во время французскихъ войнъ занесены были и сюда шерстяная, стеклянная, металлическая и другія мануфактуры, которыми такъ славились тогда города фламандскіе, а развитіе промысловъ опять таки призывало націю къ морской дѣятельности. Англія однимъ словомъ должна была съ этого времени сдѣлаться морской державой, къ чему предназначало ее и самое географическое положеніе Британскихъ острововъ, лежащихъ какъ разъ противъ

истока внутреннихъ морей и важнѣйшихъ судоходныхъ рѣкъ западно-европейского материка и долженствующихъ такимъ образомъ служить естественнымъ посредникомъ въ сношенияхъ Европы съ океаническими странами.

Но, прежде чѣмъ понять это назначеніе и вполнѣ имъ воспользоваться, край этотъ долженъ былъ еще пережить цѣлую эпоху внутреннихъ смутъ и волненій, среди которыхъ устраивалась его государственная жизнь. Указанный здѣсь послѣдствія всѣ почти лежали еще въ далекомъ будущемъ. На первыхъ же порахъ непосредственнымъ результатомъ народной англо-французской войны была только ненависть между двумя сосѣдними націями, обусловившая надолго ихъ взаимныя отношенія.

3. Скандинавскія земли ¹⁾.

Со временемъ крестовыхъ походовъ, именно съ XII вѣка, вслѣдствіе усиленія государственной власти въ Даніи, Норвегіи и Швеціи и окончательного водворенія въ этихъ странахъ христіанства скандинавскій міръ принимаетъ новый видъ. Трехсотлѣтніе поиски норманскихъ пиратовъ за добычей и новыми землями прекращаются, и міръ этотъ надолго уединяется, уходитъ въ свою внутреннюю жизнь, мало соприкасаясь съ общимъ движениемъ западно-европейской исторіи. И хотя скандинавскія государства и приняли некоторое участіе въ крестовыхъ походахъ, но это участіе было такъ слабо, что не отразилось на ихъ внутренней исторіи и не вызвало здѣсь того блестящаго промышленного и торгового развитія,

*Характеръ
исторії
скандинав-
скаго сѣвера
въ XIII—
XIV вв.*

¹⁾ Источники для исторіи скандинавскаго сѣвера заключаются частью въ скандинавскихъ нѣмецкихъ хронистовъ, особенно Адама Бременскаго, частью въ национальныхъ сагахъ, собранныхъ въ Исландіи, частью наконецъ у позднѣйшихъ скандинавскихъ лѣтописцевъ, первое мѣсто въ ряду которыхъ занимаетъ известный Саксонъ Грамматикъ. Изъ изданий памятниковъ скандинавской старины можно упомянуть слѣдующія: Langebek „Scriptores rerum Danicarum medii aevi“ (1834; 8 т.); Линденбрюхъ „Scriptores rerum Germanicarum septentrionalium“ (1706); Фантъ „Scriptores rerum Suecicarum medii aevi“ (1818).—Пособія: Гольбергъ „Dänische Reichshistorie“ (Leipz. 1757); Гебгарди „Allgemeine Gesch. der Königreiche Dänemark u. Norwegen;“ Шлегель „Gesch. der Könige von Dänemark aus dem Oldenburgischen Stamme“; Дальманъ „Gesch. Dänemark's“ (3 т., лучшее соч. по исторіи средневѣковой Даніи); Узингеръ „Deutsch-dänische Geschichte 1189—1227“ (1863); Г. Вайцъ „Schleswig-Holsteinische Geschichte“; Рюгсъ „Gesch. Schweden's“; Гейеръ (тоже; лучшее сочиненіе по исторіи средневѣковой Швеціи). Н.

которое было следствием крестоносныхъ войнъ на Западѣ и средоточіями которого сдѣлались итальянскіе, фланандскіе, рейнскіе и ганзейскіе города. Къ союзу послѣднихъ примыкали, правда, нѣкоторыя города Норвегіи и Даніи, но только въ послѣдней участіе ихъ было дѣятельно и плодотворно, на самомъ же полуостровѣ Скандинавскомъ Бергенъ, Стокгольмъ и другіе торговые пункты играли все еще пассивную роль въ общемъ промышленномъ движеніи тогдашняго Запада. За то внутри скандинавскаго міра, между самыми составными его частями, усиливаются сношенія и взаимодѣйствія, способствующія народному иполитическому обособленію скандинавскихъ государствъ.

*Первенство
Данії.*

Первую роль между ними до самаго конца среднихъ вѣковъ играетъ Данія, достигшая во второй половинѣ XII вѣка и первой половинѣ слѣдующаго столѣтія, при Вальдемарахъ I и II, наибольшаго вицѣнія могущества и владѣвшая въ это время всѣмъ побережьемъ Балтійскаго моря отъ Эльбы до Финскаго залива, оспаривая у Германіи не только ея славянско-литовскія окраины на сѣверѣ, но и самый Шлезвигъ-Гольштейнъ вмѣстѣ съ Гамбургомъ и Любекомъ. Блестящее время это миновало однако скоро, именно—какъ только Нѣмцы оправились послѣ своего безнарядья въ эпоху междуцарствія и когда на сѣверѣ Германіи усилилась Ганза. Съ этой стороны Данія постоянно потомъ имѣла враговъ, старавшихся ослабить ея могущество, чего имъ тѣмъ легче было достигнуть, что съ XIV вѣка страшно выросло здѣсь значеніе магнатовъ, терзавшихъ край своими партіями и крамолами, а въ королевскомъ домѣ шли усобицы, подрывавшія силу государства. Несмотря на то Данія все таки удерживала свое первенство на скандинавскомъ сѣверѣ, тѣмъ болѣе, что подобныя же явленія, т. е. безобразное хозяйствичанье властной аристократіи и раздоры въ династіи Фолькунговъ, наполнили современную исторію Швеціи. Поэтому, когда въ концѣ XIV вѣка угасъ этотъ владѣтельный родъ, датско-норвежской королевѣ Маргаритѣ удалось въ 1395 г. при содѣйствіи своекорыстнаго шведскаго вельможества соединить подъ своимъ скипетромъ такъ называемой кальмарской уніей всѣ три скандинавскія государства, но такъ однако, что каждое изъ нихъ удерживало свои законы и свое устройство. Союзъ этотъ, основанный не на свободныхъ народныхъ стремленіяхъ, а на интригахъ всесильной аристократіи, не могъ имѣть никакихъ условій прочности и продержался съ нѣкоторыми перерывами до начала XVI вѣка только потому, что завистливые и враждовавшіе между собой шведскіе магнаты желали лучше подчиняться чужому владычеству, нежели допустить къ коронѣ кого нибудь изъ среды

*Кальмар-
ская унія.*

своей. Съ другой стороны понятно, что при такихъ условіяхъ и самое господство Датчанъ надъ Швеціей въ это время было болѣе признаніемъ со стороны послѣдней номинальнаго главенства датскихъ королей, нежели дѣйствительной зависимостью. Ревнивая къ своимъ правамъ аристократія и могущественное духовенство тщательно ограничивали каждого новаго государя особыми избирательными условіями, а для управлениія страной во имя датскаго правительства сидѣль въ Стокгольмѣ намѣстникъ изъ какой-нибудь знатной туземной фамиліи. Сана этого во второй половинѣ XV вѣка достигъ домъ Стуре и въ лицѣ своего представителя, даровитѣйшаго Стена Старшаго, сдѣлалъ много добра для края. Правитель этотъ обуздаль своеоліе дворянства, возбудивъ противъ него духовенство и противопоставивъ ему возвышенныя имъ городское и свободно-крестьянское сословія, представителей которыхъ впервые призвалъ онъ къ участію въ государственныхъ сеймахъ, и сильно поднялъ образованіе края, основавъ первый въ Швеціи университетъ въ Упсалѣ. Что касается Даніи, то здѣсь въ половинѣ XV вѣка вступилъ на престоль домъ ольденбургскій въ лицѣ Христіана I, при второмъ преемникѣ котораго, жестокомъ и самовластномъ Христіанѣ II, датское владычество сдѣлалось до того нестерпимымъ для Шведовъ, что по поводу пораженія Датчанами правитель Стена Младшаго и вѣроломной казни его приверженцевъ противъ чужеплеменной тиранніи произошло въ Швеціи народное восстаніе, во главѣ котораго сталъ благородный патріотъ Густавъ Ваза, потомокъ ста-
риннаго королевскаго рода и родственникъ дома Стуре. Возстаніе это въ 1523 г. кончилось тѣмъ, что датское владычество было свергнуто, Швеція возстановила свою государственную независимость, а основатель отечества—Густавъ Ваза, провозглашенный королемъ, сдѣлался основателемъ новой династіи на шведскомъ престолѣ, державшейся на немъ до начала нынѣшняго столѣтія. Кальмарская унія, какъ дѣло насильственное, рушилась, и, хотя Норвегія все еще оставалась подъ властью Даніи, но скандинавскія націи, глубоко разъединенные и прежде племенными антипатіями, пошли съ того времени самостоятельными путями. Только успѣхи образованія и общіе интересы религіозные и общественные привели ихъ впослѣдствіи къ сближенію, но и то культурному, а не политическому,—къ сближенію, котораго втеченіе XV вѣка напрасно пытались достичнуть искусственнымъ путемъ.

*Густавъ
Ваза.*

4. Государства Пиринейского полуострова.

Богатый материалъ для исторіи государствъ Пиринейского полуострова изданъ въ очень рѣдкихъ и устарѣлыхъ коллекціяхъ, а потому и мало доступенъ для пользованія. Назовемъ важнѣйшіе сборники: Aguirre „Collectio conciliorum Hispan.“ (4 vol. Римъ, 1699); Bel „Rerum Hispanicarum scriptores aliquot“ (Франкф., 1579; 3 vol.); „Collection de las cronicas y memorias de los reyes de Castilla,“ (Мадридъ, 1779 — 87; 7 vol.); Florez „Espana sagrada,“ (Мадридъ, 1747 — 86; 35 vol.); Sandoval, „Historias de Idacio, Isidoro, Sebastianо etc.“ (Pamplona, 1615); Schott, „Hispania illustrata,“ (Франкф., 1603 — 1608; наиболѣе доступная коллекція). Новѣйшая литература по исторіи Испаніи обилуетъ общими сочиненіями, каковы напр. слѣдующіе болѣе старые труды: Mariana „Historia de rebus Hispaniae“ (Майнцъ, 1605; 16 vol.); Zurita „Ист. Арагоніи,“ (на испанск. яз. Сарагосса, 1610; 6 vol.); Fergeras „Ист. Испаніи“ (есть и нѣмецкій переводъ, изданный Баумгартеномъ въ Галле въ 1754 г.). Изъ новыхъ сочиненій особенно выдается Lafuente, „Historia general de Espana,“ (Мадридъ, 1850 — 59); см. также Romey et St. Hilaire „Hist. d'Espagne,“ (Парижъ, 1837—65; 9 vol.); Lembke u. Schäfer „Gesch. Spaniens;“ Schäfer „Gesch. Portugals.“ Для исторіи Мавровъ: Dozy „Hist. des Musulmans d'Espagne;“ Aschbach, „Gesch. der Almorawiden u. Almohaden.“ Изъ монографій можно указать на „Опытъ исторіи Арагоніи“ Гервина.

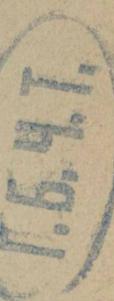
Изъ всѣхъ источниковъ средневѣковой испанской исторіи только одна хроника Рамона Мунтанера вполнѣ доступна для всѣхъ, такъ какъ она издана во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ. Мунтанеръ родился около 1265 г., и его хроника обнимаетъ собою первую четверть XIV в. По прекрасному изложенію, по романтическому духу она напоминаетъ Фруассара, но проникнута въ то же время глубокимъ религіознымъ настроениемъ, котораго напрасно стали бы мы искать у французского хрониста. Н.

Возникновение пиринейскихъ государствъ.

Между тѣмъ какъ на скандинавскомъ сѣверѣ складывались во второй половинѣ среднихъ вѣковъ двѣ замѣтно противоположныя народности — датская и шведская, образовавшія къ началу новаго времени два самобытныхъ королевства, первое — съ феодальнымъ устройствомъ, проникшимъ сюда изъ сосѣдней Германіи, а второе — съ сильнымъ вельможествомъ, подавлявшимъ центральную государственную власть, — на противоположномъ концѣ западно-европейского материка, на полуостровѣ Пиринейскомъ, такъ же незамѣтно и уединенно возникли новыя христианскія государства, — Арагонія, Кастилія и Португалія, — жившія до конца среднихъ вѣковъ каждое своею отдельною жизнью, почти не принимая участія въ интересахъ остального романо-германскаго Запада и составляя тоже особый міръ. Возникли же эти государства слѣдующимъ образомъ.

Во время завоевательного раззыва Арабовъ по этой странѣ въ VIII столѣтіи туземное христіанское населеніе Вестготовъ большею частью покорилось пришельцамъ, получивъ отъ нихъ право религіозной терпимости. Не желавшіе же подчиниться чужеземенному иновѣрному владычеству укрылись въ горахъ средней и особенно съверной Испаніи и отсюда, изъ недоступныхъ своихъ убѣжищъ, повели борьбу съ поработителями своего отечества. Сначала борьба эта была трудна и обѣщала мало успѣховъ. Когда же съ теченіемъ времени Арабы предались въ завоеванной странѣ мирной культурной дѣятельности, а высшее развитіе образованія и богатства ослабило ихъ древній воинственный духъ, то для неподвластныхъ имъ христіанскихъ горцевъ открылось болѣе видовъ и надеждъ, — особенно съ того времени, когда въ XI вѣкѣ омайадскій халифатъ распался на множество мелкихъ, независимыхъ и часто враждебныхъ другъ другу владѣній. Тогда христіане-Вестготы изъ Астуріи, Наварры, Бискайи и другихъ съверныхъ областей стали постепенно подвигать свои завоеванія къ югу, главнымъ образомъ въ трехъ направленіяхъ: къ юго-востоку, где втченіе XI вѣка образовалось королевство Арагонія, прямо на югъ, где около того же времени возникло королевство Кастилія, и къ юго-западу, где береговая полоса земли, отнятая у Мавровъ втченіе XI вѣка принцемъ бургундскимъ Генрихомъ, составила королевство Португалию. Постепенный ростъ этихъ государствъ, расширявшихся на счетъ соѣдніихъ мавританскихъ владѣній, продолжался безпрерывно до самаго исхода среднихъ вѣковъ, когда къ концу XV столѣтія оставалась еще независимою одна Гранада; но и этотъ послѣдній памятникъ арабскаго владычества на полуостровѣ въ 1492 году былъ завоеванъ соединенными силами Арагоніи и Кастиліи.

Пятисотлѣтняя борьба съ невѣрными, — съ религіозными и вмѣстѣ съ племенными врагами, втченіе которой потомки древнихъ Готовъ шагъ за шагомъ отвоевали себѣ снова свою землю, имѣла величайшее вліяніе на характеръ испанскихъ націй и на складъ ихъ общественнаго быта. Она развila въ нихъ воинственный духъ, выразившійся какъ въ подвигахъ испанскихъ рыцарей, такъ и въ пѣсняхъ, которыми они прославлены. Геройскій образъ Сида Кампедакора, относящейся еще къ XI столѣтію и воспѣтый въ безчисленныхъ романахъ позднѣйшихъ вѣковъ, служить лучшимъ образчикомъ испанского воина, соединявшаго въ себѣ религіозный энтузіазмъ съ гордою любовью къ свободѣ. Воинственный духъ Арагонцевъ, столь сильно возбужденный у себя дома, искалъ для себя выхода даже и за предѣлами Испаніи: въ XIV и XV в. они покорили

себѣ Сицилію и Неаполь, а въ слѣдующемъ столѣтіи участвовали и въ чудесномъ завоеваніи Америки. Съ другой стороны та же самая причина повліяла невыгодно на народный характеръ Испанца. Тогда какъ другія западно-европейскія націи отъ времени до времени ходили на далекій Востокъ искать невѣрныхъ и биться съ ними, Испанцы втеченіе многихъ вѣковъ были въ постоянномъ крестовомъ походѣ у себя дома. Войны съ Маврами имѣли по преимуществу религіозный характеръ и потому развили въ Испанцахъ тотъ слѣпой фанатизмъ, который породилъ у нихъ впослѣдствіи инквизицію, іезуитовъ и страшную силу духовенства. Далѣе, — войны съ Маврами условили собой и оригинальныя черты общественной жизни въ государствахъ Пиринейского полуострова. Когда потомки древнихъ Готовъ спустились съ горъ своихъ для завоеванія своихъ прежнихъ областей, имъ приходилось каждый шагъ занимаемой земли брать съ боя у непріятеля. Посреди величайшихъ опасностей, подъ выстрѣлами мавританскихъ крѣпостей и замковъ строились христіанскіе города и возникали христіанскія поселенія. Только самая широкая свобода могла вознаградить поселенцевъ за всѣ ихъ жертвы, привязать ихъ къ опаснымъ мѣстамъ. Отсюда — безчисленные иммунитеты и привилегіи, которыми каждая область издревле пользовалась въ Испаніи. Но, такъ какъ привилегіи или фуэрость, состоявшія въ автономіи, самосудѣ и другихъ правахъ, возникали въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ, то устройство областное сдѣлалось чрезвычайно разнообразно, сообщивъ каждой провинціи края такую рѣзкую особенность, которую не могли сгладить потомъ никакія усиленія абсолютной монархіи, водворившейся въ Испаніи съ началомъ новаго времени. Несмотря однако на такое областное разнообразіе общей чертой этого устройства были представительныя собранія или кортесѣ, въ которыхъ участвовали высшее и низшее дворянство (хідальгосъ), духовенство и города. Кортесъ имѣли обыкновенно участіе въ законодательствѣ и контроль надъ финансами, тогда какъ судебная власть принадлежала выборнымъ отъ сословій. Въ Арагоніи былъ даже особый верховный судья, такъ называемый великий хустисія, разбравшій споры между самими сословіями, наблюдавшій за непрікосновенностью народныхъ правъ и обязанный призвать согражданъ къ оружію въ случаѣ нарушенія правительствомъ ихъ фуэрость. Такой широкой общественной свободы не было нигдѣ въ средневѣковой Европѣ. Но только свобода эта была удѣломъ лишь небольшой привилегированной части населенія, именно дворянъ и духовенства, города же хотя и участвовали въ сеймахъ посредствомъ своихъ депутатовъ, но были

сильно подавлены высшими классами, а масса поселянъ томилась въ нищетѣ и рабствѣ.

Что касается умственнаго просвѣщенія страны, то высокая культура *просвѣщеніе-*
мавританскихъ государствъ на полуостровѣ не могла оставаться безъ благо-*nie.*
дѣтельнаго вліянія и на смѣнившія ихъ христіанскія. Уже во второй по-
ловинѣ XIII вѣка въ лицѣ Альфонса X Мудраго Кастилія имѣла мо-
нарха, заботившагося объ образованіи своего народа, о развитіи народна-
го языка и литературы. Только эта подготовка со стороны унаслѣдован-
ной мавританской науки и искусства могла породить въ Испаніи XV и
XVI вѣка блестящее литературное и художественное развитіе эпохи воз-
рожденія.

Въ такомъ видѣ государства Пиринейскаго полуострова достигли ис-*Соединеніе*
хода среднихъ вѣковъ. На самомъ рубежѣ ихъ,—такъ сказать, на пере-*Кастиліи и*
ходѣ въ новое время,—въ судьбѣ ихъ стала совершаться большая пере-
мѣна. Начало ей въ концѣ XV вѣка положено правленіемъ Изабеллы
Кастильской и Фердинанда Арагонскаго, за свою ревность къ вѣрѣ про-
званного Католикомъ. Бракомъ своимъ они навсегда соединили подъ
однимъ скипетромъ Кастилію съ Арагоніей и, хотя каждая изъ состав-
ныхъ частей монархіи удержала еще надолго свое особенное внутреннее
устройство и управление, но въ политическомъ смыслѣ онѣ составили уже
одно цѣлое. Съ того времени въ исторію Европы, какъ дѣятельный членъ
я, вступаетъ уже единая испанская нація. Но внутреннее сліяніе
составныхъ ея элементовъ еще только что началось при Фердинандѣ Ка-
толикѣ, при которомъ покоренiemъ Гранады довершено и окончательное за-
воеваніе страны у Мавровъ. Органомъ этого національного и государствен-
наго объединенія послужила здѣсь, какъ и во всей Европѣ, монархи-
ческая власть. Подъ руководствомъ главнаго совѣтника своего, тонка-
го и дальновиднаго кардинала Хименеса, Фердинандъ первый искусно
наложилъ руку на широкія привилегіи дворянства и духовенства, подавав-
шія поводъ ко всякимъ своеволіямъ и разнузданности: учредилъ по всему
краю строгіе королевскіе суды, завелъ по городамъ постоянную мили-
цію, такъ называемый св. германадѣ или военные братства, возложивъ
на нихъ обязанность преслѣдовать самоуправство знатныхъ и охранять
земскій миръ; затѣмъ, принявъ главное начальство надъ рыцарскими ор-
денами Испаніи, онъ сдѣлалъ ихъ покорнымъ орудіемъ короны и нако-
нецъ учрежденiemъ верховнаго судилища вѣры или трибунала св. ин-
квизиції терроризировалъ не только мухаммеданъ и Евреевъ, противъ
которыхъ это судилище было первоначально направлено, но и всѣхъ вра-

говъ королевской власти, такъ какъ инквизиція сдѣлалась потомъ также орудіемъ правительственаго деспотизма. Такими средствами удалось этому государю обуздать беспокойный рыцарскій духъ испанскаго дворянства, наиболѣе препятствовавшій въдворенію правильнаго порядка въ государствѣ. Стѣсненный отнынѣ у себя дома духъ этотъ сталъ искать для себя пищи въ отважныхъ виѣшнихъ предпріятіяхъ и скоро нашелъ ее въ начавшихся вслѣдъ затѣмъ италіанскихъ войнахъ, въ войнахъ Карла V и въ геройскихъ подвигахъ при открытии и покореніи Америки.—

Португалия.

Что касается Португалии, то и здѣсь религіозно-племенная борьба съ Маврами продолжалась до XV столѣтія и привела къ такимъ же послѣдствіямъ,—развитію въ народѣ безпокойнаго рыцарскаго духа, необузданной свободѣ дворянства и фанатизму массы,—пока въ славное правленіе Эммануила Великаго, относящееся къ началу XVI вѣка, не положено было и здѣсь прочное начало новому монархическому порядку вещей, послѣ чего предпріимчивый духъ этой береговой націи направленъ былъ тоже на виѣшнюю дѣятельность, на смѣлые морскіе поиски и открытия.

*Общія черты об разви-
тии романо-
германской
Европы во
2-й пол.
срединѣ вѣ-
ковъ.*

Сводя къ общимъ заключеніямъ обзоръ явленій западно-европейской жизни въ послѣдней половинѣ средникъ вѣковъ, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ общихъ чертъ въ ея развитіи. Вездѣ,—какъ у романскихъ, такъ и у германскихъ націй,—видимъ мы, во первыхъ, ослабленіе аристократического начала, на которомъ держался средневѣковой общественный строй. Вездѣ противъ дворянства и его исключительныхъ правъ направлены совокупныя усилия монархіи и сильно поднявшагося городского сословія. Въ крѣпкомъ союзѣ съ городами дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ Людовикъ XI во Франціи, Фердинандъ Католикъ въ Испаніи, Стенъ Стуре въ Швеціи. Только въ Германіи при слабости центральной государственной власти города и городскіе союзы независимо отъ нея ведутъ борьбу съ имперскимъ рыцарствомъ и князьями. События XIV и XV вѣк. ясно показываютъ упадокъ рыцарства, вырожденіе его доблестей, его ненадежность даже какъ силы военной. Въ битвахъ при Кресси, Пуатье, Азенкурѣ, Грансонѣ, Муртенѣ, Нанси, Моргартенѣ, Земпахѣ, Никополь и Танненбергѣ обнаруживается его несостоитѣльность предъ новыми пѣшими ополченіями стрѣлковъ и копейщиковъ. По мѣрѣ постепенного упадка аристократіи растетъ значеніе и сила демократическихъ элементовъ,—городовъ и даже сельскаго населенія. Вспомнимъ господствующую въ это время роль городовъ италіанскихъ, Ганзы, союза шваб-

скаго въ южной Германи; вспомнимъ борьбу городовъ фланандскихъ—съ пивоваромъ Артевельдомъ во главѣ—съ мѣстными династами и рыцарствомъ въ началѣ XV вѣка¹⁾, городскую и крестьянскую революцію во Франціи въ половинѣ XIV, страшное возстаніе угнетеннаго англо-саксонскаго населенія противъ норманскаго дворянства при послѣднемъ изъ прямыхъ Плантагенетовъ Ричардѣ II, въ самомъ концѣ того же XIV стол. Все это однородные признаки времени, свидѣтельствующіе о ростѣ западно-европейской демократіи на исходѣ среднихъ вѣковъ. Опираясь на эту новую силу, какъ организаторъ и вождь ея, возвышается къ этому времени и монархія въ лицѣ Карла VII и Людовика XI—во Франціи, первыхъ Тюдоровъ—въ Англіи, Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ въ Германіи и разныхъ мелкихъ тирановъ—въ Италии. Монархія эта вездѣ питается воспоминаніями обѣ античномъ величіи государственной власти, основывая на нихъ свои притязанія и права; но, слабая еще собственными средствами, она для борьбы съ аристократіей за верховную власть должна черпать свои силы въ союзѣ съ демократическими элементами общества, съ которыми у ней общіе враги и общая цѣль одолѣть ихъ. Но по мѣрѣ того, какъ цѣль эта достигается, короли западные становятся независимѣ и въ отношеніи своихъ союзниковъ, стремясь къ господству и надъ ними самими. Монархія однимъ словомъ стремится къ абсолютизму, къ уничтоженію всѣхъ ограниченій своего полновластія. Такъ какъ почвою для этихъ стремленій служатъ римскія представленія о всемогуществѣ верховной власти, уцѣлѣвшія по преданію особенно среди духовенства и съ XII и XIII в. научно воспроизведенныя юристами, то естественно, что и монархическое начало дѣлаетъ наиболѣе успѣховъ въ романскихъ земляхъ, тамъ, где эти римскія воспоминанія сохранились чище и живѣе.

a) Усиленіе
монархіи.

Вотъ почему къ концу среднихъ вѣковъ центръ тяжести западно-европейской исторіи перемѣщается отъ германскихъ народовъ къ романскимъ, успѣвшимъ сосредоточить свои силы подъ руководствомъ объединившей ихъ монархіи. Напротивъ Германія, игравшая на Западѣ руководящую роль до половины XIII в., послѣ паденія Штауфеновъ впадаетъ надолго въ безсиліе. Вместо нея первенствующее культурное значеніе переходитъ мало по малу къ Италии, а политическое—къ Франціи и Испаніи.

¹⁾ Vanderkinder „Вѣкъ Артевельдовъ“ Н.

въ Упадокъ
авторитета
церкви.

Второе общее явление въ исторіи романо-германского Запада за это время—это постепенный упадокъ могущества и авторитета церкви и особенно того учреждения, въ которомъ главнымъ образомъ сосредоточивались ея силы, именно папства. Движеніе это замѣтно во всѣхъ почти странахъ, и вотъ его главнѣйшіе моменты. Самыя важныя фазы этого антиклерикального процесса сосредоточиваются въ Германии и вообще въ странахъ германского племени. Въ земляхъ романскихъ движение это уже слабѣє, и чѣмъ больше гдѣ римской крови въ составѣ населеній, тѣмъ повидимому тверже тамъ и владычество церкви. Причина этого явленія лежала, быть можетъ, въ унаслѣдованномъ отъ Римлянъ характерѣ такихъ населеній, въ которомъ покорность власти и уваженіе къ авторитету составляли господствующую черту. Исторія средневѣковой Германии вся наполнена борьбой ея императоровъ съ папами,—сначала за инвеституру, потомъ за Италию и за независимость государственной власти вообще. Штауфены нашли свою гибель въ этой борьбѣ, но и церковь торжествовала недолго. Едва императорская власть оправилась немного отъ унижений великаго междусоюза, какъ въ первой половинѣ XIV вѣка императоръ Людвигъ Баварскій опять вступилъ съ куріей въ непріязненные отношенія по поводу своего похода въ Италию¹⁾). Когда же папа въ пылу начавшихся пререканій, подвергъ его церковному отлученію и на всю Германию наложилъ интердиктъ, то это самоуправное и насильственное вмѣшательство въ дѣла имперіи такъ раздражило общественное мнѣніе страны, что князья въ 1338 году постановили правиломъ, что впредь избранный большинствомъ курфирстовъ долженъ считаться законнымъ императоромъ даже и безъ согласія папы, а вслѣдъ затѣмъ заставили духовенство собственною властью снять съ германской церкви наложенное на нее запрещеніе.

Но эпоха полнаго униженія папства была еще впереди. Открылась она въ самомъ началѣ XIV вѣка во Франціи. Здѣсь у Филиппа IV Красиваго произошло съ высокомѣрнымъ Бонифаціемъ VIII жестокое столкновеніе по поводу стремлений короля подчинить и французское духовенство той же самой государственной власти, интересы которой онъ такъ настойчиво преслѣдовалъ во всей своей политикѣ. И вотъ, когда Филиппъ обложилъ французское духовенство общей государственной податью, Бонифацій горячо вступилъ за его интересы и поразилъ короля отлученiemъ,

¹⁾ Рицлеръ „Литературные противники папства въ эпоху Людовика Баварского“; Карлъ Мюллеръ „Борьба Людовика Баварского съ римской куріей“. Н.

какъ посягателя на достояніе церкви и священныя права ея главы. Король же созвалъ государственные чины, которые провозгласили торжественно принципъ независимости государства, а вслѣдъ затѣмъ ловкимъ канцлеромъ Ногаре, однимъ изъ агентовъ Филиппа, сдѣлано было на папу нечаянное нападеніе въ самой Италии, вслѣдствіе котораго Бонифацій попался къ нему въ плѣнъ и, хотя былъ скоро освобожденъ своими приверженцами, но личное оскорблениѣ, имъ при этомъ вынесенное, подействовало на него такъ сильно, что этотъ властолюбивый и гордый человѣкъ вскорѣ затѣмъ умеръ въ помѣшательствѣ¹⁾). Ногаре новель дѣлалъ искусно, что запуганные кардиналы избрали ему преемникомъ бордосского епископа Бертрана д'Агу, который, принявъ имя Климента V и чувствуя, кому онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, согласился исполнить всѣ желанія короля. Въ числѣ другихъ условій, стѣснительныхъ для куріи, Филиппъ потребовалъ отъ него также перенесенія папской резиденціи изъ Рима въ южно-французскій городъ Авиньонъ, что и было имъ сдѣлано въ 1309 году. Начиная съ этого времени, втечение цѣлыхъ 70 лѣтъ папы жили уже постоянно въ этомъ городѣ къ великому неудовольствію Италіанцевъ и всего католическаго міра, назвавшаго это время въ исторіи своей церкви вавилонскимъ плѣненіемъ папъ, такъ какъ естественно, что, живя во Франціи, главы католической церкви совершенно зависѣли въ своихъ дѣйствіяхъ отъ французскаго правительства и служили только орудіемъ его политики. Сами папы чувствовали свое унизительное положеніе и неразъ пытались перебѣхать обратно въ Римъ. Только въ 1378 г., когда Григорій XI во время поѣздки

расколъ западной церкви.

своей въ Италію умеръ въ Римѣ, имъ удалось этого достигнуть, такъ какъ преемникъ, избранный италіанскими кардиналами подъ именемъ Урбана VI, снова поселился въ древней столицѣ св. Петра. Но за то другая часть кардиналовъ, большую частью французскихъ, не признала этого выбора законнымъ и провозгласила для Авиньона другаго папу изъ своихъ кандидатовъ, именно кардинала Роберта Женевскаго, подъ именемъ Климента VII.

Такъ произошелъ расколъ западной церкви. Католический міръ распался на двѣ обедиенціи: одни считали законнымъ римскаго папу, другіе—авиньонскаго. Сами папы эти смотрѣли другъ на друга какъ на узурпа-

¹⁾ Для исторіи столкновенія Филиппа IV Красиваго съ папою слѣдуетъ указать на Du-Puy „Hist. du diff erend entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel, roy de France“ (Paris. 1655); Drumann „Bonifaz VIII“. II.

торовъ и взаимно поражали одинъ другаго проклятіями. Скандалъ еще болѣе усилился, когда созванный въ 1409 г. соборъ въ Пизѣ для устраниенія соблазна низложилъ обоихъ папъ и избралъ новаго — Александра V, котораго провозгласилъ единственно законнымъ главою церкви, а по его смерти часть кардиналовъ признала папою Бальтазара Косу, болонскаго кардинала-легата, съ именемъ Иоанна XXIII. [Уже одна возможность подобнаго выбора обнружила всю глубину испорченности католической церкви. Никогда еще папская тіара не возлагалась на человѣка, запятнавшаго себя неслыханною безнравственностью и безчестностью. Происходя изъ знатнаго неаполитанскаго рода, Бальтазарь Коса провелъ буйную молодость; онъ занимался даже морскимъ разбоемъ. Своего высокаго положенія въ церкви онъ достигъ не набожностью и ученостью, а интригами и подкупомъ. Хитрый, ловкій и жадный, опытный въ политикѣ и военному дѣлѣ, онъ не останавливался передъ самыми страшными преступленіями и, какъ ходили слухи, отравилъ своего предшественника Александра V. Понятно, что подобный человѣкъ не могъ быть признанъ всею западною церковью и что двое другихъ папъ и не думали подчиняться ему и отрекаться отъ своего достоинства, такъ что] Западъ имѣлъ теперь вмѣсто двухъ папъ — троихъ. Тогда для возстановленія нарушенаго единства католической церкви въ раздорѣ ея должна была вступить свѣтская власть. Съ согласія Иоанна XXIII императоръ Сигизмундъ въ 1414 г. созвалъ новый соборъ въ Констанцѣ, въ которомъ приняли участіе лучшія силы всѣхъ западно-европейскихъ церквей и весь цвѣтъ тогдашней интеллигенціи. Между участниками его по учености и талантамъ особенно выдавались доктора парижскаго университета Петръ д'Айльи и Герсоній, сдѣлавшіеся вождями той партіи собора, которая стремилась къ умѣренному преобразованію церкви, къ устраниенію ея самыхъ воюющихъ злоупотребленій. Но была здѣсь партія и болѣе радикальныхъ реформаторовъ, сочувствовавшихъ учению англійскаго богослова Виклефа о необходимости народныхъ церквей, независимыхъ отъ Рима и преобразованныхъ какъ въ догматахъ, такъ и въ устройствѣ, согласно точному смыслу Св. Писанія. Большинство членовъ собора, преимущественно духовенство Италіи и Пиринейскаго полуострова, конечно стояло еще за старые церковные порядки, но уже самое существованіе сильныхъ либеральныхъ элементовъ въ составѣ собора, т. е. въ нѣдрахъ самой церкви, указывало на измѣнившееся настроеніе общества. Костницкое собраніе, объявившее себя вселенскимъ и независимымъ, т. е. неподчиненнымъ папѣ и вообще никакому земному авторитету, имѣло решить весьма обширныя

Костницкій соборъ.

и сложная задача: возстановить единство церкви, преобразовать ее во главе и въ членахъ, искоренить лжеученія, въ ней появившіяся. Первой цѣли достигло оно низложеніемъ всѣхъ трехъ папъ и избраніемъ новаго — Мартина V; но этимъ шагомъ, которому сильно противилась вся партія прогресса, соборъ затормозилъ всѣ свои дальнѣйшія благія намѣренія, такъ какъ новоизбранный глава церкви, отставая интересы куріи, естественно противился всяkimъ разумнымъ реформамъ и съ помощью ультрамонтановъ, т. е. италіанского духовенства и приверженцевъ старины, разстроилъ всѣ преобразовательные планы собора, чего не могло бы случиться, если бы, какъ того требовали либеральные члены, спачала приступлено было къ реформамъ, а потомъ уже избранъ глава преобразованной церкви. При такихъ условіяхъ также точно не могли быть успешны дѣйствія собора и по отношенію къ ересямъ, именно къ ученію Гуса, волновавшему въ то время Чехію и сосѣднія страны и тоже проникнутому идеей народной и независимой евангельской церкви. Несмотря на свои либеральные тенденціи соборъ отнесся къ Гусу чрезвычайно сурово и несправедливо, присудивъ его къ сожженію на кострѣ, причемъ многіе изъ прогрессивныхъ членовъ собора руководились не столько чисто церковными мотивами, сколько мелочнымъ холастическимъ антагонизмомъ къ реалисту, тогда какъ большинство его противниковъ принадлежало къ номиналистамъ. Немалую роль при осужденіи Гуса игралъ также ультрамонтанскій фанатизмъ и ретроградный духъ, обуявший собраніе подъ конецъ его засѣданій.

Съ тѣмъ костницкій соборъ и разошелся, не исправивъ ни одного изъ главныхъ нестроеній церковныхъ, а Мартинъ V отдельными конкордатами съ различными западными государствами успѣль спасти весь почти старый порядокъ, а стало быть — и всѣ его злоупотребленія. Императору же соборъ оставилъ въ наслѣдство ужасную пятнадцатилѣтнюю борьбу съ гуситами, отъ которой жестоко пострадала вся восточная Германія. Какъ для удовлетворенія озлобленныхъ и непобѣдимыхъ Чеховъ, такъ и для совѣщаній о реформахъ, которыхъ все таки настойчиво требовало общественное мнѣніе, преемникъ Мартина Евгеній IV вынужденъ былъ въ 1433 г. созвать новый соборъ въ Базелѣ, на которомъ преобразовательное направление обнаружилось уже съ такою силою, что испуганный папа пять лѣтъ спустя перевѣль его во Флоренцію съ тѣмъ, чтобы на италіанской почвѣ вѣрнѣе прибрать его въ свои руки. Базельскіе же отцы объявили Евгенія низложеннымъ и сами избрали ему преемника. Впрочемъ, такъ какъ большинство прелатовъ, именно всѣ ультрамонтаны, покорились потомъ папѣ и мало по малу перѣѣхали во Флоренцію, то п

Базельско-
флорентій-
скій соборъ.

оставшиеся въ Базель, не находя поддержки и въ императорѣ, должны были безсильно разойтись¹⁾.

Такъ въ половинѣ XV вѣка кончились попытки официальныхъ преобразованій западной церкви. Онѣ оказались бесплодными, и результатомъ ихъ осталось лишь то, что сама церковь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей торжественно заявила о необходимости реформы. А между тѣмъ унижение Бонифація, вавилонскій плѣнъ папства, скандалы великаго раскола, восстание гуситовъ и громкие протесты самихъ соборовъ XV вѣка противъ злоупотребленій и испорченности церкви и ея главы, — всѣ эти события сильно подорвали въ общественномъ мнѣніи нравственный кредитъ средневѣковой теократіи.

Антиклерикальные явления въ Англіи

Такія же антиклерикальные явленія мы встрѣчаемъ съ XII вѣка и въ другихъ западныхъ странахъ. Такъ въ Англіи основатель дома Ілантагенетовъ Генрихъ II въ 1164 году такъ называемыми кларенденскими конституціями старался подчинить мѣстное духовенство королевскимъ судамъ безъ права апелляціи къ папѣ, и только опрометчивый поступокъ его съ архіепископомъ кентерберійскимъ Томасомъ Бекетомъ, убитымъ у алтаря по его повелѣнію за энергическое противодѣйствіе этимъ постановленіямъ, — поступокъ, навлекшій на него церковное проклятие, заставилъ его отмѣнить и самыя конституціи. А второй сынъ его — Иоаннъ Безземельный — вошелъ въ жаркий споръ даже съ могущественнымъ Иннокентіемъ III за право назначать архіепископа кентерберійского, какъ примаса Англіи, — споръ, окончившійся тоже не въ пользу королевской власти, такъ какъ безхарактерный Иоаннъ, отлученный отъ церкви, долженъ былъ смириться предъ папою и признать себя

¹⁾ Акты соборовъ костницкаго и базельскаго собраны въ нѣсколькоихъ коллекціяхъ, какъ то у Мансі, фонъ-деръ-Гардта и въ изданныхъ вѣнскою историческою комиссіею „Monumenta conciliorum generalium seculi XV“; изъ источниковъ по этому вопросу можно еще указать на биографа папы Иоанна XXIII — Теодориха Нимскаго, на соч. Энел Сильвія „Исторія базельскаго собора“ (3 кн.) и на дневники Ульриха Рейхенталя, Эбендорфера, Дахера. — Пособія: И. Ланфантъ „Ист. костницкаго собора“; Шастенѣ „Нов. ист. базельскаго собора“; Ройко „Ист. церковнаго собора въ Костницѣ“; Тости „Ист. констанцкаго собора“ (на итал. из.; есть и нѣм. перев.); Вессенбергъ „Die grossen Kirchenversammlungen des XV u. XVI Jahrh.“; Христофъ „Исторія папства въ XV стол.“; Раумеръ „Церковные соборы въ Пизѣ, Констанцѣ и Базель“ („Historisch. Taschenbuch“, 1849); Гюблеръ „Die Konstanzer Reformation und die Concordate“ (Leipz. 1867); Фойгтъ „Эней Сильвій Пикколомини“ Гефеле „Conciliengeschichte“ (7-й т.); Брокгаусъ „Gregor von Heimburg“.

его вассаломъ. Мѣра эта, не удавшаяся въ началѣ XIII в. по слабости ея вчинателя, достигнута была однако же пятьдесят лѣтъ спустя, когда постановлено было правиломъ, что никто не можетъ въ Англіи получать высшія церковныя должности по назначению куріи, а въ концѣ XIV вѣка мы встрѣчаемъ уже здѣсь парламентское опредѣленіе, объявляющее государственнымъ измѣнникомъ каждого, кто бы рѣшился обнародовать папскую буллу безъ соизволенія правительства страны. Наконецъ къ этому же времени относится и реформаторская дѣятельность оксфордскаго профессора Виклефа, стремившагося къ образованію самостоятельной, национальной англійской церкви съ измѣненнымъ въ строго евангельскомъ смыслѣ вѣроученіемъ и устройствомъ¹⁾). Даже въ самой Италіи, колыбели папского могущества, весьма рано являются протесты противъ испорченности церкви, ея мірскихъ цѣлей и мірского характера. Такимъ явленіемъ была попр. въ половинѣ XII в. попытка восторженного Арнольда Брешіанского освободить Римъ отъ владычества папъ и возвратить церковь къ ея первобытной апостольской простотѣ и бѣдности²⁾.

Такъ постепенно теряли значеніе двѣ главныя формы средневѣковой жизни,—феодализмъ и теократія, такъ долго связывавшія единымъ духомъ и общими интересами романо-германскіе народы, и, когда они рушились, для западной Европы настало новое время.

III. Восточная Европа и Азія.

Восточная Европа, т. е. Византія и міръ славянскій, по самому географическому положенію поставлена въ ближайшее сосѣдство къ народамъ Азіи и была въ постоянной съ ними борьбѣ. Такимъ образомъ

¹⁾ Большая часть сочиненій англійскаго реформатора до сихъ порь еще не была издана. Недавняя 500-лѣтнія годовщина его смерти (Виклефъ умеръ 31 дек. 1384 г.) подала мысль почтить его память полнымъ и научнымъ изданіемъ всѣхъ его сочиненій, и въ подготовленіи такого изданія приняли участіе не только англійскіе, но и нѣмецкіе ученые. Что же касается монографій о Виклефѣ, то лучшія принадлежать Нѣмцамъ—Lechler'y „Johann von Wiclit und Vorgeschichte der Reformation“ (Leipz. 1873, 2 Bde), гдѣ прослѣжено подробно и вліяніе виклефова ученія на послѣдующія реформаціонныя движенія какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ, и Buddensieg'y „Johann Wiclit und seine Zeit“ (Gotha. 1885), гдѣ жизнь и дѣятельность Виклефа представлены въ связи съ внутреннимъ состояніемъ тогдашней Англіи. **Б.**

²⁾ Объ Арнольдѣ Брешіанскомъ см. статью В. П. Бузескула въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. **Н.**

подвигъ защиты христіанства отъ невѣрныхъ, взятый Западомъ на себя добровольно въ XII и XIII стол., былъ для Востока подвигомъ естественнымъ и необходимымъ, искони наполнявшимъ его исторію. Но нельзя сказать, чтобы и крестовые походы западныхъ народовъ остались безъ вліянія на восточные, — только вліяніе это было болѣе вѣшнее, болѣе коснулось политической судьбы ихъ, чѣмъ внутренней жизни. Особенно могущественно повліяли они на участіе византійской имперіи, а косвенно отразились и на судьбѣ племенъ южно-славянскихъ.

1. Византійская имперія и балканскіе Славяне.

Начиная со временъ крестовыхъ походовъ, источниками для исторіи Византіи являются отчасти туземныя лѣтописи и хроники, собранныя въ упомянутой уже выше (см. стр. 70) коллекціи, отчасти же различныя романскія хроники, найденные и обнародованныя въ недавнее время Карломъ Гопфомъ въ извѣстномъ изданіи „Chroniques gréco-romaines inédites ou peu connues“ (Berl. 1873). Изъ пособій слѣдуетъ прежде всего назвать Дюканжа „Historia Byzantina dupli commentario illustrata“, гдѣ съ изумительнымъ приложеніемъ собранъ громадный матеріаъ для исторіи не одной только Византіи, но также Османскихъ Турокъ и балканскихъ Славянъ; не менѣе важно другое сочиненіе Дюканжа — „Hist. de Constantinople sous les empereurs fran ais“, составляющее какъ бы обширный комментарій къ изданному имъ же произведенію Вильгардуина. Затѣмъ нужно упомянуть о трудахъ Бюшона, переработавшаго въ новомъ изданіи соч. Дюканжа и въ шести томахъ издавшаго важнѣйшія греко-романскія хроники, а также о Финлеѣ („Ист. византійской и греческой имперіи отъ 716 по 1453 г.“ и „Греція и Трапезунтъ въ средніе вѣка“, — то и другое на англ. яз.) и въ особенности о Карлѣ Гопфѣ, которымъ были закончены архивныя работы, предпринятые ранѣе Тафелемъ, Томасомъ, Риккоти, Миклошичемъ и Мюллеромъ. Въ архивахъ Вѣни, Венеціи, Милана, Генуи, Неаполя и Палермо найдена была имъ масса совершенно неизвѣстнаго до тѣхъ поръ исторического матеріала, какова напр. „Istoria del regno di Romania sive regno di Morea“ Марино Санудо Старшаго; имъ же была доказана полная недостовѣрность такихъ источниковъ, какъ напр. старо-французская хроника „Livre de la conquête“ съ ея греческою передѣлкою, — „хроникою морейскою“, или „Исторія герцоговъ накоосскихъ“ Роберта Сангера. Результаты своихъ изслѣдований Гопфъ изложилъ частью въ своей обширной „Ист. Греціи въ средніе вѣка и въ новое время“, помѣщенной въ энциклопедіи Эрша и Грубера (Секція 1, т. 85 — 86), частью въ цѣломъ рядѣ специальныхъ монографій, какъ то: „De historiae ducatus Atheniensis fontibus“; „Ист. о. Андроса и его владѣтелей отъ 1207 до 1567 г.“; „Veneto-byzantinische Analecten“; „Ист. тевтонскаго ордена на о. Мальтѣ“; „Ист. острововъ Архипелага подъ италіанскимъ владычествомъ“ и мн. др.; тѣ же Гопфъ впервые обратилъ вниманіе на исторію Каталонцевъ въ Греціи, а равно на исторію Албаніи до смерти Скандербега. Болѣе популяр-

нимъ характеромъ отличаются два сочиненія Герцберга, — „Ист. Грекіи въ средніе вѣка“ (2-й т.) и „Османы и византійская имперія“ (послѣднее въ коллекціи Онкена). См. также соч. Гиббона и Фальмерайера. Н.

Въ половинѣ XI вѣка въ лицѣ Исаака I вступила на византійскій ^{Комнены и Ангелы.} престолъ династія Комnenovъ, при которой, именно въ царствованіе Алексія Комнена, поднялись съ Запада крестоносныя движенія въ св. землю, направлявшіяся главнымъ образомъ чрезъ Константинополь. Тѣсніи Турками съ востока и разными варварами съ сѣвера Византійцы сами отчасти вызвали эти движенія и тѣмъ легкомысленно и неосторожно накликали на себя опасность. По крайней мѣрѣ Алексій неразъ искалъ помощи на Западѣ, и еще до клермонского собора послы его ходатайствовали о ней предъ папою Урбаномъ. Но, когда долго зревшій проектъ всеобщаго ополченія на невѣрныхъ дѣйствительно состоялся и когда первыя крестоносныя рати подошли къ Константинополю, императоръ испугался какъ ихъ многочисленности, такъ и разнуданности ихъ нестройныхъ полчищъ, дышавшихъ грабежемъ и фанатизмомъ. Тогда только правительство его поняло опасность, грозившую имперіи отъ латинскихъ бойцовъ за вѣру, готовыхъ видѣть враговъ христовыхъ не только въ мюхаммеданахъ, но и въ православныхъ Грекахъ. Близорукость Алексія Комнена въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе поразительна, что въ ближайшихъ западныхъ сосѣдяхъ своихъ, Норманнахъ южной Италии, онъ имѣлъ уже образчикъ того, чего могла ожидать имперія отъ латинянъ, такъ какъ со времени Роберта Гвискара любимѣшой мечтой королей Неаполя и Сицилии было завоеваніе восточной имперіи, на что ленный государь ихъ, папа, готовъ былъ во всякое время дать свое апостольское благословеніе. Тою же мыслью задавался потомъ и первый штауфенскій король этихъ земель, императоръ Генрихъ VI. Дѣло въ томъ, что, содѣйствуя возбужденію крестовыхъ походовъ, византійскій дворъ самъ не предполагалъ, какія страшныя враждебныя силы навлекаетъ онъ на имперію. Когда же истина открылась во всей своей ясности, то Алексій сталъ употреблять всѣ усилия, чтобы оградить себя отъ посягательствъ крестоносцевъ [и извлечь въ то же время возможно большія выгоды изъ ихъ предпріятій на Востокѣ. При этомъ согласно традиціонному духу своей политики онъ не брезгалъ никакими средствами и тамъ, гдѣ не помогали прямые пути, не задумывался прибѣгать къ кривымъ. Такъ напр. хитростью и насилиемъ заставилъ онъ князей первого крестоноснаго ополченія принять на себя ленные обязательства и передать завоеванную ими Никию греческой имперіи. Подобнымъ же образомъ и внукъ его Мануилъ

Комненъ успѣлъ счастливо избѣгнуть опасности, грозившей ему отъ несмѣтныхъ полчищъ втораго крестоваго похода и враждебныхъ замысловъ Рожера Сицилійскаго. Но тотъ же самый Мануилъ Комненъ пытался поддержать латинскихъ христіанъ Сиріи въ ихъ отчаянной борьбѣ съ мусульманами и тѣснить малоазійскихъ Сельджуковъ, отъ которыхъ потерпѣлъ жестокое пораженіе въ битвѣ при Мириокефалонѣ (1178 г.), имѣвшей для Византіи самыя гибельныя послѣдствія и повлекшіе за собою потерю большей части Малой Азіи. На Западѣ же ходили между тѣмъ преувеличенные слухи о коварствѣ и двуличії византійской политики. Грекамъ приписывали не только всевозможные обманы и злодѣянія, но и винили ихъ въ такихъ катастрофахъ, какъ напр. гибель громадныхъ ополченій втораго крестоваго похода въ пустыняхъ Малой Азіи, чemu они нисколько не были причастны, такъ какъ катастрофы эти вызваны были скорѣе невѣжествомъ и высокомѣрiemъ самихъ Франковъ и ихъ вождей].

Междуди тѣмъ въ 1185 г. вслѣдствіе одного изъ насильственныхъ переворотовъ, столь обычныхъ въ Византіи, домъ Комненовъ лишился престола, на который въ лицѣ Исаака II взошла династія Ангеловъ, самая несчастная и безславная изъ всѣхъ царствовавшихъ въ Константинополѣ. Постоянныя вѣковыя спошенія и столкновенія съ латинянами успѣли уже въ это время принести имперіи свои горькіе плоды, успѣли разстроить окончательно и безъ того недужный организмъ ея. Византійская знать заразилась отъ западныхъмагнатовъ, приходившихъ сюда подъ знаменемъ креста, тѣмъ самымъ духомъ гордой и своевольной независимости, которымъ отличалась вообще феодальная аристократія. Интриги партій, крамолы и заговоры, столь частые здѣсь и прежде, усилились еще болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаль и авторитетъ самодержавной власти императоровъ, столь необходимый для государства, окруженнаго со всѣхъ сторонъ безчисленными опасностями, нуждавшагося для борьбы съ ними въ сосредоточеніи и строгой организаціи всѣхъ своихъ силъ. Съ другой стороны Константинополь наполнялся толпами проходимцевъ всѣхъ націй, осѣдавшими здѣсь изъ остатковъ крестоносныхъ полчищъ, которыя устремлялись въ Азію этимъ путемъ. Къ концу XII вѣка столичная чернь представляла уже пеструю массу самыхъ развращенныхъ и буйныхъ соціальныхъ элементовъ, людей безъ вѣры, совѣсти, народности и патріотизма, составлявшихъ готовый матеріалъ для всякихъ общественныхъ насилий и потрясеній. Виѣшнее могущество имперіи хотя и увеличилось пріобрѣтеніемъ Никеи, снова отвоеванной для нея первыми крестоносцами,

но пріобрѣтеніе это, окруженню сельджукскими владѣніями, только по-
глощало финансовые и военные ресурсы государства, тогда какъ тѣ об-
ласти, отъ которыхъ имперія такъ долго черпала и обновляла свои силы,
именно славянскія земли на ѿзверѣ, — Сербія съ Хорватіей и Болгарія, —
сдѣлавшіяся почти что независимыми, преслѣдовали теперь свои особыя
цѣли, рѣдко совпадавшія съ интересами имперіи. Наемные дружины
давно уже вошли въ обычай въ Византіи, но никогда еще эта ги-
бельная система не достигала такихъ опасныхъ размѣровъ, какъ въ
эпоху крестовыхъ походовъ, когда представлялась легкая возможность
пополнять легіоны всякимъ разноплеменнымъ сбродомъ. Защита, а, ста-
ло быть, и судьба государства, очутилась такимъ образомъ въ рукахъ про-
дажной толпы иноплеменниковъ.

Надо принять въ разсчетъ всѣ эти измѣнившіяся условія внутренняго ~~латинской империи~~
состоянія имперіи, чтобы понять легкое завоеваніе ея латинянами въ на-
чалѣ XIII вѣка ¹⁾). Дѣло это происходило такъ. Въ 1202 году пре-
старѣлый Исаакъ Ангель свергнутъ былъ съ престола и ослѣпленъ бра-
томъ своимъ Алексѣемъ; тогда сынъ низложенного императора, царевичъ
Алексѣй, обратился къ собравшимся въ Венеціи крестоносцамъ четвер-
таго похода и искалъ ихъ помощи, предлагая имъ за возстановленіе
своихъ правъ самыя заманчивыя условія, между прочимъ подчиненіе гре-
ческой церкви главенству папы и огромныя суммы. Вожди похода, —
Бонифацій, маркграфъ монферратскій, и Балдуинъ, графъ фландрскій,
нуждаясь въ деньгахъ для уплаты Венеціанцамъ издержекъ предпріятія,
согласились на эти условія, — особенно, когда самъ дожъ, — Генрихъ
Дандоло, одобрилъ константинопольскую экспедицію и даже принялъ
въ ней личное участіе, причемъ крестоносцы предполагали, окончивъ ее,
плыть дальше на Востокъ и исполнить обѣтъ свой. О завоеваніи госу-
дарства Грековъ и его столицы пятидесятитысячною арміею латинянъ ко-
нечно не могло быть и помышленія; самъ папа, ничего такъ сильно не
желавшій, какъ подчиненія себѣ восточной церкви, надѣялся вѣрнѣе до-

¹⁾ Источники для истории завоеванія Константинополя Франками и возникно-
венія латинскихъ колоній на византійской почвѣ указаны выше (стр. 137); глав-
нымъ авторомъ для этой эпохи является Никита Хоніатъ (Акоминатъ),
о которомъ см. монографію проф. Ф. Успенскаго („Никита Акоминатъ“,
1874). См. также Бюшонъ „Recherches et matériaux pour servir à une hi-
stoire de la domination fran aise en Mor e“ (Paris, 1840); его же „Chroniques
 trang eres relatives aux expedi ons fran aises pendant le XIII si cle, publi es
pour la premi re fois“ (Paris, 1840). Н.

стигнуть этой цѣли посредствомъ завязанныхъ съ императоромъ переговоровъ и даже упрекалъ крестоносцевъ за уклоненіе отъ прямаго ихъ назначенія. Къ факту завоеванія Константинополя привели сами события и обнаружившаяся при этомъ слабость имперіи. Когда латиняне увидѣли, какъ легко удалось имъ первое нападеніе на городъ, въ которомъ считалось не сколько сотъ тысячъ жителей, и возстановленіе низложеннаго Исаака съ сыномъ вслѣдствіе бѣгства узурпатора, то въ нихъ, естественно, могла возникнуть мысль о самомъ его покореніи. Религіозная и племенная вражда между ними и Греками, утонченная развращенность однихъ и грубое варварство другихъ — подали поводъ къ рѣшительной борьбѣ. Двоедушные Ангелы, отецъ и сынъ, скоро увидѣли невозможность выполнить условія своей признательности къ крестоносцамъ. Особенно вѣсть объ обѣщанномъ подчиненіи греческой церкви папѣ произвела страшное волненіе въ народѣ. Въ Константинополѣ вспыхнула уличная революція, слѣдствіемъ которой было низверженіе и гибель династіи Ангеловъ и провозглашеніе императоромъ одного демагога. Тогда крестоносцы вторично пошли на городъ, взяли его и разграбили въ 1204 г. Кода же вслѣдъ за тѣмъ заняты были ими и ближайшія провинціи, то между побѣдителями произошелъ формальный раздѣлъ завоеванной имперіи. Константинополь съ ближайшими мѣстностями достался Балдуину Фландрскому, принявшему и титулъ императора; Македонію и Грецію подъ именемъ королевства фессалоникскаго получилъ Бонифацій Монферратскій; но львиная доля въ этомъ дѣлѣ принадлежала Венеціанцамъ, которымъ достались береговая земля по Адріатикѣ, часть Мореи и всѣ лучшіе греческіе острова, что и создало для промышленной республики неоспоримое первенство на моряхъ. Такъ возникла латинская имперія въ Константинополѣ съ феодальнымъ устройствомъ по западному образцу и съ господствомъ католицизма вместо православія.

Подавленныя на Балканскомъ полуостровѣ вѣра и народность Грековъ искали убежища въ Малой Азіи и нашли его въ Никеѣ и Трапезунтѣ, гдѣ возникли независимыя греческія деспотіи, послужившія впослѣдствіи зерномъ национального возрожденія, и для европейской части имперіи возрожденіе это совершилось уже въ 1261 году, когда никейскій императоръ Михаиль Палеологъ съ помощью Генуэзцевъ, вѣчныхъ соперниковъ Венеции, овладѣлъ снова Константинополемъ и положилъ конецъ эфемерной латинской имперіи, прожившей такимъ существованіемъ съ небольшимъ 50 лѣтъ. Домъ Палеологовъ, занимавшій съ этого

времени престолъ византійского государства до самого паденія его въ половинѣ XV вѣка, послѣ нѣкоторыхъ колебаній возстановилъ въ этой странѣ и ея древнее православіе.

Неудавшаяся латинская имперія была самымъ опаснымъ изъ покушеній римской церкви и вообще романо-германского Запада на порабощеніе православнаго греко-славянскаго Востока. Попытку эту поддерживали папы всею силою своего могущества; толпы искателей счастья и наживы приплывали сюда безпрестанно изъ западныхъ странъ; изъ торговыхъ и промышленныхъ видовъ ее ограждали Венеціанцы своимъ флотомъ и капиталами, — и все таки усилия эти не повели ни къ чому, такъ какъ латинское владычество должно было бороться здѣсь и съ Турками, и съ дунайскими Славянами, а главное, — встрѣтило непримиримыхъ враговъ въ греческомъ населеніи Балканскаго полуострова. Но и господство Византіи, возстановленное Палеологами, было уже глубоко потрясено полувижковымъ переворотомъ четвертаго крестового похода. Правда, что по измѣнившимъ обстоятельствамъ Западъ не могъ вредить ему болѣе. Къ концу XIII вѣка прекратились крестовые движения, а съ ними и опасности, грозившія Византіи съ этой стороны; въ XIV и XV вѣкахъ ослабѣло могущество папъ, главныхъ враговъ восточнаго православія; западныя государства углубились въ свои внутреннія отношенія, въ замѣну феодальныхъ порядковъ абсолютнно-монархическимъ устройствомъ. Но за то у ослабѣвшей имперіи съ конца XIII в. явился новый, страшный врагъ, — Османскіе Турки.

Это было воинственное кочевое племя мухаммеданской вѣры, принадлежавшее къ великому тюркскому семейству монгольской расы, издревле обитавшему къ востоку отъ Каспійскаго моря, т. е. въ нынѣшнемъ Туркестанѣ. Впервые оно было приведено въ движение завоеваніями Чингисъ-хана, когда, спасаясь предъ опустошительнымъ напоромъ Монголовъ, одинъ изъ родоначальниковъ его — Сулейманъ-шахъ потянулся съ ордой своей къ юго-западу и къ половинѣ XIII в. достигъ Малой Азіи. Здѣсь по имени сулейманова преемника Османа орда эта стала извѣстна подъ именемъ Османскихъ или Оттоманскихъ Турокъ и отчасти въ службѣ, отчасти въ борьбѣ съ разными сельджукскими и греческими владельцами достигла къ концу XIII вѣка прочнаго господства надъ сѣверо-восточной частью Малоазіатскаго полуострова. Но истиннымъ основателемъ османского могущества сдѣлялся сынъ Османа Урханъ. Завоеваніемъ Бруссы, Никомедіи и Никеи въ первой половинѣ XIV в. подчинилъ онъ своей власти почти всю Малую Азію, принялъ титулъ па-

Османскіе
Турки.

дишаха или султана и устроилъ себѣ пышный дворъ по образцу византийскому, назвавъ ворота своего двора Высокою Портою, — название, которое потомъ символически стало обозначать правительство султанское¹⁾). Но самымъ важнымъ изъ учрежденій урхановыхъ была та отличная военная организація, которая доставила Туркамъ господство надъ лучшими странами трехъ частей свѣта. Ядро этой организаціи составляли янычары, сultанская гвардія, составленная изъ отборныхъ христіанскихъ юношей, плѣненныхъ или рабовъ, обращенныхъ въ исламъ и нарочно воспитанныхъ для военнаго дѣла.

Наконецъ послѣ долгихъ попытокъ въ 1356 году Турки впервые прочно утвердились и на европейской почвѣ, призванные Ioannomъ Кантакузеномъ, похитителемъ престола Палеологовъ. Для того, чтобы имѣть опору своей узурпациіи, онъ выдалъ дочь свою за Урхана и допустилъ его завладѣть городами еракійского берега. Послѣ такихъ успѣховъ ловкій сultтанъ могъ уже мечтать о покореніи всей византийской имперіи. Дѣло это, къ которому неизбѣжно вель ходъ событий, затянулось на цѣлое столѣтіе по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, Турки съ самаго появленія своего въ Европѣ приняли систему упрочивать сдѣланныя завоеванія водвореніемъ ислама и своихъ военныхъ колоній въ покоренныхъ земляхъ, на что требовалось немало времени. Во вторыхъ, кромѣ отчаянного сопротивленія туземныхъ населеній, боровшихся за самые дорогіе свои интересы, — свободу, народность и вѣру, имъ приходилось преодолѣвать нападенія и на нихъ самихъ, и притомъ съ двухъ сторонъ: съ запада отъ ближайшихъ христіанскихъ державъ, напуганныхъ успѣхами ихъ оружія на Дунаѣ и за Балканами, и съ востока, отъ Монголовъ, стремившихся ко всемирнымъ завоеваніямъ. Тѣмъ не менѣе уже въ слѣдующее царствованіе Мурада I Турки овладѣли Дарданеллами и въ 1362 году завоевали Филиппополь и Адріанополь,

¹⁾ Турецкіе источники по вопросу объ Османскихъ Туркахъ недоступны за исключеніемъ одного изъ главныхъ авторовъ Сеадеддина, переведенного по италіански („Chronica dell'origine e progressi della casa Ottomana, composta da Saidino Turco“). Пособія: соч. молдавскаго господаря Димитрія Кантемира „Ист. османскаго государства;“ Цинкейзена „Ист. осман. имперіи“ (7 т.); Гаммера „Ист. осман. государства“ (10 т.); Ранке „Османы и испанская монархія“ (послѣднее есть въ русск. перев.). По русски см. Надлеръ „Балканские Славяне и Османские Турки во второй половинѣ XIV стол.;“ Стасюлевичъ „Осада и взятие Византіи Турками“ (въ „Учен. Зап. Имп. Ак. Наукъ,“ 1854 г.) Н.

куда и была перенесена столица османского царства. Вследъ затѣмъ, когда покорена была и Македонія, эти новые завоеватели, стремясь все далѣе и далѣе къ сѣверу, впервые пришли въ столкновеніе съ дунайскими Славянами, — Болгарами и потомъ Сербами.

Эпоха крестовыхъ походовъ косвенно отразилась также и на судьбѣ южныхъ Славянъ. Опасности, начавшія съ конца XI вѣка угрожать Византію со стороны крестоносцевъ, отвлекли значительно ея вниманіе и силы отъ народовъ славянскихъ, ей подвластныхъ или по крайней мѣрѣ подвергавшихся ея сильному политическому вліянію. Этимъ отвлечениемъ силь повидимому и воспользовались въ Болгаріи для сверженія тяжкаго греческаго ига. Въ странѣ этой, съ 1019 г. находившейся подъ властью Византіи, стали съ XII в. обнаруживаться попытки къ освобожденію. Время благопріятствовало этимъ попыткамъ, такъ какъ кромѣ периодическихъ наплывовъ латинянъ съ запада Комнены со временемъ Алексія должны были бороться еще съ дикими Печенѣгами и Половцами, то и дѣло вырывавшимися изъ-за Дуная и страшно опустошившими Балканскій полуостровъ. И вотъ, когда въ концѣ XII вѣка на византійскій престолъ вступила злосчастная династія Ангеловъ и когда по поводу финансовыхъ грабежей императора Исаака въ болгарскихъ земляхъ вспыхнуло новое возстаніе, то двумъ боярамъ-братьямъ, Асеню и Петру, ставшимъ во главѣ его, удалось наконецъ свергнуть ненавистное иго, подъ которымъ страна томилась цѣлыхъ 160 лѣтъ.

Съ Асеня и Петра и начинается второе болгарское царство¹⁾. Подъ свѣжими воспоминаніями недавняго рабства освободившіеся Болгарты страшно мстили своимъ старымъ притѣснителямъ Грекамъ и вели съ ними истребительную войну; когда же въ 1204 году Константинополь завоевали крестоносцы, то преемникъ Асеня и Петра, Іоаннъ Асень или

*а) Второе
болгарское
царство.*

¹⁾ Пособія для исторіи втораго болгарскаго царства: Макушевъ „Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII в.“ (Варшава, 1872); его же „Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ, преимущественно въ XV и XVI в.“ (въ Ж. М. Н. Пр., 1872); его же „Очеркъ исторіи и современного положенія задунайскихъ Славянъ, — Болгаръ и Сербовъ“ (Русск. Вѣстн. 1876); Ф. Успенскій „Образованіе втораго болг. царства“ (Одесса, 1872); рецензія на соч. Ф. Успенскаго, составленная проф. М. С. Дриновымъ и помѣщенная въ „Отчетѣ о 23-мъ присужденіи наградъ графа Уварова“; рецензія на то же соч. проф. Васильевскаго въ Ж. М. Н. Пр. (1879, юль-авг.); К. Иречекъ „Ист. Болгаръ“ (въ перев. Бруна и Палаузова. Одесса 1878; рецензія Макушева въ Ж. М. Н. Пр. 1878); Голубинскій „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, — болгарской, сербской и румынской“ (М. 1871). Н.

Колоянъ, не только смотрѣль равнодушно на порабощеніе враговъ своихъ латинянами, но поспѣшилъ извлечь изъ этого события всевозможныя для Болгаръ выгоды. Воспользовавшись шаткостью латинского господства на полуостровѣ, [онъ уже въ 1205 г. панесъ близъ Адріанополя страшное пораженіе первому латинскому императору Балдуину. Въ этой битвѣ истреблена была лучшая часть крестоноснаго ополченія, и въ числѣ погибшихъ былъ самъ Балдуинъ, послѣ чего] Болгарты стали отнимать у латинянъ городъ за городомъ, — такъ что царство ихъ при Асенѣ II, этомъ знаменитомъ государѣ возрожденной Болгаріи, правившемъ съ 1221 по 1241 г., распространилось на всю Македонію, Албанію, Фессалію и даже часть Фракіи и Сербіи. Многіе латинскіе владѣтели этихъ мѣстъ пришли въ вассальную отъ него зависимость, и даже преемники Балдуина въ Константинополь нерѣдко чувствовали на себѣ всесильную руку Асена Болгарскаго. До такого широкаго внѣшняго могущества не доходила даже древняя Болгарія въ славный вѣкъ Симеона.

Къ сожалѣнію и этотъ блескъ славянской державы на Дунай и за Балканами былъ лишь временною вспышкой народныхъ силъ, доведенныхъ до необычайного напряженія долгой и отчаянной борьбой за независимость. По смерти Асена Болгарія снова теряетъ одно за другимъ его пріобрѣтенія, — особенно съ того времени, когда Палеологи возстановили греческое господство въ Константинополѣ и опять вспыхнула страшная вражда ихъ къ Болгарамъ. Въ борьбѣ съ Греками съ одной стороны, въ войнахъ съ Уграми и Сербами — съ другой, въ беспрестанныхъ переворотахъ и насильственныхъ смѣнахъ правителей изъ рода Асенидовъ протекло все послѣднее столѣтіе самобытной государственной жизни Болгаріи, распавшейся подъ конецъ на два независимыя владѣнія, что и облегчило Туркамъ ея завоеваніе въ исходѣ XIV вѣка.

6) Сербы. Почти одновременно съ Болгарами и подъ вліяніемъ тѣхъ же благопріятныхъ условій, именно — затрудненій и опасностей, въ которыхъ поставлена была византійская имперія крестовыми походами латинянъ, успѣль окончательно возстановить свою политическую самобытность и другой славянскій народъ Балканскаго полуострова — Сербы¹⁾.

Греческое рабство, въ которое Сербія впала вмѣстѣ съ древней Болгаріей въ началѣ XI в., не продолжалось и пятидесяти лѣтъ, но политическая зависимость отъ Византіи то въ большей, то въ меньшей степени все еще тяготѣла надъ ней до тѣхъ поръ, пока земля сербская остава-

¹⁾ Источники и пособія для исторіи Сербіи см. выше на стр. 91 и 93, примѣч. Н.

лась раздѣленною на нѣсколько отдельныхъ владѣній. Но въ концѣ XII вѣка въ судьбѣ Сербіи произошла важная перемѣна. Одинъ изъ ея великихъ жупановъ — Стефанъ Неманя — соединилъ въ одно государство всѣ части раздробленной земли и сдѣлался основателемъ династіи, властовавшей въ ней втеченіе двухъ столѣтій. Усилившись такимъ образомъ, Стефанъ къ концу своего правленія (1296 г.) успѣль совершилъ и другой великий подвигъ своей жизни, — окончательно освободить родину отъ византійской зависимости. Вообще славному роду Неманей суждено было создать въ этой странѣ единодержавіе и возвести ее на возможную для себя степень благостоянія и политического могущества. Уже преемникъ Немани Стефанъ Первовѣнчанный окончательно уничтожилъ удѣлы и вмѣсто великожупанского принялъ титулъ королевскій, съ которымъ связана идея большей полноты верховной государственной власти. Сосредоточеніе же силъ народныхъ въ рукахъ одного властителя естественно вело къ успѣхамъ вѣнѣній политики, къ расширенію предѣловъ сербского государства, чѣмъ разными колебаніями мы и видимъ при преемникахъ Первовѣнчанаго, среди безпрестанныхъ войнъ съ Греками, латинянами, Уграми и Болгарами, наполняющихъ сербскую исторію XIII и первой половины XIV вѣковъ. Во все это время, несмотря на частыя внутреннія потрясенія и раздоры въ самомъ родѣ Неманичей, Сербія является передовымъ государствомъ въ кругу славянскихъ племенъ Балканского полуострова, — передовымъ какъ по силѣ, благостоянію и богатству, такъ и по умственному развитію. Апогей этого процвѣтанія составляетъ время знаменитѣйшаго изъ сербскихъ государей — Стефана Душана (съ 1335 — 55 г.). Это былъ великий воитель, счастливыми побѣдами надъ Турками, Уграми и Болгарами создавшій сильную державу, въ составѣ которой кромѣ сербскихъ земель вошли Македонія, Албания, Фессалія и большая часть Фракіи. Болгары, Хорваты и другіе славянскіе народы полуострова также пришли отъ нея въ зависимость. Гордый такими успѣхами и могуществомъ, онъ велѣль короновать себя царскимъ вѣнцомъ и стать именоваться императоромъ ромейскимъ, царемъ болгарскимъ, королемъ сербскимъ и албанскимъ; завелъ пышный дворъ, а для утвержденія и церковной независимости своихъ земель учредилъ самостоятельный сербскій патріархатъ. Не однотеславіе сказалось въ этой пышной обстановкѣ и титулахъ. Они обличали отчасти тѣ широкіе планы, которые роились въ душѣ честолюбиваго царя. На византійскомъ престолѣ сидѣль тогда узурпаторъ Иоаннъ Кантакузенъ, — тотъ самый, который призвалъ во Фракію Туровъ, глав-

нымъ образомъ чтобы противопоставить ихъ угрожающей силѣ сербскаго государя. Замыслы Душана клонились къ тому, чтобы, изгнавши ихъ обратно въ Азію, овладѣть престоломъ Палеологовъ и замѣнить на Балканскомъ полуостровѣ греческое господство славянскимъ. Пораженіе, нанесенное имъ дотолѣ непобѣдимымъ Османамъ, повидимому оправдывало возможность подобнаго предпріятія, какъ вдругъ преждевременная смерть Душана положила конецъ всѣмъ его планамъ. Не одни завоеванія оставилъ этотъ энергическій правитель плодомъ своего славнаго царствованія, — ему принадлежитъ также одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древне-славянскаго законодательства — „Законникъ сербскій,” составленный по его повелѣнію главнымъ образомъ на основаніи мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ.

Къ сожалѣнію тотъ же Душанъ, возвышившій Сербію до такого не-
бывалаго величія, положилъ и начало ея упадку. Ради нелѣнаго тщеславія и въ подражаніе византійскимъ государственнымъ порядкамъ онъ безъ всякой нужды раздѣлилъ государство на наслѣдственные намѣстничества или деспотіи, придавъ намѣстникамъ для большей пышности титулы севастократовъ, кесарей и деспотовъ, и тѣмъ опять положилъ начало тому политическому дробленію страны, а съ нимъ и домашнимъ усобицамъ, которыхъ и прежде были источникомъ внутренней слабости Сербіи. И это именно въ то самое время, когда она болѣе, чѣмъ когда нибудь, нуждалась въ централизаціи всѣхъ своихъ силъ для борьбы съ возрастающимъ османскимъ могуществомъ. Прѣ такомъ порядкѣ вещей не прошло и 30 лѣтъ со смерти сильнаго Душана, какъ разъединенная Сербія потеряла спачала всѣ свои стороннія пріобрѣтенія, а потомъ лишилась и политической самобытности. Уже въ 1371 году, при второмъ преемникѣ Душана, султанѣ Мурадѣ I, поразивъ Сербовъ при Марицѣ, наложилъ на нихъ дань. А въ 1389 году по случаю вспыхнувшаго между дунайскими Славянами общаго восстанія противъ поработителей соединенные силы Сербовъ, Босняковъ и Албанцевъ проигралы рѣшительное сраженіе на Коссовомъ полѣ, где погибъ и главный вождь славянскаго ополченія, сербскій краль Лазарь, взятый въ плѣнъ и замученный Турками. Правда, что Мурадъ тутъ же лишился жизни, убитый однимъ Сербомъ-патріотомъ, но преемникъ его Баязетъ I страшно опустошилъ весь край и привель его въ полную данническую зависимость.

Страшные погромы на Марицѣ и особенно на Коссовомъ полѣ привели также подъ турецкое владычество и Болгарію. Порабощеніе ея Османами,

начатое еще до столкновенія съ Сербами, завершено было въ самомъ концѣ XIV вѣка. Что касается самой Сербіи, то, хотя она втеченіе слѣдующаго полуувѣка и удержала еще собственныхъ правителей въ качествѣ данниковъ и подручниковъ султана, но къ половинѣ XV столѣтія исчезла и эта послѣдняя тѣнь народной независимости южныхъ Славянъ. Сербы, Болгары и часть Хорватовъ превратились въ раевъ, подданныхъ османского государства. Многіе приняли исламъ, другіе толпами бѣжали за Дунай и даже за Адріатику, въ соѣднюю Угрю и Италію. Одна Дукля или Черногорія, благодаря непріступной мѣстности, отстояла свою народную независимость, сохранившуюся и до настоящаго времени.

Къ концу среднихъ вѣковъ дунайскіе Славяне сходять такимъ образомъ съ политического поприща. Три раза, — при Симеонѣ, потомъ при Асенѣ II и наконецъ при Душанѣ Сильномъ, — пытались они собрать воедино свои раздробленныя силы, составить одну великую державу для того, чтобы, ниспровѣргнувъ хилое греческое господство, основать на Балканскомъ полуостровѣ славянскую имперію, средоточiemъ которой былъ бы Константинополь. Пограничный полуостровъ этотъ, искони спорная земля между Европой и Азіей, оспариваемъ былъ слишкомъ многими претендентами, явившимися сюда изъ той и другой части свѣта, чтобы могло прочно утвердиться здѣсь какое-нибудь господство кромѣ стародавняго греческаго, такъ долго державшагося потому, что византійское правительство обыкновенно натравливало этихъ претендентовъ одного на другаго и потомъ парализовало враждебныя себѣ силы. На этомъ общемъ основаніи не удались и всѣ попытки Славянъ противъ Константина, — тѣмъ болѣе, что духъ разъединенія, столь замѣтный въ славянской натурѣ, мѣшалъ имъ самимъ прочно и надолго сплотиться въ большое государственное тѣло, а подражаніе гнилымъ византійскимъ общественнымъ порядкамъ и формамъ, которыя за неимѣніемъ другихъ образцовъ по необходимости усвоивали себѣ всѣ эти эфемерныя великия славянскія державы на Дунаѣ, не дало окрѣпнуть ни одной изъ нихъ. Быстрые успѣхи Османскихъ Турокъ, начавшіеся съ XIV вѣка, кромѣ ихъ дикой храбрости, фанатизма и отличной военной организаціи объясняются именно еще и тѣмъ, что въ это время они почти не встрѣчали уже соперниковъ въ своихъ завоевательныхъ видахъ на восточную имперію. Движеніе латинянъ съ Запада по окончаніи крестовыхъ походовъ прекратилось совсѣмъ, а со временемъ владычества Монголовъ надъ восточной Европой единственнымъ азіатскимъ кочевникамъ, такъ часто явившимся прежде изъ за Дуная, загражденъ былъ теперь путь къ вторженіямъ на Балканскій

Угры. Самымъ опаснымъ конкурентомъ оставались Угры¹⁾; но государству ихъ при его центральномъ положеніи въ Европѣ слишкомъ много было дѣла съ ближайшими сосѣдями — Нѣмцами, Славянами, чтобы оно могло направить свои силы на Дунай и Балканы, — особенно, когда въ странѣ этой, христіанской уже со времени Стефана Св., т. е. съ конца X в., въ самомъ началѣ XIV ст. прекратилась древняя династія Арпадовъ и когда корона ея сдѣлалась избирательной, а слѣдовательно начались и смуты, неизбѣжныя при такомъ порядкѣ престолонаслѣдія. Правда, что нѣкоторые изъ такихъ избранныхъ королей угорскихъ, напр. Людовикъ Великій Анжуйскій (въ XIV вѣкѣ), успѣли доставить государству блескъ и внутреннее благосостояніе, но даже и Людовикъ, ограниченный чрезмѣрно выросшимъ въ то время вліяніемъ мадьярскихъмагнатовъ, развлеченный своими отношеніями къ Польшѣ, гдѣ онъ тоже былъ королемъ, и къ Италии, гдѣ втянутъ былъ въ борьбу тамошнихъ владѣтелей и политическихъ партій, могъ только немного расширить свои владѣнія на нижнемъ Дунаѣ. По смерти же Людовика въ 1382 г. Венгрия, имѣвшая своими королями сначала императоровъ Сигизмунда и Альбрехта II Габсбурга, а потомъ перешедшая въ родъ польско-ческихъ Ягеллоновъ, —короля Владислава III и его потомства, — до самой половины XV в. не могла преслѣдовать своихъ прямыхъ національныхъ интересовъ, такъ какъ втянута была въ политику то римско-нѣмецкой имперіи, то Польши.

Этимъ то временемъ отсутствія всякихъ вѣнѣнныхъ сильныхъ соискателей владычества надъ Балканскимъ полуостровомъ, именно концомъ XIV вѣка, и воспользовался султанъ Баязетъ I, чтобы довершить завоеваніе византійской имперіи, начатое его предшественниками. Страшно опустивъ оставшіяся еще за Греками области, т. е. Фессалію и Пелопоннесъ, онъ готовъ былъ уже двинуться на самый Константионополь. Тогда только страхъ турецкаго оружія пересилилъ на Западѣ отвращеніе и ненависть къ Грекамъ, усилившіяся особенно со временемъ латинской имперіи, и государи, ближе другихъ заинтересованные въ судьбѣ Византіи, сосѣдъ ея

¹⁾ Главные источники для венгерской исторіи собраны въ изданіяхъ Швантиера („Scriptores rerum Ungaricarum“) и Эндлихера („Rerum Ungaricarum monumenta Arpadiana“, 1849); пособія: Энгель (см. выше); Фесслеръ „Ист. Венгровъ и ихъ сосѣдей“; Майлать „Ист. Мадьяръ“ (5 т.); Хорватъ „Ист. Венгровъ“ (2 т.), Бюдингеръ „Венгерская исторія.“ По русски см. Нила Попова „Владиславъ Салай и ист. Венгрии отъ прекращенія династіи Ариада.“ Н.

Сигизмундъ Венгерскій и Иоаннъ Неустрешимый, герцогъ бургундскій, наследникъ правъ латинскихъ императоровъ Константиноополя, изъ чувства самосохраненія и личныхъ разсчетовъ собрали стотысячное христіанское войско и повели его за Дунай. Но здѣсь въ 1396 г. при Никополѣ, въ Болгаріи, вся эта пышная армія на голову поражена была Турками¹⁾. Константинополь остался послѣ этого совершенно беззащитнымъ, и побѣдоносный Баязетъ-Ильдеримъ, т. е. Молнія, началь уже его осаду.

Но прежде, чѣмъ достигнута была эта конечная цѣль османскихъ завоевателей на полуостровѣ, на самихъ Турокъ налетѣла изъ Азіи страшная гроза, едва не сломившая ихъ собственного могущества. То были Монголы, стремившіеся также ко всемирнымъ завоеваніямъ.

Подъ конецъ XIV вѣка распавшаяся въ предыдущемъ столѣтіи держава Чингисъ-Хана опять была восстановлена однимъ изъ его потомковъ — Тимуромъ-Ленкомъ или Тамерланомъ²⁾. Со временемъ Аттилы это былъ третій всемирный завоеватель, котораго выставилъ враждебный христіанско-арійской Европѣ монгольскій міръ, — третій и послѣдній, но за то едва ли не самый ужасный по кровожадности и жаждѣ истребленія. Пламя, развалины и пирамиды изъ череповъ человѣческихъ, которые онъ воздвигалъ въ видѣ трофеевъ, обозначали слѣдъ его походовъ, приведшихъ подъ желѣзную власть его кромѣ родныхъ средне-азіатскихъ степей Индію, Персию, Сирію, Малую Азію и землю русскую посредствомъ покоренной имъ орды сарайской. Отъ китайской стѣны до Индійскаго океана, до Средиземного и Чернаго моря простерлось господство „желѣзного хромца“, новаго бича Божія. Въ виду такого страшнаго завоевателя Баязетъ поспѣшилъ оставить осаду Константиноополя и со всѣми своими силами двинулся ему на встрѣчу въ Малую Азію. Здѣсь въ 1402 г. при Ангорѣ произошла колоссальная битва азіатскихъ народовъ, какой дотолѣ не видало человѣчество. Несмотря на военное искусство и испытанную храбрость Турокъ Монголы подавили ихъ массою и тѣмъ фанатизмомъ истребленія, которымъ умѣль одушевить ихъ Тимуръ. Самъ Баязетъ попался къ нимъ въ пленъ. Колыбель османского могущества — Малая Азія — покорилась побѣдителю. Правда, что по смерти грознаго завоевателя, вскорѣ за

*Нашествіе
Тимура.*

¹⁾ Одно изъ важнѣйшихъ извѣстій о битвѣ при Никополѣ сообщаетъ маршаль Босико въ своихъ мемуарахъ, напечатанныхъ въ изданіи Бюшона; важно также сказаніе Шильдбергера, баварскаго копейщика, бывшаго долгое время въ плену у Турокъ. Н.

²⁾ О Тамерланѣ см. привед. соч. Цинкейзена и Гаммера, а равно ст. Грановскаго „Тимуръ“ (Соч., т. I). Н.

тѣмъ послѣдовавшей, всемірная держава его, какъ это обыкновенно случалось на Востокѣ, также быстро распалась, какъ и возникла. Но тѣмъ не менѣе это было для Турокъ такой тяжелый погромъ, отъ которого втеченіе цѣлаго поколѣнія не могли они оправиться. Только внуку Баязета Мураду II удалось снова возстановить въ Европѣ и Азіи державу своего дѣда. При немъ Византійская имперія опять была ограничена Константинопольемъ съ его ближайшими окрестностями, и даже въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ ея императоръ былъ уже даникомъ султана.

Послѣднія судьбы Византии.

Ничто теперь не мѣшало Туркамъ нанести послѣдній ударъ Византіи, такъ какъ съ распадениемъ царства тимурова во всей Азіи не было народа сильнѣе ихъ, не могло быть слѣдовательно и соперниковъ во владычествѣ надъ Балканскимъ полуостровомъ. Палеологи знали, что съ этой стороны имъ трудно было ожидать какого-нибудь спасенія и, стѣсненные безъисходнымъ положеніемъ, рѣшились обратить свои взоры на Западъ. И вотъ тогдашній представитель этого дома Иоаннъ VII, скрѣпя сердце, завязываетъ переговоры съ папою, обѣщаю подчинить греческую церковь его главенству; мало того,—самъ Ѳедеть съ нѣкоторыми епископами въ Италію, гдѣ въ то время происходили во Флоренціи засѣданія собора, только что переведенного туда изъ Феррары и Базеля. Предстоящее соединеніе церквей выставлено было главною его цѣлью. Дѣйствительно послѣ долгихъ преній о различествующихъ доктринахъ и обрядахъ состоялось двусмысленное соглашеніе, по которому представители греческой церкви признали *filioque* и нѣкоторые другія особенности латинства, а въ іерархическомъ отношеніи подчинились папѣ, хотя богослуженіе на родномъ языке успѣли удержать почти въ прежнемъ видѣ. Папа же обязался за то устроить на Западѣ общій крестовый походъ противъ Турокъ.

а) Флорентійская униа.

Такъ въ 1439 году состоялась постыдная сдѣлка, извѣстная подъ именемъ флорентійской униі. Византійскому правительству, застигнутому несчастными обстоятельствами, пришлось поступиться православiemъ, чтобы купить себѣ помощь Запада; но не такъ легко было заставить православное населеніе Востока, гдѣ ненависть къ латинству воспитана была всей исторіей, измѣнить вѣрѣ отцовъ. Унія съ негодованіемъ была отвергнута какъ въ Греціи, такъ и въ юго-восточныхъ славянскихъ земляхъ; единственнымъ плодомъ ея было то, что ненависть эта сдѣлалась еще больше непримиримою.

Междуда тѣмъ папа спѣшилъ исполнить по возможности свои обязательства. Но изъ всѣхъ западныхъ государствъ вооружился по его призыву только польско-угорскій Владиславъ III, владѣніемъ котораго непосред-

ствено угрожали Турки. И тутъ, стало быть, со стороны Запада это была не столько помошь, сколько самозащита. Походъ Угровъ и Поляковъ за Дунай въ 1444 году кончился однако весьма плачевно. Король ихъ на голову разбитъ былъ Мурадомъ при Варнѣ и самъ лишился въ этомъ сраженіи жизни. Съ неудачей этого предпріятія исчезла для Византіи послѣдняя надежда на спасеніе. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя сынъ Мурада, кровожадный Мохаммедъ II, обложилъ уже Константинополь съ моря и суши, чтобы взять городъ, во что бы ни стало, и сдѣлать его средоточіемъ своего царства. 29 мая 1453 года усилия Турокъ увѣнчались ¹⁾ завоеваніемъ Константинополя ^{Турками.}

Съ основаніемъ его оканчиваются средніе вѣка, какъ періодъ образованія новыхъ государствъ въ Европѣ. Появленіе на юго-восточныхъ ея окраинахъ новаго воинственнаго народа, чуждаго Европейцамъ по вѣрѣ и племенному происхожденію, создаетъ теперь для нихъ новый общій интересъ первой важности и въ виду одинаковой для всѣхъ опасности способствуетъ ихъ тѣснѣшему сближенію между собою,—тѣмъ болѣе, что со времени взятія Константинополя турецкія завоеванія стали все болѣе и болѣе угрожать какъ восточной, такъ и западной Европѣ. Уже Мохаммедъ II овладѣлъ Крымомъ и пытался стать твердою ногою въ Италии; а внукъ его Селимъ I завоевалъ у мамлюковъ Египетъ и Сирію и сдѣлалъ Тигръ азіатской границей своей державы; наконецъ въ первой половинѣ XVI вѣка, при Сулайманѣ Великолѣпномъ, царство Османскихъ Турокъ достигло своего высшаго могущества и блеска. Имъ завоеваны земли по нижнему Евфрату и часть Аравіи, подчинены Алжиръ,

*Дальнійша
завоеванія
Османовъ и
ихъ вліяніе
на судьбу
европ., госу-
дарствъ.*

¹⁾ О завоеваніи Константинополя кроме сообщеній византійскихъ источниковъ даётъ свѣдѣнія Леонардъ Хіосскій, современникъ событий, въ своемъ сочиненіи „Hist. Constantinopolis a Turcis expugnatae“. Изъ новѣйшихъ сочиненій см. кроме Гопфа и Фінлея—Мордтманна „Belagerung u. Eroberung Constantiopels durch die Turken im Jahre 1453“ и Краузе „Die Eroberung von Constantinopel im 13 u. 15 Jahrhundert“.

Тунисъ и весь почти съверный берегъ Африки, отнятъ у Иоаннитовъ Родось послѣ геройской его обороны рыцарями, удалившимися затѣмъ на Мальту, а въ Европѣ вслѣдствіе рѣшительной побѣды надъ чехо-угорскимъ королемъ Людовикомъ II при Могачѣ въ 1526 году Турки подходили къ стѣнамъ самой Вѣны и едва не овладѣли ею.

Кромѣ виѣшняго могущества и внутреннее устройство Турціи достигло при Сулейманѣ своего полнаго развитія. Это было военно-деспотическое государство, гдѣ неограниченная воля падишаха царила надъ жизнью и имуществомъ подвластныхъ, гдѣ въ лицѣ монарха соединялся и высшій религіозный авторитетъ и гдѣ между подданными не было другаго различія кромѣ неизмѣримой разницы между Османами и рапами, т. е. Турками и покореннымъ христіанскимъ населеніемъ. Послѣднее обложено было тяжкими денежными и натуральными повинностями, которыхъ взыскивались съ безпощадною жестокостью, но за то удержало неприкословенность своего языка, свои обычай и религію. И такъ какъ въ культурномъ отношеніи Турки стояли гораздо ниже покоренныхъ ими туземцевъ, то послѣдніе при терпимости побѣдителей могли считать народность эту обеспеченою. Вотъ почему нельзя не согласиться съ мнѣніемъ некоторыхъ славянскихъ ученыхъ, что для Юго-Славянъ гораздо было выгоднѣе турецкое иго, нежели возможное современемъ господство латинянъ, обнаружившихъ явное посягательство на самую ихъ національность и следовательно легко могшихъ современемъ поглотить ихъ совершенно, чего не могли никогда достигнуть иновѣрные и чужеземные Турки, порабощеніе которыми, какъ оно ни было тяжко, оставляло однако надежду на національное возрожденіе въ будущемъ. По крайней мѣрѣ сами Славяне тогда уже инстинктивно понимали это, предпочитая во многихъ случаяхъ Турокъ латинянамъ, — Венеціанцамъ, Уграмъ и Нѣмцамъ.

Съ другой стороны—османскія завоеванія, угрожая и остальной Европѣ, значительно повлияли съ конца XV вѣка на складъ ея политическихъ отношеній. И прежде всего страхъ этихъ завоеваній способствовалъ не мало образованію великой державы Габсбурговъ, въ составъ которой вошли самые разноплеменные народы юго-восточной Европы, соѣдненій Османскимъ Туркамъ,—альпійские Славяне, Нѣмцы, Угры, Румыны, Чехи искали защиты отъ турецкаго порабощенія, смотря на владычество этого дома, какъ на средство соединенія своихъ раздробленныхъ силъ. Права Габсбурговъ, ихъ знаменитая политика выгодныхъ браковъ въ процессѣ образованія ихъ огромнаго государства играютъ конечно уже

второстепенную роль. Такъ напр. нельзя отрицать, что избраніе въ римско-нѣмецкіе императоры Карла, современника сулейманова, и самое его политическое могущество въ западной Европѣ стояли въ связи съ общимъ тогда страхомъ турецкихъ завоеваній. Къ счастью для Запада сила Османовъ, еще полныхъ въ то время религіознаго и воинственнаго фанатизма, въ эпоху наибольшаго своего развитія, т. е. въ первой половинѣ XVI в., съ двухъ сторонъ, въ Европѣ и Азіи, встрѣтила себѣ энергическое противодѣйствіе, именно въ Европѣ—со стороны Угровъ, не менѣе воинственныхъ и фанатично боровшихся за свою независимость: побѣды ихъ народныхъ героеvъ,—Гуніада (при Бѣлградѣ въ 1456 году) и славнаго сына его Матвѣя Корвина,—еще во второй половинѣ XV вѣка сдерживали оружіе Мохаммеда II и его преемника и спасли Венгрію отъ конечнаго османскаго завоеванія; Угры же главнымъ образомъ отстаивали себя и весь христіанскій Западъ и при Могачѣ. Съ другой стороны на азіатскихъ границахъ силы Османовъ отвлечены были Персіей, которая, освободившись послѣ Тимура отъ власти Монголовъ, попала въ руки воинственныхъ Туркменъ, основавшихъ здѣсь династію Сафи, родоначальникъ которой Измайлъ ввель въ подвластныхъ себѣ земляхъ мистическое ученіе шітовъ и такимъ образомъ положилъ начало той религіозной враждѣ Персовъ къ суннитамъ-Туркамъ, которая и до настоящаго времени раздѣляетъ эти два мухаммеданскіе народы.

Этимъ то большую частью случайнымъ обстоятельствамъ,—сосредоточенію силъ Запада подъ державою Карла V и его ближайшаго потомства, энергической сторожевой службѣ Угровъ на юго-восточной окраинѣ и возрожденію Персіи на азіатскомъ Востокѣ,—обязана западная Европа своимъ спасеніемъ отъ Турокъ въ пору ихъ величайшаго могущества.

2. Славяне западные и восточные.

Итакъ къ концу среднихъ вѣковъ вслѣдствіе паденія восточной имперіи сходитъ съ историческаго поприща еще цѣлая группа Славянъ дунайскихъ или иллірійскихъ, какъ прежде уже сошла съ него почти вся линія Славянъ западныхъ. Порубежники между Европой и Азіей,—тѣ и другія племена славянскія при дробности своихъ силъ не выдержали напора племенныхъ враговъ съ запада и востока и сдѣлались ихъ добычею, западныя—Нѣмцевъ, а дунайскія—Турокъ. Тяжкое рабство постигло Сербовъ, Болгаръ, Хорватовъ; но участъ западнаго славянства по Балтикѣ, Лабѣ, среднему Дунаю и въ восточныхъ Альпахъ, хотя по внѣшности и

Петровъ, Всеобщ. Ист., II.

не такая суровая, въ сущности была гораздо печальнѣе, такъ какъ на югѣ Славяне подпали только чужеплеменному и притомъ варварскому рабству, на западѣ же кромѣ потери политической самобытности они лишились и самобытности народной. Постепенная германизація этихъ земель, поглощеніе ихъ нѣмецкимъ этнографическимъ и культурнымъ элементомъ, т. е. медленная, но неотразимая смерть народная совершилась здѣсь втечение послѣднихъ среднихъ столѣтій и долго еще послѣ того. Къ довершению этихъ несчастій кромѣ разрушительного для славянской народности нѣмецкаго господства по самой срединѣ линіи западно-славянскихъ поселеній съ X вѣка водворилось не менѣе враждебное имъ владычество пришлага чудского народа—Мадьяръ.

Чехи. Но, послѣ того какъ къ XII столѣтію совершилась эта судьба надъ западными Славянами, оставался между ними еще одинъ въ высшей степени живучій народъ, который продлилъ общую на славянскомъ Западѣ борьбу за племенную самобытность еще на цѣлые четыреста лѣтъ. То были Чехи¹⁾. Въ этомъ небольшомъ племени, разселенномъ по Богеміи, Моравіи и сѣверо-восточной Угріи, какъ бы сосредоточилась вся сила национального духа западныхъ Славянъ, вся упругость ихъ повсюду здѣсь подавленной народности. Самое положеніе Чехіи и ея исторія развили въ народѣ то глубокое, неискоренимое народное сознаніе, которымъ она и понынѣ отличается между всѣми Славянами. Окруженная со всѣхъ сторонъ сильными племенными врагами,—Нѣмцами, Уграми, Поляками,—стремившимися другъ передъ другомъ поглотить ее, не имѣя опоры ни въ комъ, послѣ того какъ родственныя ей племена на сѣверѣ и югѣ пали въ неравной борбѣ съ одолѣвшей Германіей, Чехія сосредоточилась въ въ себѣ самой, укрѣпила свое народное чувство и успѣла до нѣкоторой степени сохранить даже политическую самостоятельность именно потому, что претендентовъ на нее было нѣсколько, а не одинъ, и силы ихъ взаимно нейтралізировались. Все же впрочемъ при такихъ условіяхъ сохранить свою политическую независимость въ полной неприкосновенности ей было уже невозможно. Осталось выбрать, кому изъ трехъ конкурентовъ,—Нѣмцамъ ли, Уграмъ или Полякамъ, отаться подъ покровительство. Чехи выбрали Нѣмцевъ, такъ какъ Угры отталкивали своей азіатской дикостью, а Поляки своей гордыней; Нѣмцы же, хотя и были искони ненавистны Чехамъ, но ихъ имперія, оставлявшая много самостоятельно-

¹⁾ Важнѣйшіе источники для древней исторіи Чеховъ, равно какъ и общія пособія по этому вопросу см. выше, стр. 99. Н.

сти своимъ составнымъ частямъ, представляла весьма удобное средство защиты безъ потери внутренней независимости. И вотъ Пршемысловцы съ половины XI в. добровольно вступаютъ въ имперскій союзъ, дѣлаются членами римско-нѣмецкой имперіи; князья этого владѣтельного рода получаютъ отъ императоровъ Генриха IV и Фридриха I королевскій титулъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается первый приливъ нѣмецкихъ обычаевъ и учрежденій, особенно привившихся въ высшихъ сословіяхъ, но ненавистныхъ массѣ народной. Послѣдній вѣкъ династіи Пршемысла, т. е. XIII ст., есть лучшая пора старой Чехіи, когда Оттокаръ I и славный внукъ его Оттокаръ II, пользуясь разстройствомъ имперіи при послѣднемъ Штауфенѣ и смутами великаго междуцарствія, спачала уничтожаютъ въ Чехо-Моравіи пагубное дробленіе на удѣлы, а потомъ съ возстановленіемъ единодержавія направляютъ соединенные силы народа на вѣнѣція пріобрѣтенія. Такъ Оттокару II удалось подчинить своей власти всѣ нѣмецкія и славянскія земли, входящія нынѣ въ составъ австрійской имперіи кромѣ Зальцбурга и Тироля и пріобрѣсти для Чехіи господствующее, первенствующее положеніе во всей средней Европѣ. Такимъ образомъ періодъ могущества и процвѣтанія великой славянской державы Оттокаровъ естественно совпадаетъ съ упадкомъ силы нѣмецкаго государства. Но, какъ только съ избраніемъ Рудольфа Габсбургскаго возстановленъ былъ въ имперіи нѣкоторый порядокъ и силы ея опять получили свое обычное средоточіе въ императорахъ, Чехи должны были снова уступить большую часть своихъ нѣмецкихъ пріобрѣтеній. Вслѣдствіе одвой проигранной битвы на Марховомъ полѣ Чехи должны были отдать Рудольфу Австрію и Штирію, сдѣлавшіяся съ этихъ поръ родовыми владѣніями Габсбурговъ. Потеря эта однако отчасти была вознаграждена тѣмъ, что сынъ и внукъ Оттокара II, Вячеславы II и III, сдѣлались по избранію—первый королемъ польскимъ, а второй—угорскимъ, и впервые утвердили такимъ образомъ свое вліяніе на страны, нѣкогда столь опасныя для чешской независимости.

Со смертью Вячеслава III (въ 1306 г.) угасъ родъ Пршемыловцевъ и по выбору сословій корона св. Вячеслава вскорѣ пореходитъ въ нѣмецкую владѣтельную фамилію—люксембургскую. Болѣе ста лѣтъ продолжавшееся господство этого дома надъ Чехіей (1306—1437) во многихъ отношеніяхъ имѣло огромное вліяніе на судьбу ея. Съ воцареніемъ Люксембурговъ въ лицѣ Іоанна, сына императора Генриха VII, усиливается приливъ нѣмецкихъ стихій въ эту страну. Жупное, т. е. земское, устройство и вообще старо-славянскіе общественные порядки окончательно смѣняютъ

Послѣдніе
Пршемы-
словцы въ
Чехіи.

Г.Б.Н.
Г.Б.Н.

Германиза-
ція страны
при Люксем-
бургахъ.

ся феодальными, по нѣмецкому образцу. Новые порядки эти ведуть за собою буйное своеоліе шляхты и порабощеніе простаго народа, питая и усиливая въ немъ ненависть къ иноземцамъ и исподволь подготавляя умы къ бурной противъ нея реакціи. Прежде однако, чѣмъ эта реакція могла обнаружиться, судьба послала Чехіи государя, который принесъ ей золотой вѣкъ процвѣтанія и культуры, заставивъ на время забыть, откуда и кѣмъ дарованы эти блага. То былъ сынъ Иоанна Карлъ, носившій также и императорскую корону подъ именемъ Карла IV. Государь этотъ несмотря на свое иноземное происхожденіе любилъ Чехію и радѣлъ обѣ ней даже въ ущербъ родной своей Германіи. Не даромъ называли его отцемъ первой и отчимомъ второй. При немъ процвѣли въ краѣ всѣ роды промышленности и искусства. Прага стала лучшимъ и богатѣйшимъ городомъ средней Европы, а основанный въ ней университетъ, старѣйшій въ Германіи, сдѣлался средоточиемъ чешскаго національного духа и разсадникомъ умственной жизни для окрестныхъ странъ и народовъ. Смотря на Чехію, какъ на главное основаніе своего родового могущества, Карль Люксембургскій пользовался средствами императорской власти лишь для того, чтобы какъ можно выгоднѣе поставить ее въ имперскомъ союзѣ. Своей Золотой Буллой онъ упрочилъ значительное вліяніе ея на судьбу Германіи, но въ тоже время особыми грамотами даровалъ ей большія преимущества и точно опредѣлилъ ея отношенія къ имперіи. Лужицы, Силезія и Моравія присоединены къ чешской коронѣ; даже нѣкоторыя земли имперскія,—Пфальцъ, Бранденбургъ,—поставлены отъ нея въ зависимость. Чехи сдѣлались передовой, господствующей націей на всемъ романо-германскомъ Востокѣ, и упoenный этимъ величиемъ народъ поневолѣ мирился съ чужеземцами, съ нѣмеckимъ правомъ, языкомъ и обычаями; мало того,—даже увлекался ею, особенно по городамъ, такъ что самъ Карль долженъ былъ издавать законы для огражденія падающей мѣстной народности.

Правленіе Карла IV въ самой срединѣ XIV столѣтія (1346—1378), послѣ Болеслава и Оттокара II было третьей попыткой сдѣлать Чехію средоточиемъ великой славянской державы на Западѣ,—попыткой, уже потому не могшей имѣть успѣха, что въ основаніи ея не лежало чисто народныхъ идей и что она предпринята была чужеземцами. Поэтому, когда даровитая и высокообразованная личность Карла смѣнилась на престолѣ слабымъ Вячеславомъ IV, благоденствіе и величие Чехіи пали очень быстро. Начались смуты разнозданыхъ магнатовъ, усобицы между самими Люксембургами, потеряны нѣмецкія пріобрѣтенія Карла, и чужеземное вла-

дышество опять явилось народу съ своей невыгодной стороны. Къ тому времени и пражскій университетъ сталъ приносить свои образовательные плоды. Мало по малу сдѣлался онъ главнымъ органомъ и центромъ проснувшихся народныхъ протестовъ противъ одолѣвающей чужеземщины. Ненависть къ Нѣмцамъ, ихъ обычаямъ, языку, праву, учрежденіямъ обратилась теперь и противъ принесенной ими латинской церкви, къ чему соблазны ея великаго раскола, пришедшагося какъ разъ въ это время, подавали безпрестано поводъ. Вотъ почва, на которой приготовилось гунство, явленіе необыкновенной важности не только въ исторіи Чехіи и славянства, но и во всей европейской исторіи, такъ какъ въ немъ гений славянскаго племени въ первый разъ высказался со всѣхъ своихъ сторонъ и впервые же оказалъ сильное влияніе и на міръ романо-германскій.

Дѣло оппозиції существующему порядку вещей было начато народными проповѣдниками и писателями, какъ Миличъ, Вальдгаузеръ, Матвѣй изъ Янова, которые подняли голосъ противъ испорченности римской церкви и ея духовенства, а затѣмъ борьба вспыхнула въ самомъ пражскомъ университѣтѣ, [гдѣ до тѣхъ поръ нѣмецкая нація пользовалась преобладаніемъ, пока не поднялась противъ нея чешская народная партія съ Яномъ Гусомъ во главѣ]. Борьба эта происходила сначала на чисто богословской почвѣ, причемъ Гусъ и его сторонники отстаивали успѣвшее проникнуть къ тому времени въ Чехію ученіе Виклефа, тогда какъ Нѣмцы держались строгой католической доктрины. Вскорѣ распрыя приняла характеръ национальной вражды, и, когда нѣмецкіе профессора и студенты указомъ короля Вячеслава IV лишены были большей части своихъ привилегій, то они массою удалились изъ пражского университета]. Развивая далѣе идею англійскаго богослова о самостоятельной народной церкви,—идею, столь близкую къ общественному настроенію тогдашней Чехіи, Гусъ и ученикъ его Иеронимъ Пражскій перенесли борьбу изъ стѣнъ университета въ народъ, причемъ рѣшительно возстали противъ извращенія христіанскихъ догматовъ и морали въ католицизмѣ.

Извѣстна судьба, постигшая смѣлыхъ реформаторовъ на костницкомъ соборѣ. Но мученическая твердость ихъ на смертномъ костре, въроломство императора Сигизмунда, постыдно нарушившаго данную имъ грамоту и затѣмъ притязанія этого самаго Сигизмунда на чешскій престолъ послѣ смерти брата его Вячеслава IV,—все это до того распалило народное недоволеніе въ Чехіи, что здѣсь и слышать не хотѣли о признаніи сигизмундовыхъ правъ; а такъ какъ съ политическимъ возстаніемъ противъ нѣмецкаго владычества Люксембурговъ соединилась оппозиція религіозная —

Народная
оппозиція
противъ чужеземщины.

Гусъ и тѣ-
ситы.

противъ собора, папы и всей католической церкви, то теперь одновременно были задѣты всѣ самые священные интересы народа, отчего и всѣ силы его пришли въ страшное напряженіе. Императоръ и папа, т. е. весь романо-германскій Западъ, объявили Чеховъ еретиками и бунтовщиками и начали противъ нихъ рѣдь крестовыхъ походовъ, въ которыхъ приняли участіе всѣ силы имперіи и церкви; Чехи же отвѣчали народной войной противъ іерархіи и Нѣмцевъ. Такъ запылали гуситскія войны, продолжавшіяся 16 лѣтъ, съ 1419 по 1435 г. Пять разъ пытался императоръ подавить чешское восстание, но гуситы, принявши своимъ символомъ чашу, чѣмъ наглядно выражалось одно изъ ихъ главныхъ требованій — имѣть пріобщеніе мірянъ подъ обоими видами, — подъ начальствомъ геройскихъ воїдей своихъ, — Яна Жижки изъ Троцнова и потомъ двухъ Прокоповъ, Великаго и Малаго, — не только отразили побѣдоносно всѣ нападенія имперіи и церкви, но сами нѣсколько разъ вносили опустошеніе и ужасъ въ сосѣднія нѣмецкія земли. Все же полнаго успѣха, т. е. окончательного сверженія церковнаго и политическаго ига, достигнуть они не могли — и вотъ по какимъ причинамъ: не говоря о католикахъ, большую частью приверженцахъ правъ Сигизмунда, сами гуситы раздѣлились на партии. Главныхъ было двѣ, — пражская или умѣренная, въ церковномъ отношеніи державшаяся строгого ученія Гуса, а въ политическомъ — стоявшая за монархію, — и тaborъ или партія распубликанско-демократическая, по различию религіозныхъ взглядовъ опять распавшаяся на множество толковъ — чашниковъ, хиластровъ, адамитовъ и проч., отличавшихся рационализмомъ, мистицизмомъ и вообще разными крайностями. Впрочемъ чашники или гуситы въ тѣсномъ смыслѣ слова и въ ней, какъ и въ средѣ пражанъ, составляли большинство. Въ соотвѣтствіи съ такой градацией убѣждений, — отъ самыхъ консервативныхъ до самыхъ крайнихъ, — стоялъ и составъ этихъ партій: къ католикамъ принадлежали всѣ почти магнаты и часть высшаго панства, къ пражанамъ — остальное панство, университетъ, городъ Прага и часть мѣщанства, къ таборитамъ — всѣ проще горожане и главное — все земское населеніе. Каждый оттѣнокъ преслѣдовалъ, разумѣется, свои политические и церковные идеалы, что и мѣшало дружному дѣйствію ихъ противъ общихъ враговъ. Еще пока живъ былъ Жижка, онъ умѣль увлекать всѣхъ тѣмъ единственнымъ общимъ чувствомъ, въ которомъ сходились всѣ гуситскія партіи, это — славянскимъ патріотизмомъ и ненавистью къ Нѣмцамъ. Но послѣ его смерти пошли между ними раздоры и смуты и даже междуусобія, которыми и воспользовались Сигизмундъ и католики, чтобы парализировать дотолѣ непобѣди-

мое возстаніе,—тѣмъ болѣе, что въ чешскихъ магнатахъ и большинствѣ панства, всегда смотрѣвшихъ враждебно на народную революцію, они нашли себѣ готовыхъ пособниковъ. Къ тому же въ 1431 году открылся соборъ въ Базель,—либеральнѣйшее изъ всѣхъ вселенскихъ собраній католической церкви,—и въ завязавшихся съ нимъ переговорахъ гуситы имѣли полное основаніе разсчитывать на значительныя уступки. Все же однако въ виду императора и собора они твердо стояли на слѣдующихъ требованіяхъ: свободной проповѣди на народномъ языке, пріобщеніи подъ обоими видами и равенствѣ всѣхъ Чеховъ передъ закономъ безъ различія сословій. Только подъ этими условіями соглашались они признать Сигизмунда королемъ своимъ. Основныя ихъ требованія съ нѣкоторыми ограниченіями были имъ дарованы соборомъ подъ именемъ базельскихъ компактатовъ. Что же касается уравненія сословныхъ правъ и вообще возстановленія старо-славянскаго земскаго строя вмѣсто чужихъ феодальныхъ порядковъ, то въ этомъ отношеніи гуситы потерпѣли полную неудачу. Пользуясь ихъ утомлениемъ послѣ долгой борьбы съ виѣннimi врагами и домашнихъ усобицъ, панско-католическая партія нанесла имъ страшное пораженіе у Липанъ въ 1434, гдѣ пали оба Прокопа, и возстановила тѣмъ свои права и значеніе.

Базельскіе
компактаты.

Одного только удалось достигнуть гуситскому движению: благодаря ему, Чехія сдѣлалась государствомъ избирательнымъ и, разъ приобрѣти это право, какъ болѣе обеспечивавшее судьбу ея народности, она удержала его потомъ втечение цѣлаго столѣтія. Въ первый разъ Чехи воспользовались имъ въ 1437 году, по смерти Сигизмунда, съ которымъ угласъ домъ Люксембурговъ. Обѣ партіи, раздѣлившия край,—католико-аристократическая и гуситско-народная,—выставили теперь своихъ кандидатовъ на престолъ: первая — императора Альбрехта II Габсбурга, вторая — Ягелло-Владислава, великаго князя литовскаго и короля польскаго. Открылось междуусобіе, во время котораго ни одинъ изъ претендентовъ не могъ утвердиться прочно, и тогда, съ 1440 г., настало памятное въ чешской исторіи безкоролевье, продолжавшееся 13 лѣтъ. Всѣ эти годы наполнены борью упомянутыхъ партій, въ которой перевѣсь постепенно склонялся однако на сторону гуситско-народную, особенно съ той поры, когда во главѣ ея сталъ даровитый и благородный патріотъ, панъ Юрій изъ Подѣбрада. Замѣчательный человѣкъ этотъ, твердо отстаивая существенные основы гуситизма, очистилъ его отъ всѣхъ крайнихъ его вырожденій, окончательно уничтоживъ тaborъ, превратившійся съ течениемъ времени въ дикое изувѣрство, республиканскія утопіи и

Безкоролевье
и Юрій Подѣбрадъ.

разбой, и тѣмъ привлекъ на сторону чистаго ученія Гуса благомыслящихъ людей всѣхъ оттѣнковъ, самому же себѣ снискать такое довѣріе и славу, что благодарные сограждане спачала сдѣлали его намѣстникомъ королевства, а въ 1458 г. предложили ему и самую корону. Явленіе небывалое, если вспомнить, что это былъ частный человѣкъ и гуситъ, т. е. лицо, отверженное всесильною тогда еще на Западѣ церковью. Но за то это былъ король въ полномъ смыслѣ національный, какого ни прежде, ни послѣ никогда не имѣла Чехія. Новому властителю пришлось однако выдержать нѣсколько крестовыхъ походовъ, направленныхъ противъ него папою въ союзѣ съ императоромъ Фридрихомъ III и угорскимъ королемъ Матвѣемъ Корвиномъ; въ тоже время долженъ онъ быть подавить разныя радикальныя элементы, вообще бродившия въ странѣ, и посреди такой двухсторонней борьбы все же успѣть сохранить дорогое народу компактаты и удержаняться на престолѣ до самой своей смерти (1471 г.). Государь этотъ, всю жизнь проведшій посреди неумолкающей войны, имѣлъ много величія духа, чтобы мечтать о возвращеніи среди христіанскихъ народовъ вѣчного мира посредствомъ рѣшенія ихъ несогласій верховнымъ трибуналомъ изъ вѣнценосцевъ Европы. Глубокую же любовь къ отечеству онъ запечатлѣлъ тѣмъ, что отклонилъ наслѣдство престола отъ собственныхъ сыновей и указалъ себѣ преемника въ лицѣ польского короля Владислава, которому также по выбору сословій достался и престолъ угорскій.

Примѣчаніе. Источниками для исторіи Гуса и гуситства слушать, во первыхъ, сочиненія самого Гуса какъ на латинскомъ („*Historia et monumenta J. Hus atque Hieronymi Pragensis.*“ Norimberga, 1558; 3-е изд. 1715), такъ и на чешскомъ языке (Erben „*Husovy české sebrané spisy.*“ W Praze. 1865 — 8. 3 в.), его письма (изданныя Палацкимъ въ „*Documenta Mag. Johannis Hus,*“ Pragaе, 1869, где помѣщены и многие другие важные источники, напр. реляція Петра Младеновича о путешествіи Гуса въ Констанц, пребываніи его тамъ, судѣ и казни); затѣмъ — историки и лѣтописцы гуситскаго движенія, изданные частью Палацкимъ подъ заглавіемъ: „*Staří letopisové češti od roku 1378 až 1527*“ въ „*Scriptores rerum Bohemicarum,*“ т. III. Praga. 1829, частью Гефлеромъ подъ загл.: „*Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen,*“ Wien. 1856—66, — въ „*Fontes rerum Austriacarum,*“ (объ изданіи Гефлера см. критическія замѣчанія Палацкаго „*Die Gesch. des Hussitenthums u. Prof. Constantin Höfler,*“ Prag, 1868); далѣе сочиненія Энгель Сильвія Пикколомини („*Hist. Bohemiae*“) и позднѣйшихъ историковъ — Кохлея („*Hist. Hussitarum,*“ 1549), Теобальда („*Bellum Hussiticum,*“ 1621), Бальбина („*Epitome Hist. Bohem.*“ 1677); на конецъ источники и сочиненія, касающіеся собственно исторіи великихъ соборовъ, — костницкаго и базельскаго (см. выше стр. 222). Немало важнаго материала находится также въ изданіяхъ Палацкаго:

,Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenthums in den Jahren 1419 — 36," Prag. 1872 — 3 (2 v.) и „Urkundliche Beiträge zur Gesch. Böhmens und seiner Nachbarländer im Zeitalter Georgs von Poděbrad. Wien. 1860 („Fontes rerum Austr.“ t. XX).

Пособія. Література по вопросу о Гусѣ и гуситскомъ движениіи довольно богата. Такъ на русскомъ яз. имѣются труды: Новикова „Гусь и Лютеръ“ (М. 1859, 2 ч.); Клеванова „Історія чешскаго вѣроисповѣднаго движениія“ (М. 1876); Надлера „Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и въ западной Европѣ“ (Харьковъ, 1864); Бильбасова „Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца“ (Спб. 1869); Гильфердинга „Очеркъ истории Чехіи“ („Сочин.“ т. I) и „Гусь, его отношение къ православной церкви“ (Спб. 1871); Васильева „Причины и характеръ чешскаго религіознаго движениія“ (Ж. М. Н. Пр. 1876); Пальмова „Вопросъ о Чашѣ въ гуситскомъ движениіи“ (Спб. 1881); В. Ламанского „Видные дѣятели славянскаго міра“ (въ „Слав. Сборн.“); Пилина и Спасовича „Ист. слав. литературы“ (2-е изд.). Въ чешской литературѣ: Palacký „Dějiny národu Českoho“ (и на нѣм. яз. „Gesch. v. Böhmen.“ т. 3-й и 4-й); Tomek „Dějepis města Prahy“ (т. 3 сл.). На французскомъ яз. кромѣ старинныхъ трудовъ Lenfant („Hist. du concile de Constance.“ 1727, и „Hist. de la guerre des Hussites et du concile de Basle.“ 1731) см. Bonnechose „Les réformateurs avant la réforme“ (3 изд. 1845, 2 в.) и новѣйшую монографію E. Denis „Huss et la guerre des Hussites“ (1878). Въ нѣмецкой литературѣ можно указать: Červenka (по происхожденію Чехъ) „Gesch. der evangelischen Kirche in Böhmen“ (1-й т. 1869); Krummel „Gesch. der böhmischen Reformation“ (1866) и его же „Utraquisten u. Taboriten“ (1871); Frind „Die Kirchengeschichte Böhmens;“ Helfert „Hus und Hieronymus“ (1853); Bezold „Zur Geschichte des Hussitenthums“ (1874) и его же „König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten“ (1871 — 75); Herm. Haupt „Husitische Propaganda in Deutschland“ („Hist. Taschenbuch.“ 1888) и т. д. Но особенное внимание обращаетъ на себя книга Losensth'a „Hus und Wyclif“ (1884). Дѣло въ томъ, что вопросъ о Гусѣ и гуситскомъ движениіи несмотря на видимое богатство его литературы все еще принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что при изученіи гуситства изслѣдователи разныхъ национальностей и разныхъ вѣроисповѣданій руководятся большою частью известною, тою или другою, тенденціей, и до послѣдняго времени мнѣнія несогласны были напр. даже относительно того, можно ли вообще считать Гуса однимъ изъ предшественниковъ Лютера, дѣятелемъ въ духѣ нѣмецкаго реформатора въ родѣ напр. Виклефа? И вотъ Лозертъ путемъ сличенія сочиненій Гуса и Виклефа доказываетъ, что чешскій реформаторъ заимствовалъ у англійскаго не только всѣ основы своего ученія, но даже и самыя выраженія, цѣлые фразы и т. д.; такимъ образомъ, по мнѣнію Лозерта, Гусъ является лишь подражателемъ и послѣдователемъ Виклефа: онъ былъ проповѣдникомъ виклефизма въ Чехіи, и къ этому будто бы сводится все его значеніе. Но, думая, что этимъ весь вопросъ исчерпанъ и настоящее значеніе дѣятельности Гуса и характеръ вызваннаго имъ движения безповоротно опредѣлены, Лозертъ

слишкомъ увлекся своимъ открытиемъ (говорю — открытиемъ, такъ-какъ до сихъ поръ, если и готовы были признавать сходство въ учениі чешскаго и англійскаго реформатора, то все-таки не подозрѣвали, что сходство это доходитъ большею частью до буквального тождества выражений). Изъ приводимыхъ Лозертомъ данныхъ нельзя дѣлать того вывода, какой дѣлаетъ онъ. Изъ нихъ слѣдуетъ лишь одно, а именно, что Гусъ не былъ вполнѣ самостоятельнымъ мыслителемъ и богословомъ, что въ этой сферѣ онъ стоялъ въ несомнѣнной зависимости отъ Виклефа (нужно замѣтить, что понятіе „плагіата“ чуждо было тѣмъ вѣкамъ). Для опредѣленія истиннаго характера учениія и дѣятельности Гуса, во первыхъ, еще недостаточно указать на черты сходства между его взглядами и взглядами Виклефа, указать на массу заимствованій изъ сочиненій послѣдняго; нужно разсмотрѣть также, въ чемъ Гусъ расходился съ Виклефомъ, какія мѣста изъ его сочиненій онъ не вносилъ въ свои трактаты, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не всѣ взгляды англійскаго реформатора онъ усваивалъ, — отъ нѣкоторыхъ крайнихъ его мнѣній онъ отказывался или же видоизмѣнялъ ихъ (напр. относительно пресуществленія; см. въ особенности чешскія сочиненія Гуса, где разница эта вообще рѣзче выступаетъ). Во вторыхъ, развѣ всемирно-историческое значеніе Гуса основывалось до сихъ поръ лишь на его ученыхъ, богословскихъ трудахъ, на томъ, что онъ былъ великимъ мыслителемъ-богословомъ и только? Можно сказать а рѣги, что однѣ чисто отвлеченные идеи, богословіе споры по поводу напр. того, что нужно понимать подъ словомъ „перковъ“, „пресуществленіе“ и т. д., и разныя холастическія тонкости никогда не могли бы дѣйствовать столь возбуждающимъ образомъ на массу и подвижнуть цѣлый народъ на такую борьбу, какую подняли Чехи-гуситы. Развѣ одно ученіе Виклефа могло такъ взволновать всю страну, всколебавъ до дна все ея населеніе? Очевидно, тутъ дѣйствовали еще другія, глубокія и чрезвычайно важныя причины, и виклефово ученіе является лишь однѣ изъ поводовъ, однѣ изъ факторовъ въ ряду многихъ другихъ. Такимъ образомъ изслѣдованіемъ Лозерта подорвало значеніе Гуса только какъ самостоятельного мыслителя-богослова; но не въ этомъ была сила чешскаго реформатора, и за нимъ по прежнему остается слава чисто народнаго дѣятеля, національного героя Чехіи, мученика за свободу совѣсти, за то, что онъ считалъ истину; по прежнему онъ является одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и симпатичныхъ личностей во всей всемирной исторіи. — Объ очевидной односторонности, а, стало быть, и неѣрности взгляда Лозерта см. статью проф. Флоринскаго въ „Киевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ“ за 1884 г., № 5; ср. замѣтку г. Кра-кау въ „Извѣстіяхъ С.-Петерб. Славянск. Общества,“ 1884, № 5. В.

Ягеллоны
во Чехіи.

Послѣ смерти Юрия Подѣбра Чехія и Угрія болѣе пятидесяти лѣтъ оставались соединенными подъ властью чешской отрасли Ягеллоновъ, именно Владислава и сына его Людовика II, погибшаго въ одномъ несчастномъ сраженіи съ Турками, при Могачѣ, въ 1526 году. Весь этотъ ягеллонскій періодъ чешской исторіи представляетъ картину полнаго почти безурядья, борьбы политическихъ и религіозныхъ партій,— аристократической и народной, католиковъ и утраквистовъ, т. е. послѣ-

дователей учения о причастії подъ обоими видами, *sub utraque*. Къ нимъ присоединились еще два новые элемента общественного броженія. Такова, во первыхъ, мистическая секта чешскихъ или моравскихъ братьевъ, возникшая изъ остатка древняго табора¹⁾). Въ полномъ отвращеніи оть войны, характеризующемъ этихъ новыхъ сектаторовъ, какъ бы выразилась та усталость, которую стали ощущать гуситы послѣ столь долгихъ смутъ и борьбы. Съ другой же стороны началъ проникать въ Чехію въ это время изъ сосѣдней Саксоніи лютеранскій протестантизмъ и усиливать общее смятеніе умовъ. Наряду съ церковными несогласіями шли горячіе споры между сословіями, въ составѣ которыхъ панство опять присвоило себѣ господствующую роль.

При такомъ анархическомъ состояніи страны и въ виду надвигающейся грозы со стороны Турокъ, захватившихъ уже послѣ Могача цѣлую половину Венгрии, Чехамъ нуженъ былъ наконецъ сильный государь, и они избрали своимъ королемъ брата могущественнаго Карла V, эрцгерцога Фердинанда Австрійскаго, взявъ съ него обѣщаніе уважать ихъ религіозную свободу и сословныя права. Съ этого времени Чехія не могла уже отрѣшиться отъ Габсбурговъ, мало по малу превратившихъ ее въ наслѣдственное достояніе своего дома. Уже Фердинандъ началъ систематическую реакцію противъ всѣхъ либеральныхъ и народныхъ стремленій, которая возбуждены были гуситствомъ, — реакцію, которая чрезъ столѣtie привела къ полному упадку политической, церковной и народной независимости Чехіи. Дѣйствительно, — что такое было гуситство? Протестъ противъ злоупотребленій католической церкви и возрожденіе старо-славянской народности края, готовой сдѣлаться добычею Нѣмцевъ. Отсюда — неодолимая сила этого движенія и его революціонный характеръ, такъ какъ корни его глубоко лежали въ самой исторіи страны. Ни Гусъ, ни Жижка при всемъ ихъ личномъ вліяніи безъ такой исторической основы никогда не могли бы этого достигнуть. И вотъ эти то два завѣтныхъ стремленія Чеховъ, — къ возстановленію первобытной чистоты христіанскаго ученія и къ старо-славянской земской свободѣ, — взялись теперь Габсбурги искоренить въ чешскомъ народѣ. Владѣтельный родъ этотъ вообще отличался старой приверженностью къ католицизму и политикой государственного абсолютизма и уже по этому одному долженъ быть смотрѣть враждебно на утвердившіеся въ Чехіи

¹⁾ Гиндели „Gesch. der mährischen Brüder;“ Кочубинскій „Братья-Подобои.“ Н.

церковные и общественные порядки. Върхний представитель его преданій — Фердинандъ нанесъ первый ударъ народнымъ вольностямъ Чеховъ, подорвавъ значеніе общественныхъ сеймовъ подавленіемъ правъ горожанъ и обративъ Чехію въ наследственную область державы Габсбурговъ. Также точно началъ онъ тѣснить и народную церковь, главную хранительницу гуситскихъ идей и преданій. И вотъ реакція, поднятая имъ противъ лютеранъ и вообще протестантизма, занесенного изъ Германіи, коснулась также и послѣдователей Гуса. Чешскіе братья изгнаны изъ страны, чашники или утраквисты подчинены строгому надзору правительства. Тогда началось въ Чехіи противодѣйствіе габсбургскому гнету. Вождемъ его является на этотъ разъ чешское панство, — то самое сопровождение, которое до сихъ поръ слабо поддерживало народные интересы, а подчасъ относилось къ нимъ даже враждебно. Теперь посягательство Габсбурговъ на его собственный привилегіи заставило его стать за интересы народности и преобразованной церкви, угрожаемой и для всѣхъ одинаково дорогой. Впрочемъ не все дворянство вступило въ оппозицію къ Габсбургамъ, а только большая часть его, принадлежащая къ протестантской церкви. За то магнаты, оставшиеся върхними католичеству, еще тѣснѣе примкнули ко двору, соединились съ юезуитами, призванными въ Чехію, Фердинандомъ и, опираясь съ одной стороны на правительство, а съ другой — на господствующую церковь, образовали могущественную партію съ огромнымъ вліяніемъ на дѣла страны.

Въ такомъ видѣ перешла Чехія изъ рукъ Фердинанда I, носившаго также по отреченіи Карла V и императорскую корону, къ двумъ его преемникамъ, — краткому и гуманному Максимилиану II и слабому Рудольфу II, также императорамъ германскимъ, правление которыхъ обнимаетъ собою вторую половину XVI и начало слѣдующаго столѣтія. Первый изъ нихъ, отличаясь рѣдкою въ то время терпимостью, предоставилъ Чехамъ почти полную религіозную свободу; второй же, сдѣлавъ Прагу постоянной императорской резиденціей и окруживъ себя пышнымъ дворомъ на манеръ испанского, весь погрузился въ свои любимыя кабинетныя занятія, — алхімію, астрологію, литературу и искусства и мало обращалъ вниманія на дѣла правленія, къ которымъ былъ впрочемъ и неспособенъ. За то литература чешская, благодаря терпимости и общему благосостоянію страны, достигла при немъ въ лицѣ Амоса Коменскаго, Карла изъ Жиротина, Скалы и многихъ другихъ даровитыхъ писателей своего золотаго вѣка. Въ отношеніи же устройства оба императора, Максимилианъ и Рудольфъ, не нарушили той уръзанной

свободы, которую оставилъ Чехамъ Фердинандъ, т. е. внутренняго управлінія и сеймовъ, хотя то и другое находилось въ рукахъ панства.

При такихъ условіяхъ время это какъ нельзя болѣе благопріятствовало распространенію и утвержденію въ странѣ германскаго протестантизма, мало по малу вытеснившаго или же погодившаго древнюю народную реформацію или гуситство. Иначе и быть не могло. Лютеранство проникло сюда посредствомъ дворянства, всегда отличавшагося податливостью къ нѣмецкимъ вліяніямъ, всегда равнодушнаго, а нерѣдко и враждебнаго къ народнымъ стихіямъ. И такъ какъ въ рукахъ этого сословія находилась тогда вся власть въ государствѣ, то оно и воспользовалось ею для возворенія чужой церковной реформы, причемъ гуситство заглохло само собою, хотя и не перестало жить въ воспоминаніяхъ и чаяніяхъ простаго народа. Для судьбы же, для будущности Чехіи было отнюдь не все равно, какой изъ двухъ видовъ церковной реформы, — народный или чужой, нѣмецкій, — долженъ сдѣлаться въ ней господствующимъ: лютеранство приносило ей только исправленіе церкви въ евангелическомъ духѣ; гуситство же напротивъ, какъ самобытный продуктъ народнаго духа, не ограничивалось однимъ вѣроученіемъ и устройствомъ церкви, а возрождало всю народную жизнь на родныхъ, славянскихъ началахъ. Постепенное исчезновеніе этого элемента въ XVI столѣтіи было такимъ образомъ большимъ несчастиемъ для Чехіи. Это и оказалось вскорѣ заѣмъ, когда Чехамъ пришлось отстаивать государственную и народную самобытность въ послѣдней борьбѣ съ разрушительнымъ деспотизмомъ Фердинанда II.

Бездѣствие, сумасбродство Рудольфа и дружба его съ іезуитами привели вскорѣ въ негодованіе всю имперію. Угрія, Моравія и даже Австрія отпали отъ него и призвали къ управлінію брата его Матея. Одна Чехія, руководимая іезуитско-магнатской партіей, осталась ему вѣрна, хотя за такую услугу протестантское большинство и вынудило у императора въ 1609 году такъ называемую Грамоту Величества, по которой имъ, какъ и остаткамъ утраквистовъ, предоставлялась полная религіозная свобода, а сословія получили право имѣть дефенсоровъ для охраненія своихъ правъ, — въ крайнемъ случаѣ даже оружіемъ. Но и эта уступка не спасла Рудольфа. Признанный всей имперіей Матеемъ отнялъ у него и Чехію. Но такъ какъ новый императоръ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, былъ бездѣтенъ, то всѣстѣ съ тѣмъ возникъ для Чехіи роковой вопросъ о престолонаслѣдіи. По проискамъ іезуитовъ Матеемъ назначилъ своимъ преемникомъ своего двоюроднаго брата, эрц-

герцога штирійського Фердинанда, страшного фанатика католицизма и безсердечного деспота, представляющего такимъ образомъ полное олицетвореніе габсбургской политики. Чехи не признали этого назначенія и, когда правительство подъ вліяніемъ Фердинанда начало стѣснять ихъ религіозную свободу, подняли въ 1618 году восстание, бывшее началомъ тридцатилѣтней войны въ западной Европѣ. Но Чехія начала XVII вѣка

Тридцатилѣтняя война.

николько не похожа была на Чехію начала XV. Два вѣка господства магнатовъ, тайной работы іезуитовъ и габсбургского управлениія уже выродили народъ настолько, что теперь онъ вынужденъ былъ защищаться наемными войсками и искать себѣ опоры виѣ края, у протестантскихъ князей Германіи и Угровъ. Заносное лютеранство тоже не въ силахъ было одушевить его на борьбу за свою самобытность какъ никогда одушевляло его гуситизмъ. Поэтому, хотя по смерти Матея Чехи и сдѣлали рѣшительный шагъ, пораввши наконецъ всѣ связи съ Габсбургами и избравши на престолъ свой Фридриха IIфальцскаго, главу протестантскихъ князей Германіи, но, когда Фердинандъ рѣшилъ оружиемъ добывать чешскую корону, у нихъ не оказалось ни единодушія, ни достаточного одушевленія, чтобы крѣпко постоять за свою народную свободу. Одной битвы на Бѣлой горѣ, близь Праги, въ 1620 году было достаточно Фердинанду, чтобы уничтожить ихъ силы. Бѣлогорское пораженіе сдѣжалось могилой самостоятельной Чехіи не потому, чтобы это пораженіе было такъ тяжко, а потому что самимъ народомъ, отвыкшимъ уже отъ общественной дѣятельности, овладѣла глубокая анастія. Ею же объясняется и возможность такой полной реакціи, какую позволилъ себѣ побѣдитель. Въ лицѣ Фердинанда II католицизмъ и Австрія совершили надъ Чехіей страшную месть за всѣ свои прежнія пораженія. Казни, конфискаціи, изгнанія падали десятками тысячъ на несчастный народъ; протестантизмъ, остатки гуситства истреблены насильственно; уничтожена Грамота Величества и всѣ привилегіи Ягеллоновъ, Карла IV и другихъ государей Чехіи, земскіе сеймы превратились въ одну формальность; испанский абсолютизмъ водворился въ странѣ на мѣсто прежніаго самоуправлениія; іезуиты овладѣли воспитаніемъ и церковью и истребили цѣлую массу памятниковъ народной литературы и искусства; нѣмецкій языкъ сдѣжался господствующимъ въ судахъ и школахъ и, какъ вѣнецъ этой чешской руины, — тридцатилѣтняя война въ конецъ опустошила весь край, такъ что изъ его трехмилліоннаго населенія къ половинѣ XVII вѣка уѣхало едва 800000. Цѣлые области заселены были потомъ нѣмецкими колонистами.

Упадокъ Чехіи.

Такого быстраго и полнаго упадка не испытывалъ еще ни одинъ изъ славянскихъ народовъ. Втеченіе слѣдующаго полутора вѣка, какъ славянская земля, Чехія почти не существовала. Возрожденіе ея народности началось послѣ этого погрома лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Итакъ въ началѣ XVII вѣка еще одинъ славянскій народъ, и притомъ *Польша и Русь.* самый передовой и образованный, сходитъ съ историческаго поприща. Малочисленный, окруженный сильными племенными врагами, — онъ долженъ быть погибнуть, послѣ того какъ вслѣдствіе прирожденаго Славянамъ духа политической дробности не удалось его неоднократныя попытки сплотить вокругъ себя въ одно большое государство массу сосѣднихъ племенъ славянскихъ. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ Европы оставались только два независимыхъ народа, служившихъ представителями племенна-го славянскаго типа — Поляки и Русские. Первые — какъ уцѣлѣвшій образчикъ западнаго славянства, вторые — какъ представители восточнаго. Отъ ихъ судьбы, отъ направлениія ихъ исторіи и ихъ взаимныхъ отноше-ній зависѣла теперь будущность славянскаго племени.

Начальная исторія, героическій вѣкъ того и другаго народа предста-
вляютъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя общія черты. Быстрое расширеніе *Сходство и различие изъ исторіи.*
этихъ государствъ, участіе пришлыхъ дружинъ въ основаніи государствъ польскаго и русскаго, — при Болеславѣ въ Польшѣ и при варяжскихъ князьяхъ на Руси, — распаденіе той и другой страны на удѣлы по родо-
вому праву, — Руси въ X вѣкѣ, по смерти Ярослава, Польши — въ XII вѣ-
кѣ, по смерти Болеслава Кривоустаго, — тамъ и здѣсь наконецъ усобицы
князей, упадокъ вицѣнаго могущества, но за то болѣе равномѣрное рас-
пространеніе и развитіе христіанскаго просвѣщенія во всѣхъ областяхъ
польской и русской земли.

Но при такомъ сходствѣ въ начальной судьбѣ обоихъ народовъ еще яснѣѣ выступаетъ съ самаго же начала и глубокое между ними различіе, зависѣвшее главнымъ образомъ отъ ихъ географическаго положенія и условленнаго имъ сосѣдства съ другими народами, — Руси съ полудикими Азіатами, Польши — съ культурной націей Нѣмецкою. Вліяніе этого сосѣдства на складъ польской и русской исторической жизни было весьма раз-
лично. Между тѣмъ какъ Русь, отбиваясь на востокѣ отъ азіатскихъ степняковъ, укрѣпляла свою народность въ сознаніи ея превосходства надъ варварскимъ обычаемъ, — Польша невольно подчинялась на западѣ если не политической, то культурной зависимости отъ Нѣмцевъ. Еще вначалѣ

прикрывали ее съ этой стороны балтійскіе и полабскіе Славяне; когда же въ XII вѣкѣ рушился этотъ сторожевой постъ западнаго славянства, Поляки очтились лицомъ къ лицу со своими племенными врагами и стали подпадать ихъ вліянію,—тѣмъ болѣе, что въ первой половинѣ XIII вѣка сами же они накликали на себя ихъ новое и опасное сосѣдство, когда князь мазовецкій Конрадъ, безуспѣшно отбиваясь отъ полуудицкихъ, языческихъ Пруссовъ, призвалъ противъ нихъ рыцарей нѣмецкаго ордена, указавъ имъ для поселенія землю Холмскую, т. е. нынѣшнюю восточную Пруссію, занятую тогда литовскими племенами. Такимъ образомъ втеченіе XIII и XIV вѣка рыцари утвердили здѣсь прочно свое господство, обративъ весь край этотъ въ латинское христіанство и покрывъ его нѣмецкими городами и колоніями. Поляки, ослабленные удѣльными смутами, окруженные теперь на всемъ западѣ нѣмецкими владѣніями, естественно не могли дать отпора нѣмецкимъ захватамъ и уже въ XII в. потеряли силезскія княжества, отдѣлившіяся совершенно отъ государственного состава и незамѣтно онѣмѣчившіяся безъ всякой почти борьбы, а въ слѣдующемъ столѣтіи также участъ постигла и польскую часть Поморья или нынѣшней Помераніи. Не довольствуясь этими земельными захватами на юго- и сѣверо-западѣ, нѣмецкій элементъ сталъ проникать и во внутреннюю жизнь раздробленной Польши. Здѣсь вліяніе его прежде всего обнаружилось въ непомѣрномъ возвышеніи дворянства или шляхты, а во вторыхъ,—въ нѣмецкомъ устройствѣ старо-славянскихъ польскихъ городовъ по магдебургскому праву.

Второе затѣмъ капитальное различіе въ судьбѣ Польши и Руси условилось тѣмъ, что первая, поставленная въ ближайшія культурныя и политическія связи съ Германіей, приняла отъ Нѣмцевъ и христіанство по латинскому ученію, чѣмъ и втянута была окончательно въ кругъ западныхъ идей и интересовъ, между тѣмъ какъ вторая, заимствовавъ свое духовное просвѣщеніе отъ Грековъ, мало по малу развила у себя и національную церковь, столь много способствовавшую укрепленію и охранѣ и самой ея славянской народности, чего не могло бы случиться, еслибы и у насъ водворилось римское христіанство, недопускавшее народныхъ церквей и подчинявшее всѣхъ себѣ подвластныхъ одной общей романской нормѣ.

Понятно, что, исходя изъ такихъ различныхъ оснований, и самая история Польши должна была принять направленіе, совершенно отличное отъ судебъ сосѣдней и одноплеменной съ ней Руси. Еще удѣльный періодъ ея, начавшійся съ 1139 г., со смерти Болеслава Кривоустаго, представ-

ляеть вначалѣ нѣкоторое наружное сходство съ нашей удѣльной эпохой: *у Польши.* и тамъ удѣльные князья ведутъ нескончаемыя распри за Krakовъ, считавшійся важнѣйшимъ столицмъ всей земли, какъ у насъ Киевъ; но уже въ XIII в. порабощеніе Руси Монголами и вслѣдствіе того распаденіе я на двѣ большія политическія сферы,—Русь восточную и западную,—кладетъ на дальнѣйшую судьбу обоихъ славянскихъ народовъ новое рѣзкое различіе. Монгольское нашествіе въ половинѣ XIII вѣка, легшее долгимъ и тяжкимъ игомъ на восточную половину Руси, было гораздо менѣе ощущительно въ западной и едва коснулось Польши, испытавшей лишь временный погромъ большаго татарскаго набѣга въ 1241 году. Оставившись свободною, Польша сохранила и всѣ свои прежнія связи и отношенія къ европейскому Западу. Сохранились и тѣ западныя вліянія, благодаря которымъ военно-монархическая Польша временъ Болеславовъ постепенно превращалась въ аристократическое государство, гдѣ вельможи на манеръ западныхъ феодаловъ низвели королевскую и княжескую власть въ уровень со своимъ собственнымъ могуществомъ. Какъ въ романо-германской Европѣ, короли и князья временъ удѣльной Польши въ кругу своихъмагнатовъ были только *primi inter pares*, первые между равными. Уже въ концѣ XII вѣка, при Казимирѣ II Справедливомъ, они выѣстысь съ епископами края образовали сенатъ, безъ воли котораго правительство не могло предпринимать ничего. Другія сословія,—нисшее дворянство или собственно шляхта, города и поселяне,—въ то время не пользовались никакими политическими правами. Послѣдніе, хотя еще лично свободные, но большею частью безземельные, по экономической зависимости отъ дворянства и духовенства, начали уже фактически превращаться въ ихъ крѣпостныхъ. Одна церковь, тоже по западному образцу, присвоила себѣ большое политическое вліяніе, и ея синоды подъ предсѣдательствомъ гнѣзенского архіепископа, какъ примаса королевства, имѣли важное общегосударственное значеніе.

Въ такомъ видѣ перешла Польша въ XIV столѣтіе, когда въ двадцатыхъ его годахъ Владиславу IV Локтику удалось положить начало новому порядку вещей. Частыя нападенія Нѣмцевъ, Литвы и западной Руси и земельныя потери на западѣ, съверѣ и востокѣ давно уже возбудили въ народѣ потребность единодержавія, какъ единственного средства спасенія отъ вѣнчихъ враговъ. Локтикъ счастливо воспользовался этимъ настроениемъ всей земли и успѣль прочно соединить Познань и другія области по Вартѣ или Великую Польшу съ привислянскимъ краемъ или Малою Польшею и затѣмъ значительно подорвать исключитель-

*Послѣдніе
Пласти.*

ное господство магнатовъ, призвавъ наряду съ ними къ участію въ государственныхъ дѣлахъ и шляхту, допущенную имъ въ правительствующій сенатъ, превратившійся такимъ образомъ мало по малу въ общей или вольный сеймъ королевства. А сынъ его Казимиръ III Великій, послѣдній изъ династіи Пястовъ (1333—1370), продолжалъ эту анти-аристократическую реакцію своими особыми заботами о благосостояніи горожанъ и сельского населенія, изданіемъ общаго свода законовъ, такъ называемаго „статута вислицкаго“, стѣснившаго своеволіе дворянства, и основаніемъ университета въ Краковѣ, какъ средства обуздывать просвѣщеніемъ дикую воинственность аристократіи. Вообще правленіе Казимира Великаго было эпохой отдыха и умиротворенія Польши послѣ долгихъ смутъ и анархіи удѣльного периода. Даже внѣшнюю силу государства успѣль онъ возстановить, вознаградивъ его за потерю Силезіи и Поморья, окончательно уступленныхъ Нѣмцамъ, пріобрѣтеніемъ Галиціи или Червоной Руси, оторванной отъ общаго состава удѣльной Руси вслѣдствіе изолированнаго ея положенія и крамоль мѣстнаго боярства, не давшаго здѣсь развиться крѣпкой государственной власти, которая могла бы защитить землю отъ сосѣднаго воинственнаго и уже сплотившагося воедино врага. Но не всѣ цивилизаторскія мѣры Казимира были равно благодѣтельны для края. Къ числу самыхъ неудачныхъ нужно отнести призывъ иностранныхъ колонистовъ, особенно Евреевъ, повсюду тогда гонимыхъ въ западной Европѣ. Переселенцы эти захватили мало по малу всѣ отрасли промышленности и торговли, эксплуатируя неумѣлое въ этомъ отношеніи населеніе, и сдѣлались съ теченіемъ времени истиннымъ бичомъ для благосостоянія Польши. Да и вся противо-магнатская политика послѣднихъ Пястовъ не принесла ожидаемыхъ выгодъ, такъ какъ въ рукахъ дворянства, составлявшаго всю военную силу государства и владѣвшаго большою частью его земельной собственности, оставалось все таки фактическое преобладаніе, основанное на силѣ меча и богатства. Поэтому, когда бездѣтный Казимиръ завѣщалъ престолъ племяннику своему Людовику Угорскому, вѣльможи и шляхта тотчасъ и воспользовались переходомъ короны въ чужой владѣтельный родъ, чтобы предложить новому королю-иностраницу формальныя условія, обеспечивавшія за ними исключительное обладаніе всѣми государственными должностями и свободу отъ податей. Съ этого времени подобныя условія шли рядомъ съ вступающими на престолъ королями,—такъ называемыя *racta conventa* входятъ въ постоянный обычай, и Польша принимаетъ форму избирательного государства.

При Людовикѣ Польша и Угрія впервые соединились подъ однимъ ски- Польша при
Ягеллонахъ. петромъ, но только на короткое время. Такъ какъ государь этотъ также не имѣлъ потомства мужескаго, то послѣ смерти его обѣ страны опять раздѣлились, и польская корона досталась дочери Людовика Ядвигѣ, для которой всесильные въ государствѣ вельможи избрали мужемъ литовскаго великаго князя Ягелло, грубаго и воинственнаго язычника, взявъ съ него обѣщаніе соединить Литву съ Польшей и креститься вмѣстѣ со своимъ народомъ. Такъ въ 1386 году достигъ польского престола знаменитый родъ Ягеллоновъ, игравшій втеченіе почти двухъ столѣтій такую важную роль въ восточной Европѣ, властивавшій одно время также надъ Венгрией и Чехіей и подчинившій польскому господству и образованію всю западную половину Руси. Послѣдняго достигъ онъ посредствомъ подвластной ему Литвы ¹⁾.

¹⁾ Въ виду того, что исторія Литвы тѣсно связана съ исторіею юго-западной Руси, здѣсь умѣстно указать источники для той и другой. Таковы: 1) Daniłowicz „Latopisiec Litwy i kronika ruska“; 2) „Kronika litewska“ (Bychowca); 3) Kojałowicz „Historia Lituana“; 4) Stryikowski „Kronika polska, litewska, zmôdska, wszystkiej Rusi“; 5) Bielski „Chronica“; 6) A. Prochaska „Codex epistolaris Vitoldi“ 1882; 7) Daniłowicz „Skarbiec diplomatów“; 8) Dogiel „Limites regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae“; 9) „Акты ю. и з. Россіи“; 10) „Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края“; 11) „Литовскіе статуты“ (во „Временикѣ“ и отдельно).—Пособія: Narbutt „Dzieje starozytne narodu litewskiego“ (9 t. W. 1835—41); Lelewel „Dzieje Litwy i Rusi aż do Unii“ (1844); Jaroszewicz „Obraz Litwy“ (3 t. W. 1844—45); Kraszewski „Litwa“ (2 t. W. 1847—50); Stadnicki „Synowie Gedymina“; его же „Bracia Wladyslawa Jagielly“; Szajnocha „Jagello i Jadwiga“ (руск. переводъ В. Коневича, Спб. 1879); Костомаровъ „Литовское племя“ („Русск. Сл.“ 1860 г. № 5); Смирновъ „Яковъ-Владиславъ-Ягелло“; Антоновичъ „Очеркъ исторіи вел. кн. литовскаго“ („Ист. мон. по исторіи зап. и юго-зап. Руси“, Кіевъ, 1885); Дацкевичъ „Замѣтки по ист. литовско-руssк. государства“ (Кіевъ, 1885); Барабашевъ „Витовтъ и его политика“; Будановъ „Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ“; Бершадскій „Литовскіе Евреи“; Иванішевъ „Собр. соч.“; Леонтовичъ „Русская Правда и литовскій статутъ“ (Кіев. Унів. Изв. 1865, 2—4); его же „Историч. изслѣд. о правахъ литовско-руssк. Евреевъ“ (*ibid.* 1864, 3 и 4); его же „Крестьяне юго-зап. Россіи по литовскому праву XV и XVI ст.“ (*ibid.* 1863, 11 и 12); Чарнецкій „Ист. лит. статута“ (*ibid.* 1866, № 9; 1867, №№ 1, 5, 8, 9, 10); Зубрицкій „Ист. галицко-руssк. княж.“ (3 т. 1852—55); Шараневичъ „Ист. галицко-володимірской Руси“ (1863); Дацкевичъ „Княженіе Даниила Галицкаго“ (К. 1873); его же „Болоховская земля“ (К. 1876); Лонгиновъ „Червенскіе города“; Чистовичъ „Очеркъ ист. западно-рус. церкви“ (2 вып.); Коиловичъ „Лекціи по ист. зап. Россіи“; Щебальскій „Разсказы о зап. Руси“. Н.

*Соединеніе
съ Литвою.*

Малочисленное бѣдноѣ литовское племя, принадлежавшее также къ арійскому корню и близко родственное Славянамъ, искони заселяло негостепріимное по своей природѣ юговосточное побережье Балтійского моря, между Западной Двиной и Вислой. Въ XIII столѣтіи сѣверная отрасль этого племени, Куры и Латыши, подпали подъ власть утвердившагося здесь ордена ливонскаго или Меченосцевъ, а южная,—Прусы, другаго рыцарскаго ордена, тевтонскаго или нѣмецкаго. Тѣ и другие рыцари послѣ упорной борьбы съ туземцами германизировали ихъ край и насильственно обратили его въ латинское христіанство. Но настоящая Литва, жившая по Нѣману, оставалась языческою и независимою и съ начала XIV вѣка получила даже историческое значеніе, когда умный Гедиминъ окончательно соединилъ ся мелкія племена въ одно государство, средоточiemъ котораго сдѣлалъ построенный имъ городъ Вильно¹⁾. Успѣшно отбиваясь на западѣ отъ Нѣмцевъ, гедиминова земля пользовалась благопріятными обстоятельствами, чтобы расширить свое господство на востокѣ на счетъ соѣдніихъ русскихъ княжествъ, предпочитавшихъ спосѣніе литовскаго владычества тяжкому татарскому рабству, въ которомъ они въ то время томились. Области полоцкая, кievская, волынская, земля сѣверская и смоленская,—вся однимъ словомъ западная Русь почти до самой Оки втеченіе трехъ поколѣній сдѣлалась ея добычею, хотя русская народность, вѣра и образованность остались здѣсь по прежнему господствующими и даже готовы были обрушить и самихъ завоевателей, не имѣвшихъ собственной развитой культуры,—какъ вдругъ бракъ гедиминова внука Ягелло съ польской королевой Ядвигой совершенно измѣнилъ дальнѣйшую судьбу Литвы и подвластной ей западной Руси. Бракомъ этимъ насильственно втянуты были они въ тѣсныя связи съ Польшей, приведшія два вѣка спустя къ насильственному же политическому соединенію ихъ съ этимъ государствомъ.

Громадный послѣдствія повлекла за собой эта искусственная связь Литвы съ Польшею. Послѣдняя на цѣлья столѣтія вовлечена была ею въ безъисходны затрудненія. Такъ какъ Ягелло вмѣстѣ со своими Литвинами крестился по католическому закону, а западная Русь оставалась православною, то подчиненіе ея католической же Польшѣ могло быть достигнуто только насилиемъ. Съ другой стороны, опираясь на племенное и религіозное сочувствіе западной своей половины, Русь восточная, какъ только собрала воедино свои силы и избавилась отъ Татаръ, естественно на-

¹⁾ См. Васильевскаго „Ист. г. Вильно“. II.

чала добиваться возвращенія этихъ западныхъ областей, какъ своего древняго законнаго достоянія. Отсюда рядъ войнъ между двумя славянскими единственно независимыми народами,—войнъ, въ которыхъ крѣпла мощь Руси и напротивъ падала сила Польши, пока роковой вопросъ объ обладаніи литовско-русскимъ великимъ княжествомъ не привелъ и самую Польшу къ политической смерти. На первыхъ же порахъ несмотря на постоянные споры съ Литвой и даже неоднократныя отпаденія ея впослѣдствіи, когда она имѣла своихъ особыхъ великихъ князей, внѣшнее могущество Польши возросло до небывалой еще степени, и эпоха Ягеллоновъ есть безспорно самая лучшая пора польской исторіи. Сила соединенныхъ государствъ,—польского и литовско-русскаго,—обнаружилась уже при самомъ Ягеллѣ или Владиславѣ II, какъ назывался онъ христіанскимъ именемъ. Старинные враги обоихъ государствъ, нѣмецкіе рыцари, потерпѣли въ началѣ XV вѣка такое страшное пораженіе при Танненбергѣ, что послѣ этого погрома орденъ ихъ недолго могъ просуществовать независимо¹⁾. А сынъ Ягелло Владиславъ III, погибшій въ 1444 году подъ Варной, пріобрѣлъ по избранію и корону угорскую. Наконецъ братъ его Казимиръ IV совершилъ сокрушитель силу нѣмецкихъ рыцарей, присоединивъ къ Польшѣ часть орденскихъ владѣній съ городомъ Гданскомъ, а остальная поставивъ въ ленную отъ нея зависимость. Послѣдніе Ягеллоны, Сигизмундъ I и Сигизмундъ II Августъ, побѣдоносно довершили наконецъ вѣковую борьбу Польши съ рыцарями. Первый окончательно утвердилъ ленное господство польской короны надъ тевтонскимъ орденомъ, тогда уже превратившимся въ прусское герцогство, а второй привелъ въ такую зависимость и Меченосцевъ, а въ 1569 году на сеймѣ люблинскомъ устроилъ неразрывное соединеніе Литвы съ Польшею на равныхъ правахъ и съ именемъ Рѣчи Посполитой²⁾.

Такъ какъ со смертью Сигизмунда-Августа въ 1572 г. прекратилась мужская линія Ягеллоновъ, то всесильное дворянство окончательно сдѣлало престолъ Польши избирательнымъ. Первымъ избраннымъ королемъ былъ французскій принцъ Генрихъ Валуа, правившій впрочемъ только нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего избранъ былъ воинственный воевода седмиградскій Стефанъ Баторій, знаменитый соперникъ нашего

¹⁾ См. о танненбергской битвѣ статью Барабашева въ Ж. М. Н. Пр. за 1887 г. Н.

²⁾ Коиловичъ „Люблінская унія“; Бантышъ-Каменскій „Ист. изв. о возникшей въ Польшѣ унії“. Н.

Грозного въ войнѣ за Ливонію, которую онъ успѣлъ присоединить къ польскимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ несмотря на нѣкоторыя потери на востокѣ, напр. Смоленска и сѣверскихъ княжествъ, отнятыхъ у Ягеллоновъ московскими великими князьями, польское государство достигло въ XVI вѣкѣ высшей степени своего внѣшняго могущества, простираясь отъ нижней Варты на западѣ до Западной Двины и далеко за Днѣпръ — на востокѣ, отъ Рижского залива и устьевъ Нѣмана и Вислы на сѣверѣ до Карпатовъ на югѣ и соприкасаясь своими предѣлами съ Чехіей, Угрієй, Турціей, московскою Русью и владѣніями Шведовъ и Датчанъ.

*Внутрен-
няя исторія
Польши.*

Такова была Польша Ягеллоновъ. Но кромѣ внѣшняго могущества время это представляеть и лучшую пору польской образованности и литературы. Эпоха Сигизмундовъ, особенно Сигизмунда-Августа, т. е. XVI столѣтіе, по справедливости считается золотымъ ея вѣкомъ, когда сильные народные писатели, какъ Николай Рей изъ Нагловиць, Янъ Кохановскій, Петръ Скарга, Янъ Остророгъ, создали литературный языкъ польскій и представили замѣчательныя произведенія во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы, — когда изъ стѣнъ краковскаго университета вышелъ Николай Коперникъ, творецъ нынѣшней астрономіи, а виленскій, основанный Баторіемъ, сдѣлался разсадникомъ гуманизма, занесенного сюда изъ западной Европы. Такое сильное развитіе образованности при послѣднихъ Ягеллонахъ объясняется главнымъ образомъ пробужденіемъ польско-славянской народности, долго подавленной нѣмечиной и католицизмомъ. Средневѣковая латынь, какъ языкъ церкви, господствовала и въ литературѣ до самаго XV вѣка, а съ другой стороны нѣмецкій языкъ, обычай и право властновали въ высшемъ обществѣ, особенно же по городамъ. Наплыть Евреевъ изъсосѣдней Германіи еще больше усилилъ нравственный гнетъ чужеземщины. И вотъ при Сигизмундахъ началась повсемѣстная реакція народныхъ стихій, — въ литературѣ, политикѣ и въ жизни. Къ этому времени Польша побѣдительно кончила свою вѣковую борьбу съ нѣмеckими рыцарями, отвоевавъ себѣ часть орденскихъ владѣній, бывшихъ столь долго главнымъ проводникомъ германизма. И уже одно это должно было сильно поднять въ странѣ народный духъ и народныя силы. Но кромѣ того возрожденію ихъ много способствовали и другія обстоятельства, уже не политическія, а церковныя. Съ половины XV вѣка стало проникать въ Польшу изъсосѣдней Чехіи гуситство, принесшее сюда и всѣ свои народныя стремленія, и хотя самое ученіе Гуса не удержалось здѣсь въ подавляющей борьбѣ съ господствующей церковью, но все таки оно успѣло дать но-

вый толчекъ пробуждающему народному гению. Въ XVI же столѣтіи такую же почти услугу оказалъ Польшѣ протестантизмъ, проникшій изъ Германіи, такъ какъ онъ тоже вносилъ въ общество идею религіозной независимости, идею церкви народной¹⁾.

Проводникомъ и представителемъ этого всесторонняго національного возрожденія въ XVI вѣкѣ явилась польская шляхта, какъ единственное уже въ то время полновластное сословіе государства. Если общественное устройство Польши въ начальномъ періодѣ ея исторіи представляло черты военной монархіи, а въ удѣльное время властвовалимагнаты, то со временемъ возстановленія единодержавія сами короли стали выдвигать на первый планъ шляхту, ища въ ней противовѣса опасному всемогуществу вельможъ, а безпрерывныя войны съ рыцарями, Литвой, Уграми, Русью, наполнившія XV и XVI столѣтія польской исторіи, еще болѣе возвысили значеніе этого единственнаго военнаго сословія въ государствѣ. Оттого мы видимъ въ XV вѣкѣ въ государственномъ нарядѣ Польши большія перемѣны. Шляхта не только сравнивается въ правахъ и силь со знатью, но посредствомъ своихъ областныхъ сѣздовъ или сеймиковъ, входящихъ въ обычай съ этого времени, приобрѣтаетъ господствующее положеніе, послыая своихъ депутатовъ или пословъ на общіе сеймы королевства, гдѣ эти послы далеко заслоняютъ собою государственныхъ сановниковъ и первостепенныхъ прелатовъ, какъ представителей высшей аристократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ городское сословіе вовсе лишается правъ сеймового представительства, а крестьянское — окончательно теряетъ личную свободу и нисходитъ на степень хлоповъ, т. е. крѣпостныхъ пановъ и духовенства. Такимъ образомъ въ XVI вѣкѣ Польша уже представляетъ образчикъ шляхетско-демократического государства въ томъ смыслѣ, что въ кругу самого шляхетства, пользовавшагося исключительно всѣми гражданскими и политическими правами, царствуетъ уже полное равенство его членовъ безъ различія знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. „Шляхтичъ въ огородѣ равенъ воеводѣ,“ гласить поговорка этого времени. Но при такомъ демократическомъ равенствѣ въ кругу своего сословія, шляхетство относилось къ другимъ классамъ общества съ аристократической гордостью и съ презрѣніемъ смотрѣло на

¹⁾ Пособія для исторіи реформації въ Польшѣ: Любовичъ „Ист. реформації въ Польшѣ;“ Карбевъ „Реформація и католическая реакція въ Польшѣ“ (въ „Вѣсти. Евр.“ за 1885 г. и отдельно); его же „Библіографія по исторіи реформації въ Польшѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1885); Lukaszewicz „Dzieje kościołów wyznania helweckiego na Litwie“ (2 т. 1842—43). Н.

простолюдиновъ, въ чёмъ нельзя не признать западно-феодального вліянія. Общественное устройство Польши, представлявшее борьбу славянско-демократического начала съ нѣмецко-аристократическимъ, остановилось такимъ образомъ на шляхетской, т. е. аристократической демократіи, какъ средней между ними сдѣлкѣ. Въ слѣдующемъ же по-ягеллонскомъ періодѣ эта шляхетская демократія, столь далекая уже отъ типа древне-славянской земской свободы, — типа, не знавшаго ни привилегій, ни рабства, — мало по малу обращается въ необузданную шляхетскую охлократію, погубившую Польшу.

Примѣчаніе. Важнѣйшее общее сочиненіе для исторіи средневѣковой Польши — это трудъ краковскаго каноника Яна Длугоша, жившаго въ концѣ XV стол. („Historiae Polonicae Libri XIII“). Эта книга служила долгое время основою всѣхъ позднѣйшихъ изложеній исторіи Польши; ею пользовались даже, какъ источникомъ. И дѣйствительно, Длугошъ для своего времени составилъ трудъ во многихъ отношеніяхъ почтенный, но, не обладая настоящимъ критическимъ методомъ и увлекавшійся польскимъ патріотизмомъ, онъ закрѣпилъ своимъ авторитетомъ множество баснословныхъ сказаний и книжныхъ вымысловъ старыхъ польскихъ хронистовъ и оказалъ тѣмъ крайне вредное вліяніе на все послѣдующее развитіе польской исторіографіи. Ближайшіе къ нему по времени польские историки Матеїй изъ Мѣхова и Кромеръ („De origine et rebus gestis Polonorum“, 80 кн.) принимали почти что цѣликомъ традицію Длугоша, довольствуясь лишь немногими поправками въ частностихъ. Только въ серединѣ XVIII стол. Готфридъ Ленгніхъ, данцигскій синдикъ, первый подвергъ систематической критикѣ сказаніе Длугоша; но его замѣчательное сочиненіе „Historia Poloniae a Lecho ad Augusti II mortem“, переведенная между прочимъ и на нѣмецкій языкъ, осталось безъ большого вліянія на послѣдующихъ авторовъ. Шевалье де Салиньакъ въ своей „Hist. g  n  rale de Pologne“ и Вагнеръ въ своей „Geschichte von Polen“ продолжали повторять басни Длугоша. Рѣшительный поворотъ къ лучшему представляетъ „Ист. Польши“ Адама Нарушевича, вышедшая въ самомъ концѣ XVIII стол. Нарушевичъ обладалъ большой начитанностью. Онъ тщательно изучалъ документальный матеріалъ польской исторіи, хотя и его критика не отличалась большою проницательностью, а потому и у него традиція Длугоша, исправленная, правда, во многомъ въ частностихъ, лежитъ въ основѣ всего изложения. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Нарушевичъ дурно повлиялъ на позднѣйшихъ писателей какъ польскихъ, такъ и нѣмецкихъ. Всѣ они, въ томъ числѣ такие выдающіеся авторы, какъ Бандтке (Bandtkie) и Лелевель, продолжали слѣдовать авторитету Длугоша. Полный переворотъ въ этомъ отношеніи произведенъ былъ трудомъ нѣмецкаго ученаго Р. Рѣппеля въ его „Geschichte Polens“; въ этой книгѣ и въ ея продолженіи, написанномъ другимъ нѣмецкимъ историкомъ Каро, средневѣковая исторія Польши впервые была разработана на основаніи непосредственныхъ источниковъ и документовъ, и авторитету Длугоша нанесенъ окончательный ударъ. Изъ позднѣйшихъ трудовъ по этому отдѣлу можно указать еще

на слѣдующіе: Морачевскій „Dzieje Rzeczypospolitej polskiej“ (9 т.); Шайноха „Dzieła“ (10 т.); Zeissberg „Geschichtsschreibung Polens im Mittelalter;“ Губе „Prawo polskie w XIII w.;“ Балинскій и Лининскій „Starożytna Polska“ (3 т.); Линиченко „Взаимные отношения Руси и Польши до конца XII стол.“; Горемыкинъ „Очерки исторіи крестьянъ въ Польшѣ.“ Недавно вышло въ русскомъ переводе Н. Караваева упомянутое выше (стр. 109) сочиненіе Бобржинскаго, отличающееся въ противоположность другимъ польскимъ историческимъ трудамъ замѣчательнымъ безпристрастіемъ въ изложеніи русско-польскихъ отношеній и даже сословныхъ отношеній внутри самой Польши. Н.

Совершенно иначе сложились порядки и направился ходъ исторіи съѣдней и одноплеменной Руси. Въ половинѣ XIII вѣка она подверглась опустошительному нашествію Монголовъ, приведенныхыхъ въ началѣ этого столѣтія въ движение Чингисъ-ханомъ. Разливъ монгольскихъ за-воеваній, перевернувшій всю историческую Азію, достигъ въ это время и восточно-европейской равнины. Вмѣстѣ съ другими ея обитателями раздробленная и потому бессильная Русь подпала тяжкому двухвѣковому рабству полудикихъ азиатскихъ кочевниковъ. Несчастіе это повлекло для всей дальнѣйшей судьбы ея громадный послѣдствія. Важнѣйшимъ было политическое распаденіе ея на двѣ половины, — Русь восточную и западную. Первая, оставшись подъ игомъ татарскимъ, не только сохранила неприкосновеною свою народность и православную вѣру, но по внутреннему противодѣйствію покорившимъ ее чужеплеменникамъ-язычникамъ, а впослѣдствіи мухаммеданамъ, даже укрѣпила ихъ, — тѣмъ болѣе, что поработители не властвовали надъ нею непосредственно, а довольствовались господствомъ издали, т. е. данью и покорностью, предо-ставляя роду Владимира Св. управлять по прежнему областями русской земли въ зависимости отъ хановъ и не нарушая ихъ внутреннихъ удѣльно-вѣчевыхъ порядковъ. Западная Русь напротивъ, истощенная княже-скими усобицами и окончательно ослабленная татарскимъ погромомъ, вте-ченіе второй половины XIII и первой половины XIV столѣтія сдѣлалась легкой добычей усилившейся къ этому времени Литвы, чьему даже сами Татары, какъ по отдаленности этихъ земель отъ Золотой Орды, рас-положившейся на нижней Волгѣ, такъ и вслѣдствіе охлажденія ихъ соб-ственной дикой и фанатической воинственности не могли энергически про-тиводѣйствовать. Впрочемъ, пока западная Русь оставалась подъ властью Литвы, ея народности не могла угрожать опасность, такъ какъ новые завоеватели, полудикие язычники, не только оказывали полную терпимость вѣрѣ, обычаямъ, языку и учрежденіемъ покоренныхъ, но и сами незамѣтно подпадали ихъ вліянію. Но въ концѣ XIV вѣка Литва, а слѣдова-

2) Русь.

Татарское
царство и его
следствия.

тельно и подвластная ей западная Русь вслѣдствіе брака своего великаго князя Ягелло съ королевой Ядвигой и крещенія литовскаго народа по католическому закону входятъ въ тѣснѣйшія политическая и культурныя связи съ Польшею и подъ ея вліяніемъ значительно ополячиваются. Проводникомъ чужеземщины и здѣсь, какъ и вездѣ, были высшіе классы, особенно дворянство. Уже Ягелло тѣхъ западно-русскихъ бояръ и служилыхъ людей, которые приняли католичество, надѣлилъ всѣми правами польской шляхты, установивъ и общіе сеймы для обѣихъ составныхъ частей государства. А при его преемникахъ сближеніе литовской Руси съ Польшею пошло еще далѣе. Областное управление, сѣймики, нравы и обычаи, самый языкъ мало по малу приняли формы и характеръ польские. Многіе города русскіе, какъ въ Польшѣ, получили магдебургское право. Законодательный сборникъ, изданный на русскомъ языке въ началѣ XVI вѣка и известный подъ именемъ литовскаго статута,носить слѣды сильнаго вліянія польского правительства. Только вѣра православная оставалась еще незыблемою въ этихъ краяхъ, служа для народныхъ массъ единственнымъ оплотомъ ихъ подавленной русской народности. Наконецъ органическое и неразрывное соединеніе 1572 года цѣлымъ области исконно русскія, именно волынскую и кievскую, оторвало отъ государственного состава великаго княжества литовскаго и превратило въ неподвижное владѣніе польской короны. Съ этого времени на всю Русь западную легъ тотъ замѣтный польскій характеръ, котораго не могли сгладить потомъ цѣлыхъ столѣтія.

Вторымъ послѣдствіемъ татарскаго рабства было усиленіе той народной замкнутости, которая еще и прежде начала развиваться въ великорусскомъ племени вслѣдствіе его географическихъ условій и особыхъ историческихъ судебъ. Ополченная, поставленная подъ чужое владычество Русь западная стала стѣной между Русью восточной и европейскимъ Западомъ. Съ этой стороны могли доходить къ намъ только польскія вліянія, но при взаимной враждебности обоихъ народовъ, при гнетѣ чужеплеменнаго ига надъ Русью восточной и эти вліянія были очень слабы. Съ другой стороны со времени утвержденія татарскаго господства въ южныхъ степахъ, по Черному морю, также точно сдѣлялись затруднительны отношенія наши со старой просвѣтительницей Руси — Греціей. Отрезанная такимъ образомъ отъ всѣхъ центровъ образованности Русь восточная вся сосредоточилась въ себѣ и тѣмъ сберегла свою старо-славянскую народность довольно чистою, по крайней мѣрѣ чище, чѣмъ любое изъ западно-славянскихъ племенъ, такъ какъ вліяніе на нее татар-

скихъ и другихъ инородческихъ элементовъ вообще было слабо и поверхностно. Но за то единственность Руси восточной отъ всего образованного міра, созданная для нея татарскимъ нашествіемъ, равно какъ и самое рабство, задержали успѣхи славяно-русской образованности, разсвѣтъ которой начинается уже въ XVI столѣтіи.

Поглощенная борьбой за самое существование на цѣлые два вѣка Русь отстала отъ западной Европы на поприщѣ умственной культуры, что было третьимъ печальнымъ послѣдствіемъ татарского рабства. Вторая половина русской исторіи, — XIII-й и первая половина XIV вѣка, — проходятъ исключительно въ заботахъ о поддержаніи народной жизни, задавленной наездомъ степняковъ. Но, изнемогая подъ ихъ тяжкимъ игомъ, Русь имѣла еще довольно силы, чтобы отбиваться отъ покушеній Нѣмцевъ и Литвы на ея западные области. Побѣды Александра Невскаго надъ Шведами и ливонскими рыцарями въ половинѣ XIII вѣка надолго остановили эти покушенія, — по крайней мѣрѣ со стороны Нѣмцевъ. Но мысль объ избавленіи отъ татарского рабства является только во второй половинѣ XIV вѣка, когда въ сѣверо-восточной Руси стала совершаться замѣчательный процессъ соединенія ея мелкихъ княжествъ въ одно государство всея Руси, ядромъ которого сдѣлалась Москва.

Съ начала XIV вѣка Москва, первоначально совершенно ничтожное княжество, начинаетъ возвышаться и первенствовать надъ другими, благодаря своему центральному положенію, утвержденію здѣсь церковной митрополіи всея Руси и особенно благодаря цѣлому ряду умныхъ, осторожныхъ и настойчивыхъ правителей, которые, поставивъ себя въ наиболѣе благоприятныя отношенія къ Ордѣ, пріобрѣтаютъ для своего дома великокняжеское достоинство, не разбирая средствъ, пользуются всякимъ случаемъ расширить свою область и втеченіе трехъ поколѣній становятся уже во главѣ всей сѣверо-восточной Руси. Политику эту началъ въ 1328 году Иванъ Калита, а внукъ его Дмитрій Донской почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что отважился на открытую борьбу съ Татарами, нанесши имъ въ 1380 году на Куликовомъ полѣ, близъ средняго Дона, сильное пораженіе. Вскорѣ затѣмъ Тимуръ разгромилъ Золотую Орду, и, такъ какъ этотъ страшный завоеватель, вторгнувшись въ предѣлы Руси, не польстился на ея покореніе и ушелъ обратно въ Азію, то для восточной Руси открылось еще болѣе надеждъ на избавленіе. Прежде однако, чѣмъ это могло быть достигнуто, она должна была собрать свои силы, соединиться въ одно государство, на что понадобилось еще цѣлое столѣтіе. Усилія московскихъ великихъ князей въ этомъ направленіи увѣнчались

Возникненіе
Москвы и
князья-со-
биратели
земли рус-
ской.

полнымъ успѣхомъ только во второй половинѣ XV вѣка, когда Ивану III дѣйствительно удалось подчинить Москвѣ всѣ почти сѣверо-восточные русскія княжества и въ томъ числѣ сильный и богатый Новгородъ, пользовавшійся исконнымъ самоуправленіемъ и представлявшій любопытный образчикъ древне-славянскаго народовластія. Тогда только Иванъ III рѣшился окончательно свергнуть татарское иго, чего ему тѣмъ легче было достичнуть, что незадолго предъ тѣмъ сама орда распалась на три независимыя и взаимно враждебныя ханства, — кипчакское, казанское и крымское. Освобожденіе совершилось незамѣтно и почти само собою въ 1480 году съ помощью самихъ же Татаръ крымскихъ, союзниковъ Ивана ¹⁾.

Двухвѣковымъ рабствомъ Русь сослужила свою великую историческую службу европейско-христіанскому миру. Расположенная на азіатскихъ предѣлахъ этого міра — она вынесла на себѣ самые тяжкіе удары всемирныхъ монгольскихъ завоевателей, ослабивъ и остановивъ ихъ стремленіе

¹⁾ Свѣдѣнія объ исторіи и бытѣ Монголовъ и Татаръ, оказавшихъ такое громадное влияніе на судьбу восточной Руси, находятся, во первыхъ, въ китайскихъ лѣтописяхъ, на основаніи которыхъ составлено главнымъ образомъ сочиненіе извѣстнаго русскаго ориенталиста отца Іоакима „Ист. первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова“ (Стб. 1829), а также извѣстный трудъ П. В. Васильева „Ист. и древности восточной Азіи.“ Важный матеріалъ для исторіи монгольскихъ завоеваній даетъ персидскій лѣтописецъ Рашидъ Эддинъ, писавшій при монгольскомъ господствѣ въ Персіи. Начало его лѣтописи переведено И. М. Березинымъ, а отдѣль о нашествіи на Россію — въ Ж. М. Н. Пр. (т. LXXIX и LXXXVI). Рашидъ-Эддинъ служилъ источникомъ для Абульгази, лѣтопись котораго была также переведена на русскій языкъ еще въ 1668 г. подъ заглавіемъ „Родословная исторія о Татарахъ.“ Важнѣйшіе монгольскіе авторы — Алтанъ-Топчи и Саманъ-Схаценъ — переведены также, первый — на русскій, а второй на нѣмецкій языкъ. Что же касается монгольского быта эпохи завоеваній, то самую живую его картину мы находимъ у знаменитыхъ западныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ не только Золотую Орду, но даже и самую Монголію то въ качествѣ монаховъ-миссіонеровъ, то какъ купцы. Главнѣйшія изъ этихъ западныхъ сказаний, какъ то: записки Плано-Карпини, Асцелина, Рубруквица и Марко-Поло, всѣ переведены на русскій яз. Изъ новѣйшихъ сочиненій кромѣ указаннаго выше труда Гаммера можно назвать слѣдующіе: Дохсонъ „Hist. des Mongoles“ (4 т. Амстердамъ, 1835); Риттеръ „Землевѣдѣніе Азіи“ (въ русск. перев. съ важными примѣчаніями и добавленіями извѣстнаго русскаго географа Семенова, т. I, Спб. 1857); Березинъ „Очеркъ внутр. устройства улуса Джучіева;“ Вельяминовъ-Зерновъ „Монгольскіе чиновники на Руси“ (въ „Архивѣ историко-графич. свѣдѣній“); Березинъ „Нашествіе Батыя на Россію“ (въ Ж. М. Н. Пр.). Н.

на Западъ и сдѣлавшись такимъ образомъ искупительной для него жертвою. Между тѣмъ какъ западные народы въ XII и XIII столѣтіи ходили на отдаленный Востокъ защищать христіанскую вѣру и образованіе и усиливъ ихъ не достигли прямой своей цѣли, пограничныя, сторожевые христіанскія государства, — Русь на востокѣ и Испанія на юго-западѣ, — у себя, дома, вели тяжкую крестоносную борьбу со врагами этой вѣры и образованія и послѣ вѣковыхъ жертвъ и трудовъ къ исходу среднихъ вѣковъ спасли Европу отъ порабощенія исламомъ. Такимъ успѣхомъ на востокѣ Русь, славянство и вся Европа обязаны были тому, что силы восточно-русской земли ко второй половинѣ XV вѣка собраны были по-томками Калиты въ одно великое московское государство, въ которомъ принципъ единодержавія или неограниченной государственной власти замѣнилъ родовыя отношенія и вѣчевые порядки удѣльного времени. Мы уже видѣли, какъ идея самодержавія еще въ до-татарскую эпоху явилась въ племени великорусскомъ, которое при разбросанности своихъ поселеній на огромныхъ пространствахъ сѣверо-восточной Россіи, при вѣковомъ процессѣ славянской колонизаціи этихъ чудско-славянскихъ странъ болѣе всего нуждалось въ крѣпкой руководящей власти для успѣха этого труднаго дѣла; мы видѣли также, какъ идея эта одушевляла сильнейшихъ князей этихъ мѣстностей, — государей суздальскихъ. Московскіе великие князья были въ этомъ отношеніи преемниками суздальскихъ, олицетворивъ въ своемъ характерѣ и образѣ дѣйствій всѣ господствующія качества Великоруссовъ, — терпѣніе, настойчивость, расчетъ и практическую сноровку. А перемѣны во внутреннихъ отношеніяхъ восточной Руси, произведенныя татарскимъ владычествомъ, еще болѣе помогли имъ сдѣлаться въ полномъ смыслѣ самодержцами всея Руси. Неискусные въ дѣлѣ политики Татары не только допустили усиленіе московскихъ князей, но даже сами способствовали ихъ возвышенію, находя, что гораздо проще имѣть дѣло съ однимъ главою русской земли, нежели съ многими, — тѣмъ болѣе, что ловкіе и богатые князья эти умѣли задаривать хановъ, приобрѣтать ихъ расположеніе и казаться имъ неопасными. Такъ незамѣтно стали московскіе князья какъ бы намѣстниками хановъ надъ всей подвластной имъ Русью; когда же ослабѣло и потомъ пало владычество Орды, сдѣлались естественными и готовыми преемниками всей той власти, которую ханы имѣли надъ русской землей. Притомъ же со временемъ освободителя Руси Ивана III, который первый унаслѣдовалъ эту власть отъ низверженныхъ Татаръ, обнаружилось впервые и вліяніе византійскихъ государственныхъ понятій вслѣдствіе брака этого государя съ племянни-

цей послѣдняго греческаго императора Софьей Палеологъ. Павшая подъ ударами Турокъ въ половинѣ XV вѣка Византія какъ бы завѣщала единовѣрному и какъ разъ къ этому времени окрѣпшему московскому государству свою античную идею о всемогуществѣ правительственной власти, которую сама она, хотя и невсегда успѣшино, силилась воплотить въ своеемъ устройствѣ. Принятый Иваномъ гербъ Византіи служилъ какъ бы символомъ этого государственного преемства.

Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ источниковъ и условій сложилось то полновластіе московскихъ государей, которому равнаго не было нигдѣ въ христіанской Европѣ. Полновластіе это подавило, правда, съ теченіемъ времени остатки древне-славянской земской свободы, выражавшейся иѣ-когда въ вѣчевомъ устройствѣ страны, но благодѣтельная сторона его заключалась въ томъ, что только такая крѣпкая центральная власть могла собрать всѣ разметавшіяся на огромномъ пространствѣ силы русской земли и направить ихъ на успѣшную борьбу съ виѣшними врагами, отстоять отъ нихъ цѣлостность и независимость государства и его народности.

Иванъ IV
Грозный.

Полнымъ выразителемъ идеи московского самодержавія явился во второй половинѣ XVI вѣка внукъ Ивана III — Иванъ IV Грозный, принявший для обозначенія своей неограниченной власти новый титулъ царя и сломившій силу боярства, какъ единственнаго сословія, которое, развившись изъ класса вольныхъ дружинниковъ удѣльно-вѣчевой эпохи, еще по крайней мѣрѣ нравственно стѣсняло правительственную власть. Царствованіе Грознаго (1533 — 1584) есть эпоха великой важности не только въ русской, но и во всемирной исторіи. При немъ съ покореніемъ татарскихъ ханствъ — казанского и астраханского — началось то побѣдоносное наступление Европы на Азію, которое продолжается и понынѣ. Завоеваніе Балканскаго полуострова Турками было послѣднимъ натискомъ мухаммеданско-монгольскаго міра на европейскій, христіанско-арійскій. Съ половины XVI вѣка начинается обратное движеніе, — наступленіе христіанской Европы на азіатскій, монгольскій Востокъ. Честь и починъ этого наступательного движенія принадлежитъ Россіи. Но этимъ не ограничились значеніе татарскихъ завоеваній Грознаго. Они открыли путь русскому владычеству и образованію и въ самую Азію. Открытие и покореніе Сибири въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII в. были естественнымъ послѣдствіемъ поволжскихъ пріобрѣтеній. Предѣлы европейско-христіанской культуры ея славянскаго типа раздвинуты были теперь до береговъ Восточнаго океана, коснувшись съ одной стороны древняго и заповѣднаго Китая, этого совершеннѣйшаго образтика монгольской исторіи,

съ другой — средне-азіатскихъ степей, настоящей родины и главнаго гнѣзда монгольскихъnomадовъ, такъ часто потрясавшихъ исторической міръ своими разрушительными разливами. Въ каспийскихъ степныхъ воротахъ, чрезъ которыя обыкновенно совершались эти разливы, стала теперь на стражѣ сила московского государства. Европа и ея образованіе могли быть отнынѣ покойны съ этой стороны. Цѣлый новый міръ сѣверной Азіи втянутъ былъ впервые въ общее движение всемирной исторіи. Наконецъ Грозный же была сдѣлана и первая попытка открыть славяно-русскому племени доступъ къ Балтійскому морю, этимъ путемъ возобновить его порвавшіяся сошленія съ европейскимъ Западомъ, опередившимъ Русь на поприщѣ образованности, и тѣмъ разрушить вѣковую замкнутость русского народа, столь невыгодную для его умственного развитія. Попытка эта не имѣла однако успѣха по причинѣ сильного противодѣйствія Польши и скандинавскихъ государствъ, боявшихся усиленія Москвы на Балтійскомъ морѣ. Ливонія, къ обладанію которой стремились главнымъ образомъ усилия Ивана IV, досталась Полякамъ, а потомъ окончательно Шведамъ. Такжѣ точно не удалось усилия Грознаго завоеваніемъ Крыма приблизиться къ морю Черному. Изъ всѣхъ морей, сопредѣльныхъ великой восточно-европейской равнинѣ, къ концу XVI вѣка Русь успѣла такимъ образомъ достигнуть только двухъ, — Сѣвернаго и Каспійскаго. Два остальныхъ, — Балтійское и Черное, — наиболѣе важныя въ культурномъ отношеніи, оставались еще во власти чужеплеменниковъ, первое — Поляковъ и Шведовъ, второе — Татаръ, а съ конца XV вѣка, когда Крымъ покоренъ былъ Мухаммедомъ II, Турокъ.

Впрочемъ успѣхамъ русскаго оружія на западѣ и югѣ много мѣшали и тѣ крупныя внутреннія перемѣны, которыя стали развиваться въ московскомъ государствѣ съ начала XVI вѣка. Казнями и терроромъ Грозный сломилъ боярскія притязанія, но еще не трогаль земскихъ вольностей, напротивъ даже въ противодѣйствіе боярству старался возстановить упавшее земское самоуправленіе. Но уже при сынѣ его Феодорѣ, со смертью ^{преемники}_{Грознаго.} котораго въ самомъ концѣ XVI вѣка пресёкся домъ Владимира Св., около семи съ половиною вѣковъ властовавшій надъ Русью, боярство снова достигло значенія и силы, — и отчасти въ угоду ему, отчасти же въ военныхъ финансовыхъ видахъ правитель государства Борисъ Годуновъ прикрѣшилъ крестьянъ къ землямъ, на которыхъ они жили, и тѣмъ лишилъ ихъ личной свободы, положивъ начало превращенію ихъ въ крѣпостныхъ. Всѣ эти стѣсненія стародавней земской свободы втеченіе XVI вѣка породили многочисленную эмиграцію простаго народа въ южныя степи. По

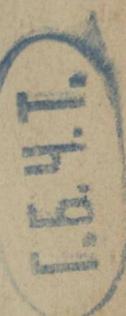
Книга
о Религии

всей степной линии от Урала до Днепра возникли общины вольныхъ людей—казаковъ, признававшихъ только номинальную власть московского правительства, но на самомъ дѣлѣ управлявшихся своими выборными атаманами и сходками или „кругами“, напоминавшими древне-славянскія вѣча. Такимъ образомъ старая общинная и земская свобода русскаго народа, подавленная московскимъ правительствомъ съ его приказными или бюрократическими порядками, искала себѣ простора и новаго отечества въ южныхъ степяхъ, шагъ за шагомъ отвоевывая эти степи у Татаръ и покрывая ихъ славяно-русской колонизацией. Сильнѣе всего развилось казачество на низовьяхъ Дона и Днепра. Изъ среды донскихъ казаковъ вышелъ Ериакъ, покоритель западной Сибири. Днепровскіе же образовались изъ бѣглыхъ людей не только московскаго, но еще болѣе польско-литовскаго государства, откуда простой народъ тоже спасался отъ притѣсненій шляхты и впослѣдствіи—отъ преслѣдованій за православную вѣру, усилившихся особенно съ XVII вѣка, когда Польшею овладѣли іезуиты. На лѣвомъ берегу рѣки селились преимущественно выходцы изъ Руси московской, на правомъ—изъ литовско-польской. Но для тѣхъ и другихъ средоточiemъ была „Сѣчь Запорожская“, этотъ идеалъ вольнаго казачества съ его любовью къ свободѣ, съ преданностью родному русскому обычая и вѣрѣ и ненавистью къ бусурманамъ, Ляхамъ и католикамъ. Казачество было впрочемъ только болѣе сильнымъ и свободнымъ выразителемъ общихъ свойствъ и стремлений всего русскаго народа. И изъ этого уже видно, въ какой непримиримой противоположности стоялъ народъ этотъ къ своимъ западнымъ сосѣдямъ—Полякамъ¹⁾.

Въ XVI вѣкѣ кромѣ племенного родства между Русью и Польшею дѣйствительно ничего не было общаго: Польша—государство католическое, шляхетское, съ безсильными избирательными королями, съ лоскомъ западнаго просвѣщенія,—исключительной принадлежности высшихъ классовъ; московская Русь—съ ея древнимъ православиемъ, съ безграничнымъ полновластіемъ своихъ государей, съ ничтожными аристократическими стихіями, съ сильными воспоминаніями недавно утраченной земской свободы, съ протестами этой свободы въ формѣ казачества на южныхъ рубежахъ или „украинахъ“,—Русь, изолированная культурно, едва перебивающаяся заглохшими остатками своего старого славяно-греческаго просвѣщенія и

¹⁾ Д. Багалѣй „Матеріалиы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины московского государства въ 16—18 ст.“; его же „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины московского государства“. Н.

потому сильно отставшая въ умственномъ отношеніи. Понятно, что между такими противоположными, но соседними государствами неминуемо должна была открыться борьба, для которой существовалъ уже и сильный, готовый поводъ. Это литовско-русскія области, обладаніе которыми составляло жизненный вопросъ для каждой изъ тягавшихся сторонъ. Безъ литовской Руси Польша впала бы въ прежнее ничтожество и подобно другимъ западнымъ Славянамъ легко могла быть поглощена Нѣмцами. Также точно и московское государство безъ своей западной половины, отрѣзанное отъ Балтійского моря, а слѣдовательно и отъ всякихъ сношений съ образованной Европой, осуждено было бы на вѣчную роль полуазіатской державы, на вѣчную порубежную службу для христіанского Запада, охранителя его противъ темнаго мюхаммеданско-монгольского Востока. Отсюда страшное ожесточеніе, упорство и продолжительность борьбы, могшей кончиться только совершенной гибелю одного изъ боровшихся. Многовѣковая борьба эта началась съ исхода XV вѣка, какъ только Русь восточная успѣла собраться около Москвы въ одно государство и избавиться отъ Татаръ. Уже Иванъ III отнялъ у Литвы сѣверскую область, а сынъ его Василій III отнялъ у нея Смоленскъ, важное стратегическое положеніе котораго, какъ ключа къ бассейнамъ Западной Двины, Днѣпра и Волги, дѣлало его втеченіе долгаго времени центромъ самой упорной борьбы между двумя государствами. Война Грознаго съ Баторіемъ за Ливонію заключала также въ себѣ и вопросъ объ обладаніи западно-русскими областями, но исходъ ея былъ несчастливъ для московского государства. Царю неудалось ни добиться до Балтійского моря, ни утвердить за собой спорный Полоцкъ. Такимъ образомъ съ конца XV вѣка на Руси не проходило царствованія, чтобы не возобновлялись ея непріязненные отношенія къ государству польско-литовскому,—все изъ-за того же рокового западно-русского вопроса. Но самый решительный моментъ ихъ борьбы относится къ началу XVII вѣка, совпадая съ смутнымъ временемъ московского государства, когда по случаю прекращенія ея прежней династіи подавленный стихія,—крамольное боярство, холопы и казаки,—поднялись противъ государства, стѣснившаго ихъ старую волю. Поляки рѣшились воспользоваться этой смутой, чтобы не только воротить себѣ всѣ утраченныя области,—смоленскую, сѣверскую и другія,—но и самую Русь восточную покорить своей власти. Сначала выставляли они противъ Москвы самозванцевъ подъ именемъ сына Ивана Грознаго—Дмитрія, изведенаго Годуновымъ, надѣясь найти въ этихъ авантюристахъ покорное орудіе; когда же народъ почуялъ въ нихъ креатуръ чужеземной интриги, а

Смутное
время.

государство нашло въ себѣ достаточно средствъ, чтобы отъ нихъ отбиваться,—сами нагрянули на Русь со всѣми своими силами и едва не овладѣли ею. Была по крайней мѣрѣ минута, когда польскій королевичъ Владиславъ, сынъ Сигизмунда III, баторіева преемника, провозглашенъ былъ уже сильной партіей крамольныхъ бояръ царемъ русскимъ. Но тогда противъ иноплеменного и иновѣрного врага возсталъ весь народъ,—и его совокупнымъ усилиемъ удалось очистить землю отъ нашедшихъ чужоплеменниковъ. Сигизмундъ долженъ былъ удовольствоваться обратнымъ завоеваніемъ Смоленска, освобожденная же земля русская сама положила конецъ и смутамъ своимъ, ввѣривъ дальнѣйшую судьбу свою на соборѣ 1613 г. новому владѣтельному дому Романовыхъ въ лицѣ Михаила Феодоровича. Новая династія принесла Руси восточной и новую великую будущность.

При�ѣчаніе. Исторія суздалскихъ и московскихъ князей излагается главнымъ образомъ въ сѣверно-русскихъ лѣтописяхъ, собранныхъ въ извѣстномъ изданіи археографической комиссіи. Кромѣ того слѣдуетъ сослаться и на слѣдующіе важные сборники: „Собрание грамотъ и договоровъ“; „Акты археографической экспедиціи“; „Акты историческіе“; „Дополненія къ актамъ историческимъ“; „Памятники дипломатич. сношеній московского государства“. Большое значеніе для исторіи московской Руси имѣютъ также сказанія иностранцевъ, какъ то—записки Сигизмунда Герберштейна, два раза посѣщавшаго Москву въ царствование Василия III и кромѣ личныхъ наблюдений пользовавшагося многими русскими памятниками, сочиненіе извѣстнаго историка XVI стол. Павла Іовія, написанное по рассказамъ русскаго переводчика Дмитрия Герасимова, записки иѣшкольскихъ Венеціанцевъ (Марка Фоскарини, Тіеполо и Барберини), бывшихъ въ Москвѣ при Грозномъ частью по торговымъ дѣламъ, частью въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ, и проч. Съ конца XVI в., т. е. со времени путешествія Ченслера, начинается цѣлый рядъ англійскихъ реляцій о Россіи, изъ коихъ обращаютъ на себя вниманіе записки Джэнкинсона и Еронима Горсея, посѣтившихъ Москву при Грозномъ и Борисѣ Годуновѣ. Весьма важнымъ материаломъ для исторіи Иоанна IV служить его собственная перепѣска съ Курбскимъ и сочиненія этого послѣдняго, равно какъ сказанія польско-литовскихъ писателей и ливонскихъ хронистовъ. Что же касается смутной эпохи, то и для нея наряду съ русскими лѣтописями слѣдуетъ назвать сочиненія иѣкоторыхъ иностранцевъ, какъ напр. Конрада Буссова, Георга Паэрле и Маржерета, извѣстнаго наемника и искателя приключений начала XVI в.,—бывшихъ не только очевидцами, но иногда даже личными участниками событий этого времени. Огромное значеніе имѣютъ также свидѣтельства польскихъ писателей, какъ то—записки о посольствѣ Льва Сапѣги, дневникъ Самуила Бѣльскаго, дневникъ партизана Сапѣги—И. П. Сапѣги, записки Маскевича и въ особенности записки гетмана Станислава Жолкѣвскаго. Изъ болѣе позднихъ польскихъ авторовъ особенно важенъ Станиславъ Кобѣржицкій, составившій исторію Владислава IV, а изъ шведскихъ—Витекиндъ, изъ сочиненія котораго „Historia belli Sueco-

moscovitici decennalis" отрывки переведены на русск. яз. въ жур. „Сынъ Отечества“ 1840 г.—Пособія: Костомаровъ „Возникновеніе самодержавія на Руси“; Карповъ „Ист. борьбы московского государства съ Литвою“ (въ „Чтенияхъ Общ. Ист. и Др.“ за 1866); Костомаровъ „Ист. смутного времени“. Болѣе подробныя библиографическія свѣдѣнія по этому отдѣлу можно найти у Бестужева-Рюмина, оп. сіт. Н.

Сводя къ общимъ заключеніямъ все сказанное объ исторіи восточной Европы съ XII по XVII столѣтіе, нельзя не видѣть, что ходъ ея совершенно отличень отъ судебъ западной Европы во второмъ періодѣ ея среднихъ вѣковъ. Тогда какъ на Западѣ существовало уже значительное тожество интересовъ и формъ общественной жизни даже между романскими и германскими народами, на Востокѣ такой солидарности мы вовсе не замѣчаемъ. Сначала феодализмъ и господство церкви, а потомъ ихъ постепенный упадокъ, возвышеніе городского сословія на счетъ феодальной аристократіи, выросшая сила абсолютной монархіи въ союзѣ съ городами, схоластика и университеты съ ихъ школьнымъ направленіемъ и школьнімъ языкомъ латинскимъ и рядомъ съ ними— пробужденіе народной литературы и образованія,—все это явленія, общія всѣмъ странамъ романо-германского Запада, которая поэтому къ исходу XV вѣка и дошли вмѣстѣ и одновременно до большихъ и тоже общихъ перемѣнъ въ своей судьбѣ,—великихъ открытій и изобрѣтеній этого времени, гуманизма и реформаціи, составляющихъ для Запада начало новаго времени. Ничего подобнаго мы не видимъ въ восточной Европѣ. О среднихъ вѣкахъ въ западномъ смыслѣ этого слова, а слѣдовательно и объ исходѣ среднихъ вѣковъ въ XV столѣтіи здѣсь не могло быть и рѣчи. Уже самый племеннной составъ восточной Европы былъ до того разнообразенъ, заключалъ въ себѣ столько рѣзкихъ этнографическихъ противоположностей, что между ними немыслимо было тогда какое либо единство интересовъ и жизненныхъ формъ. Византія и Славяне, монгольскіе пришельцы изъ Азіи и потомъ Турки, замѣнившіе на Балканскомъ полуостровѣ господство греческое,—въ кругу самихъ Славянъ рѣзко отличная по своему образованію и характеру группы южная, западная и восточная и совершенно различная ихъ судьба,—все это дѣлало невозможнымъ какое-либо общее движение составныхъ его частей, какую-либо тѣсную связь между ними кроме связи религіозной, да и то только между Греками и Славянами, и то не всѣми, а лишь восточными и южными.

Оттого всѣ преимущества въ то время на сторонѣ Запада: Западъ—сильнѣе, богаче, образованнѣе Востока. Тогда какъ силы порубежнаго Востока тратились главнымъ образомъ на борьбу съ разными азіатскими

пришельцами,—Уграми, Татарами, Турками,—Западъ относительно спокойнѣе могъ направлять ихъ къ развитію собственнаго благосостоянія, своей материальной культуры. Оттого же и рядъ потерь на Востокѣ въ борьбѣ его какъ съ Западомъ, такъ и съ Азіей. Въ XIV вѣкѣ Юго-Славянѣе покорены Турками, а въ слѣдующемъ столѣтіи пала подъ ударами ихъ и сама Византія; въ началѣ XVII вѣка погибла чешская народность, окончательно задавленная Нѣмцами, и едва уцѣлѣла отъ нихъ польская,—и то только благодаря союзу ея съ частью Руси. Сама Русь на цѣлые два вѣка порабощена монгольскими степняками, отъ ига которыхъ освободилась только благодаря сосредоточенію своихъ силъ вокругъ Москвы, какъ общаго политического и религіознаго центра. Грубою, одичалою, бѣдною вышла она изъ этого ярма; но посреди общей картины разрушенія и гибели, какую представляеть въ это время восточная Европа,—это все таки единственное отрадное явленіе, такъ какъ только въ одной Руси видимы силу, а слѣдовательно и вѣрный залогъ болѣе счастливой будущности разрушающагося восточно-европейскаго міра.

[IV.] Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ¹⁾.

Характеристика переходной эпохи.

Въ то время, когда восточная Европа тратила свои силы въ борьбѣ съ азиатскимъ Востокомъ, европейскій Западъ постепенно переходилъ къ совершенно новымъ условіямъ и формамъ жизни, подготовленнымъ впрочемъ всѣмъ предѣдущимъ движениемъ всемірной исторіи. Паденіе феодализма, рыцарства, іерархіи и императорства шло рука объ руку съ зарожденіемъ и развитіемъ новыхъ культурныхъ явленій,—монархіи, государственности, третьаго сословія и религіознаго возрожденія. Народы Запада, жившіе до тѣхъ поръ довольно замкнутою и разрозненною жизнью, столкнувшіеся лишь въ эпоху крестовыхъ войнъ, приходятъ въ это время въ болѣе тѣсную и внутреннюю связь между собою и мало по малу образуютъ семью европейскихъ націй. Паденіе Константинополя и завоеваніе Балканского полуострова Османами впервые вызвали болѣе живое и сознательное общеніе между романо-германскими государствами. Восточный вопросъ уже тогда сдѣлался вопросомъ обще-европейскимъ, надъ разрешеніемъ котораго работала европейская дипломатія, военная сила, церковь и наука. Возникшая такимъ образомъ связь не замедлила обнаружиться и въ другихъ

¹⁾ Вся глава принадлежитъ редакціи Н.

областяхъ политической и международной жизни. Въ войнахъ за Италию, вспыхнувшихъ въ послѣднее десятилѣтіе XV в., впервые принимаютъ участіе всѣ европейскія государства. Политическія комбинаціи,— международные союзы, возникавшіе вслѣдствіе этихъ войнъ,— обнимали собою всю Европу и являлись первообразомъ позднѣйшихъ дипломатическихъ усложненій¹⁾.

Италия давно уже привлекала жадность заальпійскихъ народовъ своими богатствами, своею высокою виѣшнею и внутреннею культурою. Карль VIII, слабый преемникъ Людовика XI, задумавшій возобновить права французской короны на Неаполь, былъ въ сущности лишь продолжателемъ завоевательныхъ стремленій французскихъ Норманновъ XI стол. и позднѣйшихъ Анжуйцевъ, но его походъ на Италию вызвалъ небывалое въ прежнее время броженіе во всемъ европейскомъ мірѣ. Легкій успѣхъ Французовъ, прошедшихъ и покорившихъ втечение нѣсколькихъ мѣсяцевъ почти весь Апеннинскій полуостровъ, вызвали смятеніе и страхъ во всѣхъ государствахъ Запада. Образовалась первая общеевропейская коалиція, въ составѣ которой вошли всѣ итальянскія государства съ могущественною Венециею во главѣ, Испанія, Германія и Англія. Цѣль ея— положить предѣлъ французскимъ завоеваніямъ и возстановить нарушенное равновѣсіе Европы— напоминаетъ уже цѣли позднѣйшихъ коалицій новаго времени. Французы такъ же быстро утратили свои завоеванія въ Италии, какъ и приобрѣли ихъ, но преемники Карла VIII,— Людовикъ XII и Францискъ I,— продолжали упорно идти по пути, указанному ихъ предшественникомъ. Людовикъ XII завладѣлъ миланскимъ герцогствомъ, а затѣмъ пытался покорить и Неаполь въ союзѣ съ вѣроломнымъ Фердинандомъ Католикомъ. Но испанское коварство оказалось тоньше и дальновиднѣе разсчетовъ французского короля: Неаполь былъ завоеванъ общими силами союзниковъ, но вслѣдъ затѣмъ Испанцы, предводимые своимъ знаменитымъ полководцемъ Гонсалвомъ Кордуанскимъ, отняли у Французовъ часть ихъ добычи и выгнали ихъ изъ Неаполя. Тогда предпріимчивый Людовикъ ухватился за другой планъ: пользуясь всеобщую ненавистью монархическихъ государствъ къ аристократической Венециі, не только господствовавшей на моряхъ, но и захватившей всю восточную половину Ломбардіи, онъ составилъ такъ называемую камбрейскую лигу, имѣвшую свою цѣлью захватъ и раздѣлъ венецианскихъ владѣній въ Италии.

войны
за Италию.

¹⁾ Общее пособіе для всей переходной эпохи—Кортюмъ „Geschichte. Europa's im Uebergang vom Mittelalter zur Neuzeit“. II.

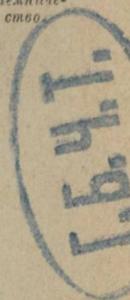
Хотя въ составъ лиги вошли кромѣ Франціи многія италіанскія государства, папа Юлій II и германскій императоръ Максимилианъ I и хотя Венеціанцы были вначалѣ захвачены врасплохъ, потерпѣли рядъ постыдныхъ пораженій и потеряли большую часть своихъ владѣній на твердой землѣ Италии, однако же союзники не успѣли достигнуть своей цѣли. Аристократическая республика обнаружила необычайныя жизненные силы,— она быстро оправилась послѣ первыхъ неудачъ, тогда какъ въ средѣ ея враговъ не замедлили обнаружиться разногласіе и вражда. Папа Юлій II прежде всѣхъ примирился съ Венеціанцами и съ увлечениемъ, свойственнымъ его страстной натурѣ, ухватился за новую мысль,—освобожденіе Италии отъ чужеземнаго владычества. Его ненависть обратилась главнымъ образомъ противъ Французовъ. Ловкій дипломатъ,—онъ не только успѣлъ разстроить окончательно камбрейскую лигу, но и составилъ новый союзъ изъ Венеціи, Испаніи, Германіи и Швейцаріи, направленный противъ Французовъ. Счастье способствовало его планамъ. Швейцарцы, по справедливости считавшіеся тогда первыми воинами во всей Европѣ, выгнали Французовъ изъ Италии и возстановили миланское герцогство. Правда, Французамъ удалось послѣ этого одержать большую победу надъ войсками лиги близъ Равенны, но победа эта была куплена слишкомъ дорогою цѣнною. Даровитый вождь французского рыцарства Гастонъ де-Фуа остался на мѣстѣ битвы, а наемная пѣхота ландскнехтовъ, составлявшая главную силу Людовика XII, была почти что истреблена испанскими стрѣлками и копейщиками. Всѣ завоеванія свои Людовикъ утратилъ столь же быстро, какъ и его предшественникъ. За то энергическій Францискъ I снова возстановилъ славу французскаго оружія въ Италии, чьему отчасти способствовала и смерть Юлія II, преемникомъ котораго явился Левъ X изъ фамиліи Медичи, столь извѣстный своимъ меценатствомъ въ области искусства, ловкій и коварный дипломатъ, но по талантамъ и энергіи значительно уступавшій Юлю. Тщетно пытался онъ противодѣйствовать новому нашествію Французовъ на Италию,—ему не удалось найти помощи ни въ Испаніи, ни въ Германіи, гдѣ въ то время уже сходили со сцены великие государи конца XV стол.,—Фердинандъ I и Максимилианъ I,—и даже помѣшать союзу Венеціи съ Французами не былъ онъ состояніи. Только одни Швейцарцы защищали папу и миланское герцогство, но, будучи аттакованы въ битвѣ при Мариньяно соединенными силами Французовъ и Венеціанцевъ, должны были отступить въ свои горы и предоставить Ломбардію завоевателю. Такимъ образомъ Францискъ достигъ повидимому завѣтной цѣли послѣднихъ фран-

цузскихъ королей: онъ владычествовалъ на сѣверѣ полуострова и мечталъ уже о покореніи юга его. А между тѣмъ элементы, враждебные ему,—Испанія и Германія,—стали уже въ это время сосредоточивать свои силы подъ властью его счастливаго соперника Карла V¹⁾.

Два совершенно новыхъ и въ высшей степени важныхъ явленія обнаруживаются съ особенною ясностью въ этихъ войнахъ за Италию,—наемничество и новая система военного строя съ одной стороны, полнѣйшее вырожденіе и глубокій упадокъ католической іерархіи съ другой.

Пrestижъ средневѣковаго рыцарства, сильно поколебленный уже въ великихъ народныхъ войнахъ между Англіею и Франціею, окончательно падаетъ въ борьбѣ за Италию. Въ этой международной борьбѣ столь блестящее нѣкогда французское, германское и испанское рыцарство играетъ весьма второстепенную роль. Времена и обстоятельства измѣнились, и даже такія выдающіяся рыцарскія фигуры, какъ напр. знаменитый Байардъ, кажутся теперь уже какими то аномаліями. Судьба походовъ и битвъ решается не латниками, закованными въ желѣзо, а наемными дружинами, составленными изъ представителей различныхъ европейскихъ націй, вооруженныхъ копьями и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Духъ патріотизма чуждъ имъ,—онъ продаютъ свои услуги за деньги и проливаютъ кровь свою за интересы нанимателей. И первое мѣсто въ числѣ такихъ наемниковъ занимаютъ Швейцарцы. Мы встрѣчаемъ ихъ то на службѣ у французскихъ королей, то въ войскахъ германского императора, то на сторонѣ папъ или итальянскихъ государствъ. Они пользуются репутациею непобѣдимости, и предъ могучимъ натискомъ ихъ страшныхъ рядовъ отступаютъ храбрѣйшія ополченія другихъ европейскихъ націй. Но наряду со Швейцарцами мало по малу выдвигаются впередъ и приобрѣтаютъ все

наемничес-
тво.

¹⁾ Важнѣйшими источниками для исторіи Италии и папства въ концѣ XV и началѣ XVI в. являются, во первыхъ, реляціи венеціанскихъ пословъ и дипломатическихъ агентовъ, на богатое историческое содержаніе которыхъ указалъ впервые Л. Ранке,—во вторыхъ, сочиненія извѣстныхъ итальянскихъ историковъ той эпохи,—Гвиччардини (*„Istoria d’Italia“*, доведенная до паденія флорентійской республики въ 1530 г.) и Маккіавелли (*„Istorie fiorentine“*, между прочимъ переведенные и на немецкій языкъ). Изъ пособій кроме названныхъ выше общихъ сочиненій Сисмонди, Грекоровіуса и Реймента можно указать еще на L. Ranke *„Gesch. der romanischen und germanischen Völker“*, на W. Roscoe *„The life of Lorenzo di Medici“* и его же *„The life and pontificate of Leo X“*. Н.

больше и больше славы и ихъ ближайшіе соплеменники—южно-германскіе ландскнехты, не уступающіе имъ ни въ храбрости, ни въ стойкости, но значительно превосходящіе ихъ космополитизмомъ и продажностью. Они слѣдуютъ безразлично за знаменами всевозможныхъ завоевателей, и даже въ то самое время, когда номинальный глава Германіи, императоръ, находился въ явной враждѣ съ Италіей, мы находимъ южно-германскихъ ландскнехтовъ въ рядахъ наемныхъ дружинъ папы и венецианской республики. Особенно же обнаружилось ихъ военное превосходство въ битвахъ при Равеннѣ и Мариньяно.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются наемные отряды испанской пѣхоты. Въ Испаніи наемничество развилоѣ уже въ XIV ст., когда Арагонцы стали составлять такъ называемыя „вольныя компаніи“, служившия безъ различія всѣмъ, кто давалъ больше денегъ, а иногда воевавшия и на собственный страхъ. Эти наемные банды являлись бичемъ для цѣлыхъ странъ, напр. для Балканского полуострова, и образовывали настоящія разбойничіи государства. Но въ концѣ XV стол. въ противоположность швейцарскимъ и нѣмецкимъ наемникамъ они принимаютъ болѣе національный характеръ и уже почти исключительно служатъ своимъ королямъ. Такъ напр. при ихъ помощи главнымъ образомъ сокращаетъ Фердинандъ Католикъ мусульманское владычество на Пиренейскомъ полуостровѣ; они же помогаютъ ему подчинить себѣ и большую часть Италии. Вообще говоря, между тѣмъ какъ гордое рыцарство, вѣрное своимъ традиціямъ, съ пренебреженіемъ относится къ этимъ новымъ наемнымъ силамъ, монархія, располагающая значительными денежными средствами, повсемѣстно пользуется ихъ услугами и, благодаря имъ, наносить послѣдний ударъ феодальному порядку.

Вырожденіе католической іерархіи.

Вырожденіе средневѣковой іерархіи, остановленное на время преобразовательными попытками великихъ соборовъ первой половины XV стол., начинаетъ развиваться съ возрастающею силою во второй половинѣ этого вѣка и достигаетъ своего апогея въ эпоху италіанскихъ войнъ. Мартинъ V, Евгений IV, Пій II и Николай V были послѣдними сколько нибудь достойными представителями папской іерархіи. Правда, и они сильно пренебрегали своими религіозными обязанностями, сосредоточивъ все вниманіе на дѣятельности чисто политической, на покровительствѣ гуманизму и возрожденному искусству, но все же не роняли еще явно нравственнаго авторитета римскаго первосвященника. За то, когда замерли послѣднія попытки произвести реформацію церкви во главѣ и въ членахъ, когда гуситское движеніе было окончатель-

но локализировано и на всемъ Западѣ не стало проявляться открытой оппозиції противъ злоупотребленій католической церкви, то уже ближайшіе преемники названныхъ папъ превратились окончательно въ свѣтскихъ династовъ, погрязли въ роскоши и развратѣ и даже запятнали себя страшными и неслыханными преступленіями. Сикстъ IV изъ фамиліи де-ла-Ровере былъ первымъ изъ этихъ чудовищъ на апостольскомъ престолѣ. При немъ папскій дворъ соперничалъ въ безпутствѣ, тайныхъ интригахъ и злодѣяніяхъ съ дворами свѣтскихъ правителей Неаполя и Милана. Главныя заботы этого папы обращены были на возвышение и обогащеніе своихъ родственниковъ, которыхъ онъ дѣлалъ епископами и кардиналами и осыпалъ подарками и прелатурами. Съ полнымъ забвеніемъ подобающаго его сану нравственнаго достоинства Сикстъ снисшелъ до того, что принялъ даже участіе въ разбойничьемъ за говорѣ Паччи на жизнь братьевъ Медичи и, когда злодѣйское покушеніе, произведенное въ самомъ храмѣ, удалось лишь на половину, попытался докончить дѣло явнымъ насилиемъ и объявилъ открытую войну флорентійской республикѣ. Достойнымъ преемникомъ этого іерарха былъ Иннокентій VIII (1484—92), достигшій папской тіары подкупомъ и разными поисками и, какъ и Сикстъ, надѣлявшій землями и титулами собственныхъ сыновей, выдаваемыхъ имъ за племянниковъ. Но всѣхъ преъвзошелъ вполнѣйшей разнузданностью Александръ VI Борджіа. По словамъ Гвиччардини, король Фердинандъ Неаполитацкій, узнавъ о его избраніи, воскликнулъ: „Избранъ папа къ несчастію Италии и всего христианства!“ — и дѣйствительно, въ Александрѣ VI съ необычайнымъ умомъ, краснорѣчіемъ и ловкостью соединялись глубокая безнравственность, полное отсутствіе чувства стыда и вѣрности, ненасытная жадность, безвѣріе и адская жестокость. Подобно своимъ предшественникамъ онъ велъ жизнь, скорѣе приличную какому-нибудь восточному деспоту, нежели верховному пастырю католического міра, и Ватиканъ сдѣлался при немъ поприщемъ самыхъ дикихъ и постыдныхъ оргій. Преслѣдуя цѣли исключительно династическія, имѣя въ виду лишь обезпеченіе дѣтей своихъ, — сына Цезаря Борджіа и дочери Лукреціи, — Александръ относился съ вполнѣйшимъ пренебреженіемъ не только къ религіознымъ обязанностямъ папства, но даже и къ свѣтскимъ интересамъ апостольского престола. Онъ самъ ограбилъ римскую церковь, предоставивъ большую часть ея областей въ наследственное владѣніе своему сыну, для котораго всевозможными, чаще всего преступными и безнравственными средствами успѣлъ образовать обширное княжество въ средней Италии. Це-

зарь Борджіа, затмившій злодѣйствомъ даже своего отца, сталъ образцомъ тирана,увѣковѣченаго Маккіавелли въ его „Принципе.“

Постыдное владычество Александра VI смѣнилось понтификатомъ Юлія II изъ дома де-ла-Ровере, представлявшаго полную противоположность своему предшественнику. Онъ былъ прежде всего италіанскій патріотъ и относился съ страшною ненавистью къ чужеземцамъ, грабившимъ и разрывавшимъ на части прекрасную Италію. Тѣмъ не менѣе онъ представлялъ собою лишь новую fazу упадка папской іерархіи. Занятый всецѣло своими великими политическими цѣлями, высоко образованный въ гуманистическомъ смыслѣ, — Юлій II не былъ безнравственнымъ человѣкомъ подобно Александру VI, но не былъ и священнослужителемъ, а только воиномъ и дипломатомъ. Энергичный и страстный, — онъ самъ водилъ свои войска въ походы, самъ направлялъ пушки противъ стѣнъ осаждаемыхъ городовъ, напоминая скорѣе италіанского кондотьера, нежели церковнаго пастыря. Такимъ образомъ онъ представлялъ полный контрастъ и съ преемникомъ своимъ — Львомъ X, утонченнымъ и изящнымъ покровителемъ гуманизма и искусства, ради котораго этотъ послѣдній тратилъ громадныя денежныя суммы и устраивалъ въ небывалыхъ размѣрахъ постыдную торговлю индульгенціями.

{ Нравственное вырожденіе папства не было явленіемъ единичнымъ, — оно выражало собою лишь общій глубокій упадокъ церковной жизни на всемъ Западѣ. Духовенство этой эпохи за немногими достойными исключеніями отличалось во всѣхъ отношеніяхъ столь же чисто свѣтскимъ характеромъ и столь же безнравственнымъ поведеніемъ, какъ и намѣстники апостольскаго престола. Духъ непотизма, продажности, полного пренебреженія религіозными обязанностями, невѣрія и дикой разнузданности обуялъ всю западную церковь. Забыты были даже внѣшнія приличія. Повсюду открыто производилась торговля церковными должностями, вездѣ совершилась самая безсовѣтная эксплуатация народныхъ суевѣрій и набожности, повсемѣстно дѣло сводилось къ наживѣ, къ веселой и разгульной жизни. Такая деморализація не могла не породить глухаго недовольства въ масахъ, которое естественно должно было выразиться рядомъ новыхъ протестовъ противъ испорченности іерархіи и ея грабительской системы. Простые, малообразованные хронисты половины XV-го стол. прямо говорили, что всѣ несчастія и всѣ войны проис текаютъ отъ духовенства, жадность коего возросла до такой степени, что оно стремится захватить въ свои руки богатства всего мира. И замѣчательно, что эта новая оппозиція отличалась совершенно инымъ характеромъ, нежели прежніе протесты.

Теперь дѣло идетъ уже не о догматическихъ различіяхъ и богословскихъ тонкостяхъ, а все сводится къ взрыву нравственнаго негодованія противъ постыднаго хозяйстванья церкви. Съ особенною силою и ясностью обнаружилось это настроеніе въ самой Италии, проявившись въ лицѣ знаменитаго флорентійскаго проповѣдника Савонаролы, всемирно-историческая дѣятельность котораго какъ разъ совпадаетъ съ бурною эпохой итальянскихъ войнъ и великихъ открытій¹⁾). Уже въ ранней молодости Савонарола возмущался тою глубокою разнуданностью, которая обуяла весь тогдашній вѣкъ. Онъ искалъ спасенія отъ зла и неправды, окружавшихъ его въ мірѣ, за стѣнами монастыря, онъ бросился въ самую крайнюю аскезу, убивая свою плоть и подобно средневѣковымъ мистикамъ стремясь къ внутреннему возсоединенію съ Божествомъ. Скоро однако Савонарола убѣдился, что нравственная порча, загнавшая его въ монастырь, охватила съ еще большою силою самую церковь и страшно деморализировала весь монашескій институтъ. Пришедши къ такому убѣжденію, онъ рѣшился открыто выступить противъ извращенности церкви и папской іерархіи. Опираясь на Біблію и отвергая всякое значеніе внѣшности и обрядовъ, онъ безстрашно началъ громить церковную и свѣтскую тиранію, безнравственность и продажность, возвѣщая новую религію, — религію сердца.

Савонарола дѣйствовалъ на республиканской почвѣ, во Флоренціи, и его проповѣдническая дѣятельность отличалась не только религіознымъ, но и политическимъ характеромъ. Тиранія Медичи и испорченность высшихъ кружковъ флорентійскаго общества, прикрытая внѣшнимъ лоскомъ образованія, были для него столь же антипатичны, какъ и церковный деспотизмъ папъ, ихъ безумная роскошь, ихъ непотизмъ. Съ неслыханной энергией, въ тонѣ, напоминающимъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, проповѣдывалъ онъ возстановленіе истиннаго христіанства и вмѣстѣ политической свободы. Его безъискусственная, подчасъ грубая, плебейская рѣчь

¹⁾ Для истории Савонаролы кромѣ современныхъ реляцій и актовъ важный источникъ представляютъ его собственные проповѣди и рѣчи. Пособія: Рудельбахъ „Hieronymus Savonarola und seine Zeit;“ Ф. К. Мейеръ „Girolamo Savonarola;“ Перранъ „Jerome Savonarola, sa vie, ses prédications, ses écrits;“ Мадденъ „The life and martirdom of Girolamo Savanarola;“ особенно же — Виллари „La storia di Savonarola e de' suoi tempi,“ составленная по большей части на основаніи новыхъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ документовъ (иѣмъ перев. этого соч. вышелъ въ 1868 г.). По русски: М. Н. Петровъ „Савонарола“ (въ „Очеркахъ“); Осокинъ „Савонарола и Флоренція“ (Казань, 1865). Н.

представляла рѣзкую противоположность изящнымъ и утонченнымъ фразамъ туманистовъ, но она воодушевляла массы, готовыя слѣпо идти по его слѣдамъ, между тѣмъ какъ высшее общество относилось къ нему индифферентно. По его иниціативѣ свергнуто было владычество Медичеевъ и флорентійская демократія возстановлена. Неудивительно поэтому, что представители политического и религіознаго гнета соединились противъ смѣлаго монаха и стали дѣйствовать сообща. Опутанный интригами Медичеевъ и папы Александра VI, оставленный легкомысленною флорентійскою чернью Савонарола умеръ смертью мученика на кострѣ. Но его дѣятельность, его ученіе произвели потрясающее впечатлѣніе на умы современниковъ, открывъ предъ ихъ глазами бездну, въ которую вели общество его духовные руководители, и тѣмъ самымъ подготовивъ успѣхи церковной реформаціи.

Великія изобрѣтенія.

Перерожденіе общества происходило не только въ области политики, религіи и интеллектуальной жизни, но и въ сферѣ материальныхъ и экономическихъ интересовъ. Новое время было подготовлено и обусловлено тѣми великими изобрѣтеніями, которыя повліяли такъ рѣшительно на дальнѣйшій прогрессъ европейскихъ націй и отразились даже и на ихъ политической судьбѣ. Система наемничества и новый военный строй никогда не пріобрѣли бы такого громаднаго значенія, еслибы имъ не предшествовало изобрѣтеніе пороха и введеніе огнестрѣльного оружія. Изобрѣтеніе пороха, приписываемое иными темному нѣмецкому монаху Бартольду Шварцу, другими знаменитому Рожеру Бекону, было безъ сомнѣнія сдѣлано гораздо раньше, нежели въ Европѣ, на культурномъ азіатскомъ Востокѣ, но свое практическое примѣненіе въ военномъ дѣлѣ оно напло впервые у европейскихъ народовъ. Уже въ первой половинѣ XIV в. встрѣчаются извѣстія объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ или пушкахъ, употреблявшихся при защитѣ нѣмецкихъ имперскихъ городовъ, а въ битвѣ при Кressи (1346 г.) порохъ въ первый разъ былъ примѣненъ и въ открытомъ полѣ; въ концѣ же XIV ст., а еще больше въ XV вѣкѣ употребленіе пороха распространяется все болѣе и болѣе, и наряду съ неуклюжими крѣпостными орудіями появляется уже и ручное огнестрѣльное оружіе. Такъ въ эпоху италіанскихъ войнъ большая часть пѣхоты имѣла ружья, тогда какъ осадная артиллерія пріобрѣла выдающееся значеніе и еще раньше, — при осадѣ Константинополя Турками.

Примѣненіе новаго оружія нанесло окончательный ударъ старому рыцарскому строю. Сначала пытались противодѣйствовать ему изготовлениемъ все болѣе и болѣе тяжелыхъ латъ, но по мѣрѣ усовершенствованія

огнестрѣльныхъ снарядовъ пришлось отказаться отъ прежняго способа обороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рыцарство утратило свое первенствующее военное значеніе. Понятно, что новымъ изобрѣтеніемъ могли пользоваться лучше и легче всего лишь тѣ корпораціи и лица, которыя обладали значительными материальными средствами и могли затратить на пріобрѣтеніе огнестрѣльныхъ снарядовъ большія денежныя суммы. Богатыя городскія общины Италии и Германіи первыя обзавелись артиллерию и стали пользоваться отрядами наемной пѣхоты, вооруженными ружьями. Еще больше выгода извлекли для себя изъ употребленія пороха европейскіе монархи. Располагая въ своей борьбѣ съ отживающимъ феодализмомъ материальными ресурсами тѣсно связанныго съ ихъ интересами городскаго класса они могли содержать многочисленныя наемныя ополченія и имѣть страшную артиллерию, тогда какъ феодальное дворянство, бѣдное денежными средствами, жившее лишь на счетъ своихъ земель и крестьянства, конечно не было въ состояніи конкурировать съ ними въ этомъ отношеніи. Оно не въ состояніи было даже защищать свои прежнія, когда то неприступныя разбойничьи гнѣзда, которыя теперь легко разрушались артиллерийскимъ огнемъ.

Не менѣе важны были послѣдствія другаго великаго изобрѣтенія, — *о Книгопечатаніи.* произведшаго рѣшительный переворотъ въ умственной жизни европейскаго Запада и въ свою очередь подготовленнаго открытиемъ новаго, болѣе дешеваго и болѣе удобнаго писчаго матеріала, — тряпичной бумаги, которая мало по малу вытѣснила изъ употребленія прежніе дорогіе папирусы и пергаменты. Книгопечатаніе, изобрѣтателемъ котораго признается Иоаннъ Гуттенбергъ, жившій во второй половинѣ XV стол., нашло себѣ примѣненіе прежде всего въ Германіи, а отсюда проникло и въ сосѣднія страны, особенно въ Италію, где Венеція скоро сдѣлалась однимъ изъ значительнейшихъ центрѣвъ типографскаго искусства. Первымъ и существеннымъ результатомъ этого важнаго изобрѣтенія было необыкновенное удешевленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и широкое распространеніе книгъ въ массѣ. Въ средніе вѣка рукописи за недостаткомъ и дорогоизною матеріала переписывались съ большимъ трудомъ и потерю времени и по своей высокой цѣнѣ были доступны лишь немногимъ; къ тому же ручная переписка и невѣжество лицъ, занимавшихся ею, зачастую крайне невыгодно отзывались на состояніи самыхъ текстовъ, искажали ихъ и даже иногда дѣлали негожими къ употребленію, какъ это видно изъ примѣра церковныхъ книгъ древней Руси. Вотъ почему собраніе книгъ и библіотекъ было сопряжено въ средніе вѣка съ такими

громадными затрудненіями, и однимъ изъ характернѣйшихъ явленій сред-
невѣковой жизни является устное преподаваніе и его близайшее по-
слѣдствіе, — скопленіе учащихся въ немногихъ центрахъ и ихъ стран-
ствованіе изъ одного мѣста въ другое. Теперь во всѣхъ этихъ отноше-
ніяхъ совершилась рѣзкая перемѣна. Удешевленныя книги стали общимъ
достояніемъ массъ, образованіе и наука были выведены за предѣлы сво-
его прежняго ограниченного круга, а возникшая съ необыкновенною быст-
ротою литература брошюръ и летучихъ листковъ способствовала про-
никновенію въ народъ новыхъ идей гуманистовъ и реформаторовъ ¹⁾.

*Географи-
ческий
открытия.*

Изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія, такъ глубоко отпечатлѣвшееся
на внутренней, интеллектуальной жизни европейскаго Запада, подготовило
его и вмѣстѣ съ тѣмъ снабдило материальнымъ и духовнымъ оружиемъ для
тѣхъ великихъ географическихъ открытій XV и начала XVI стол.,
которыя раздвинули историческую сцену на невѣдомыя до тѣхъ поръ
пространства и ввели въ кругъ культурнаго движенія скрывавшееся до-
толѣ въ неизвѣстности материка и острова. Въ великихъ открытіяхъ
этихъ выразилось обиліе материальныхъ и умственныхъ силъ, накоплен-
ныхъ вѣковыми культурными успѣліями европейскаго міра, — въ нихъ ска-
залось какъ бы безсознательное стремленіе средневѣковаго человѣчества
продолжать ту объединительную работу, которая была завѣщана ему
цивилизованными народами древности.

*а) Поводъ
ко nimbo*

Близайшимъ поводомъ къ открытіямъ явились интересы чисто про-
мышленные. Уже со временемъ крестовыхъ походовъ пріобрѣла громадное
значеніе для Европы торговля съ азіатскимъ Востокомъ, — Индіею и Ки-
таемъ. Драгоцѣнныя восточные продукты, — пряности, благовонія ве-
щества, рѣдкія породы деревъ, лекарственные снадобья, дорогіе каменъя
и жемчугъ, индійскія ткани, — стали все чаще и чаще появляться на
европейскихъ рынкахъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. пряности,
успѣли войти и въ общее употребленіе, сдѣлаться предметами почти что
необходимыми. А между тѣмъ добываніе этихъ продуктовъ сопряжено
было съ крайними трудностями: страны и моря, лежавшія по пути въ
Индію, находились въ рукахъ мусульманскихъ народовъ, и торговыя спо-

¹⁾ Пособія: Beckmann „Beiträge zur Geschichte d. Erfindungen“ (5 т.);
Donndorf „Gesch. der Erfindungen“ (6 т.); Oberlin „Essai d'annales de la
vie de Guttenberg.“ Schmidt „Nouveaux details de la vie de Guttenberg.“
Falkenstein „Gesch. d. Buchdruckerkunst.“ Bernard „De l'origine et des
débuts de l'imprimerie en Europe.“ (2.. т.); Dupont „Hist. de l'imprimerie.
(2 т.). Н.

шения съ Индіею не только часто затруднялись, но по временамъ становились и совершенно невозможными вслѣдствіе враждебныхъ отношеній и вѣчныхъ войнъ ислама съ христіанствомъ. Оттого уже съ XIII стол. начинается цѣлый рядъ попытокъ открыть новые пути въ Индію. Такъ Генуэзцы и Венеціанцы пытаются сперва утвердиться на берегахъ Чернаго моря и достигнуть завѣтной цѣли своихъ торговыхъ стремленій континентальнымъ путемъ черезъ центральную Азію; однако скоро суровая природа средне-азіатскихъ странъ съ одной стороны, страхъ передъ враждебнымъ ихъ населеніемъ — съ другой заставляютъ ихъ отказаться отъ этой мысли и снова дѣлаютъ поприщемъ поисковъ море. Къ тому же изученіе древнихъ географовъ съ Птоломеемъ во главѣ, знакомство съ астрономическими и географическими изслѣдованіями Арабовъ, а главное — открытие чудесныхъ свойствъ магнитной иглы значительно облегчило Европейцамъ ихъ задачу. Уже во времена Данте заимствованное у древнихъ Грековъ ученіе о шаровидности земли стало распространяться въ образованномъ обществѣ; немного позже въ Италіи и въ Каталоніи возникло множество картографическихъ изданій, въ основаніи которыхъ лежали не только сообщенія древнихъ и Арабовъ, но и результаты новыхъ изслѣдованій Венеціанцевъ и Генуэзцевъ; наконецъ около того же времени уроженецъ Позитано (близъ Амальфи) Флавіо Джіойа, воспользовавшись извѣстными уже съ XII в. свойствами магнитной стрѣлки, изобрѣлъ и усовершенствовалъ компасъ и такимъ образомъ далъ мореплавателямъ надежную точку опоры для болѣе отдаленныхъ предпріятій.

Подготовительные работы, предшествовавшія великимъ открытиямъ, совершены были такимъ образомъ по преимуществу Италіанцами, этими передовыми представителями европейской культуры въ средніе вѣка, но слава самыхъ открытій и выгоды, соединенные съ ними, выпали на долю народовъ Пиринейского полуострова, — Испанцевъ и Португальцевъ. Причины такого явленія крылись какъ въ самомъ положеніи этого полуострова, выдвинутаго въ Атлантический океанъ, такъ и въ томъ духѣ предпріимчивости и отваги, который развился въ населеніи названныхъ странъ, благодаря вѣковымъ войнамъ съ исламомъ. Уже съ конца XIV стол., лишь только упорная борьба съ Маврами стала видимо клониться къ концу, этотъ духъ увлекъ въ заморскія экспедиціи Каталонцевъ, ставшихъ соперничать въ мореплаваніи съ Италіанцами, а вслѣдъ затѣмъ сообщился и другимъ пиринейскимъ областямъ и съ особеною силой охватилъ Португалію, расположенную на крайнемъ рубежѣ океаническаго

Запада. Открытие канарскихъ острововъ, совершенное по преданию соединенными силами Италіанцевъ и Испанцевъ, было первымъ шагомъ въ ряду блестящихъ открытій, которыми ознаменовано XV-е и слѣдующее за нимъ столѣтіе. Самые разнообразные мотивы играли при этомъ одинаково важную роль: борьба съ невѣрными, рвение къ христіанской пропагандѣ и обращенію язычниковъ, торговая жадность, научная пытливость, — все это съ равной силой толкало пиринейскихъ мореплавателей на новый, великий путь.

в) Предпріятія Португальцевъ.

Предпріятія Португальцевъ приняли особенно грандіозный характеръ съ того момента, когда во главѣ ихъ сталъ знаменитый принцъ Генрихъ Мореплаватель, сынъ короля Іоанна I, который, отдавшись со всею энергіею своей страстной натуры дѣлу географическихъ изслѣдований и открытій, съ глубокимъ пониманіемъ знатока и пылкою любовью энтузіаста руководилъ попытками своихъ земляковъ. Онъ собираль отовсюду рѣдкія морскія карты и усовершенствованные инструменты, окружалъ себя итальянскими и испанскими моряками и географами и не щадиль средствъ для снаряженія далекихъ морскихъ путешествій, имѣя при этомъ главнымъ образомъ въ виду изслѣдованіе береговыхъ странъ западной Африки. Усовершенствованныя имъ португальскія „каравелы“ впервые отважились тогда пуститься въ невѣдомыя пространства Атлантики, и въ 1418 г. Португальцамъ удалось обогнуть мысъ Боядоръ, а въ слѣдующемъ году и открыть острова Мадейру и Порто-Санто. Прежнее мнѣніе о совершенной необитаемости тропической Африки мало по малу стало разсѣиваться: въ 1435 г. предпріимчивые португальскіе моряки высадились на африканскомъ берегу къ югу отъ Боядора и впервые на-знакомились съ туземнымъ чернокожимъ населеніемъ, а двадцать лѣтъ спустя и въ самый Лиссабонъ были привезены первые африканскіе Негры. Энтузіазмъ, вызванный этими открытиями, не имѣлъ границъ. Образовалось множество частныхъ компаний для новыхъ предпріятій того же рода и для торговли съ Африкой. За островами Зеленаго Мыса быстро былъ найденъ сначала мысъ Сиerra-Леонъ, а потомъ Азорскій архипелагъ (1460 г.); вслѣдъ затѣмъ Португальцы переступили за экваторъ, открыли устья рѣки Конго и такимъ образомъ достигли Нижней Гвинеи, откуда въ 1486 г. знаменитый Варѳоломей Дацъ проникъ вплоть до южной оконечности Африки, открылъ мысъ Доброй Надежды и указалъ путь въ Индію.

При королѣ Эмануилѣ В. путешествія Португальцевъ приняли еще болѣе обширные размѣры. Въ іюль 1497 г. отправился по направленію

къ мысу Доброй Надежды энергичный и предпріимчивый Васко де Гама, который уже въ январѣ слѣдующаго года успѣлъ обогнуть африканскій материкъ, изслѣдовалъ большую часть его восточнаго берега, переплылъ Индійскій океанъ и 20 мая 1498 г. бросилъ якорь въ каликутской гавани, на малабарскомъ берегу Индіи.

Великая цѣль была достигнута, — морской путь въ Индію открыть, и богатства Востока потекли неистощимою волною въ бѣдную и малоизвестную до тѣхъ порь Португалію. Правительство страны присвоило ей монополію индійской торговли, тщательно устраяя отъ нея всякую иностранную конкуренцію, а вѣстѣ съ тѣмъ и португальская колонизація въ Остъ-Индіи приняла вскорѣ самые широкіе размѣры: Португальцы покрыли своими торговыми факторіями весь малабарскій берегъ, утвердились на богатомъ островѣ Цейлонѣ, захватили въ свои руки Малакку, открыли и заняли Молуккскіе острова, достигли береговъ восточной Азіи и завязали дѣятельныя торговыя сношения съ Китаемъ и Японіею. То былъ героический вѣкъ португальской исторіи, когда громадные торговые флоты ежегодно возвращались въ гавани Португаліи съ богатыми транспортами драгоценныхъ произведеній Востока, когда весь христіанскій міръ приходилъ въ изумленіе отъ смѣлыхъ подвиговъ португальскихъ адмираловъ Альбукерка и Альмейда, когда усилиями этихъ героевъ были вытѣснены изъ Индіи Арабы и напряженная дѣятельность падіи нашла себѣ полное выраженіе въ эпической поэмѣ Камоэнса „Лузіада“¹⁾.

Но блестящая пора эта скоро миновала. Недолго пришлося Португальцамъ пользоваться монополіею географическихъ изслѣдований и торговыхъ выгодъ, — имъ скоро стала грозить опасная конкуренція со стороны Испанцевъ, совершиенно затмившихъ размѣрами и важностью своихъ открытій все до сихъ порь сдѣланное въ этомъ направленіи.

Впрочемъ и здѣсь первый толчокъ, да и самый починъ въ дѣлѣ при надлежалъ Италіанцамъ. Знаменитый Тенуэзецъ Христофоръ Колумбъ, еще съ дѣтства усвоившій себѣ всю сумму географическихъ свѣдѣній своего времени, смѣлый и предпріимчивый морякъ, первый напалъ на мысль проникнуть въ Индію западнымъ путемъ, черезъ Атлантический океанъ. Эта гениальная мысль, бывшая непосредственнымъ результатомъ внима-

о Христо-
форѣ Ко-
лумбѣ и от-
крытие Аме-
рики.

¹⁾ Источники для исторіи открытій Португальцевъ: Ruis de Pino „Большая хроника;“ хроники де Гоэса и Озорія, обнимающія собою время Эммануила В., и „декады“ де-Барроса, переведенные на нѣм. яз. Вильг. Солтатомъ. Пособіе — Шеферъ „Ист. Португаліи.“ Н.

тельного изученія древнихъ географовъ и сознательного убѣжденія въ шаровидности земли, долгое время не встрѣчала однако сочувствія. Тщетно предлагалъ Колумбъ свой проектъ сначала синьоріи своего роднаго города, затѣмъ португальскому королю Эммануилу. Отвергнутый и тутъ, и тамъ онъ обратился наконецъ въ Испанію, где болѣе дальновидная королева Изабелла Кастильская дала ему средства, — правда, очень скучныя, — для снаряженія экспедиціи въ Западный океанъ, и Колумбъ, снабженный тремя небольшими кораблями съ экипажемъ въ 120 человѣкъ матросовъ, набранныхъ изъ преступниковъ и различныхъ проходимцевъ, могъ отправиться въ свой далекій и опасный путь. Но судьба видимо благопріятствовала его великому предпріятію. 12-го октября 1492 г., послѣ благополучнаго и неимовѣрно скораго путешествія, которому какъ нельзя болѣе способствовалъ попутный вѣтеръ, Колумбъ присталъ къ небольшому островку Гванагани, принадлежащему къ группѣ Багамскихъ острововъ Вестъ-Индіи, а вслѣдъ затѣмъ имъ найдены были острова Куба и Гаити, изъ которыхъ послѣдній получилъ название Испаніолы.

Колумбъ былъ твердо убѣжденъ, что имъ открыты восточныя окраины Азіи, описанныя Марко-Поло и другими Венеціанцами, и возвратился съ этимъ убѣжденіемъ въ Испанію. Встрѣченный здѣсь всеобщимъ энтузиазмомъ онъ получилъ значительныя средства для продолженія своихъ открытій. Въ то же время испанскій дворъ спѣшилъ закрѣпить за собою право на вновь найденные земли и съ этой цѣлью обратился къ авторитету папы Александра VI, который буллою отъ 4 мая 1493 г. провелъ линію отъ сѣвернаго полюса къ южному на сто миль къ западу отъ Азорскихъ острововъ, присудивъ всѣ земли, лежавшія на востокѣ отъ этой линіи Португальцамъ, на западѣ — Испанцамъ. Къ концу того же 1493 г. Колумбъ успѣлъ снарядить цѣлый флотъ для второй своей экспедиціи, сопровождавшейся столь же блестящимъ успѣхомъ, какъ и первая. Онъ основалъ на этотъ разъ нѣсколько испанскихъ поселеній на островѣ Гаити, открылъ Ямайку и изслѣдовалъ берега Кубы. За вторымъ вскорѣ послѣдовало и третье его путешествіе (1498 г.), принесшее съ собою открытие материка Ю. Америки, между устьями рѣкъ Ориноко и Rio-Магдалина. Къ несчастью неблагодарность, какъ и всегда, была наградою великому открывателю. Оклеветанный передъ испанскими монархомъ онъ не только лишился своихъ высокихъ сановъ и должностей, но и томился нѣкоторое время въ оковахъ, такъ что послѣдняя его экспедиція (1502 г.) была предпринята имъ уже на собственные средства, съ ничтожными силами. Цѣлью ея было все таки открытие западнаго

прохода въ Индію, такъ какъ убѣженіе въ близости богатыхъ индійскихъ странъ отъ вновь открытыхъ имъ земель не покидало его до самой смерти. Онъ изслѣдовалъ берега центральной Америки, но, претерпѣвъ кораблекрушеніе, принужденъ былъ возвратиться, не достигнувъ своей впрочемъ невозможной цѣли.

Колумбъ сошелъ въ могилу (1506 г.), не сознавая всего великаго значенія совершенныхъ имъ открытій, не подозрѣвая того, что имъ найденъ былъ цѣлый Новый Свѣтъ, не имѣвшій ничего общаго со старою Индіею. Загадка была окончательно разъяснена только послѣ смерти великаго изслѣдователя. Вопреки привилегіи, данной Колумбу испанскими правителствомъ, уже вслѣдъ за первыми его экспедиціями на Западъ, въ заатлантическія страны, стали устремляться различные искатели земель, приключений и золота. Одно открытие быстро слѣдовало за другимъ, а вскорѣ явилось и описание Нового Свѣта, составленное образованнѣмъ Флорентинцемъ Америго Веспуччи, который вмѣстѣ съ Пинцономъ открылъ восточный берегъ Ю. Америки между р. Ориноко и Амазонкой и въ увлекательномъ разсказѣ, написанномъ на латинскомъ языке, познакомилъ Европу: съ чудесами тропическихъ странъ, съ новыми, невиданными созвѣздіями южнаго полушарія. Разсказъ этотъ имѣлъ то неожиданное послѣдствіе, что и самая вновь открытая часть свѣта была названа въ честь Веспуччи Америкой¹⁾.

Междудѣньемъ и другія европейскія націи стали соперничать съ Испанцами въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ западныхъ странъ. Венеціанецъ Джонъ Каботъ (Gabotto), находившійся на службѣ у англійскаго короля Генриха VII, въ 1497 г. открылъ пустынныій полуостровъ Лабрадоръ, а сынъ его Себастьянъ Каботъ изслѣдовалъ весь восточный

¹⁾ Источники для исторіи открытій Испанцевъ: 1) Opus epistolarum Petri Martyris Anglerii; 2) De rebus oceanicis et orbe novo decades tres (его же); 3) M. F. de Navarete „Relations des quatre voyages entrepris par Chr. Colombe pour la dÃ©couverte du nouveau monde, suivies des diverses lettres et piÃces inÃdites etc.“ (собраніе всѣхъ важнѣйшихъ современныхъ документовъ и реляцій объ экспедиціяхъ Колумба, переведенныхъ на франц. яз. и снабженныхъ обширнымъ предисловіемъ; Парижъ, 1823 г. 3 т.).—Пособія: О. Пешель „Gesch. des Zeitalters der Entdeckungen;“ его же „Gesch. der Erdkunde;“ Руре „Das Zeitalter der Entdeckungen“ (въ коллекціи Онкена); Вашингтонъ-Ирвингъ „History of the life and voyages of Columbus“ (4 т.; есть и нѣм. перев.); Roselly de Lorgues „Chr. Colombe, hist. de sa vie et de ses voyages“ (Paris, 1856, 2 т.); Prescott „Hist. of the reign of Ferdinand the Catholic and Isabella of Spain“ (есть и нѣм. перев.). Н.

берегъ Сѣв. Америки отъ Лабрадора до Флориды. Съ другой стороны португальскій адмиралъ Кабраль, занесенный бурею во время своего путешествія въ Индію далеко на западъ, совершенно случайно достигъ Бразиліи, которая потомъ и сдѣлалась поприщемъ португальской колонизации въ Ю. Америкѣ. Впрочемъ, какъ бы ни были важны всѣ эти открытія Англичанъ и Португальцевъ, все же заслуга и честь самыхъ главныхъ разслѣдованій въ новой области принадлежать Испанцамъ. Уже въ началѣ XVI в. они утвердились на Панамскомъ перешейкѣ, и знаменитый Бальбоа первый прошелъ черезъ центральную Америку и указалъ путь къ Тихому океану. Въ 1513 г. была открыта Флорида, а десять лѣтъ спустя въ Никарагубѣ Испанцы впервые натолкнулись на туземный народъ, вышедшій изъ состоянія первобытной дикости и достигшій значительной степени культурнаго развитія. Но вѣнцомъ всѣхъ этихъ подвиговъ было знаменитое путешествіе Магеллана (въ 1520—22 г.). Природный Португалецъ, — Магелланъ перешель на службу къ испанскому правительству и предпринялъ свою экспедицію съ твердымъ намѣреніемъ объѣхать найденный Колумбомъ Новый Свѣтъ и проникнуть въ Индію западнымъ путемъ. Онъ обогнулъ Ю. Америку, открылъ Огненную Землю и проливъ, названный по его имени, проплылъ неизмѣримыя пространства Великаго океана и достигъ Филиппинскихъ острововъ у восточной окраины Азіи. Правда, самъ онъ погибъ здѣсь въ столкновеніи съ дикими туземцами, но его спутники продолжали плыть далѣе, встрѣтились у Молуккскихъ острововъ съ Португальцами и благополучно возвратились въ Испанію, совершивъ такимъ образомъ первое кругосвѣтное путешествіе.

д) Испанскія завоеванія въ Новомъ Свѣтѣ.

За великими изслѣдователями, открывавшими невѣдомые до тѣхъ поръ материкъ и океаны, пошли смѣлые завоеватели, увлекаемые жаждою добычи, а иногда и религіознымъ фанатизмомъ¹⁾. Уже въ двадцатыхъ

¹⁾ Источникъ для исторіи испанскихъ завоеваній въ Новомъ Свѣтѣ: *Bernal Diaz del Castillo „Historia verdadera de la nueva conquista de la nueva Espana“* (нѣм. перев. Rehfus'a изданъ въ Бониѣ въ 1844 г.; Берналь Діацъ — современникъ и спутникъ Кортеса); пособія — *Antonio de Herrera „Historia general de las Indias occidentales“* (важнѣйшее сочиненіе для исторіи всѣхъ открытій и завоеваній Испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ, составленное по непосредственнымъ источникамъ и документамъ и переведенное на нѣмецкій и другіе европейскіе языки); Котенкамъ „Gesch. der Colonisation Americas“ (2 т.); Прескоттъ „Hist. of the conquest of Mexico“ (3 т.); его же „Hist. of the conquest of Peru“ (3 т.; оба есть въ русск. перев.); А. фонъ-Гумбольдтъ

годахъ XVI стол. Фердинандъ Кортесъ съ 500 солдатъ, въ числѣ которыхъ находилось 16 всадниковъ, завоевалъ громадное мексиканское государство, расположенное къ сѣверу отъ центральной Америки. Этимъ сказочнымъ успѣхомъ Кортесъ былъ обязанъ не одному лишь своему героизму и отвагѣ спутниковъ, но и тому громадному преимуществу, которое доставляли Европейцамъ передъ туземцами огнестрѣльное оружіе и конница. Громадныя богатства и неистощимые серебряные рудники, открытые имъ въ Мексикѣ, гдѣ Испанцы нашли всѣ признаки древней и высокой, хотя и своеобразной культуры, вызвали соревнованіе и въ другихъ искателяхъ приключеній. Франциско Пизарро, грубый, но ловкій авантюристъ, и Диего Альмагро, опытный воинъ и морякъ, спарадили новую экспедицію для открытия и завоеванія баснословной страны солнца, о которой въ Панаму доходили смутные слухи, и эта экспедиція, предпринятая съ самыми ничтожными средствами, увѣничалась полнымъ успѣхомъ. Обширная и высокоцивилизованная монархія Инковъ въ Перу была завоевана съ еще меньшимъ трудомъ, нежели Мексика, а найденные здѣсь груды золота совершенно затмили собою сокровища, добытыя Кортесомъ.

Изъ Перу Испанцы двинулись съ одной стороны на югъ, открыли и колонизовали Чили и Боливію, перешли въ область Ріо-де-Лаплаты и завладѣли громадною территоріею позднѣйшей Аргентинской республики, съ другой — на сѣверъ, заняли своими колоніями обширныя пространства по теченію Ріо-Магдалины и все сѣверное побережье южно-американского материка.

Географическія открытия продолжались втечение всего XVI стол. Въ ^{о) Открытия} Англичанъ, Французы и Голландцевъ. нихъ приняли теперь дѣятельное участіе и другіе два народа, Нидерландцы и Англичане, пытавшіеся проникнуть все въ ту же заповѣдную Индію сѣвернымъ путемъ. Правда, попытки эти не достигли своей цѣли, но все же повели къ ознакомленію съ сѣверными берегами Европы и къ началу торговыхъ сношеній между Англіею и Россіею. Въ концѣ XVI и началѣ слѣдующаго столѣтія Англичане стали твердою ногою на восточномъ берегу С. Америки и мало по малу покрыли своими поселеніями все атлантическое побережье Нового Свѣта отъ Лабрадора до Флориды. Въ XVII же вѣкѣ были вовлечены въ охватившее весь европейскій міръ движение и Французы, обслѣдовавшіе Канаду, область великихъ озеръ

въ С. Америкѣ и долину Миссисипи, которой они дали название Луизіаны. Тогда же было начато Испанцами и Голландцами открытие Австралии, завершенное впрочемъ лишь въ прошломъ столѣтіи блестящими морскими экспедиціями Кука.

Всемирно-историч. значение всѣхъ открытій,

Всемирно-историческая послѣдствія всѣхъ этихъ великихъ открытій были неизмѣримо важны. Мировая культура, развивавшаяся до сихъ поръ земного шара, на сравнительно ограниченномъ пространствѣ центральной части Старого Свѣта, мало по малу стала распространяться на всѣ материки и океаны земного шара. Кромѣ сношеній локальныхъ теперь начались сношения міровыя, а вслѣдствіе этого измѣнился, во 1-хъ, и весь характеръ экономической жизни. Громадный приливъ дорогихъ металловъ изъ Нового Свѣта значительно понизилъ стоимость денегъ, а это въ свою очередь вызвало повышеніе цѣнности продуктовъ промышленного труда и заработной платы. Массы новыхъ произведеній, появившихся отнынѣ на европейскомъ рынке, не только вызвали небывалое дотолѣ торговое движеніе, но и повели къ возникновенію совершенно новыхъ видовъ промышленности. И замѣчательно, что менѣе всего выгода выпало при этомъ на долю Испанцевъ и Португальцевъ, наиболѣе потрудившихся на поприщѣ морскихъ открытій. Вину тому была неразумная колоніальная и экономическая политика пиринейскихъ государствъ, основанная на духѣ исключительной монополіи и привилегій. Къ тому же громадныя количества золота и серебра, ежегодно привозимыя изъ Америки въ Испанию, быстро исчезали оттуда, благодаря тѣмъ постояннымъ войнамъ, которыя вели испанские монархи въ различныхъ частяхъ Европы, преслѣдуя свои династические и религіозные интересы. Такимъ образомъ несмотря на всѣ усилия португальского и испанского правительства предпріимчивые народы европейскаго сѣвера въ скоромъ времени отняли у народовъ Пиринейского полуострова исключительное право торговли и колонизаціи какъ въ Индіи, такъ и въ странахъ Нового Свѣта. Уже въ XVII ст. Голландцы пріобрѣли большую часть португальскихъ поселеній въ Индіи, а Англичане утвердились въ вестинскихъ земляхъ, вытѣснивъ Испанцевъ изъ Гвіаны и съ сѣвернаго берега Ю. Америки. Золотые и серебряные флоты, ежегодно отправлявшіеся отсюда въ Испанию, нерѣдко становились добычею смѣлыхъ голландскихъ и англійскихъ крейсеровъ, а мировая торговля скоро окончательно перешла въ руки торговыхъ компаний, основанныхъ Англичанами и Нидерландцами.

Не менѣе решительный переворотъ произвели открытія и въ политической и умственной жизни. Уже съ XVI стол. политика европейскихъ го-

сударствъ стала въ значительной степени опредѣляться интересами торговыми и колонизаціонными. Борьба за обладаніе Новымъ Свѣтомъ и за его экономическую эксплуатацию повела къ цѣлому ряду международныхъ столкновеній и войнъ. Новая экономическая теорія, какъ напр. ученіе меркантилистовъ, стали вліять не только на внутреннее хозяйство государствъ, но и на ихъ отношенія къ сосѣдямъ. Съ другой стороны умственный горизонтъ Европейцевъ значительно расширился. Наука природы сдѣлалась возможнаю лишь съ того момента, когда открыть былъ наконецъ весь земной шаръ и снята таинственная завѣса, скрывавшая дотолѣ отъ изслѣдователей далекія сказочныя страны. Естественные науки нашли себѣ въ Новомъ Свѣтѣ новое необыкновенное поприще, новый богатый матеріаль и съ теченіемъ времени могли занять преобладающее мѣсто въ умственной жизни европейскаго общества.

Далеко не такъ благодѣтельны были послѣдствія открытій,—по крайней мѣрѣ на первое время,—для земель и населеній вновь найденного свѣта. Грубые и жестокіе, вѣроломные и фанатические завоеватели повсемѣстно поработили первобытное населеніе американского материка, распространили въ средѣ его всевозможные пороки и болѣзни, подвергли его безнадѣйной экономической эксплуатации и страшному религиозному гнету. Подъ вліяніемъ этихъ условій многія племена Нового Свѣта совершенно изчезли съ лица земли, а другія быстро уменьшились въ числѣ. Вскорѣ сами завоеватели убѣдились, что тяжелая работа на плантацияхъ и въ рудникахъ приходится не по силамъ слабому туземному населенію, и, слѣдя филантропическому совѣту извѣстнаго монаха Ласъ-Казаса, стали перевозить въ Америку цѣлыми сотнями тысячъ болѣе выносливыхъ африканскихъ Негровъ. Этотъ постыдный торгъ людьми, продолжавшійся вплоть до самаго начала нашего столѣтія, предохранилъ, быть можетъ, отъ окончательного истребленія нѣкоторыя племена индійскойрасы, но за то сопрѣтеніе было съ невыносимыми страданіями для самихъ Негровъ и съ неслыханною деморализаціей для бѣлыхъ торговцевъ и плантаторовъ.

Съ теченіемъ времени въ Америкѣ произошло повсемѣстное скрещеніе различныхъ человѣческихъ расъ, и наряду съ Креолами, т. е. потомками чистыхъ Европейцевъ, тамъ появилось многочисленное цвѣтное населеніе, происшедшее отъ помѣси Европейцевъ съ Индійцами (Местицы), Европейцевъ съ Неграми (Мулаты) и Негровъ съ Индійцами (Замбы). Населеніе это, постоянно увеличиваясь въ числѣ, мало по малу пріобрѣло все больше значенія и силы и впослѣдствіи сдѣлалось чуть не господствующимъ классомъ въ Ю. Америкѣ. Такъ случилось особенно въ тѣхъ

областяхъ Нового Свѣта, которые были заняты Испанцами и Португальцами; что же касается обширныхъ пространствъ С. Америки, колонизованныхъ по преимуществу народами германскими и въ особенности Англичанами, то здѣсь не воспослѣдовало такого измѣненія, но за то туземныя расы подверглись постепенному вымиранию и уничтоженію.

Оба свѣта,—Старый и Новый,—обмѣнялись не только своими этнографическими элементами, но и природными произведеніями. Америка передала Европѣ такія культурныя растенія, какъ маисъ, картофель и табакъ, пріобрѣвшія впослѣдствіи огромное значеніе въ европейской жизни, тогда какъ съ другой стороны Европейцы принесли въ Новый Свѣтъ не только свои хлѣбныя растенія, виноградъ и различныя породы плодовыхъ деревьевъ, но и исконные продукты тропической Азіи, напр. хлопчатникъ, сахарный тростникъ, кофейное дерево и различныя пряности. Въ моментъ своего открытия Америка вовсе не знала домашнихъ животныхъ, но Европейцы въ короткое время возмѣстили этотъ недостатокъ и распространили въ ней всѣ виды домашняго скота и лошадей.

Такъ начался уже въ XVI ст. между всѣми странами земного шара тотъ великий обмѣнъ материальныхъ продуктовъ, этнографическихъ элементовъ и умственныхъ идей, которымъ характеризуется новая эпоха всемирной исторіи.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Всемірно-историческое значеніе среднихъ вѣковъ¹⁾.

Великій періодъ въ жизни человѣческаго рода отъ исхода пятаго до конца пятнадцатаго столѣтія мы привыкли обозначать именемъ среднихъ вѣковъ. Представленіе тысячелѣтняго перерыва общей культуры, соединяемое нѣкогда съ этимъ названіемъ,—представленіе, возникшее изъ гуманистическихъ возврѣній и имѣющее кажущееся значеніе въ историко-литературной области, лишено всякаго смысла для всемірно-исторического созерцанія.

Быть можетъ, ни въ какомъ другомъ вопросѣ не обнаруживается такъ ясно углубленіе исторического возврѣнія, достигнутое изслѣдованіемъ нашего вѣка. Втеченіе XVIII столѣтія въ среднихъ вѣкахъ въ противоположность древнему и новому миру не усматривали ничего кромѣ варварства и мрака; они считались эпохой рабства подъ іерархическимъ и аристократическимъ гнетомъ; между явленіями этого пространнаго періода не находили ничего достойнаго вниманія. И наоборотъ съ какимъ живымъ участіемъ обратился духъ XIX вѣка именно къ этимъ явленіямъ!

Средневѣковая поэзія послѣ презрительнаго отношенія къ ней, обнаруженного въ самой рѣзкой формѣ даже Фридрихомъ Великимъ, пріобрѣла вдругъ великое значеніе въ глазахъ ученыхъ; всѣ націи соперничаютъ въ изданіи, въ изученіи ея памятниковъ. Величественные монументы зодчества, заброшенные или обезображенны воображаемыми прикрасами, возстановляются и заканчиваются въ своемъ первоначальномъ великолѣпіи и величіи. Правовыя древности германскихъ племенъ и выросшихъ изъ нихъ государствъ сдѣлались одною изъ величайшихъ проблемъ современной науки права. Философемы схоластиковъ, осмѣшивавшіяся

¹⁾ Ранке „Weltgeschichte“, т. VIII. Стр. 1—14. Переводъ редактора.

долгое время какъ превратныя умствованія, возбуждаютъ серьезный интересъ богослововъ и философовъ. Тысячи мѣстныхъ отношеній этой прошлой эпохи къ современности, ея останки, сохранившіяся тамъ и сямъ или извлеченные изъ земли, дали повсемѣстно матеріалъ для новой, съ любовью изучаемой науки древностей. Стали увлекаться рыцарскою поэзіею, идеальными тенденціями церкви, энтузіазомъ крестоносцевъ. Могуче іерархи и противостоявшіе имъ героические государи возбудили одинаковое удивленіе; въ ихъ равновѣсіи или противоположности проявлялась сущность, движение тогдашняго міра. Ибо производительная сила религіи оказывалась, правда, могущественнѣйшимъ, но далеко не единственнымъ источникомъ средневѣковой жизни; свѣтскіе и національные элементы, вполнѣ самобытные, сталкивались повсемѣстно съ церковными: силы, образующія государство, работали тогда болѣе нежели когда либо. Тутъ открывался путь, на которомъ можно было сочетать свободу и подчиненность въ ідеѣ личнаго, нравственного обязательства. Законно ограниченная, легитимная монархія, гордость нашего вѣка, оказалась въ своемъ зародышѣ продуктомъ среднихъ вѣковъ; одинъ изъ выдающихся конституціоналистовъ нашихъ дней, Гизо, доказалъ происхожденіе свободныхъ государственныхъ устройствъ изъ словесныхъ учрежденій той далекой эпохи.

Не слѣдуетъ однакоже терять сознаніе различія между эпохами. Изъ духа корпораціи, наполнявшаго общественную жизнь среднихъ вѣковъ и господствовавшаго надъ нею, невозможно вывести мысль индивидуальной свободы, проникающую современное общество. Вообще кто могъ бы подумать о возстановленіи давно изчезнувшихъ порядковъ и событий? Почва разчищена, города основаны, учреждены государства, среди которыхъ живемъ мы, построены храмы; немыслимо, чтобы настоящее или будущее произвели что либо подобное. Въ томъ то и заключается тайна исторіи, что не всякая эпоха способна ко всему: жизнь человѣчества слагается изъ всѣхъ эпохъ, ни въ одной изъ нихъ не выражается она вполнѣ. Нашъ вѣкъ не могъ слѣдовательно открыть самого себя въ познаніи среднихъ вѣковъ; но онъ нашелъ въ нихъ одинъ изъ крѣпчайшихъ корней собственной натуры; мы пришли къ убѣждѣнію, что невозможно понять новый міръ безъ изслѣдованія средняго.

Всего сказанного однако еще далеко недостаточно для определения самой сущности всемирно-исторического значения средних вековъ. Для такого определения не только должна быть принята во внимание связь эпохи съ последующимъ развитиемъ, но и уяснена послѣдовательность ея духовной жизни по отношенію ко времени предшествующему: лишь въ обоихъ направленіяхъ обнаруживается ея истинное отношеніе къ великимъ задачамъ человѣчества.

Напомню еще разъ понятіе, соединяемое мною со всемирно-историческими изслѣдованіями. Наряду съ исторіею отдельныхъ народовъ и надъ этою исторіею присвоиваю я исторіи всеобщей ея собственный принципъ: это принципъ общей жизни человѣчества, обнимающей націи, господствующей надъ ними, но не растворяющейся въ нихъ. Его можно назвать принципомъ образования, сохраненія, распространенія культурнаго міра,—не культуры, понимаемой въ обычномъ смыслѣ, что свело бы все на ограниченный горизонтъ науки и искусства. Культурный міръ обнимаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ церковь и государство, свободное, обращенное къ идеалу развитія всѣхъ силъ; онъ составляетъ важнѣйшее приобрѣтеніе и достояніе человѣческаго рода, передаваемое изъ рода въ родъ, умножаемое съ каждымъ поколѣніемъ. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ познанія, разъ добытыя и никогда затѣмъ не утраченныя, всѣ умѣнія и искусства, передаваемыя и принимаемыя однимъ вѣкомъ отъ другихъ, общія понятія нравственности и права, прирожденныя, правда, человѣку, но требующія развитія и яснаго сознанія, и вообще сочувствованіе тому, что приличествуетъ человѣку, что дѣлаетъ ему честь. Лишь то, что движется на этой почвѣ, принадлежитъ къ культурному міру. Но міръ этотъ не составляетъ обособленной области, онъ неразрывно связывается съ политикою и войною, со всѣми событиями и фактами исторіи. Всемирно-исторический моментъ проявляется не въ общепринятыхъ формахъ, а въ различнѣйшихъ образахъ, обусловливаемыхъ особою жизнью націй; онъ проявляется не въ мирномъ, безпрепятственномъ развитіи, а въ постоянныхъ столкновеніяхъ и борбахъ, ибо брань есть натура человѣка. Всеобщая исторія заключается въ исторіи непрерывной борьбы за высшія блага человѣчества; всемирно-историческое движение есть нѣчто мощно двигающееся впередъ среди бурь, своею собственою силою.

Какъ совершалось это движение, какимъ образомъ разъ развитыи, но въ тоже время тѣсно связанный съ опредѣленнымъ политическимъ бытіемъ культурный элементъ могъ сохраниться и передаваться среди измѣнчивыхъ судьб народовъ и ихъ представителей, какъ могъ удержаться онъ вопреки кровавымъ разрушеніямъ и насильственнымъ основаніямъ новыхъ порядковъ,— вотъ что составляетъ важнѣйшій всемирно-исторической вопросъ. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія тысячелѣтняя эпоха, называемая нами среднимъ вѣкомъ, представляетъ неистощимое всемирно-историческое содержаніе.

Культурный міръ подвергается постояннымъ нападеніямъ и опасностямъ со стороны тѣхъ, кои стоятъ вѣтъ его. Такое явленіе вытекаетъ изъ самой сущности человѣческой природы. Но и націи, принадлежащія ккультурному міру, силы, развившіяся внутри его, вступаютъ нерѣдко между собою въ ожесточеннѣйшую борьбу. Иногда же наступаетъ и такой случай, что сами носители культуры становятся въ своей общественной или частной жизни въ противорѣчіе съ внутреннимъ закономъ человѣческаго достоинства и нравственного мироваго порядка, приходятъ вслѣдствіе этого въ упадокъ и дѣлаются неспособными исполнять свое всеобщее назначеніе. Всѣ эти явленія соединились самымъ роковымъ образомъ во времена падающей римской имперіи. Отсюда проистекло паденіе античнаго кulturalnаго міра, надъ созданіемъ котораго работало столько поколѣній, столько сильныхъ духомъ народовъ, столько великихъ характеровъ и который несмотря на все сопротивленіе былъ теперь наводненъ и отчасти истребленъ варварскими національностями. Въ особенности на Западѣ водворилось хаотическое броженіе, среди котораго втече-ніе нѣсколькихъ вѣковъ не могло возникнуть ничего постояннаго, несмотря на всѣ разнообразныя попытки примирить старое съ новымъ. Византійское императорство, соединявшее съ цѣпенѣвшимо все болѣе и болѣе, традиціею античной культуры притязаніе на мировое владычество, вступило въ упорную борьбу съ только что основанными государствами Германцевъ, но борьба эта не пришла ни къ какому решительному исходу. Противъ обоихъ соперниковъ поднялась быстро и мощно третья сила, мировая держава халифата, охватившая Востокъ и проникшая завоевательно на Западъ.

Что среди этого крайняго замѣшательства возстановленъ былъ однако-же прочный авторитетъ во франкской монархіи Каролинговъ, что въ обновленномъ западномъ мірѣ, вышедшемъ изъ хаоса бурь, нашли себѣ убѣжище и нѣсколько обезпеченную, хотя все еще сомнительную будущность элементы культуры, унаслѣдованные отъ древности,—все это было достигнуто, какъ извѣстно каждому, преимущественно силою религіи. Побѣды и на этотъ разъ были выиграны, правда, оружiemъ; но какъ въ наступлениіи ислама, такъ и въ отпорѣ, поставившемъ ему предѣль, религіозные импульсы имѣли рѣшающее значеніе. Они же, эти импульсы, побѣдили внутри германо-романскаго міра раздоръ национальностей, противоположность между принципами, унаслѣдованными отъ Рима, и своеобразными тенденціями новыхъ учрежденій. Въ церкви, сконцентрировавшейся въ римскомъ папствѣ и воспринявшей въ себя многое, удовлетворявшее потребности грубыхъ народовъ, заключались все же таки идеи чистаго христіанства, сознавалась даже необходимость ихъ связи съ наукою и художественнымъ творчествомъ, никогда не пренебрегаемыми совершенно. Средневѣковая церковь пріобрѣла себѣ великую заслугу, приводя въ соотношеніе между собою преданія древности съ духовными интересами, стоящими ближе всего къ человѣку и передававшія ихъ въ такой связи послѣдующимъ поколѣніямъ. Она сохранила памятники древности, познала ихъ цѣну, выставила на видъ ихъ содержаніе и спасла связь новаго бытія со старымъ. Въ силу этого церковь и государство призваны были къ тѣснѣйшему союзу другъ съ другомъ; онѣ составляли вмѣстѣ могучее зданіе, внушительное единство котораго даровало монархіи Карла Великаго ея всемирно-историческій характеръ.

Но на этомъ дѣло не могло стоять долго. Дальнѣйшій ходъ универсального развитія обусловился двумя моментами на первый взглядъ разрушительного свойства.

Каролингское государство, въ коемъ, какъ бы въ своемъ историческомъ прообразѣ, воплотилась впервые идея западнаго христіанства, если сравнить его съ позднѣйшимъ осуществленіемъ этого понятія, оказывается непрочнымъ по своему внутреннему составу и неполнымъ по своему вѣшнему объему. Правда, въ процессѣ его распаденія выступаютъ на первый планъ иныя явленія и мотивы разложенія: династическая распри, возвышение непокорной аристо-

кратії, раздоръ между духовными и свѣтскими интересами. Однако неоспоримо и то, что различная народная племена, соединенные въ этомъ государствѣ, подъ оживляющимъ вліяніемъ культуры сросшіяся мало по малу въ кругу однородныхъ элементовъ въ национальные массы, должны были тѣмъ или инымъ способомъ стремиться врозь и подъ конецъ распасться. Это явленіе совершилось не безъ рѣшительного воздействиа со стороны другаго внѣшняго міра, не затронутаго еще ходомъ общей истории. Бывшіе варвары, преобразовавшіеся въ преемниковъ римскаго императорства на Западѣ, встрѣтили въ девятомъ столѣтіи на рубежахъ своей собственной цивилизациіи новыхъ воинственныхъ варваровъ. Съ дикою враждою отнеслись эти варвары къ попыткамъ пропаганды. И когда все это совпало,—внутреннее разложеніе, новое наступательное движеніе Сарацинъ, старое византійское соперничество,—то одно время казалось, что только что заложенная основа культуры будетъ разрушена, какъ это и случилось въ дѣйствительности съ однимъ изъ передовыхъ ея постовъ, ирландскою цивилизациею. Въ цѣломъ и общемъ однако же вновь произошло нечто противоположное. Какъ ярость языческаго на-
тиска направлена была главнымъ образомъ противъ учреждений религіозныхъ, такъ и тутъ обращеніе въ христіанство про-
ложило путь къ дальнѣйшему мирному соглашенію. Вторгнув-
шіеся враги были схвачены идержаны тѣми самыми элементами церковно-политического строя, къ разрушенію которыхъ они стремились.

Ни одно событие не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ поселеніемъ Норманновъ въ западной Франціи. Ибо только благодаря ему явилась возможность положить рѣшительный предѣлъ сѣвернымъ вторженіямъ. Къ разнообразнымъ народнымъ элементамъ, изъ которыхъ выросла постепенно французская национальность, присоединилась такимъ образомъ новая стихія, которая пріобрѣла даже на нѣкоторое время первенствующее значеніе. Изъ этой же самой мѣстности основана была потомъ та Англія завоеванія, изъ которой и возникла самымъ непосредственнымъ образомъ Англія новая. Въ тоже время французскимъ Норманнамъ удалось и другое завоеваніе, въ которомъ впервые обозначился поворотъ въ міровыхъ отношеніяхъ Запада къ Востоку. Отнятіе Апулии отъ Грековъ, Сициліи отъ Ислама до-

ставило и италіанской націи нестѣсненное поприще для ея позднѣйшаго развитія.

Вообще, что было подготовлено въ X вѣкѣ, закончено было въ XI вѣкѣ своихъ основныхъ чертахъ. Мало по малу христіанство, а съ нимъ и зачатки высшаго государственного порядка перенесены были въ отчизну новыхъ, еще недавно столь враждебныхъ народныхъ племенъ. Пространная области были открыты для всемирно-исторического движенія, присоединены къ культурному миру. И въ восточной Европѣ слѣдуетъ упомянуть объ аналогическихъ успѣхахъ греческой церкви; но этимъ областямъ не суждено было идти путемъ непрерывнаго развитія. Наоборотъ сложился окончательно великій союзъ западныхъ націй, составлявшій латинское христіанство средняго вѣка,—культурное цѣлое вовсе не случайного состава. Ибо оставшаяся несломленною при всѣхъ превращеніяхъ натура первичнаго населенія этихъ областей отразилась на цѣломъ, придала ему его великое, неизгладимое разнообразіе. То, что создалось тогда въ борьбѣ міровыхъ элементовъ, существуетъ въ своей сущности и по настоящій день; въ ту эпоху возникли въ своихъ разграниченіяхъ и съ своими характеристическими особенностями государства и націи новой Европы.

Иначе это не могло и быть: ибо это западное христіанство, развившись, правда, на почвѣ каролингскаго государства, но въ тоже время и въ противоположности съ нимъ, приняло во многихъ отношеніяхъ иной характеръ. И прежде всего—его единство не выражалось уже, какъ въ дни Карла Великаго, въ императорствѣ; его мѣсто заняло съ конца XI столѣтія папство.

Германское императорство, вышедшіи изъ франкскаго, проложило съ самоотверженною энергию во всѣ стороны путь новому порядку вещей, но оно не въ состояніи было осуществитьдержанное имъ притязаніе на міровое владычество. Фундаментъ, на которомъ оно было построено Оттономъ I, былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ національный: ибо именно то, что германская нація, руководимая этимъ великимъ государемъ, первая между всѣми западными народами достигла среди тяжелыхъ потрясений организованного могущества, дало ея королю возможность и силу присвоить себѣ и своимъ преемникамъ преобладающее значеніе, соединенное съ именемъ императорства. Но долгое время выносить это всемогущее императорство не была въ состояніи сама

Германія; лишь по мѣрѣ того какъ оставлялся этотъ идеальный путь, конституировалось германское государство въ томъ видѣ, какъ существовало оно впослѣдствіи. Ибо какимъ образомъ могла раствориться жизнь нації въ столь все таки чуждомъ для нея призвані? Въ оппозиції нѣмецкаго княжевластія, церковной и свѣтской аристократіи, въ движеніяхъ популярнаго и провинціальнаго сопротивленія проявлялась искони та сторона національнаго бытія, въ которой встрѣтило себѣ преграду осуществленіе идеи императорскаго достоинства. Не меньшую преграду встрѣтило императорство и въ поднятіи другихъ національныхъ самостоятельностей, возставшихъ и мало по малу утвердившихся вокругъ германскихъ границъ какъ на востокѣ и сѣверѣ, такъ на западѣ и югѣ. Даже въ дѣйствительно покоренныхъ италіанскихъ и бургундскихъ земляхъ начали проявляться тамъ и сямъ въ глубинѣ духовной жизни противоположныя теченія.

Между тѣмъ церковное общеніе не только не ослабѣло, а напротивъ съ каждымъ днемъ усиливалось на всемъ Западѣ. На немъ покоилось, какъ указано выше, съ самаго начала мирное единеніе этого возникающаго міра народовъ. Іерархія, развитая Григоріемъ VII какъ прямое послѣдствіе особыхъ римско-духовныхъ принциповъ, вовсе не вызвала этого общенія, а тѣмъ менѣе вынудила его. Какъ ни велико было противорѣчіе, вызванное въ томъ или другомъ реальному вопросѣ высокомѣрными нововведеніями іерархіи, но для идеального требованія соединенія западнаго культурнаго міра подъ главенствомъ папства умы были уже подготовлены повсемѣстно.

Но достижениe цѣли было еще пока далеко. Не говоря уже о браняхъ, которыхъ суждено было вызывать и этой міровой силѣ съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ впередъ, потребовалось еще съ самаго начала великое, увлекающее предпріятіе универсального характера, дабы ясно указать народамъ Запада ихъ мѣсто въ цѣломъ, управляемомъ и руководимомъ папствомъ. За воеваніе Іерусалима имѣло для папскаго міроваго владычества такое же значеніе, какъ битва при Пуатье для каролингской монархіи.

Удаленіе мусульманскихъ силъ и ихъ вліянія отъ христіанства для временъ отъ девятаго до одинадцатаго столѣтія оставалось попрежнему великою задачею западной политики. Стоитъ вспо-

мнить о дѣятельности, обнаруженной въ этомъ направленіи императоромъ Людовикомъ II, дабы не сомнѣваться, что прекращеніе каролингскаго императорства болѣе нежели что либо помѣшало столь необходимому въ этомъ направленіи отпору. Нѣмецкое императорство пріобрѣло, правда, громадное могущество на сѣверѣ и востокѣ, но это самое помѣшало ему выступить решительно на югѣ. Еще въ началѣ борьбы понесъ тамъ пораженіе Оттонъ II, а его преемники не могли и думать о возобновленіи ея съ германской стороны. Случилось такимъ образомъ, что ближайше заинтересованные Романцы сами должны были постоять за себя. Такимъ способомъ возвысились итальянскіе приморскіе города Пиза и Генуя; въ борьбѣ съ Омайадами окрѣпла Барселона. Нервъ сопротивленія лежалъ во вмѣшательствѣ Норманновъ, обращеніе коихъ сообщило христіанству ту наступательную силу, которую безъ нихъ оно не пріобрѣло бы никогда. Именно, борьба съ Исламомъ, которую взяли они на себя вмѣсто императоровъ, привели эти малыя силы въ тѣснѣйшее соединеніе съ папствомъ.

Періодъ, въ коемъ романскіе народы охвачены были новымъ импульсомъ, нашедшимъ себѣ живѣйшее выраженіе въ крестовыхъ походахъ, можетъ быть названъ романтическимъ. Благодаря крестовымъ походамъ идеи, Запада перенесены были на Востокъ. Тамъ все еще существовала греческая имперія, поконившаяся на старинныхъ основахъ, достигшая высокой степени развитія, но она не могла противостоять повторенному напору Запада на Востокъ. Подъ папскимъ владычествомъ латинское имя распространилось еще разъ по берегамъ Греціи.

Достигнувъ такого всеобъемлющаго положенія, папство находилось въ тоже время въ непрерывной борьбѣ съ нѣмецкимъ императорствомъ,—борьбѣ, въ которой императоры сражались съ величайшимъ мужествомъ. Необходимо обращать полное вниманіе на эту борьбу, но ясно, что она не стоитъ уже болѣе на высотѣ всемірной исторіи. Міровое положеніе Штауфеновъ не можетъ сравниться съ положеніемъ Оттоновъ или даже Саліевъ. Свобода ломбардскихъ городовъ, развитіе коей находится во внутреннѣй связи со всеобщимъ движеніемъ эпохи крестовыхъ походовъ, обозначаетъ собою моментъ окончательнаго упадка императорскаго могущества. Всѣ позднѣйшія

усилія не въ состояніи были измѣнить этого поворота. Фридрихъ I погибъ при попыткѣ принять руководящее участіе въ крестовыхъ походахъ, завершить борьбу съ исламомъ при помощи германскихъ силъ. Въ Генрихѣ VI возстало явленіе, напоминавшее своими обширными, но также несбыточными планами Оттона II. Особенное положеніе Фридриха II основывалось на соединеніи императорства съ сицилійскимъ королевствомъ Норманновъ. Самъ по себѣ онъ преслѣдовалъ приблизительно то-же направленіе, какъ императоръ Людовикъ II и Оттонъ II. Однакоже и онъ не въ состояніи былъ достигнуть реального единенія южно-италіанскихъ стремленій съ германскими.

Обращая съ этой ступени всеобщей исторіи взоръ отъ великихъ внѣшнихъ успѣховъ на развитіе внутренней жизни, нельзя не воздать неувядаемой славы тщетнымъ стремленіямъ Штауфеновъ. Они отстояли на важнѣйшемъ мѣстѣ идею независимости свѣтской власти отъ іерархического всемогущества. Они спасли германскій принципъ отъ порабощенія его романскимъ. Они способствовали наступленію грядущей эпохи, въ которой единство западнаго культурнаго міра, поднявшагося, правда, на развалинахъ императорства, но освобожденного и отъ единовластія папства, выразилось въ полнотѣ родственной, но и повсемѣстно самостоятельной національной жизни.

Петровъ М. Н., Очерки изъ всемирной исторіи. 2-е издање, 1882 г.
2 р. 50 к.

Петровъ М. Н., Лекціи по всемирной исторіи подъ ред. проф. В. К. Надлера. Т. I. Исторія древняго міра, обработанная прив. доц. А. Н. Деревицкимъ. Х. 1888. 2 р.

Потебня А. А., Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. Т. I. В. 1883. Т. II. Колядки и щадрочки. В. 1887. Щеза за 2 т. 7 р. Т. II, отдельно 5 р.

Собѣстіанскій, Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательствъ. Прага, 1886. 1 р. 30 к.

Сумцовъ Н. Ф. Проф. Князь В. Ф. Одоевскій. Х. 1884. 60 к.
— Лазарь Барановичъ. Х. 1885. 1 р. 50 к.
— Іоанникій Галятовскій. К. 1884. 80 к.
— Іннокентій Гизель. К. 1884. 50 к.
— Характеристика южно-русской литературы XVII. К. 1885. 40 к.
— Обрядовое употребление хлѣба. Х. 1885. 1 р. 50 к.
— Іоаннъ Вышепскій. К. 1885. 40 к.
— О вліяніи греко-римского ритуала, на малорусскую свадьбу.
1886 40 к.
— Научное изученіе колядокъ. К. 1884. 40 к. }
— Досвѣтки и посидѣлки. К. 1886. 40 к.
— Коломыйки. К. 1886. 40 к.
— Малорусская пьяница пѣсни. К. 1886. 40 к.
— Мѣстные названія въ украинской народной словесности. К.
1886. 40 к.

— Житіе Сковороды Коваленскаго. К. 1886. 40 к.
— Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаний и пѣсень.
К. 1888. 1 р. 50 к.

— Туръ въ народной словесности. К. 1887. 40 к.
Халанскій М., Великорусская былины Кіевскаго цикла. Варш. 1885.
1 р. 50 к.

— О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ коссовскаго цикла. В. 1883. 50 к.
— Замѣтки по славянской народной поэзии Варш. 1884. 50 к.

Шульцъ Г., Къ вопросу объ основной идеѣ трагедіи Софокла „Царь-Эдипъ“. Х. 1887. 1 р.

Печатается:

Петровъ М. Н., Лекціи по всемирной исторіи. Томъ II. Исторія новаго міра обработанная прив. доц. В. П. Бузескуломъ. В. I заканчивается печатаниемъ.

Потебня А. А., Изъ записокъ по русской грамматикѣ, 2-е исправл. и дополненное изданіе.

Цѣна 2 р. 50 к.

BIBLIOTEKA TURGENEVA

LIBER

101291